

**СЛОВО И ТЕКСТ:
ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ЭТНОС**

Памяти Лидии Яковлевны Петровой

Федеральное агентство по образованию
ГОУ ВПО «Сыктывкарский государственный университет»

Слово и текст: история, культура, этнос

Сборник научных трудов
памяти Лидии Яковлевны Петровой

Сыктывкар 2009

УДК 801(09)
ББК 81.2
С 48

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета
ГОУ ВПО «Сыктывкарский государственный университет»

Рецензенты:

В.А. Поздеев, доктор филол. наук, профессор кафедры русской литературы и методики обучения литературе
Вятского государственного гуманитарного университета;
О.Н. Кушнир, канд. филол. наук, зав. кафедрой документационного обеспечения управления и прикладной лингвистики
Коми республиканской академии государственной службы и управления

Редакционная коллегия:

А.Н. Власов, Т.Н. Бунчук, Т.С. Канева,
И.А. Кобелева, Ю.Н. Ильина

Слово и текст: история, культура, этнос: Сборник научных трудов
памяти Лидии Яковлевны Петровой. – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2009.
– 252 с.

ISBN 978-5-87237-676-7

Настоящий сборник, посвященный памяти Л.Я. Петровой, историка языка, диалектолога, преподавателя Сыктывкарского государственного университета и Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, объединяет исследователей разных вузовских и научных центров России и зарубежья, в нем предложены статьи, выполненные в рамках истории языка и диалектологии, а также этнолингвистики, межкультурной коммуникации, фольклористики и археографии, истории литературы.

Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения автора.
Для филологов и широкого круга специалистов-гуманитариев.

УДК 801(09)
ББК 81.2

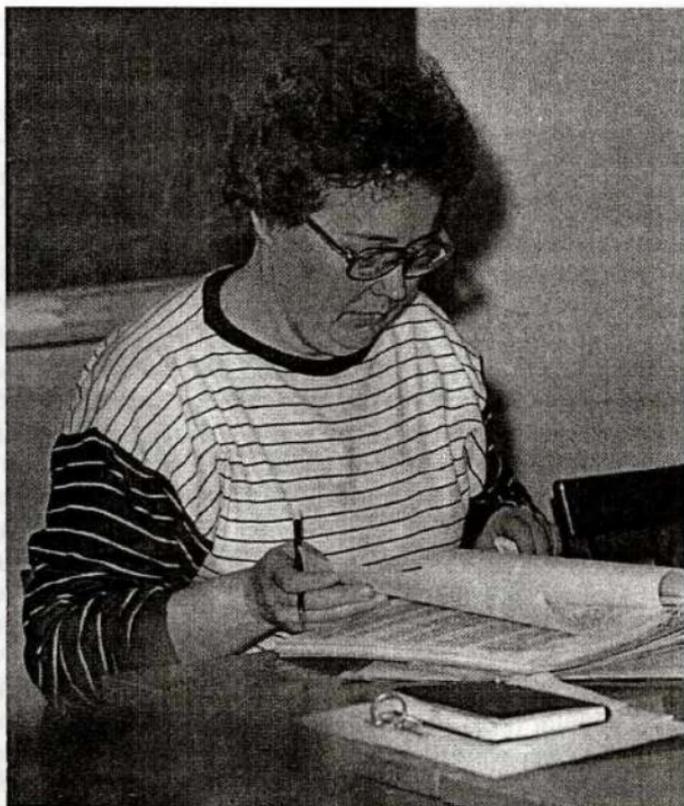
© ГОУ ВПО «Сыктывкарский
государственный университет», 2009

ISBN 978-5-87237-676-7

Содержание

Памяти Лидии Яковлевны Петровой (от редакторов-составителей).....	5
Акимова Э.Н. Языковая организация ретроспективной исторической аналогии с семантикой обусловленности.....	9
Бакланова И.И., Русинова И.И. Особенности функционирования сочетаний да чё и да мый да в русских пермских говорах и коми-пермяцкой речи.....	16
Батулина А.В. Антипословицы и речевой паремиологический минимум.....	22
Берневега С.И. Хождение как жанр публицистики (на материале журнальных публикаций Эльвиры Горюхиной).....	25
Бунчук Т.Н. Отражение обрядового дискурса в лексике народной медицины (на материале севернорусских говоров).....	28
Власов А.Н. Преодоление средневекового кода «текста культуры» в памятниках севернорусской письменности.....	35
Волкова Т.Ф., Плехова С.Е. Печорские списки Повести о хождении святого Николая на Первый Вселенский Собор.....	44
Вуттке Н.А. Спецификация управления как вида синтаксической связи в современном русском языке.....	54
Глебко Г.И. Наименования берега в русских говорах бассейна Нижней Печоры.....	59
Зеленин А.В. Концепт «лень» в русской и финской фразеологии (теоретический и прикладной аспекты).....	65
Зубова Ж.А. О частотности адъективных компонентов фразеологических единиц в орловских говорах.....	71
Ильина Ю.Н. Семантический комплекс «горе» в севернорусских похоронно-поминальных причитаниях.....	76
Канева Т.С. К проблеме оценки жанровой и обрядовой терминологии в усть-цилемских фольклорных текстах.....	81
Кобелева И.А. Из лексикона одного носителя лоемского говора.....	87
Коровина Н.С. К вопросу о контаминации в коми волшебных сказках.....	91
Костючук Л.Я. Семантико-этимологические наблюдения над системно представленными словами в словаре (на материале Псковского областного словаря).....	98
Кошарная С.А. Женщина в традиционной русской культуре.....	103
Милютина Т.А. Из наблюдений над мифо-фольклорной системой повестей В.Г. Распутина.....	108
Михайлова Л.П. Экстенциальные лексико-фонетические варианты в новгородских говорах.....	117
Остапова Е.В., Малева А.В. Образ Сыктывкара в поэзии Владимира Тимина.....	124
Панюков А.В. К проблеме самоорганизации коми фольклорной традиции: Горань.....	129
Пименова М.В. Развитие выражения эстетической оценки.....	137

Попова А.Р. Диалектные субстантивно-адекативные фразеологические единицы с соматизмом <i>рука</i>	141
Прокуратова Е.В. Повесть о царских близнецах в каргопольской рукописной традиции.....	147
Пульзю Е.А. Метафорическая лексика в новгородских говорах.....	152
Романов Д.А. Диалектная, просторечная и архаическая лексика в языке рассказа Л.Н. Толстого «Метель».....	156
Рыжова Е.А. Диалектная лексика в севернорусской агиографии: некоторые аспекты проблемы.....	163
Савельева Г.С., Мусанова С.С. Песенная терминология Летки Прилузского района Республики Коми.....	170
Сальникова Е.В. К проблеме изучения библеизмов в немецком языке.....	176
Семенова О.Р. Лексика свадебного обряда в русских говорах Южного Урала.....	180
Сергиева Н.С. О диахроническом подходе в этнопсихолингвистических исследованиях.....	185
Сироткина Т.А. История и культура этноса в слове и тексте (на материале пермской этнонимии).....	190
Старостина Е.В. Структура и содержание ассоциативного поля «ГОРОД»: динамический аспект.....	196
Тихомирова Н.П., Вишнякова А.В. Имена собственные в «Житии Филиппа Ирапского».....	202
Тулина Л.Б. Значение и употребление цветowych прилагательных в русском и английском языках.....	206
Филипова В.В. Из опыта составления словаря народной терминологии традиционной культуры коми.....	212
Черванева В.А. Пищевой код русской волшебной сказки.....	221
Шевченко Е.А. Отражение взаимодействия культур в структуре и семантике свадебного обряда (на материале лузской и прилузской традиций).....	229
Шмелева Т.В. Имена городских улиц как предмет лингвистического интереса.....	237
Сокращения.....	242
П Р И Л О Ж Е Н И Е.....	245
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	247

**Памяти Лидии Яковлевны Петровой
(от редакторов-составителей)**

В 2009 г. исполнилось бы 60 лет Лидии Яковлевне Петровой (12.11.1949 – 4.05.2007) – ученице проф. В.В. Колесова, историку языка, диалектологу, преподавателю Сыктывкарского государственного университета и Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого.

Лидия Яковлевна родилась 12 ноября 1949 г. в Новгородской области. После окончания филологического факультета ЛГУ она по распределению несколько лет работала учителем русского языка и литературы в школах Ленинградской области, не теряя связи с Ленинградским университетом и своим научным руководителем В.В. Колесовым. В 1979 г. она приехала в недавно открывшийся университет в Сыктывкаре, над которым ЛГУ «шефствовал» в те годы. Работая лаборантом, а потом ассистентом кафедры русского языка, Лидия Яковлевна сначала поступила в заочную аспирантуру ЛГУ, затем перевелась на очную форму обу-

чения, а в 1985 г. по окончании аспирантуры защитила кандидатскую диссертацию на тему «Лингво-текстологическое исследование рукописи XI в. XIII Слов Григория Богослова».

Область ее научных интересов была связана с историей русского языка, с русской диалектологией и топонимией. Лидия Яковлевна в течение многих лет выезжала со студентами и коллегами в диалектологические экспедиции в Псковскую обл., в Усть-Цилемский и Прилузский районы Коми республики, в Ненецкий автономный округ; входила в рабочую группу по составлению «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» и «Словаря русских говоров Республики Коми».

По возвращении из аспирантуры на Лидию Яковлевну были возложены административные обязанности: сначала она была заместителем декана Евгения Александровича Игушева, в 1985 г. сменила его, став и.о. декана филологического факультета, а в 1987 г. была избрана на эту должность. Для коллег и студентов, учившихся в те годы на филфаке, она была не просто деканом: всегда приветливая и внимательная, практически всех студентов знавшая по именам, внешне спокойная, твердая и принципиальная в определенных ситуациях и при этом милая, улыбающаяся и женственная, она была олицетворением филологического факультета, его надеждой и опорой, настоящим профессионалом и отзывчивой коллегой.

Лидия Яковлевна помимо многих своих достоинств обладала очень важным и редким качеством руководителя – проникательностью, умением очень тонко и дальновидно оценивать потенциал своих молодых коллег. Ее деятельность в СыктГУ пришлась на трудный период становления молодого вуза, а значит, была связана с заботами о подготовке собственных преподавательских кадров, о формировании традиций научной и учебно-воспитательной работы и еще со многими другими сложными задачами, выполнение которых требовало большой самоотдачи. Очень многие прошлые и нынешние успехи филологического факультета и его «научное лицо» непосредственно связаны с именем Лидии Яковлевны. Будучи деканом, она не просто поддерживала инициативы сотрудников факультета, но деятельно и со страстью участвовала в их воплощении (достаточно в этой связи напомнить об открытии Проблемной научно-исследовательской лаборатории по археографии и фольклору в 1988 г.).

Строгий преподаватель, Лидия Яковлевна оставалась добрым другом для студентов, которые не только уважали, но и любили ее, а своей любовью студенты, как известно, награждают далеко не каждого преподавателя и наставника. Не один молодой сотрудник или студент филфака может сказать, какое благотворное и деятельное участие Лидия Яковлевна приняла в его научной и человеческой судьбе и каким верным старшим товарищем продолжала оставаться долгие годы. Лидия Яковлевна без остатка отдавала свои душевные и физические силы окружающим – близким, друзьям, коллегам и студентам, свою энергию – фа-

культету, который стал в Сыктывкаре ее семьей, а студенты – детьми... Вокруг себя Лидия Яковлевна творила добро, и если говорить о сути ее характера и жизненных устремлений, их можно определить их такими понятиями, как человеческая теплота и участие.

В 1990 г. Лидия Яковлевна вернулась в Новгород. Туда ее позвали, по ее собственному признанию, «тяга к родному дому», «чувство родного гнезда и ответственности за него». Активная жизненная позиция, любовь к русскому языку, преподавательский опыт не позволили Лидии Яковлевне оставить научную и педагогическую деятельность, несмотря на тяжелейшие испытания, которые ей выпали. Она преподавала в Новгородском государственном университете имени Ярослава Мудрого, работала над обработкой новгородских материалов для «Лексического атласа русского языка», стала одним из составителей «Новгородского областного словаря»¹.

Бескорыстное и беззаветное служение делу, любовь к русской истории и культуре были и останутся не просто примером для коллег и студентов Лидии Яковлевны. Сейчас очень не хватает именно той создающей энергии, той ответственности за порученное (или взятое на себя) дело, той поистине родительской заботы о нем, которыми щедро поделилась с нами, с нашим факультетом Лидия Яковлевна.

Научные интересы Л.Я. Петровой лежали в различных областях филологической науки – диалектологии, исторической грамматики и лексикологии, истории народной культуры, текстологии. Вследствие этого содержание сборника столь многопланово и разнообразно: он объединил работы и историков языка, и диалектологов, и психолингвистов, и фольклористов, и литературоведов. Помимо дани памяти и уважения, собранной коллег и учеников Л.Я. Петровой, консолидирующей стала идея комплексного изучения фактов языка – слова и текста – в контексте культуры и истории.

Среди работ, составивших содержание сборника, можно выделить несколько направлений филологических исследований. Предметом изучения для многих авторов статей стала диалектная речь, фольклорные тексты, народная культура. В ряде работ рассматривается народная терминология в русской, точнее севернорусской, и коми традициях: анализируются функциональный, семантический и семиотический аспекты терминологической лексики в фольклорном и обрядовом контексте (статьи Т.С. Каневой, Т.Н. Бунчук, Г.С. Савельевой, О.С. Семеновой, Ю.Н. Ильиной). Результаты исследования особенностей диалектной лексики, фразеологии, словообразовательной структуры представлены в работах Г.И. Глебо, Л.П. Михайловой, Е.А. Пюльзю, А.Р. Поповой, Ж.А. Зубовой. Намечены перспективы лексикографического описания

¹ Новгородский областной словарь / Сост. А.В. Клевцова, А.В. Никитин, Л.Я. Петрова, В.П. Строгова. Под ред. проф. В.П. Строговой. Вып. 1-13. Великий Новгород, 1992-2000.

отдельных групп лексики (В.В. Филиппова), лексики отдельного говора (И.А. Кобелева). В статьях, посвященных изучению фольклора и народной культуры, поднимаются проблемы описания отдельных жанров (В.А. Черванева, Н.С. Коровина, Е.А. Шевченко, А.В. Батулина и др.), теоретические вопросы (А.В. Панюков).

Другим важным направлением филологических исследований, представленным в статьях сборника, стало историческое исследование слова и текста. Диахронический аспект анализа отражен в лингвистических и литературоведческих (археографических) работах А.Н. Власова, Т.Ф. Волковой, С.Е. Плеховой, Е.В. Прокуратовой, М.В. Пименовой, Э.Н. Акимовой, Е.А. Рыжовой, Н.П. Тихомировой, А.В. Вишняковой, Н.С. Сергеевой. В данных трудах нашли отражение проблемы функционирования отдельных конструкций, становления языковых категорий, вопросы исторической стилистики, текстологии средневековых произведений.

Лингвокультурологическое описание фактов языка представлено в работах А. Зеленина, С.А. Кошарной, Е.В. Старостиной, Т.А. Сироткиной, Л.Б. Тулиной, Т.В. Шмелевой. Авторы, с одной стороны, рассматривают факты языка сквозь призму современной культуры, а с другой – делают попытку интерпретировать факты культуры на основе анализа языковых единиц.

Кроме того, в сборник включены работы, посвященные исследованию языка и поэтики художественных и публицистических текстов (С.И. Берневега, Т.А. Милютина, Е.В. Остапова, Д.А. Романов), изучению слова и текста в контексте западной культуры (Е.В. Сальникова и др.), а также анализу отдельных грамматических явлений в современном русском языке (Н.А. Вуттке).

Настоящая публикация трудов – дань светлой памяти и глубокого уважения коллег и учеников Лидии Яковлевны Петровой.

Э.Н. Акимова
(Саранск)

Языковая организация ретроспективной исторической аналогии с семантикой обусловленности

Термин «ретроспективная историческая аналогия» (далее – РИА) введен в научный оборот В.В. Кусковым. Отметив, что характерной особенностью древнерусской литературы является её историзм, он пишет: «Как правило, в сюжетных исторических повествованиях (сказаниях, повестях) древнерусские писатели не только фиксировали те или иные исторические события, но и давали им свою оценку: морально-дидактическую, политическую и эстетическую. Важнейшим средством такой оценки являлась ретроспективная историческая аналогия. Ее широко использовали не только авторы исторических повестей и сказаний, но и риторы и апографы. РИА позволяла глубже раскрыть значение того или иного исторического события, дать оценку поведения его участников, прославить их или осудить, установить своеобразную типологическую общность событий Древней Руси с событиями мировой истории и тем самым указать на их определённую закономерность»¹.

Как видим, автором выделяются две основные функции: первая и основная – историческая, фиксирующая внимание на общности исторических ситуаций отечественной и мировой истории, и вторая – оценочная, чаще всего панегирическая.

Развивая эти мысли и отходя от сугубо исторического подхода, Н.В. Трофимова выделяет пять функций РИА: 1) «предсказание» хода событий; 2) авторитетное подтверждение важнейших мыслей автора и персонажей; 3) характеристика и оценка персонажей (в авторских монологах-размышлениях); 4) выразительная функция (в лирически окрашенной речи персонажей и автора – молитвах, плачах, лирических монологах); 5) изобразительная функция (в описаниях)². Правда, в своей работе автор не дифференцирует ретроспективную историческую аналогию, библейские цитаты и реминисценции и отождествляет их на основе общности выполняемых ими функций.

На наш взгляд, отличие первых двух конструкций очевидно. Формальная разница состоит в том, что библейские цитаты вводятся при помощи «слов автора», содержащих глаголы речи, мысли и имена собственные, называющие лиц, которым принадлежат или приписываются те или иные высказывания. У ретроспективной исторической аналогии такого языкового выражения нет, но есть свои особенности грамматиче-

¹ Кусков В.В. Ретроспективная историческая аналогия в произведениях Куликовского цикла // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980. С. 39.

² Трофимова Н.В. Идеино-эстетические функции ретроспективной исторической аналогии и библейских цитат в «Казанской истории» // Литература Древней Руси: Межвуз. сб. науч. тр. М., 1988. С. 68-82.

ского строения. Они, как правило, оформляются двучастной конструкцией «как... так и» и ее вариантами (ако же... сице, яко же... тако и, яко... здѣ и под.), в каждой из частей имеются антонимы, в том числе и контекстуальные, со значением времени¹: **Яко же и Сауль гоняше Давида, но богъ избави от руки его, тако и сих богъ избави от руки иноплеменики, благочестиваго и правоваго великого князя Ярослава с благородными своими сыны (Лавр. лет., т.1, с.146); Тогда господь богъ наш умилосердился на градъ наш молитвами святыя богородица: пусти гнѣвъ свой на вся полкы рускыя и покры ихъ тма, яко же бысть при Моисѣи, егда бо проведе богъ сквозѣ Чермное море жиды, а фараона погрузи (Сказание о битве новгородцев с суздальцами, т.4, с.452); И се изнезапу тогда посла богъ ко царю-самодержцу, яко аггелла своего ко Иисусу Навину разорити стѣны Иерихонския, магнитомы утвержденныхя, тако и здѣ приведено выхитренныя мудрецы фрязи иноземца служити ему (Казанская история, т.7, с.494); Яко же убо во Израили случися... во единъ же день избиша семдесятъ сыновъ Гедеоновыхъ... тако же убо и вы...похотѣсте в царствии царей достойныхъ истребити... (Грозный – Курбскому (1), т.8, с.38) и т.п.**

Гораздо труднее различить библейские реминисценции и ретроспективные исторические аналогии с событиями библейской истории. Для их различения могут быть использованы критерии функциональные и содержательные. Реминисценции более свойственна художественная функция, поэтика намек, а круг тем, затрагиваемых реминисценцией, более широк. Ретроспективная историческая аналогия более прагматична: она выполняет функции прогнозирования фактов, их констатации и оценки. Ссылка в РИА возможна только на исторические события, пусть даже мнимо исторические.

К РИА с изобразительной и выразительной функциями авторы прибегали в основном в панегирических целях. Например, назначение РИА второго типа – усилить выразительность с помощью общеизвестного аналогичного события. Выразительность могла быть усилена включением эпитетов, антитез, повторов, амплификацией, метафорами². В «Писании о преставлении и погребении князя Скопина-Шуйского» всенародный плач по безвременно умершему полководцу передается с помощью пространной аналогии: **Мало же о сем побеседуем от дрѣвнихъ повѣстей, кои приложим, яко же плакашеся прежде по патриархе Иа-**

¹ Далее все примеры приводятся с указанием сокращённого названия произведения, тома и страницы по изданию: Памятники литературы Древней Руси: В 12 т. / Сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. М., 1978-1994.

²Ср. высказывание о манере письма Феодосия Печерского: **Се же и послѣже въписа къ нему епистолию велику зѣло, обличая того (Святослава, незаконно включени на киевское княжение – Э.А.) и глаголя: «Гласъ крѣве брата твоего ѡплещет на тя къ богу, яко Авелева на Каина». И инѣхъ многихъ дрѣвнихъ гонитель, и убойникъ, и братоненавидѣникъ привождя, и притѣчами тому всѣя еже о немъ указавъ и тако въписаевъ, поспѣла (ЖФЛ, т.1, с. 378).**

кове Иосифъ и прочая братия его и съ ним египтяне, или рещи во исходѣ Израилеве из Египта в пустыни горы Синайския плакася весь Израиль при Моисѣи-пророце или паку рещи, плакася по Самоиле пророце весь Израиль великим плачемъ; не малъ же плач сотвориша людие по царю Иосѣе, таже плакася уничиженный и расточенный Израиль по Иудѣ Маккавеи и по братье его. Здѣ же не меньши того плач бысть всенародному множеству, новому Израилю, христианскому народу государьству Московского (т.9, с.70).

РИА могли быть и очень краткими, поскольку упоминание событий далекого прошлого, которые хорошо знакомы, снимало необходимость подробного описания настоящего, делало текст содержательно насыщенным при его стилистической лаконичности: **То понѣ узрю ли си лице братьца моего мньшааго Глѣба, яко же Иосифъ Венямина? (Сказ. о Борисе и Глебе, т.1, с.280); Бысть же в то время чудо дивно, яко же во дрѣвняя дни при Езекии цесари (Жит. Александра Невского, т.3, с.430); Обычай же имяше князь: яко Давидъ богоотецъ Сауловы дѣти миловаше, а сий неповинныя любляше, повинныя же пращааше (Слово о житии вел. кн. Дмитрия Ивановича, т.4, с.212); Якоже тогда при Сенахиримъ было, тако и нынѣ при Темирѣ Аксацѣ, единъ тот же богъ тогда и нынѣ, едина благодать божия дѣйствуетъ тогда и нынѣ (Повесть о Темир Аксаке, с.240); Въистинну дрѣвнему Авиусу подобень, иже бѣ от плѣку Дарьева Перскаго, иже и сей тако сътвори (Сказание о Мамаевом побоище, т.4, с.184); Волхвы же, яко дрѣвле елпинстии, пророчествоваша о Христове пришествие, сице и казанстии глаголаху... (Казанская история, т.7, с. 396); Яко же убо Иуда злата ради преда Христа, тако же убо и вы наслажденья ради мира сего православное христианство и насъ, своихъ государей, предади есте, души свои забывъ и крестное целование преступили есте (Грозный – Курбскому (1), т.8, с.58).**

Нас в первую очередь интересуют РИА, содержание которых связано с кругом значений обусловленности, причем с точки зрения языкового выражения данной семантики. Это РИА с объяснительно-констатирующей (их две трети от всех отмеченных нами), проспективно-прогнозирующей и оценочно-характеризующей функциями.

1) РИА с объяснительно-констатирующей функцией: **Се же бысть, яко при Соломанѣ приде царица ефиопская к Соломану, слышати хотящи премудрости Соломани, и многу мудрость видѣ и знамяняя: тако же и си блаженная Ольга искаше доброѣ мудрости божья, но она человекѣски, а си божья (ПВЛ, т.1, с.76); Лице же господне на творящая злая: потребити от земля память ихъ. Сице и Павел изринуть от святаго жертвеника Уменѣя и Филита и съблудившая в Коринфи священники и оземьствова я противу святу олтарю, сиречь постави я с клирики («Притча о человеческой душе» Кирилла Туровского, т.2, с.302); Еще бо ему носиму въ утробѣ матерни, обави и Христова бла-**

годать и възва, осяяти, и яко преже Самоила Аннѣ подастъ (Житие Авраамия Смол., т.3, с.68); **Тако и той человек**. Аще случится и умрет, по божественному писанию рассудится. Бѣжа бо той подобен сему духовно бежа от блудницы вавилонския темныя и скверныя мира сего, яко же святыи Иоанн Богословъ въ Откровении, книги своея, написа о послѣднемъ времени (Легенда о граде Китеже, т.3, с.220); Бысть же **в то время** чудо дивно, **яко же** во древняя дни при Езекии цесари. Еда приде Санахиримъ Асурійскый цесарь на Иерусалимъ, хотя плѣнити градъ., внезапно изиде ангель господень, изби и от полка Асурійска 185 тысящъ, и, въставше утро, обрѣтошася трупья мертвы вся. **Тако же бысть при побѣде Александровѣ...** (Житие Александра Невскаго, т.3, с.430-432); Ослѣплени же ему умомъ, того бо не разумѣ, како господу годѣ, тако и будетъ, **яко же въ оны дни** Иерусалимъ плѣненъ бысть Титомъ римскимъ и Навходнасором, царемъ вавилонскимъ за ихъ согрѣшения и маловѣрие – нѣ не до конца прогнѣвается господь, ни въ вѣки враждуетъ (Сказание о Мамаевомъ побоище, т.4, с.134); Въ единъ убо от дний отецъ его посла его на взыскание клясут. Се же все бысть всемудраго бога судьбами, **яко же** Пръвья Царьския Книги извѣщаютъ о Саулѣ, иже посланъ бяше отцомъ своимъ Киссомъ на взыскание осляти; он же шед обрѣте святого пророка Самоила, от него же помазанъ бысть на царство, и выше дѣла подѣли обрѣте. **Сице и блаженный отрокъ** выше дѣла подѣли обрѣте; посланъ бо бысть отцомъ своимъ Кириломъ на взыскание скота, обрѣте етера черноризца (ЖСР, т.4, с.280) и многие другие факты.

Как видим, такие конструкции двучастны: первая часть, обуславливающая, содержит пример из истории (чаще всего ветхозаветной), вторая – описывает современное автору событие в виде сравнительной конструкции, присоединяемой союзными словами *тако, ако, яко, сице*. РИА с объяснительно-констатирующей функцией встречаются исключительно в авторской речи, глаголы-сказуемые в обеих их частях имеют форму прошедшего времени, обусловленная часть занимает строгую постпозицию.

2) РИА с проспективно-прогнозирующей функцией: *И рече патрархъ: «Чудо вѣрное! Во Христа крестилася еси, и во Христа облечеся, Христось имать схранити тя: якоже схрани Еноха в первыя роды, и потомъ Ноя в ковчезѣ, Аврама от Авимелеха, Лота от содомлянъ, Моисѣя от Фараона, Давыда от Саула, 3 отроци от пещи, Данила от звѣрий, тако и тя избавитъ от неприязни и от сѣстий его»; Ярославъ ста на мѣстѣ, идеже убиша Бориса, въздѣвъ руцѣ на небо, рече: «Кровь брата моего вольет к тобѣ, владыко! Мсты от крове праведнаго сего, якоже мстилъ еси крове Авелевы, положи въ Каинѣ стѣнаны и трясенны – тако положи и на семь» (ПВЛ, т.1, сс.76,158); Боже, с высоты призри на ны и даруй православному князю нашему, яко*

Константьтину побѣду, покори под нозѣ его врагы Амалика, яко же иногда кроткому Давиду (Сказание о Мамаевомъ побоище, т.4, с.164); «Приму землю Рускую, и церкви христьянскыя разорю, и вѣру их на свою преложу., а князи рускыя избию». Аки и преже Агагъ, царь васанескъ, похвалися на кивотъ заветъа господня, иже в Силомѣ: сице похвалився, самъ погыбе (Слово о житии вел. кн. Дмитрия Ивановича, т.4, с.210); Ты, государь король Степане, своимъ великимъ и славнымъ королевскимъ выходомъ в таковой великий градъ Псков да видиши, яко же великий царь Александръ Макидонский и всея вселенныя владѣлецъ в Римъ великий и славное свое шествие показа (Пов. о приходе Стефана Батория на Псков, т.8, с.440).

Из приведенных и оставшихся за пределами иллюстративного ряда фактов ясно, что РИА с проспективно-прогнозирующей функцией представляют собой прямую речь персонажей, состоят из двух частей; в обусловленной части, занимающей, в отличие от предыдущих РИА, строгую препозицию, обязательно наличие глаголов в форме повелительного наклонения или будущего времени, обуславливающая часть присоединяется союзными словами *яко, тако, сице* и под.

3) РИА с оценочно-характеризующей функцией: *Видѣвъ же дияволъ и искони ненавидяи добра человекѣ, яко всю надежу свою на господа положилъ есть святыи Борисъ, начать подвижнѣи бываати, и обрѣте, яко же преже Каина на братоубийство горяща, тако же и Святопѣльк (Сказ. о Борисе и Глебе, т.1, с.284); Виждь ми разумъ блаженаго! Христу бо уподобися: яко же бо господь прокаженнаго исцѣливъ и повелѣ ему показатися священникомъ и принести даръ за очищение его, сице убо и сий святыи бѣгаа величания; яко же и Христосъ слѣпаго исцѣливъ, и не ту абие прозрѣвъ, но повелѣ ему ити къ Силуамли купели измытися, ти сий блаженный преже валы украшаетъ образъ смердящий невѣрия ради, честь же творить и служителемъ божимъ, да и ти обещеници с нимъ будутъ чудеси (КПП, т.2, с.592); То единого ли ради Езекиѣ съхраненъ бысть Иерусалимъ от плѣнения Санахиримля, царя Аурска. Паки же и великимъ княземъ Александромъ, и сыномъ его Дмитреемъ, и зятемъ его Домонтомъ спасенъ бысть градъ Новгородъ и Псковъ от нападения поганыхъ немѣць (Сказание о Довмонте, т.4, с.56); И утаився всѣхъ, акы древний Мелхиседекъ, сынъ царевъ, избежа, велику себѣ благодать прежде крещения приобрете, иерей саномъ почтесе, тако и сый отрокъ приа прежде крещения сице в разумъ (Пов. о Петре, царевиче ордынскомъ, т.6, с.22); Святыи же и сокровеннаго мѣста, яко Павелъ апостолъ древле стражу темничному, велѣгласно возопилъ: «Не убивай себя, о господине Павле! Здѣ бо есмь цѣл, и твори со мною, еже хоцещи!» («История о великомъ князе Московскомъ» Андрея Курбскаго, т.8, с.374-376) и т.п.*

РИА с оценочно-характеризующей функцией отличаются от первых двух типов тем, что обуславливающая часть обязательно содержит имя

собственное, характеристика личности или оценка действий которого составляет ядро части обусловленной. РИА этого типа могут употребляться и в авторском повествовании, и в речи персонажей, занимать пре- и постпозицию, их части связываются между собой такими же, как и в РИА первых двух типов, союзными средствами.

Иногда функции (особенно часто – объяснительно-констатирующая и проспективно-прогнозирующая) могли совмещаться в пределах одного текстового отрывка. Например, в «Казанской истории», рассказывая о нашествии Батыя на Русскую землю, автор пишет: *Осиротѣ бо тогда и обнища великая наша Руская земля, и отъяся слава и честь ея, но не воеѣки, и поработися богомерску царю и лукавнѣйшю паче всеа земли, и предана бысть, яко Иерусалимъ в наказание Навуходносору, царю вавилонскому, яко да тѣм смирится (т.7, с.304)*. Как известно, Навуходносор был послан на Иерусалим в наказание за грехи его жителей, так же, как Батый на Русь. Но как Навуходносор через семьдесят лет (пророчество Иеремии) получит возмездие, так и Батый будет наказан. Здесь совмещены функции объяснительно-констатирующая (аналогия с ветхозаветным событием) и проспективно-прогнозирующая, причем прогноз двойствен: мнимый (яко да тѣм смирится) и реальный (но не воеѣки).

Источниками аналогий служили библейские сказания и персонажи, воспринимаемые древнерусскими писателями в качестве исторических (в этом случае было определенное сходство с библейскими реминисценциями) и собственно исторические, и события римской, византийской истории. Что касается РИА, содержащих события отечественной истории и устанавливающих преемственность этих событий и их героев, то исследователи считают, что они впервые стали употребляться в произведениях Куликовского цикла¹. Однако наш материал показывает, что уже в памятнике XII в. «Слово о князьях» есть сопоставление с событиями отечественной истории: *Слышите князи противящесе старѣишей братьи и рать въздвижуще и поганья на свою братию возводяще, не обличилъ ти есть богъ на страшнѣмъ судищи. Како святыи Борисъ и Глѣбъ претерпѣста брату своему не токмо отъятие власти но отъятие живота (Слово о князьях, т.2, с.338)*.

Иногда в пределах одного контекста отмечены аналогии ветхозаветные и собственно русские: *И не вѣси, оканьнѣ, божия смотрения: дасть власть ему же хоцетъ, поставляетъ цесаря и князя вышнии. Что прия Каинъ от бога, убивъ Авеля, брата своего: не проклятье ли и трясение; или вашъ сродникъ оканьнии Святопѣлкъ, избивъ братью свою: онема вѣнецъ царства, а собѣ вѣчную муку (Рассказ о преступлении рязанских князей, т.3, с.128); И умножися слава имени его, яко и святого князя Володимира, и въскипѣ земля Руская в лѣта княжения*

его, яко преже обѣтована Израилю (Слово о житии вел. кн. Дмитрия Ивановича, т.4, с.210); хотя самъ в другие двигнутися на безбожную и поганую Казань, на презлыя и невѣрныя недруги своя – казанския люди и мстити крови христьянска, яко Елезванъ, ефиопскый царь, на омиритского царя Дунаса жидовина, ревнуя правдѣю своим: великому князю Святославу Игоревичу, како той многожды Греческую землю плѣни... и дани великия с Царя-града имая... и той же великий князь по Дунаю стоящихъ 80 градоевъ болгарскихъ взя (Казанская история, т.7, с.444).

Таким образом, если древнерусская литература XI-XIII вв. материал для РИА черпала в основном из Паремийников, греческих исторических хроник, хронографов, то начиная с конца XIV-XV вв. современные исторические события начинают регулярно сопоставляться и сравниваться с фактами отечественной, древнерусской истории: *Аще хоцеша крѣпкаго вѣйска, то повели за Донъ возитися, да не будетъ ни единому же помышления възспать; а о велицей силѣ не помышляй, яко не в силѣ богъ, нъ в правдѣ: Ярославъ, перевезесе рѣку, Святопѣлка побѣди, правдѣ твой князь великий Александръ, Неу-реку перешед, короля побѣди, а тебѣ, нарекиши бога, подобаетъ то же творити (Сказание о Мамаевом побоище, т.4, с.162); И поревнуи преже бывшим прародителям твоим, великим князем, не точию обороняху Русскую землю от поганых, но и иныя страны приимаху под себе, еже глаголю Игоря, и Святослава, и Владимира, иже на греческих царих дань имали, потом же и Владимира Мономаха, како и колико бися съ океанными половци за Русскую землю, и инеи мнози, иже паче нас веси (Послание на Угру Вассиана Рыло, т.5, с.528); Или егда хуждѣше есмь дѣда моего, великого князя Иоанна, и отца моего, великого князя Василия... такожде бо и они покориша под ся великия грады земли чюжих странъ и многих языкъ незнаемых поработиша, и память себѣ велику и похвалу в роды вѣчныя оставиша... И хто ми възбраняет тако же творити, яко же они потицашася, намъ сотворша много блага? Тако же и мы хоцем, богу помогаюци нам, инѣм по нас сотворити (Казанская история, т.7, с.446); извыкосте от прародителей своих измѣну учинити: яко же дѣдъ твой, князь Михайло Карамышь, со княземъ Андреемъ Углецкимъ на дѣда нашего, великого государя Иоанна, умышлял измѣнным обычаи, тако же отецъ твой, князь Михайло, с великимъ княземъ Дмитриемъ на отца нашего... многия пагубы и смерти умышляль... (Грозный – Курбскому (1), т.8, с.38)*.

Как видим, в структурном отношении эти конструкции отходят от принятого канона «как... так и», становятся более свободными по строению.

Что касается употребления ретроспективных исторических аналогий, то они отмечены далеко не во всех исследованных текстах, а только в историко-художественном повествовании. Их нет в большинстве лето-

¹ Кусков В.В. Указ. соч. С. 51.

писей, в хождениях, в переводных памятниках. В частности их использования можно проследить три крупные «волны»: РИА много в «Повести временных лет» (XI в.), затем в произведениях Куликовского цикла (XIV-сер. XV вв.) и в «Казанской истории» (1564-1565 гг.). Объясняется это, по всей вероятности, экстралингвистическими факторами. Перед автором «Повести временных лет», помимо погодного летописания, стояла более сложная и злостная задача – впервые вести историю Руси в мировую Священную историю, отыскать в последней аналоги событиям русским, объяснить их в летописных рассказах и, в свою очередь, сделать аналогами событий последующих. Рост и развитие национального исторического самосознания после битвы на реке Непрядве (1380 г.) обусловили широкое использование ретроспективных исторических аналогий (как библейских и греческо-византийских, так и собственно древнерусских) для прославления великой победы над иноземными поработителями, отождествленными с агарянами, половцами, печенегами, т.е. борьба с золотоордынцами осмысливается в широкой исторической перспективе завоевания Русью национальной независимости. Наконец, события сер. XVI в. (взятие Иваном Грозным в 1552 г. Казани) – закономерный итог многовековой борьбы русского народа с золотоордынскими ханами и их преемниками, казанскими царями, – также требовали своего описания с привлечением традиционных аналогий и их расширения событиями собственно русской истории. Во всех этих случаях в обществе воскресал живой интерес к тем или иным далеко отстоящим эпохам и памятникам литературы. В произведениях XVII в., особенно в демократической литературе, отражен уже совсем иной принцип создания художественных образов и иное историческое мышление.

И.И. Бакланова, И.И. Русинова
(Пермь)

Особенности функционирования сочетаний *да чё да* и *да мый да* в русских пермских говорах и коми-пермяцкой речи¹

В русских пермских говорах активно употребляется сочетание *да чё да*, аналогичное сочетание характерно и для коми-пермяцкой речи: *да мый да*. В обоих языках этому сочетанию присуще значение «и так далее, и тому подобное». Однако, несмотря на общие явления в употреблении сочетаний *да чё да* и *да мый да*, нельзя говорить о полном сов-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» № РНП. 2.1.3.3440; 07-04-82409 а/У «Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области»; 08-04-82410а/У «Лексика русских говоров Северного Прикамья»; 08-04-82408а/У «Взаимодействие русских и коми-пермяцких говоров Пермского края».

падении их функционирования в разных языках. Начнем с того, что в русских пермских говорах эти сочетания очень вариативны *да чё да, да чё, да кто да, да кто, да где да, да куда да* и пр. Например: *Мальчики дак ить машину да чё брали с базару тожо; Вилы есть сено да что да метать; Оба шкапа забито всякой: проводами да чем да; Вот в крешенья да что гадали; Связывать лошадей пять везешь, кто за хвост да как да, всяко; Вот нашу-то ещё деревню называли, как мы староверы, ак кержаками да как; Рожали дома, во дворе да где да; Молоды-те они [пиканы], мягкие... Да в хлеб да куды да, везде запекали; Кама-то отсель шла да туды да, на Бондюг да.*

Самым распространенным и в то же время наиболее емким по содержанию местоимением в данных сочетаниях является местоимение *чё (что)*. Возможно, это связано с тем, что местоимение *что* «может относиться к лицу и неллицу и поэтому сферу употребления имеет более обширную, чем другие местоимения»¹. В пермских говорах это местоимение действительно способно замещать не только предметы, но и действия: *А перематькивались сё равно мужички-то. Прикол-то когда ставят да чё да; Это там на вечерки ходили, в баню, пряли да что да.*

В приведенных конструкциях местоимение *что* может выполнять такую синтаксическую функцию, которая позволяет ему вступать в сочинительные отношения:

1) с подлежащим: *А раньше колокольцы были, звенели на свадьбе. Сейчас, смотри, машины да что да, ленточки; Тяжело это, ребята, летом: сенокос да чё да, на траве только жили;*

2) с дополнением: *Я по те года парёнки да чё да делала; Из берёсты делали туески да чё; Полотенца да чё да вышивали;*

3) со сказуемым: *Там, колды посевная идет дак, пашёшь да чё, боронишь да; Она ходит по престарелым: помогает воду носить, дрова наколоть да чё да.*

Из-за способности местоимения *чё (что)* быть универсальным средством выражения значения в некоторых примерах неясно, мыслится за этим местоимением действие или предмет: *А перематькивались сё равно мужички-то. Прикол-то когда ставят да чё да; Они там сучки рубили да чё да.* Анализируя данные сочетания, можно думать, что, когда ставят прикол или рубят сучки, одновременно ставят или рубят еще что-то. Но возможно и другое прочтение: когда ставят прикол или рубят сучки, делают еще и другую работу.

Таким образом, сочетание *да чё да* наиболее универсально в выражении значения. Оно выполняет прежде всего синтаксическую функцию подлежащего и дополнения. Если же анализируемое сочетание сочиняется со сказуемым, то мы домысливаем целую ситуацию. На примере употребления в русской диалектной речи сочетаний типа *да чё да* четко проявляется характеристика местоимений: «<...> это синкретичная по

¹ Ардентов Б.П. «Что» в современном русском языке. Кишинев, 1973. С. 12.

своей природе часть речи, объединяющая признаки или имени существительного, или имени прилагательного, или наречия»¹.

В русских пермских говорах диалектоносители в основном различают одушевленное и неодушевленное имена существительные, поскольку, говоря о живых существах, они употребляют местоимение **кто**: *Баба Аниса ходила за грибами да кто да. Это мы песенки у старых токо старух [перенимали], вот до нас ишо были, наши матери да хто пели.* Однако нельзя говорить о четком разделении одушевленных и неодушевленных предметов в речи информантов, потому что в пермских русских говорах местоимение **кого** употребляется вместо **что**: *В церквях клубы да кого стали делать; Опять ничё не поел. Кого ино ишо тебе надо?; Чё вернулся? Кого ишо забыл?* В «Словаре русских народных говоров» дается такое толкование этого явления: «Вопросительное местоимение **кто?** (**кого?**) в знач. **что?** (**чего?**). Территория распространения такого функционирования обширна: Курск., Днепр., Смол., Зап. Двин., Пск., Калуж., Влад., Новг., Арх., Онеж., Вят., Перм., Челябин., Урал., Сиб., Курган и др.» (СРНГ 15: 374). Как видим, пермские говоры наряду с другими севернорусскими знают это явление.

Если речь идет об обстоятельственном значении, то диалектоносители употребляют сочетания **да как да** (**да как**), **да где да** (**да где**): *Связывать лошадей пять везешь, кто за хвост да как да, всяко; Раньше вброд да как да ходили.*

Ранее мы отмечали, что «данные сочетания задают смысловой вектор всему высказыванию, делая его, с одной стороны, кратким, с другой – информативно насыщенным. Выражения с соединительными союзами (**да чё да**, **да чё** и др.) являются важным смысловым акцентом. Если их убрать, то предложение сохранит свою структуру, но будет утерян важный смысловой нюанс: **да чё да** указывает на то, что перечисление не ограничивается названными предметами (действиями), оно означает «и так далее», «и тому подобное», то есть расширяет границы сказанного. Отсутствие же данной конструкции указывает на то, что картина исчерпывается сказанным»².

В коми-пермяцком языке во всех аналогичных конструкциях употребляется единственно возможное для этого языка сочетание **да мый да**, которое сочиняется:

1) с подлежащим: *Гимназияэз, школаэз да мый да оссисё челядь понда* (Гимназии, школы да что да открылись для детей); *Балаяэз, мёссэз, вёввез да мый да – быдённыс лыддиссьёны домашнён животнёйезён* (Овечки, коровы, лошади да что да – все считаются домашними животными);

2) с дополнением: *Тён тай айёкёт вёралны ветлі да вайи коччез, урез да мый да* (Вчера с отцом на охоту ходил да принес зайцев, белок да что да); *Нянь да мый да босьті* (Купил хлеб да что да);

3) со сказуемым: *Мисси да мый да, пока мамё вблі гортын* (Умывалась да что да, пока мама дома была); *Талун сенокос выль ветлі, ытшкиси да мый да* (Сегодня на сенокос ходила, косила да что да);

4) с обстоятельством: *Грузиясь, Сибирись да мый да гижиссез локтёмась* (Из Грузии, Сибири да что да писатели приехали); *Ме кочсё штук петнацетьё да мый да вая друг* (Я зайцев по штук пятнадцать да что да приношу за раз).

Как видим, особенностью коми-пермяцких сочетаний является то, что их центральный компонент не склоняется, то есть сочетания употребляются как устойчивые, поэтому при сравнении сочетаний **да чё да** в русских пермских говорах с коми-пермяцкими **да мый да** отмечаем, что сочетания в русских говорах развиваются, они более точно передают смысл.

Новое обращение к данному вопросу вызвано размышлениями о том, с каким уровнем языка-речи мы имеем дело, если говорим о сочетаниях типа **да чё да**, **да кто да**, **да где да** и пр. в русских говорах и **да мый да** в коми-пермяцкой речи. В предыдущих работах мы говорили, что нет достаточных оснований для того, чтобы называть их фразеологизмами в строгом понимании этого термина: несмотря на устойчивость их структуры, они не образны.

Рассматривая функционирование частиц в пермских русских говорах в целом, мы пришли к мысли, что данные фразеологизированные сочетания могут быть результатом фонетических процессов. Другими словами, мы имеем дело с единицей, интересной как в плане лексики, так и в плане синтаксиса, фонетики. Состав данных сочетаний следующий: соединительный союз + местоимение (местоименное наречие) + частица. Высказываются и другие мнения: в частности, В.М. Лудыкова¹ называет **да мый да** частицей из-за неизменяемости структуры, однако особенности функционирования этих единиц, значение, вносимое ими в предложение, все-таки, нам кажется, говорят в пользу фразеологизированного в процессе употребления образования. Фразеологизировалась его структура, а содержание может варьироваться в зависимости от ситуации (**да куда да**, **да кто да**, **да как да**). Однако сочетание **да мый да** в коми-пермяцком языке и **да чё да** в русских говорах – неравноправные единицы.

Анализируемые сочетания, содержащие в качестве центрального компонента местоимение, обрамлены с обеих сторон одинаковыми по звучанию компонентами: **да что да**, **да мый да**. Это явление характерно

¹ Современный русский язык / Под ред. Е.И. Дибровой. В 2 т. Т. 2. М., 2001. С. 141.

² Бакланова И.И., Русинова И.И. Об одной общей синтаксической конструкции в пермских русских говорах и коми-пермяцкой речи // Пермистика 11: Диалектика и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Пермь, 2006. С. 163.

¹ Лудыкова В. М., Лейнонен М. Конечное слово *да* в коми языке с ареально-типологической точки зрения. Сыктывкар, 2001. С. 127-129, 147, 155.

не только для данных сочетаний: пермским говорам присущи и такие объединения, как *и вот и, вот так вот* и пр.

Работы, в которых анализируется функционирование частиц в диалектной речи, демонстрируют несколько подходов к изучению проблем этой части речи. Исследователи отмечают, что частицы *вот, да, да* и др. способны к выражению текстовых отношений, в частности участвуют в тема-рематическом членении текста, могут выполнять функцию композиционного разбиения текста, а также выступать в роли союзных скреп. В.Б. Евтюхин приписывает частицам аранжирующую роль, которая проявляется в инерционности текста. «В случае с частицами инерционность проявляется в возможности механистического, изначально заданного дробления текста... Инерционность дробления помогает отчасти снять некоторые проявления устной речи, в частности, синтаксическую слабооформленность. Навязчивой расстановкой частиц говорящий задает синтаксическую программу, ритм текста»¹.

Н.И. Сафонова, проанализировав употребление частиц в сибирских говорах, связывает с частицами некоторые различия между диалектными системами и вслед за С.В. Бромлей полагает, что активное употребление постпозитивных элементов (*то, ту, от*) и других частиц связано с ритмическим строением фразы².

Как видим, исследователи проблем диалектных частиц сходятся во мнении о ритмообразующей функции частиц в диалектном тексте, но у них это мнение не подтверждено доказательными примерами.

Новое развитие получило решение проблемы функционирования частиц в диалектной речи после выхода работы Р.Ф. Пауфошима «Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах» (1983). Автор отмечает, что в севернорусской диалектной речи проявляется тенденция к ритмической ее организации, причем степень выраженности этого явления очень высока³. К одному из ритмообразующих средств диалектной речи Р.Ф. Пауфошима относит «второстепенное ударение» в многосложных словах, которое появляется в тех случаях, когда расстояние между двумя ударными слогами превышает некоторое критическое пространство. Другим средством ритмической организации текста служат многочисленные повторы, к ним относятся повторы знаменательных слов, целых синтагм и, конечно же, частиц. «Частицы, несомненно, выполняют и ритмообразующую функцию, удлинняя безударный пробел между ударными слогами, а в случае необходимости принимая на себя ударение:

¹ Евтюхин В. Б. Аранжировка диалектных текстов с помощью частиц // Севернорусские говоры. Вып. 3. Л., 1979. С. 204-205.

² Сафонова Н. И. Об употреблении частиц в сибирских говорах (на материале ангарленских говоров) // Проблемы сибирской диалектологии. Красноярск, 1979. С. 71-78.

³ Пауфошима Р. Ф. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983. С. 76.

А посуда у нас вот / этот / глина у нас вот есть вот / в пруду вот рядом вот /!»¹.

Н.Л. Голубева рассматривает частицы *вот, ну, да* в положении между высказываниями на диалектном материале Рязанской и Калужской областей. Сопоставляя материалы северных и южных говоров, она высказывает мысль о совпадении границ синтагмы и фонетического слова в севернорусских говорах.²

Выводы Р.Ф. Пауфошима, Н.Л. Голубевой кажутся нам интересными и убедительными, поэтому вновь обратимся к нашему материалу, анализируя ритмообразующую функцию частиц: 1) *Ну вот эту вот я-от лью траву-то. У меня тут чистотел растёт*; 2) *Дорога идёт вот так вот она*; 3) *Старушка старенька была, перед смертью вот передала мне слова и. Надо ж словами. Ну вот так вот, девочки*; 4) *Дах это, реку золотили. Вот первый раз сядешь в лодку, ну и бросишь 2-3 копейки, или хлебушка хто-то кусочек, вот так от. Вот так, первый раз поедешь, надо золотить реку*; 5) *И корни [лопуха] можно настоеккой делать. Где-ко чё-ко мазать: колени да чё да*; 6) *Оба шкапа забито всякой: проводами да чем да*; 7) *Раньше вброд да как да ходили*; 8) [Как речку называют?] *Да чёрт-те знат как да, Шугра да как да, всяко вот так да – Шугор. Вот тут в Аниковской проезжаешь речку Шугор.*

Наблюдения показывают, что между ударными слогами чаще всего находится два или три безударных слога, причем частицы действительно могут образовывать или удлиннять безударный пробел между ударными слогами. Обращает на себя внимание и конечная частица *и* в примере 3: она использована говорящим между двумя ударными слогами (такое употребление тоже отмечено Р.Ф. Пауфошимой).

В сочетаниях типа *да чё да, да где да* логическое ударение всегда падает на центральное слово. Употребление *да* после местоимения или местоименного наречия не является обязательным, смысл высказывания от этого не изменяется: *Лосей красивых видели на болотах да где; Это вот когда маленькие ребятки, говорят, глаза болят, золотуха да чё, вот умываются этима цветочками*. Вполне вероятно, что и в этих сочетаниях повторяющийся компонент выполняет ритмообразующую функцию.

На первый взгляд кажется, что построения *вот так вот, вот такой вот, да чё да, да где да, ли кто ли, ли как ли* имеют общую структуру, но это не так. Их объединяет лишь наличие одного и того же компонента перед словом и позади него, а составляющие этих комплексов разные. Но если принимать во внимание их возможную ритмообразующую функцию, то это формальное совпадение не кажется случайным: во всех примерах ударение падает на центральное слово, а слу-

¹ Там же.

² Голубева Н. Л. О частицах *вот, ну, да* в положении между высказываниями // Современные русские говоры. М., 1991. С. 133.

жебные слова сопровождают его, отделяя ударные слоги от безударных. Данное предположение, несомненно, нуждается в более глубоком осмыслении, детальном анализе обширного материала и экспериментальном подтверждении.

Сочетания в русских пермских говорах и коми-пермяцкой речи в конце имеют частицу *да*, которая характерна прежде всего для коми-пермяцкой речи, поскольку стоит в постпозиции к слову. Но, заимствовав данную конструкцию из языков финно-угорской группы, русские говоры тем самым подкрепили общую тенденцию: разбавлять знаменательные части речи частицами, которые членят фразу на синтагмы, делая пермскую диалектную речь ритмичной.

А.В. Батулина
(Великий Новгород)

Антипословицы и речевой паремиологический минимум

В последние годы объектом многих лингвистических исследований оказывается «человек говорящий», и сами языковые явления изучаются «прежде всего по их роли для человека, ... по их функциям для развития человеческой личности»¹. В связи с этим одним из центральных понятий антропоцентрической лингвистики становится понятие языкового минимума, т.е. состава употребительных и семантически освоенных единиц языка.

При исследовании паремиологической составляющей лексики языковой личности, как отмечает Л.А. Петрова, «оказывается важным такой спорный вопрос, как определение круга паремиологических единиц, т.е. разработка критериев, позволяющих признать то или иное образное и народное выражение пословицей или поговоркой»². При решении этого вопроса Л.А. Петрова предлагает опираться на паремиологическую концепцию В.П. Жукова, который отмечает принципиальные отличия паремий, обладающих всеми признаками предложения, от фразеологических единиц, выполняющих номинативную функцию, и от афоризмов, имеющих книжное происхождение, не обладающих обобщающим характером и ритмической организованностью.

В.П. Жуков выделяет три разряда паремиологических единиц: пословицы, поговорки и пословично-поговорочные выражения. Пословицами называются «краткие народные изречения, имеющие одновремен-

но буквальный и переносный план или только переносный план и составляющие в грамматическом отношении законченное предложение: *Кашу маслом не испортишь*; а поговорками – «краткие народные изречения, имеющие только буквальный план и составляющие в грамматическом отношении законченное предложение: *Бедность не порок*». Промежуточный тип единиц (пословично-поговорочные выражения) «сочетают в себе признаки пословиц и поговорок <...> часть слов в их составе сближается или совпадает со словами свободного употребления, а другая часть (нередко реальные или потенциальные фразеологизмы) имеет фигуральное, переносное значение: *Пьяному море по колену*»¹.

Безусловно, строгость и чёткость разработанных В.П. Жуковым критериев отбора паремиологического материала и предложенная им классификация паремий является надёжной теоретической базой для определения паремиологического минимума русского языка. Если при составлении паремиологического минимума исходить из того, что реально известно носителю языка, то в него должны входить те единицы, которые говорящий знает и может использовать: «минимум (лексический, фразеологический, паремиологический), связанный с представлением языка в сознании его носителя, включает только те единицы, которые являются употребительными, активными и живыми»². По мнению исследователей (например, Ю.Н. Караулова), употребительной называют единицу, которая обладает высокой частотностью в ассоциативных реакциях; активными считаются языковые единицы, которые подвергаются варьированию и разного рода трансформациям, нарушающим «идеал нормативного словаря»; живыми являются единицы, которые воссоздаются в ассоциативном эксперименте.

Таким образом, в паремиологический минимум входят те пословицы, поговорки и пословично-поговорочные выражения, которым свойственна вариантность, т.е. формальное видоизменение одного из компонентов (или его замена сходным по смыслу словом), не нарушающее семантического тождества выражения: *Без труда не вынешь (не вытащишь) и рыбку из пруда*. Однако в настоящее время широко распространилось явление, которое трудно отнести к вариантности или «обновлению образа» пословиц, но невозможно не учитывать при составлении паремиологического минимума, связанного с представлением языка в сознании его носителя. Речь идёт об употреблении трансформированных пословиц, или антипословиц, т.е. шуточных выражений на базе традиционных пословиц и поговорок типа *Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не вешалось*; *С кем поведешься, сам виноват*. В отличие от собственно пословиц и поговорок, антипословицы не содержат в себе широких жизненных обобщений и употребляются преимущественно в развлекательной функции. Большинство антипословиц сохраняют следы субкультур-

¹ Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века. М., 1995.

² Петрова Л. А. Проблемы определения объема и границ паремиологического материала в трудах В. П. Жукова // Переходные явления в области лексики и фразеологии русского языка и других славянских языков: Материалы Межд. симпозиума / Отв. ред. В. И. Макаров. Великий Новгород, 2001. С. 93.

¹ Жуков В. П. Словарь русских пословиц поговорок. М., 1998. С. 11-12.

² Петрова Л. А. Паремиологический минимум... С. 13.

ной принадлежности, чаще всего молодёжной, содержат сниженную или грубую лексику, нередко обладают вульгарным содержанием.

Недостаточно изученной является проблема значения антипословиц. Некоторые исследователи говорят не о формальной, а о содержательной трансформации «новых русских пословиц» и рассматривают их как свидетельство изменения ценностных ориентиров русской культуры, поскольку многие антипословицы выражают противоположные «традиционным» пословицам идеи. Ср.: *С милым рай в шалаше* и *С милым рай в шалаше, если есть недвижимость на Канарах*.

С другой стороны, изменение внутренней формы, сопровождающее образование антипословицы, ещё не свидетельствует об изменённом, по сравнению с традиционной пословицей, её значении. Во многих случаях антипословицы выполняют в речи чисто экспрессивную функцию, поэтому судить об их значении вне опоры на контекст не представляется возможным, ср., например, сообщение в Интернет-форуме: *«Лучше сказать сразу, чем тянуть, будет только хуже! А заставлять себя... это последнее дело. Чем дальше в лес, тем злее дятлы»*. Как показывают наблюдения, в разговорной речи антипословицы часто употребляются вместо традиционных пословиц:

M1 (24) обращается к матери: *Свинопаска! Ты связала мне носки?*

Ж1 (19) (сестра): *Копь! Не плюй в колодец!*

M2 (отец): *Вылетит – не поймаешь!*¹

Лексикографическое описание антипословицы получили в двух изданиях словаря «Антипословицы русского народа» В.М. Мокиенко, Х. Вальтера. По словам составителей, «основным объектом описания стали наиболее остроумные переделки пословиц и крылатых выражений»². Авторы словаря рассматривают антипословицы прежде всего с точки зрения их развлекательной функции, неслучайно второе издание названо «Прикольный словарь», поэтому в словаре объединены трансформы, образованные на базе собственно паремий (пословиц, поговорок и пословично-поговорочных выражений), и подвергшиеся трансформации крылатые слова, лозунги, афоризмы.

Каждый «пословичный прикол» сопровождается комментариями о его происхождении, иногда – о культурном компоненте значения. В одной словарной статье объединены выражения разной степени воспроизводимости. Так, под пословицей *Волков (волка) бояться – в лес не ходить* приводятся трансформы: *Волков бояться – в лесу с девкой не гулять, Детей бояться – в лес не ходить, Мужчин бояться – замуж не ходить, Путина бояться – в сортир не ходить*. Выражение *Мужчин бояться – замуж не ходить*, как указывают составители, принадлежит писателю-

¹ Жигарина Е. Е. Вариативность пословиц в современном бытовании // Живая старина. 2006. № 1. С. 28.

² Мокиенко В. М., Вальтер Х. Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы). СПб., 2006. С. 4.

сатирику Трушкину и, скорее всего, обладает единичной воспроизводимостью в определенном контексте. Антипословица *Путину бояться – в сортир не ходить* встречается в некоторых газетных статьях, например: *В 11 часов утра площадь была уже забита народом, люди стояли даже на огромных сугробах по обе стороны от памятника Ленину. В руках у митингующих были плакаты, не всегда обозначавшие повод, по которому они здесь собрались: «Путину бояться – в сортир не ходить», «Если в кране нет воды, значит, речку купил собственник» <...>* (Савинова Е. Коммунисты встали на защиту социализма // Коммерсантъ. – 2006. – 6 марта).

Высокая частота воспроизведения (употребительность) – необходимое условие для вхождения паремиологической единицы в лексикон усредненной языковой личности. Данные ассоциативного эксперимента, проведенного Л.А. Петровой среди учащихся для выделения живых и активных паремий, свидетельствуют о том, что некоторые трансформированные пословицы являются употребительными и живыми. Так, среди реакций на слова-стимулы, наряду с индивидуальными речевыми вариантами пословиц и поговорок типа *Незванный гость хуже врага, Своя рубашка ближе к сердцу* встречаются и антипословицы, зафиксированные в словаре В. М. Мокиенко, Х. Вальтера: *Много будешь знать – плохо будешь спать, Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не вешалось, Хлеб маслом не испортишь*¹.

С.И. Берневега
(Сыктывкар)

Хождение как жанр публицистики (на материале журнальных публикаций Эльвиры Горюхиной)

Публицистическая проза Э. Горюхиной¹, несмотря на жанровую неопределенность², модифицирует жанровый образец хождения, воплощает целый ряд типичных черт данной видовой формы. Зависимость текстов от жанроформирующих канонов очевидна в содержательном

¹ Петрова Л. А. Паремиологический минимум в лексиконе языковой личности современных учащихся: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2007. С. 19.

² Горюхина Э. Темный лес – трава густая. Хождение по селам Севера, Юга России, Алтая и Сибири // Дружба народов. 2006. № 4-6.

³ Сама Э. Горюхина называет свои произведения, опубликованные в журнале «Дружба народов» в течение последних десяти лет, «путешествиями» или «хождениями». Литературные критики и журналисты называют публицистику Э. Горюхиной «путевыми заметками», «очерками», «очерковыми записками», «специальными репортажами» или признаются, что «определять их жанр узко и неуместно» (Инна Борисова), отмечая, что «это даже не журналистика – это больше похоже на очень хорошую литературу» (Галина Мурсалиева).

плане, структурном и стилевом оформлении, манере повествования и основных принципах изложения и расположения материала, его пространственно-временной организации³.

Как отмечают исследователи, жанровая форма хождения модифицируется автором, личность которого в поэтике художественной модальности осознает собственную неповторимость и открыто позиционирует свое присутствие в тексте современного хождения⁴. Поэтому главным в очерках Э. Горюхиной является возможность выражения мыслей, возникающих в процессе путешествия, а не стремление к точности описания деревни: «Научиться бы нам приходить на помощь деревне не только тогда, когда надо цивилизованно убивать. Опасная это иллюзия – считать, что Россия без деревни проживет. Без деревни и Россия – не Россия» («В поисках душевного лада»).

Последовательная смена форм повествования и постоянное переключение точек зрения повествователя становится определяющим в авторской стратегии модификационного жанрообразования. В очерках Э. Горюхиной расширяется сфера авторского присутствия в тексте, складывается особый мир – то, как автор характеризует себя: «Вы знаете, что я поняла? Я поняла, что вот этот путь – связать себя с землей – не так прост, как кажется на самом деле...».

Обычно в древнерусских хождениях повествование ведется от первого лица. По таким параметрам организованное повествование ощущается паломником как органичная форма самохарактеристики и рассказывания о своих путешествиях. В очерках Э. Горюхиной форма «я» перемежается с формой «мы»: повествование на некоторых участках текста ведется одновременно от имени автора-повествователя и его спутников, к которым относится и его читатель, например: «Кое-кто гениально заметил, что человеческая тоска определяется утратой в повседневном существовании порядка и формы. <...> Сколько раз мы поправляем Достоевского, прибавляя к красоте, которой спасется мир, то доброту, то ответственность, то любовь, то еще какое-нибудь свойство. Изумляемся наивности писателя, взвалившего на красоту бремя спасения («Валькирия»).

Уже в первом очерке «Валькирии» совершается переход из материальной реальности в сферу духовных ценностей: «Мне не терпелось разрешить одну мысль, которая вертится в моей головушке лет сорок». И далее Э. Горюхина вспоминает, как она работала в первом физико-математическом классе, представляя лириков. Рассказ перебивается вычитанной у Даниила Данина мыслью о поколении, которое будет «об-

ладать пониманием непредставимого. С этим свойством нового поколения Даниил связывал большие надежды не только в науке, но и в искусстве».

Кажется, что ответ найден – это рассуждения героини очерка Татьяны, которые сливаются с голосом автора: « – Ну так вот... Что такое эти 149 и шесть десятых миллиона километров? Это всего-навсего одна астрономическая единица. Понимаешь, о-дна! Так какая мне разница, сколько просидит Путин на троне, десять или двадцать лет? Никакой!

...Смотрите чаще на НЕБО. Может открыться масштаб всего, что происходит на Земле» («Валькирия»).

Во всей повествовательной организации очерков-хождений ведущей становится заметно проступающая в тексте публицистическая направленность, вписывающая очерки в общий контекст актуального для современной России вопроса развития деревни.

Для автора-повествователя в очерках – это еще и напряженные поиски ответа на мучительные вопросы современности. Ответом на эти вопросы могут служить слова героев и голос самой Э. Горюхиной, которыми обычно заканчиваются очерки.

Описание в хождениях часто дается вперемежку с авторскими комментариями: «В тот день небо тяжело нависло над землей. Моросил дождь. <...> Стояла непогода. Учительница Нора Тариелашвили объясняла поникшим деткам, что туман – это тучи, спустившиеся с неба к земле. Заключительные слова Норы были патетическими: «Никогда мы не были так близки к Богу, как сегодня!» <...> Гмерто! Боже! – это звучало ободряюще. Глаза детей засияли. В Заполярье такое заклинание мало что значит. Оставленность Богом – никогда раньше я не испытывала такого состояния...» («Левозеро»).

Деревня в очерках Э. Горюхиной подается в собственной двуплановости: в одних случаях автор полно и адекватно актуализирует синхронический аспект, в других – речь идет о сельской жизни как традиционном укладе российского бытия. Художественным средством расширения общего семантического поля «деревня» в очерках становится насыщенность текста авторскими отсылками на интертекстуальном уровне к русской культуре и истории. Тем самым описанное в очерках переводится в читательском восприятии на бытийный уровень осмысления современных проблем, волнующих автора: «Есть представление о русском крестьянине как о человеке соборном. Отсюда выводится общинный характер и жизни, и способа хозяйствования. Так считал Лев Толстой, решительно изъяснявшийся на эту тему со своим оппонентом Петром Столыпиным. Мы как-то проглядели, что появился (или всегда существовал?) тип земледельца, который возжелал жить отдельно...» («Фермер. Один в поле воин»).

Вопросы, которыми часто задается повествователь, адресованы не только себе, но и читателю-современнику: «Потом пришло время щенячьего визга: какое счастье, что нет ни Толстого, ни Достоевского – с

³ Панцерева К.А. Путевой очерк: эволюция и художественно-публицистические особенности жанра: дис... канд. филол. наук. СПб., 2004.

⁴ Бычков Д.М. Опыт архитектурного анализа современного «хождения» (на примере рассказов В.П. Аксёнова «Стена» и «Экскурсия» // <http://www.palomic.org/journal/13/zemla/2/>, а также см: Хождение: путешествие и литературный жанр // <http://www.vostlit.info/Texts/rus2/Hozenija/pred.phtml?id=1693>

учительской миссией русской литературы наконец-то покончено. Имеем право ничего не читать. Не чи-тать... <...> Так что же делать? Читать! Веровать в слово. Кто-то точно сказал: слово обладает не статусом мысли, а статусом бытия. Владимир Чугунов доказал это» («Друг истины и Платона»).

Так очерковый текст становится средством активной коммуникации между субъектами творчества. Мир современного хождения, таким образом, включает помимо значительного для структуры всего текста мира автора, расширяющейся персонажной сферы еще и читательский мир. Ведь журналист прямо или косвенно описывает или обозначает два окружающих его мира: один, находящийся внутри очерков, – мир персонажей; другой же – примыкающий вплотную к хождению читательский мир.

Подчеркнутая публицистичность определяет художественное своеобразие очерков Э. Горюхиной. Жанрообразующие черты публицистического текста связаны с предназначенностью его для разнородной массовой аудитории. Поэтому очерки предполагают различную глубину прочтения и разные возможности декодирования со стороны адресата. Читатель становится действующим субъектом коммуникации посредством текста. Именно к его жизненному, эмоциональному, культурному опыту апеллирует Э. Горюхина.

Таким образом, публицистичность, личностное начало, смена повествовательных форм и точек зрения определяют хождение Э. Горюхиной как публицистический жанр. В хождении Э. Горюхиной максимально раскрывается автор как конкретно-биографическая личность и проявляется в отдельных вкраплениях в канву очерков, фактов и событий, связанных с индивидуальным опытом и жизнью журналистики. Благодаря открытости авторского «я» в очерках эксплицированные формы выражения автора являются формами непосредственного соприкосновения автора и читателя посредством текста («Жизнь»).

Т.Н. Бунчук
(Сыктывкар)

Отражение обрядового дискурса в лексике народной медицины (на материале севернорусских говоров)

Народная медицина, как, впрочем, и официальная так называемая «ученая» медицина, по своему назначению и, соответственно, происхождению связывается с действием, имеющим цель преобразовать состояние человека, являющееся результатом неких предшествующих событий. Однако научная медицина обращается к фактам объективного свойства, сосредоточиваясь на физических, физиологических и др. факторах и проявлениях болезни. Условно говоря, она отделяет носителя болезни и окружающий его мир: больной есть физико-биологический

объект из ряда других объектов мира, имеющий «сбой» в сложноорганизованной материальной системе (неважно, поражение это тканей или психо-неврологическое расстройство), и на устранение этого «сбоя» (изолированно от всей системы или в совокупности всех ее элементов) и направлены действия *доктора*¹. Народная медицина, как и народное (донаучное, наивное) мировосприятие в целом, обращается к фактам и объективного, и субъективного свойства в равной мере, рассматривая мир как неразделимую субстанцию, где оказываются связанными все ее проявления – и материальные, и идеальные, где конкретное сознание не есть сознание примитивное, а сознание гармонично всеобъемлющее. Конкретное (материальное) тесно связано с абстрактным (идеальным) и определяет его, и в равной степени наоборот – идеальное определяет материальное. Видимое (материальное) и невидимое (идеальное, воображаемое) сосуществуют в народном мировосприятии как равно реальные явления, как стороны одного целого. Соответственно, «сбой» хотя бы в одном из явлений мира влечет за собой видоизменение всего космоса, нарушение привычного соотношения предметов, и, значит, устранение этого «сбоя» есть восстановление мирового равновесия. Причинами нарушения привычного человеку равновесия виделись и природные явления (например, смена зимы и лета), и социальные преобразования (например, брак), и вторжение сверхъестественных сил как следствие несоблюдения человеком обязательных правил мирового общежития. Любая из этих причин требовала ответных мер – проведения специальных обрядов: календарных, переходных, окказиональных. Прагматико-семиотической основой обряда являлось символическое повторение творения мира, воссоздание его в новом, преобразованном виде², и потому для этого должны быть задействованы все его составляющие – природные стихии, флора и фауна, человек и т.д. (семиотическая многоканальность обряда есть отражение установки на космическое преобразование).

Одним из таких обрядов в народной культуре является обряд лечения больного: «вернуть «пациенту» нормальное здоровое состояние означало предотвратить разрушение мироздания, воссоздать космоприродный ритм, бесперебойный ход бытия»³. Семиотическая прагматика

¹ Не случайно именно лексема *доктор* является в русском литературном языке обозначением субъекта научной медицины; по своей стилистической окраске лексема книжная, а значит, наиболее удаленная от народной речи, соответственно, и понятие, ею обозначаемое, далеко для народного сознания. Слово *доктор* заимствовано посредством немецкого или польского языка из латинского *doctor* (Фасмер 1: 523), которое, в свою очередь, образовано от глагола *doceo* 'учу, обучаю' и буквально значит 'ученый врач' (См.: *Откупщиков Ю.В.* К истокам слова. М., 1973. С. 14).

² См.: *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993.

³ *Кричинная Н.А.* Ведуны в свете мифологии: к истокам семантики образов // Гуманитарное образование в Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 88.

действий народного целителя как демиурга отражается в лексическом значении слов, тематически связанных с этой областью традиционной культуры.

Болезнь в народном сознании воспринималась как следствие неправильного поведения человека, нарушение определенных запретов: во время не перекрестился, пренебрег оберегом, не о том подумал и т.п. Нарушение в малом, по мысли носителя традиционной культуры, тут же влекло за собой нарушение в мироздании, в результате чего стирались границы миров, смешивались явления космоса и хаоса. В человеческий мир проникала враждебная ему сила и карала вольного или невольного виновника. Исследователями традиционной духовной культуры и языка уже давно было замечено, что болезнь в системе народного мировидения имеет образ некоего сверхъестественного антропоморфного или зооморфного существа, проникающего в человека. Это и двенадцать сестер лихорадок (*Трясовица, Огневица, Горькуша, Гнетяя, Пухляя, Дряхлая* и пр.), и *Икота*, и *Волос*, и *Оспа Афанасьевна* и т.д.¹ Болезнь нападает на человека, как на жертву, ее агрессивность по отношению к человеку отражена в глагольной синтагматике этих имен: *болезнь ударяет, шибает, кидает, стреляет, хватает, нападает, бросает, заваливает, вертит, бьет*.² Побороть это существо, болезнь, можно, только вернув мир в исходное состояние, очертив границы мира человеческого и мира потустороннего, откуда пришло враждебное существо и где оно должно быть согласно мировому порядку. Осуществить эту задачу под силу человеку не простому, а обладающему особыми знаниями – *знахарю, колдуну*. Особое отношение к таким людям выразилось в эфемистических наименованиях *старик / старушка, бабушка, один / одна, он / она, такие люди*, например: *Бабушки были, шептали* (ФА СыктГУ 13155-7), *А это вот есть такие были люди <...> даже женщин лечили* (ФА СыктГУ 13127-13). В этом типе словоупотребления отразилось древнейшее отношение к слову как имени денотата, его неотъемлемому материальному свойству. Знахаря уважали и боялись, признавая за ним силу воздействовать на действительность, его прямое именование мыслилось как призыв и потому не могло быть использовано впустую.³ Христианская идеология стала причиной появления в качестве

¹ См.: *Черепанова О.А.* Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983; *Кричная Н.А.* Русская народная мифологическая проза. Петрозаводск, 2000; *Меркулова В.А.* Народные названия болезней. I: На материале русского языка // *Этимология*. 1967. М., 1969. С. 158-172; *Она же.* Народные названия болезней. II: На материале русского языка // *Этимология*. 1970. М., 1972. С. 143-206.

² См. об этом: *Потебня А.А.* Символ и миф в народной культуре. М., 2000; *Колесов В.В.* Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986. С. 93-104; *Жмурко О.И.* Концепт болезни по данным русских народных говоров // *Лингвистика – какая она есть. Лингвистика – какая она будет: Межвузовский сб. науч. тр.* Иваново, 1998. С. 86-93 и др.

³ Так назывались знахари и колдуны в беседе с собирателями, т.е., по мысли носителей народной культуры, в коммуникативной ситуации с праздной установкой.

наименований народных целителей таких лексем, как *еретик / еретник / еретница, егишна* (*Говорят, эта Козлуха-то еретница, да вот это все знает* (ФА СыктГУ 13122-17), *Да я к этим егишнам-то не ходил, хозяйка все бегала, я нет* (КСРГРК Лоемское собр.)¹ и т.п., в которых отражено резко негативное отношение к проявлениям дохристианской языческой культуры, в том числе и к умеющим лечить с использованием мифологических средств.

Персонифицированная болезнь и знахарь мыслились как представители разных сторон мира – своей и иной, как субъекты действий с противоположным вектором: знахарь, борясь с напавшей, мучающей и т.п. болезнью, также совершает достаточно энергичные действия – *загрызает, рубит, мнет* и т.п. Ср.: *У нас вот тут старушка загрызала одна* (ФА СыктГУ 13111-17), *рубить поясницу* 'лечить прострел (люмбаго), ударяя по пояснице ребром ладони (о знахарке). Сиб.; махать топором над обнаженной поясницей больного, положенного на порог дверей, для снятия боли при люмбаго' Новг. (СРНГ 35: 225). Однако в системе традиционного мировидения болезнь и знахарь являлись, скорее, коррелятами, нежели оппонентами (антагонистами): воздействовать на силы иного мира мог только тот, кто умел говорить с ними на их языке, а значит, иметь общие коррелирующие признаки. Лечение обычно происходило в знаково отмеченном месте и времени – в бане, на пороге и т.п., в полночь, полдень и т.п. Эти пространственные и хронологические точки традиционно маркировались как принадлежащие иному миру. Таким образом, знахарь совершал действия, зеркально противоположные действиям сверхъестественных сил: он «проникал» в другой мир для совершения магических манипуляций. В языке севернорусских говоров отмечены лексемы *пухтать / пухтарить* в значении 'лечить заговорами, нашептывать, колдовать' Вят. (СРНГ 33: 165); и выражение *пухлый час* 'о времени суток, когда особенно активны колдуны, нечистая сила' (СРНП 2: 190)². Примечательно и то, что характер действий знахаря, отраженный во внутренней форме слова, коррелировал с действием, производимым болезнью: напр. *грыжу лечат загрызаем* и т.п.³ Способности знахаря связываться с другим миром отразились на отношении к нему: в народном понимании знахарь (колдун), как правило, странный, не похожий на всех, но опасный человек: *Что те знахари, что колдуны*

¹ Лексема *егишна* этимологически связывается с мифологическим именем *Яга*, в севернорусских говорах оно используется наряду с наименованием знахарки и как инвектива (СРНГ 8: 316).

² См. об этом: *Черепанова О.А.* Народные представления о времени в языке: «Пухлый час» // *Вопросы теории и истории языка*. СПб., 1993. С. 141-147.

³ Такое соотношение слов и действий, ими называемых, в народной культуре Н.И. Толстой квалифицировал как «этимологическая магия» (*Толстой Н.И.* Народная этимология и «этимологическая магия» // *Толстой Н.И.* Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 317-332).

– одно и то же, наверно (ФА СыктГУ 1353-24), *Может и спорить, и наладить*¹.

Приступая к лечению больного, знахарь моделировал ситуацию диалога человеческого мира и мира сверхъестественных сил для определения границ этих миров, для восстановления нарушенного равновесия. Чтобы вернуть мировое равновесие, необходимо было удалить враждебное человеку существо – болезнь – за пределы человеческого мира, туда, где его место, откуда оно и пришло. Идея удаления, изгнания выражается в словообразовательной структуре глаголов, называющих разнообразные лечебные действия. Большинство глаголов имеют в своей структуре префикс со значением 'удаление, лишение, движение извне наружу' – *вы-, от-, у-, из-: выговаривать, вылизывать, выводить, вымыть, выправить, отгрызть, отчитать, умыть, уговорить, избыть, исправить*. В контексте данного наблюдения выразительно такое обрядовое действие и его наименование – *прощаться с местом* 'по суеверным представлениям, для успешного лечения (при некоторых болезнях) припомнить то место, где заболел, и посещать его для прощания с ним' Новг., *ходить прощаться* 'по суеверным представлениям, для успешного лечения ушибов, полученных при падении, посещать место, где упал' Нижегород. (СРНГ 33: 55).

Одновременно с действием удаления инородного существа из мира человека, знахарь должен был вернуть этому миру прежний вид, т.е. перевернуть перевернутое болезнью. Эта мысль находит отражение в наименовании *опрокинуть испуг* (*Вот эту посудинку опрокидаешь че ли в ковшичек, скажем, посудинку опрокидаешь: я испуг опрокидаю!* (ФА СыктГУ 2009-10)². Идея исправления нарушенного выражается и в глаголах *править, поправить, выправить* 'восстанавливать / восстановить испорченное, неправильное' (*Пойдут с бабушкой выправлять на крестах* (КСРГРК Лоемское собр.); *Все вывихи и все поправит* (ФА СыктГУ 1314-27)³, *перелекать* 'заново печь, исправлять; в суеверных обрядах способ лечения младенца от болезни *собачья старость*: его сажают на лепешку (или заворачивают в нее) на лопату и подносят к устью горячей печи (или суют в нее), произнося при этом заговор. Новг., Пермск., Иркут' (СРНГ 26: 181); эта же идея просматривается в мотивировке обрядового действия *прощания с местом / ходить прощаться*: чтобы исправить покачнувшееся здоровье, необходимо *вернуться на то же место*, символически начать жизнь сначала от этой точки отсчета.

¹ Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и авт. коммент. О.А. Черепанова. СПб., 1996. №299. С. 79. В русском фольклоре имеется немало суеверных рассказов о колдунах и их необычном виде и действиях (См. также: Криничная Н. А. Русская народная мифологическая проза).

² Ср. также *опрокидены* 'завороженный, испорченный знахарем' Новг., Волог.; 'оборотень' Арх. (СРНГ 23: 300).

³ Лексема *править* в значении 'лечить' известна в русских говорах повсеместно (см.: СРНГ 31: 57-58).

Чтобы восстановить прежнее соотношение мировых сил, необходимо было придать человеческому миру его очертания. Одним из релевантных признаков «своего» мира является дискретность и упорядоченность его элементов, в отличие от хаоса, который виделся нерасчлененной и беспорядочной субстанцией. Эти свойства человеческого мира символически воссоздавались знахарями. Отражение такой прагматики их действий обнаруживается в глаголе *мерить (ребенка / голову больного)* (КСРГРК Лоемское и Кировское собр.) и в группе глаголов с общим корнем -чит- (*начитать, причитать, почитать, отчитать*). *Мерить* 'определять какой-либо мерой величину, устанавливая размеры чего-либо' служит символическим выражением действия по установлению четких очертаний предмета, правильности его формы и, соответственно, места среди других предметов: *Бабушка научила голову поправлять. Веребочкой померяешь там. Вот она сажу из печки возьмет и на этой веревочке белой помажет, специальные там места, помет тут над ухом, над другим ухом, вот тут и тут!* [На лбу и на затылке?] Да. Потом она веревочку складывает, и они все <метки> должны ровно быть (ФА СыктГУ 13133-32); *Меришь – это в бане ребеночка так: локоток с коленком соединяшь и потом распрямляешь, гладишь, как бы правишь, чтоб все правильно: и ручки, и ножки, и животик не болел* (КСРГРК Кировское собр.). В глаголах с корнем -чит- идея упорядочения действительности выражена имплицитно – посредством названия магического действия. Этимологически этот корень связывается с действием счета, с перечислением видимых предметов (Фасмер 4: 374). Такое перечисление мыслилось как упорядочение мира, придание ему дискретности¹. Лексическое значение корня -чит- выступает в виде семантической синкреты, где неразрывно связанными оказываются смысловые элементы 'произносить' и 'читать', т.е. посредством речевого акта символически преобразовывать окружающую действительность, делая ее «своей», человеческой, где все предметы и явления имеют свое место и положение: *Потом она принесла воду, он чего-то начал в воду-то, потом и все прошло опять* (ФА СыктГУ 1308-26), *Почитают на воду и брызгают* (ФА СыктГУ 1311-10). Кроме того, глагол *читать* в данном контексте обозначает не просто речевой акт, а произнесение специального ритмизованного текста – заговора или молитвы, в котором посредством перечисления предметов, локусов и т.д., повторением лексем, текстовых фрагментов, одинаково синтаксически и интонационно построенных синтагм выражается идея космического ритма, человеческого бытия. Свойства текста, произнесенного в обрядовой ситуации, экстраполировались миру, тем самым происходило действие по воссозданию, восстановлению нарушенного миропорядка. В северно-

¹ См.: Топоров В.Н. О числовых моделях в архаичных текстах // Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т.1: Теория и некоторые частные ее приложения. М., 2004. С. 226-272.

русских говорах отмечено выразительное употребление слова *читать* с метонимически образованным значением 'лечить': *Ой, жар поднимется у него, ты его читай, вымой его, вот и все пройдет* (ФА СыктГУ 1364-18).

К группе глаголов с корнем —чит- по своей семиотической значимости примыкают такие наименования магических лечебных действий, как *говорить / говорить слова, шептать*: *Че-то говорят и вот и печат* (ФА СыктГУ 1359-26); *Тоже люди говорили, были слова, тоже слова говорили, женщинам помогали* (ФА СыктГУ 13127-15); *Ковш воды взяла, че-то потом ноги взяла и че-то она туда шептала, шептала <...> и все* (ФА СыктГУ 1364-25). Слово в таком использовании оказывается столь же действенным, как и любая другая невербальная магическая манипуляция. Показательна для характеристики обрядового дискурса народной медицины лексема *шептать*, которая обозначает коммуникацию в неординарной ситуации, требующей необычного (отличного от обычного) характера речи¹.

Семиотическое преобразование действительности должно было коснуться всех ее составляющих – природных явлений, животных, растений, человека. Поэтому так всеобъемлющ мир народной медицины. По замечанию исследователей, символами, связанными с этой областью народной культуры, оказываются огонь, вода, земля, деревья, травы, животные, светила.² Не все эти символы нашли вербальное выражение в лексике анализируемой тематической группы. В наименованиях лечебных действий нашли отражение образы воды – *умывать, брызгать* (напр. *Потом говорит: Ой, Вера, я изурочилась, брызни меня водой, чтоб я не видела* (ФА СыктГУ 1314-15), воды и огня – *парить, сидеть на парах* 'в кадуюшку с водой опускают горячие камни, и больной, укрываясь, садится на нее' (СЧГ 83), огня – *прижигать, перепекать, окуривать* 'обдавать дымом; при лечении сифилиса окуривать киноварью и травами' (СЧГ 65).

Выражением действия по созданию структурированного пространства является глагол *чертить / очертить* 'вести черту; обозначить чертой границы', т.е. символически создать границы между своим и чужим пространством: *Давайте сейчас у вас у которой-нибудь будет нарыв нарывать, я сейчас очерчу и через два дня не будет его* (ФА СыктГУ 2037-20); *На койку положил, и вот ребенок лежит на койке, и он чертил* (ФА СыктГУ 1363-16)³. Очертить в обрядовом контексте – это не

просто начертить линию, являющуюся границей, это выразить идею вечности в непрерывающейся линии круга, вечности мироздания, в которой человеческое и сверхъестественное имеют свое местоположение. Очертить locus болезни – это одновременно и отделить ее от больного, вывести за пределы его тела, и создать преграду для угрожающих сил иного мира.

Таким образом, действия народного целителя, знахаря, были направлены не только и не столько на восстановление здоровья заболевшего человека. Эти действия должны были восстановить изменившуюся конфигурацию космоса. По мысли носителя народной культуры, такое преобразование было возможно только в обряде – знаково отмеченной ситуации диалога мира человека и мира сверхъестественных сил.

А.Н. Власов
(Санкт-Петербурга)

Преодоление средневекового кода «текста культуры» в памятниках севернорусской письменности

Желание бессмертия есть продолжение жизни всякой отдельной личности. Непрерывность бытия не зависит от смерти, она проявляется именно в смерти. Это основа религиозного жертвоприношения, при акте которого совершается обнажение и умерщвление жертвы. Присутствующие при гибели жертвы сопричастны тому, что происходит при этом. Историки религий называют эту стихию *сакральным*. Следуя логике Ж. Батая, таков механизм взаимодействия или превращения профанного в сакральное¹.

Особенно ярко этот переход из одного мира в другой проявляется в средневековых текстах, посвященных описанию жизни святых, в частности юродивых. Фигура юродивого должна была в основных чертах своей земной деятельности и бытия соответствовать нравственно-эстетическому представлению о безобразном и низменном в культуре. Образ юродивого был узнаваем всеми как герой антимира культуры и как мыслимый образ нравственной высоты мира настоящего. Без этого постановка дидактических задач в тексте была бы невозможна. Об этом напоминает нам и составитель поздней версии Жития Прокопия Устюжского с отсылкой на слова апостола Павла (1 Коринф. 1-4): *«По апостолу глаголющему: «Братие, буяя мира сего жития избра Бог, да ся посрамит крепкая и премудрая мира сего держава, и покорения человеку*

¹ См. об этом, напр.: Левкиевская Е.Е. Голос и звук в славянской апотропеической магии // Мир звучаний и молчаний: семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999. С. 51-72.

² См. об этом, напр.: Мазалова Н.Е. Народная медицина локальных групп Севера // Русский Север. К проблеме локальных культур. СПб., 1995.

³ Ср.: *Очерчиванье* 'способ лечения у знахарей (обводя больное место безымянным пальцем и нашептывая заговор)' Южн. Сиб. (СРНГ 25: 65); также *очертить* 'обвести

углем вокруг кого-либо магический круг (что по суеверным представлениям ограждает от нечистой силы)' Костром., Новг., Вят. (там же).

¹ Батай Ж. Эротика // Батай Ж. Проклятая часть. Сакральная социология. М., 2006. С. 503-505.

на се избра Бог, и не сущая, да сущая человеки упразднит» (БАН, 45.10.2. Л. 16)¹. Обратим внимание на то, как рождается это представление о юродивом и какие интенции лежат в основе рождения сакрального образа.

Возможно, ответы на эти вопросы содержатся в первой попытке агиографа составить биографию юродивого. Так, в ранней версии Жития Иоанна Устюжского, записанной в 1554 г. простолоудином Павлом, сыном игумена Сольвычегодского Борисоглебского монастыря Дионисия, мы сталкиваемся с любопытной особенностью: описание земной жизни юродивого сделано со слов отца и дяди, которые были современниками Иоанна, видели его и жили с ним в одном городе. Отсылка на устный рассказ настолько очевидна и непреднамеренна, что вряд ли ее можно считать художественным или риторическим приемом. Более того, установку на запись устного рассказа можно усмотреть в частых упоминаниях об этом в прямой речи повествователя², а также в стремлении передать устную речь с характерными для нее идеоматическими оборотами, употреблением местных слов, прозвищ и названий, инверсионным синтаксисом³. Это, по сути, осознанная ориентация на профанный текст, благодаря которому первоначально создается образ героя в контексте профанного мира, где герой определяется посредством отрицания отличительных черт этого мира, его установленных и принятых норм. Поэтому фигура юродивого попадает, естественно, в разряд отверженных и наделяется, с точки зрения этого мира, индивидуальными чертами. Таким образом, текст первой редакции Жития Иоанна в большей степени ориентирован на передачу памяти этого профанного текста, в котором установлены границы существования героя в мире профанной культуры, и его действия оцениваются как возможные провокации, направленные на уничтожение этих границ. Наиболее ярко ориентация на профанный текст проявляется в главе «О подвиге святаго», в которой, если убрать явные книжные вкрапления составителя, останется только «запись» профанного текста⁴. Таким образом, перед нами возникает ин-

дивидуализированный профанной культурой образ юродивого, наделенный необходимыми качественными характеристиками, отрицающими эту культуру.

Юродивый был идеальным воплощением качеств и свойств, которые несли в себе дураки (глупые), дурачки (безумные), калеки – одним словом, физически и умственно неполноценные, с одной стороны, люди, с другой стороны, люди, нравственно падшие: пьяницы, нищие и т.д. В контексте именно этих образов традиционной народной культуры сложился идеальный образ севернорусского юродивого, отличительной чертой которого является топос наготы¹.

Итак, в обобщенной формуле юродственного бытия аллегорически отображены представления о наготе, безумии, немоте, уродстве как негативные характеристики антимира народной культуры. Отчуждаясь от низменного, трагического мира, эти понятия наполнялись иными значениями, приобретая символический подтекст. В этом случае обнажение юродивого обозначало очищение его, безумство – мудрость, немота (косноязычие) – пророческое слово или речение. Перед нами разработанная техника перехода символического в аллегорическое и, наоборот, аллегории в символ, что связано с повышенной художественной экспрессией житийного повествования.

До того пока не произошло этого момента «узнавания» множества известных черт в одном образе, фигура и подвиг юродивого остаются вне культурного пространства среди тех, кто отвержен миром: «и поношаху его и укоряху, и пяху его и бяху и на лице его плеваху и гнушахуся им... (БАН. 45.10.2. Л. 209). Он наделялся оскорбительным прозвищем и даже исключался из бытовой повседневности «нормальной» жизни.

Одним словом, образ в таком контексте не имеет сакральной силы. Здесь фраза А.М.Панченко о том, что «идеальный костюм юродивого – нагота», может восприниматься не более, как фигура речи, указываю-

а терпяше непобедим пребываеши наг лишеннен мовит ни власяницы не имея, нося един плат рубиа раздранны, им же препоясан по чреслом. В нем же бо хождаше праведник. То едино за все имаше, а иногда срачицу ношааше зело уруднени, а не омовенну николи ж. Сей убо святой тшашеся честный он божи человек истинный праведник по велицем праведнице по блаженнем Прокопии. На предняа поспевати, задняа забывати нечи безумнии несмыслении человеци не у кыа невогласы зряхут на нь, // (л. 186 об.) глаголааху: «Се новобешенина». Пхахут его и по шии бяху бо его и плеваху на нь, и лице его кропяхуть гнушающеся. Праведник же все то с благодарением приимаше и алчю жадаа питиа, а сам ни у кого ж взимааше, наг зимю умираа и зное изгараа, от всякия воздушныа твари божею помощию покрываем». – РГБ, Музейное собрание, №1365.

¹ «Заутра же паки во весь день блаженный Прокопий исхождаше на улицы градныя, и в похабстве пребываея. Егда же хотяше святой покой обрести многого труда своего, или почти мало тогда на улицах, на гнощи или на сметнице, или в ветхой и непокровенной храмине пометаше себе единым токмо нагим телом своим лежаще». – БАН. 45.10.2. Л. 22.

¹ Цитируем по известным спискам житий Прокопия и Иоанна Устюжских (См. подробнее текстологический анализ списков житий в работе: Власов А.Н. Устюжская литература XVI-XVII вв.: историко-литературный аспект. Сыктывкар, 1995. С. 19-33).

² «Воистину право известно о житии блаженнаго сего, реку: «Иоанн каков бе?» И поведаша ми вся подробно. Наипаче же слышах у отца своего и у Стрыя (дяди) своего. <...> И сподоби его Бог видети таковаго светилника и погребати тело блаженнаго Иоанна со прочим чином священства тоя великия церкви. И в животе видел чудеса блаженнаго, и по преставлении святаго многа знамения у гроба его содеяша». – РГБ, Музейное собрание, №1365. Л. 176-176 об.

³ «и нашею поместну беседую земледелец»; «Еще одно дело скажем»; «На предняа поспевати, задняа забывати». – РГБ, Музейное собрание, №1365. Л. 181 об.

⁴ «И оттоле святой начат уродство творити пред человеки, дабы не знали дела его. Яже творяше святой – по граду и по // (л. 185 об.) улицам рыца грунцюю. И егда ему не хотяше ходити и съглядаше места иде же быше куча гноща, по образу Иева праведнаго. <...> И сей блаженный в том бяше хождаше преподобный

щая на парадоксальный характер самого явления¹. И все же «костюм» юродивого – художественная реальность, и он становится важной составляющей структуры всего образа, одной из его художественных доминант.

Все, что касается одежды таких персонажей, как жених, невеста и т.д. (в текстах традиционной народной культуры), то она может быть названа костюмом. Однако нас интересуют фигуры отверженных в этой культуре. Пьяницы, или образно «голи кабацкие», изменившие самовольно свою божественную и природную сущность, отпавшие от добродетельного пути, имеют в традиционном тексте культуры некоторые намеки на то, что можно назвать деталями костюма, и то по принципу его отрицания. Как определенную степень нравственного падения следует расценивать акты пропивания шапки, сапог, верхней одежды, пояса и нательного креста. Происходит собственно раздевание персонажа, его обнажение. Известные изображения пьяниц в настенных сценах Страшного суда, в миниатюрах Синодиков и народных картинках позволяют говорить лишь о их периферийном положении в «тексте» культуры. Их внешний вид, а, соответственно, и их костюм не обладают признаком индивидуальности, это, скорее, антикостюм в народном представлении о «голом и небогатом» и грешнике.

Костюм же юродивого и его нагота, напротив, должны были обладать качеством иконического знака (они имеют свойства живописного образа). Исходя из признаваемой многими исследователями сущностной природы юродства как явления, основанного на парадоксе, относительно его художественной ипостаси уместно говорить о нем как явлении, основанном на приеме инверсии. Причем о символической инверсии как принципе создания художественного текста. Например, если то, что является низменным и черным, вдруг получит стремление возвыситься, ему нужно стать белым. Такова «символическая логика» инверсии, и необходимо отметить, что она имеет прямое отношение к мифу о жертвоприношении. Жертвенный характер подвига юродивого очевиден.

Житийный текст рождается в стремлении социума преодолеть зло внутри себя, но в повседневности и в повсеместности зла происходит и его становление. Прекрасный образец инверсионной техники мы наблюдаем в процессе создания текста о юродивых. В частности, вспомним описание внешности Иоанна Устюжского в тексте середины XVI в. (см. выше). Перед нами образ, еще не потерявший связь с реальностью профанного мира и наделенный индивидуальными чертами: Иоанн наг и только по чреслам перепоясан разорванным на лоскуты платом, или одет в рубашку, подол которой загрязнен фекалиями. В поздней редакции текста жития его «срачица» черна от грязи. Мы вновь сталкиваемся с техникой символической инверсии зрительного образа. Иконографиче-

ское изображение помогает преодолеть границу между профанным и сакральным.

То, что можно назвать «костюмом» юродивого, еще обладает внутренней динамикой и некоторой степенью индивидуализации. Костюм его может быть даже «выписан» на иконах. Таково, например, описание в иконописных подлинниках: «*Святаго Прокопия Устюжскаго чудотворца ... риза збагор (сбагрязна) с белилом дол лазор*»¹. Это описание иконографического типа Прокопия относится к XVI-нач. XVII вв. Более подробную характеристику иконографические образцы Прокопия и Иоанна Устюжских имеют в так называемой Сводной редакции иконописного подлинника XVIII в. В нем уже не просто дается описание обобщенного типа юродивого, отмеченного универсальной, костюмированной чертой (наготой и босотой), как фигура московского юродивого Василия Блаженного (на иконах строгановского письма он изображается совершенно голым). Здесь Прокопий и Иоанн предостоят в их собственном индивидуальном костюме юродивого: «*Иоанн <...> риза на нем раздранное рубище, изчерна-бело, изголося по нем и на руки, плечо голо и ребро, ноги выше коленей голы*». Обратим внимание на цветовые характеристики «рубища» («изчерна-бело»), т.е. белая рубаха подчеркнута черным цветом. «*Прокопий <...> риза на нем дико багрязная, с правого плеча опущена, в руке три кочерги, на ногах сапоги раздранные и персты видны, колени голы*». Статическое описание, данное в первой части статьи иконописного подлинника, затем сопровождается комментарием: «*Обычай имеяше ходити по граду во единой ветхой рубищной одежде, полунаг сущи, в зиме мраз и снег, в лете же зной и вар солнечный претерпевая, рубищну, же носимую одежду имеяше с единаго рама спущену, и плещи обнажены готовы на раны; в левой руке своей ношаше три кочерги*»². Главное, что подчеркивают эти описания в иконографическом образе юродивых, – это нагота. Комментирующая функция текста дает лишь возможность аллегорического толкования фигуры Прокопия при условии, что символическое его значение сужается до значения иконического знака.

Наличие двух планов символического изображения юродивого указывает на инвариантность его костюма. В повествовательных текстах появляются различные версии восприятия образа и, конечно, его одеяния. Однако в костюме юродивого всегда присутствует топос наготы и босоты святого.

Приведенные примеры лишь доказывают, что в тексте культуры уже произошел процесс становления данного типа героя (юродивого) и сложения топоса костюма – его опознавательного знака, подчеркивающего наготу героя как живописного вида данного типа подвижничества. Даже

¹ Панченко А.М. Смех как зрелище. Древнерусское юродство // Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 92.

¹ Строгановский иконописный подлинник конца XVI – начала XVII вв. М., 1869. 8 июля.

² Иконописный подлинник сводной редакции XVIII в. М., 1878. 8 июля.

позже в профанных текстах, таких, как Житие Иоанна Самсоновича, мы легко находим эти опознавательные знаки образа юродивого¹.

Генетически «костюм» юродивого севернорусских житий восходит к известным формулам из жизнеописаний византийского святого Андрея Цареградского: «Одежда его бе рубище некое непотребное, едва могущее прикрыти наготу телесную» (Четьи Минеи, Октябрь) и московского святого Василия Блаженного: «ни вертела мала име у себе; ни ризнаго одеяния на теле своем ношаше, но без крова всегда пребываше, и наг хождаше в зиме, и в лете» (Пролог, 2 августа). Речь идет, конечно, не о прямой цитации текстов, а главным образом о метатекстуальных реминисценциях, т.е. ориентации севернорусских агиографов на традицию. Поэтому решение героя принять подвиг юродства автор Жития Прокопия изображает в следующей формуле: «Сам же во юродство претворися облечеша в раздранныя и непотребныя ризы (т.е. выбрав соответствующий костюм – А.В.) и во блаженство преложиша Христа ради».

А.М. Панченко находит, что в зрелищном плане юродивый похож на скомороха, и проводит определенную аналогию между костюмом юродивого и костюмом скомороха.² Однако это только одно из возможных феноменологических толкований формы юродственного поведения. Вряд ли у создателей житийного текста и его читателей могла в принципе возникнуть такая прямая ассоциация. Например, Семен Шаховской в своей Похвале настаивает на автологичности – самостоятельной ценности образа юродивого, отрицая возможность возникновения какой-либо ассоциации с кем-либо из других персонажей культуры: «Препросто в житии пребывая, прося в добродетелех преизящне; во единой же ризе хождаше. И егда убо сия раздирашеша иныя не требоваше, но к той же рубы пришиваше и наготу свою телесную покрываше; и с тремя жезлы хождаше и тем Пресвятую Троицу преобразоваше».

Таким образом, юродивый Христа ради занял свое исключительное место среди христианских святых и персонажей народной культуры Севера. Причем «костюм» юродивого стал не только выражением внутренней сущности его обладателя, но и важным звеном на этапе становления самого образа в его типических и индивидуальных чертах севернорусского текста культуры.³ В отношении же персонажей антимира культуры понятие «костюм» не имеет никакого значения. Можно сказать, что «костюм» юродивого – это то, с чего начинается костюм во всей его символической значимости.

Обратим внимание еще на одну характерную черту образа юродивого – его жест, шире – поведенческий стереотип. В нем также много при-

мечательного и не столь однозначного, как может показаться на первый взгляд при прочтении текста жития. Еще в ранней версии жития Иоанна Устюжского агиограф, со слов своего отца и дяди, отмечает: Иоанн передвигался по улицам города непривычным способом – он не ходил, как все обычные люди, а бегал рысцей (с прискоком) («по граду и по улицам рыща груницею»). Смысл подобных действий юродивого остается за пределами понимания очевидцев жизни святого и «писателя» текста жития. Такие действия полностью становились принадлежностью сакрального текста, а в поздних по времени редакциях Жития мог лишь появляться слабый намек на рациональное объяснение такого поведения, точнее отсылка, что подобное поведение было взято с образца – «Поминая себе прежних святых отец жития, како они терпели и страдали Бога ради, по граду и по улицам рыщуци грунцю...» (БАН. 45.10.2.).

В более позднее время мы встречаем подобное же загадочное поведение сольвычегодского юродивого Иоанна Самсоновича. Очевидец недоуменно повествует о том: «Его же, блаженнаго, и мне грешному Бог сподоби видети в том его бегании в летние дни к тем осокорям (со снам – А.В.). А во время тех беганий в прежереченныя лесе Терюшинския. И до коих мест дохождаше или в другую сторону к Пачеозерской веси. И что в них творяше. Никому не ведомо. Един Бог весть. Но точию в бегании в Терюшинския лесе по пути из малых ветвей березовых малые кольца свиваше. И по три кольца вместе связываемыя мешаше по земли; также и срачицу свою на мелкие части раздробляше и пометаше на землю. Их же виде народ многожды. Священник Стефан, бывши в та лета у церкви Преображения Господня, те малыя частицы срачицы его блаженнаго дробленныя от земли взимаше¹. Автор текста не дает никаких рекомендаций к толкованию такого поведения юродивого, так как сам еще находится в мире профанной культуры.

Зато в Житии Прокопия Устюжского пророческий жест юродивого с кочергами провоцирует множество интерпретаций. Прежде чем этот жест Прокопия стал принадлежностью вербальной знаковой системы и одной из структурных частей житийного текста, он оформился и приобрел соответствующую мифологическую сущность в иконографии. Иконографический образ Прокопия легко поддается трактовке. По мнению Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского, жест юродивого является своеобразным богослужебным значком (эмблемой)². Это, конечно, прямо не связано с земледельческой магией и ограничивается рамками христианского богослужебного канона. Две другие интерпретации жеста Прокопия,

¹ Житие юродивого Иоанна Самсоновича // Соскин А.И. История города Соли Вычегодской / Сост. А.Н. Власов. Сыктывкар, 1997. С. 165.

² Панченко А.М. Указ. раб. С. 72.

³ Власов А.Н. «Костюм» юродивого на Русском Севере // Народный костюм и современная молодежная культура: Сборник статей. Архангельск, 1999. С. 42-50.

¹ Житие юродивого Иоанна Самсоновича // Соскин А.И. История города Соли Вычегодской. С.165

² Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Новые аспекты изучения культуры древней Руси // Вопросы литературы. 1977. №3. С. 162-163.

предложенные А.М.Панченко, указывают на его фольклорно-обрядовые¹ и литературные² аналогии.

На уровне народного сознания эта особенность культа Прокопия закрепила в известном представлении у крестьян Устюжского края: в день памяти святого (8 июля по ст. ст.) запрещалось работать на сенокосе, так как собранное в стога и копны сено могло быть сожжено молнией. В этом смысле кочерга в руке Прокопия может восприниматься как знак магической силы земледельца: кочерга (или ожег) часто фигурируют в качестве сакрального предмета при гаданиях и выполняют охранительную функцию как знак домашнего божества «очага-рода». Вместе с тем с помощью кочерги Прокопий борется против той же «плодовитости», таким образом, фаллический символ выступает как бы с обратным знаком.

В системе мифопоэтических представлений жест Прокопия мог восприниматься ретроспективно, как вторичная деталь, характеризующая земледельческую функцию местного святого. Впрочем, сам жест в этой системе вряд ли вообще имел какое-либо значение, скорее всего, именно предмет (кочерга) не выпадал из привычного ряда вещных сущностей культурного обихода земледельца и заданного архетипа основного мифа о первопредке.

Таким образом, культ Прокопия складывался из многих элементов, которые являлись магическими и культурно значимыми в предшествующих архетипических моделях культуры. Однако взаимосвязь этих элементов оказывается весьма слабой, и попытки реконструировать на их основе целостные мировоззренческие системы прошлого вряд ли возможны. Приведенные архетипические черты в культе Прокопия представляют в целом лишь некую систему намеков на древнее происхождение образа.

¹ Кочерга используется в свадебном обряде. Выходя на сватовство, связывают вместе кочергу и помело, изображая жениха и невесту. То же находим в русских зрелищных загадках (там фигурируют кочерга и печь). Иначе говоря, кочерга – фаллический символ, обрядовый значок, пережиточный атрибут языческой магии (Панченко А.М. Указ. раб. С. 108).

² Жест Прокопия понимается как своеобразный литературно-поведенческий стереотип: «юродивый предсказывал урожай (или неурожай). Значит, искать образец нужно среди пророческих жестов. Точно такое предсказание исстари связывалось с одной из самых почитаемых цареградских реликвий – с правой рукой Иоанна Предтечи. <...> Об этом хорошо знал и помнил весь православный мир... Мысль о том, что это «проречение» служило образцом для устюжского юродивого, напрашивается сама собой. Видимо, так думал и автор его Жития, ибо есть следы ориентации агнографа на проложную статью «Собор Крестителя Иоанна». Оба текста прибегают к созвучиям. Как мы помним, «простертые» кочерги юродивого предвещают «пространство» плодов земных, «непростертые» – «непространство». Соответственно в Прологе под 7 января: когда рука Иоанна Предтечи «скутана» (сжата, согнута), тогда будет не изобилие, а «скудость». «Хлебная скудость» и «скудость велия» как синонимы «непространства» упомянуты и в Житии Прокопия Устюжского, но не имеют созвучных коррелятов. Скорее всего, это родимые пятнышки проложной статьи... созвучия – не самодовлеющая инструментовка, а реализация фундаментального принципа эха на уровне звучащей речи» (Панченко А.М. Указ. раб. С. 108).

Продуктивным в этом отношении является только сам процесс зарождения нового структурного нарратива, в котором оказалось запечатленным новое жанровое сознание носителей культуры края¹.

Еще одним важным этапом в механизме сакрализации образа и создания сакрального текста является изображение смерти юродивого, которое по сути предстает в тексте жития как священный акт жертвоприношения. Обратим внимание на близкое к профанному тексту представление о смерти в ранней версии Жития Иоанна, в котором за книжной риторикой только намечен знак необычности в происходящем явлении («Разумее же блаженный сие к Господу отхождение свое // и исход душевный и разрешение от союз телесных, помолився Господу Богу и Пресвятой Богородице о сущих в бедах, и воскорбех на конец о всем мире, и оградився крестным знаменем. И тако святым на земли возлег, яко един от нищих. Паки предасть святую и честную и непорочную и блаженную свою чистую и праведную душу в руке Бога жива. Тогда собрашася клирици соборныя великия церкви Пречистыя Богородица, иже есть во граде Устюге на площади <...> Неции ж искуснии видеша лице святаго, яко аггела Божия, и тело плоти его, аки снег». БАН. 45.10.2. Л. 67-67 об.).

И совсем по-другому мы видим описание этой этикетной сцены в Житии Прокопия, там смерть квалифицируется как особого рода церемониальный акт: «И прииде к монастырю Пресвятыя Богородицы Честнаго и Славнаго Ея Введения и Собора великаго архистратига Божия архангела Михаила и Прочих Небесных Сил...». Место легендарной смерти Прокопия – у ворот Михайло-Архангельского монастыря.

Описание преставления Прокопия Устюжского является одним из ярких примеров изображения «красной смерти» праведника. Следует отметить, что само описание не имеет под собой сколько-нибудь реально-исторической основы. Этот эпизод полностью вымышлен. Однако «вымышленность» не противоречит «откровению» самого факта смерти, так как в данном случае ценностный критерий происходящего лежит в иной плоскости («Не по мнозех же днех открься от аггела Господня блаженному Прокопию преставление его, и союз телесных разрешение»).

Сам акт исхода души святого имеет символическое значение. Он манифестирует своеобразные «меты» во времени и в пространстве: умирать Прокопий уходит ночью на мост, который ведет к воротам монастыря Михаила Архангела, через три дня его тело находят лежащим на голой земле, до погребения тело переносят в собор Успения Богородицы и наконец хоронят на берегу реки Сухоны около камня, на котором святой любил сидеть, молясь за плавающих по воде. Упоминание всех этих мест в период с момента смерти до погребения святого явно несет дополнительную смысловую нагрузку, обозначая культурное пространство. Затем там возникают общепринятые в христианском смысле культовые знаки – крест, часовня, где умер Прокопий, и церковь, где находятся святые мощи. Таким

¹ Власов А. Н. Устюжская литература XVI-XVII вв. С. 163-165.

образом, описание реального пространства и закрепление его границ в вербальной системе переходит в ритуально-обрядовый план, становясь местом для всеобщего поклонения. В народном сознании этот переход сопровождается и сакрализацией событийного ряда, который должен выпадать из будничного порядка вещей. Случайность события – это своеобразный рычаг для закрепления его в памяти носителей традиции, тот же знак высшего порядка, дополняющий значительность смерти святого и переводящий ее в плоскость вселенской значимости. Так можно расценивать факт, когда летом вдруг выпадает снег («и абие воста буря внезапно велика зело со многим снегом тоя ноци и паде снегу на две пяди во граде Устюже и около града во всех весех на всякия овощи и на хлебныя нивы»). Сообщение об этом необычном явлении в тексте обретает свойство нарратива. Это позволяет вскрыть в нем некий глубинный смысл: снег, который символизирует чистоту, снег, который сохраняет тело святого невосприимчивым, снег, который символизирует «белую смерть» и т.п.

Трактуя смерть святого как некое состояние перехода в мир иной, можно предположить, что и целевая установка всего Жития заключается в разрешении основной оппозиции состояния/перехода применительно к главному объекту повествования.¹

Таким образом, актуальность житийных повествований о Прокопии и Иоанне Устюжских и их иконографических образов была связана с преодолением индивидуальности профанного текста и переходом его в статус сакрального, что характеризует тенденции в творческой манере средневековых книжников – стремление к преодолению предела частной жизни и нарушению запретов общественного бытия. Следствие этого процесса – возведение образа святого и его поступков в сферу сакральной истории, т.е. непрерывности его бытия.

Т.Ф. Волкова, С.Е. Плехова
(Сыктывкар)

Печорские списки Повести о хождении святого Николая на Первый Вселенский Собор

Николай Мирликийский Чудотворец считается в христианстве одним из самых известных и почитаемых святых. Истоки почитания св. Николая на Руси восходят к христианизаторской деятельности великого киевского князя Владимира Святославича, а при его внуке, Всеволоде Ярославиче,

¹ Власов А.Н. Эпизод «преставления» святого как структурный элемент житийного текста // Смерть как феномен культуры: Об. науч. тр. Сыктывкар, 1994. С. 65.

² В статье использованы материалы дипломной работы: Плехова С.Е. Агиографические сочинения о святом Николае Чудотворце в печорской рукописной традиции: Дипломная работа / Науч. рук. Т.Ф. Волкова. СыктГУ, кафедра русской и зарубежной литературы. Сыктывкар, 2008.

вече, в кон. XI в. культ святого достигает наибольшего расцвета: св. Николай почитается как небесный покровитель всего государства.¹

Произведения о святом Николае Мирликийском привлекали внимание многих ученых еще с XIX в. В кон. XX – нач. XXI вв. по результатам исследований стали проводиться специальные конференции. В последнее время вышло несколько сборников статей² и отдельных исследований (М.С. Крутовой³, В.В. Калугина⁴ и др.), в которых рассматриваются различные проблемы, связанные с изучением Жития св. Николая.

Помимо полного Жития св. Николая существует также три варианта кратких, проложных житий Николая Чудотворца. Кроме того, в рукописной традиции на Руси широко распространялись отдельные Сказания о св. Николае – о его погребении, переносе его мощей, отдельных чудесах, службе святому. Имя св. Николая было окружено легендами и преданиями, распространявшимися в устной традиции.

Средневековые агиографические сочинения о Николае Мирликийском и легенды о нем были хорошо известны и печорским крестьянам-старообрядцам. Особое почитание Николы на низовой Печоре объясняется не только широким распространением его культа на Русском Севере вообще, но и тем обстоятельством, что первая церковь, построенная в Усть-Цилемме в 1547 г. ее основателем Ивашкой Дмитриевым Ласткой, «сыном Новгородцевым», была посвящена этому святому, покровительство которого убергло устьцилемов от разрушения их жилищ⁵.

Бытовавшие на Печоре списки произведений о св. Николае находят в настоящее время в составе трех собраний усть-цилемских рукописей: Усть-Цилемского собрания ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН (далее – ИРЛИ УЦ), Усть-Цилемского нового собрания ИРЛИ (далее ИРЛИ УЦ н.) и Усть-Цилемского собрания рукописей Научной библиотеки Сыктывкарского государственного университета (далее – НБ СыктГУ УЦ р.)⁶.

¹ Верецагина Н.В. Чудотворный образ Николы Мокрого в восточнославянской культурной традиции // Правило веры и образ кротости. М., 2004. С. 403-412.

² Правило веры и образ кротости. М., 2004; Почитание святителя Николая Чудотворца и его отражение в фольклоре, письменности и искусстве: Материалы и исследования. М., 2007.

³ Крутова М.С. Святитель Николай Чудотворец в древнерусской письменности. М., 1997.

⁴ Калугин В.В. «Житие святителя Николая Мирликийского» в агиографическом своде Андрея Курбского / Союз писателей России; под. ред. М.И. Чернышевой. М., 2003.

⁵ Канева Т.С. Усть-цилемская «Повесть о быке» в контексте местной фольклорной традиции // Чтения по истории и культуре древней и новой России: Материалы конференции. Ярославль, 1998. С. 86.

⁶ Обзор рукописных текстов, связанных с именем Николая Мирликийского, в составе печорских сборников см.: Волкова Т.Ф. Житие святителя Николая и его чудеса в круге чтения печорских крестьян // Почитание святителя Николая Чудотворца и его отражение в фольклоре, письменности и искусстве: Материалы и исследования. М., 2007. С. 48-52.

В данной публикации мы приводим наши предварительные наблюдения над особенностями печорских списков одного из Сказаний о св. Николае, рассказывающего о поведении святого на Первом Вселенском Соборе, проходившем летом 325 г. в Никее и осудившем ересь Ариана. Один из этих списков представляет особый интерес, так как он принадлежит руке известного усть-цилемского книжника Ивана Степановича Мяндина (1823-1894) – профессионального писца и редактора древнерусских сочинений¹. Мяндинский список Сказания входит в состав известного сборника ИРЛИ (УЦ 66, л. 420-423 об.²), содержащего целый ряд литературных переработок И.С. Мяндина (повести о царице и львице, о Дмитрие Басарге, о посаднике Щиле и др.). В связи с этим можно предположить, что и текст Сказания о св. Николае в этом сборнике в какой-то мере отразил творческую работу И.С. Мяндина над своими источниками. Ими могли послужить дошедшие до нас более ранние списки этого сказания, бытовавшие на Печоре. К ним мы и обратились в первую очередь. Этот эпизод из жизни св. Николая содержится в печорских списках полного Жития Николая Чудотворца – ИРЛИ УЦ 11 (кон. XVII в.), л. 27 об.-28 и УЦ 184 (кон. XVIII в.), л. 72 об.-74. Повествование об участии св. Николая в Первом Вселенском Соборе содержится также в составе «Сказания о смерти святого Николая», известного в двух печорских списках нач. XVIII в.: ИРЛИ УЦ 12, л. 194 об.-196 и УЦ н. 183, л. 176 об.-179.

Сопоставление вариантов сказания о хождении св. Николая на первый Никейский собор из Жития и из «Сказания о смерти» показало, что они весьма различаются как по полноте, так и собственно по тексту. В Житии присутствию св. Николая на Соборе посвящена отдельная глава, в названии которой обозначается ее тема – «хождение» на Первый Вселенский собор «святаго отца Николы», однако о роли святого в споре с Арием в этой главке говорится предельно кратко, буквально двумя предложениями: «Тогда же убо и сей чудный Никола на мѣсте собора бысть и доблественнѣ став на Ариево блудсловие. И тако со святыми отцы разрешение о исправлении правовѣрия всѣм извѣстно предав» (ИРЛИ УЦ 11, в списке ИРЛИ УЦ 184 текст тот же). Это краткое сообщение о позиции св. Николая на Соборе предваряется в Житии описанием организаторской деятельности императора Константина по созыву Никейского собора, вслед за которым сразу излагаются итоги Собора – изгнание ереси и проклятие Ария. Завершающая часть главы, следующая после процитированного выше фрагмента, представляет собой риторически украшенное прославление проповеднической деятельности св.

¹ См. о нем: *Мальшев В.И.* Усть-Цилемский книгописец и писатель XIX в. И.С. Мяндин // *Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского Дома: Сборник научных трудов.* Л., 1985. С. 323-337; *Волкова Т.Ф.* Древнерусская литература в кругу чтения печорских крестьян. Печорские редакции древнерусских повестей. Сыктывкар, 2005.

² Характеристику сборника см.: *Волкова Т.Ф.* Древнерусская литература в кругу чтения печорских крестьян. С. 42-44.

Николая, вернувшегося с Никейского собора к «своему стаду», и напрямую не касающейся споров, звучавших на Соборе.

Совсем иначе рисуется этот эпизод из жизни святителя Николая в «Сказании о смерти». Здесь после краткого вступления, дающего самые основные сведения о Соборе (его организаторе Константине, месте его проведения – Никее и теме – «на окоянного и злочестиваго проклятаго Ария, на зломысленника Христова»), достаточно конкретно рисуется ход Собора: пассивная позиция царя Константина («царь же нача послушати»), активная – «святых отцов», которые «начаша спиратися со окоянным еретиком Ареемъ, покладая ему чюдное Святое Писание о Христе Исусѣ, сынѣ Божии» и «заграждали» ему уста «Писанием святых пророк и святых апостол». Лаконично, но выразительно описано и поведение «еретика» Ария: «А онь еретикъ Арий злочестивый непрестано хулы глаголя». Далее в этот спор вмешивается св. Николай, наносящий пощечину Арию: «и удари его по лицу, окояннаго и злочестиваго Ария». Из-за этого неожиданного поступка святитель, по версии «Сказания о смерти», чуть было не лишился своего сана, однако был спасен явлением Богородицы и Иисуса Христа. Завершается повествование в Сказании объяснением, что это чудесное явление и изображается на иконах св. Николая Чудотворца.

Сопоставление мяндинского списка ИРЛИ УЦ 66 с двумя охарактеризованными выше версиями рассказа об участии св. Николая в Никейском соборе показало, что список Мяндина, безусловно, связан с версией, изложенной в «Сказании о смерти»: в нем сохранены основные мотивы этого сюжета «Сказания»: прение святых отцов с Арием, биеие Ария по лицу св. Николаем, намерение участников Собора лишить святителя архиерейского сана, спасительное для него явление Христа и Богородицы. Однако в мяндинской версии, во-первых, появляются отсутствующие в «Сказании о смерти» эпизоды и мотивы, во-вторых, обнаруживается иная интерпретация описываемых событий. Рассмотрим более подробно эти расхождения.

Примечательно уже само заглавие Сказания у Мяндина – «Повесть о святем Николе, како он не успе на собор святыи». В списках Жития ИРЛИ УЦ 11 и УЦ 184 заглавие иное: «О хождении на Первый Собор Вселений святаго отца Николы» (в списках «Сказания о смерти» ИРЛИ УЦ 12 и УЦ н. 183 рассматриваемый сюжет заглавия не имеет). Как видим, в мяндинском заглавии Сказания обозначен не факт присутствия на Соборе св. Николая (как в списках Жития), а важное, с точки зрения печорского редактора, обстоятельство – опоздание к началу Собора св. Николая.

Для выявления характера мяндинской переработки текста Сказания мы сопоставили список ИРЛИ УЦ 66 со списком из «Сказания о смерти» ИРЛИ УЦ н. 183, который побывал в свое время в руках И.С. Мяндина (переплет рукописи – работы И.С. Мяндина, листы при переплете – чер-

новики его деловых бумаг¹) и мог послужить источником для его переделки. Наши наблюдения показали, что тексты данных списков значительно отличаются друг от друга как на фабульном, так и на стилистическом уровнях, что прослеживается уже с первых строк повествования. В списке ИРЛИ УЦ н. 183 рассказ о Первом Вселенском Соборе предваряется кратким вступлением, в котором сюжет Сказания осмыслен как история о «милости» Иисуса Христа и Богородицы к святому Николаю: «...Еще же повѣдаю вамъ о милости Христовѣ и Пречистой его Матери ко святому Николѣ Чюдотворцѣ» (л. 176 об.). В списке УЦ 66 это вступление отсутствует, что позволяет предположить иную сюжетную установку в списке Мяндина.

Непосредственное начало рассказа о Первом Вселенском Соборе представлено в данных списках по-разному. В списке ИРЛИ УЦ н. 183 перед нами краткая фактографическая справка, обозначающая время действия (правление императора Константина) и повод для созыва Собора (арианская ересь). В мяндинском списке ИРЛИ УЦ 66 подробно разрабатывается образ Ария: указывается на его образованность, его место жительства и излагается суть его еретического учения («...онъ не ужаснуса глаголати, яко Господь Исусъ Христосъ нѣсть Сынъ Божий, но тварь, яко же и вси челоуецы, и пречистую Деву Марию Богородицу не именоваше Богородицею, но Христородицею»). В качестве действующего лица представлен также и сам император Константин. Таким образом, сопоставление начальных фрагментов текста в списках ИРЛИ УЦ н. 183 и УЦ 66 показывает, что с самого начала повествования Мяндин стремится расширить краткий текст «Сказания о смерти» известными ему из других источников подробностями, помогающими читателю, возможно не осведомленному ни о самом Арии, ни о его учении, лучше понять тот исторический контекст, в рамках которого развивается сюжет о необычном поведении на Соборе св. Николая.

Различия между списками прослеживаются далее в той части повествования, где называются присутствовавшие на Соборе: в них даются прямо противоположные сведения о пребывании среди участников Собора с самого его начала героя Сказания – св. Николая. В списке ИРЛИ УЦ н. 183 говорится, что «*святой Николае был в том числѣ со святыми отцы*», в мяндинском списке ИРЛИ УЦ 66 повествователь отмечает: «*точию не бѣ в той часъ епископъ Мирский Никола*». Это замечание сразу концентрирует внимание читателя на фигуре известного святого, который почему-то отсутствует на столь важном Соборе, и создает художественное напряжение в развитии сюжета.

Следующее далее описание прения святых отцов с Арием в мяндинском списке (по сравнению со списком «Сказания о смерти», в котором больше внимания уделено поведению «святых отцов» – противников

Ария, нежели самого «еретика»), представлено в сжатом виде, при этом Мяндин «уравновесил» в тексте позиции обеих сторон, изложив их предельно кратко, как бы спеша перейти к самому главному эпизоду своего повествования. Зато момент «ударения» святым Николаем «злочестивого еретика» Ария, представленный в списке УЦ н. 183 всего одним лаконичным предложением («*А еретикъ злочестивый непрестанно хулы глаголя на Господа нашего Исуса Христа, Сына Божия. И святой Николае удари еретика по лицу*», л. 177 об.), у Мяндина описан более подробно (см. Приложение).

Отметим, что, по версии Мяндина, именно в кульминационный момент Собора, когда Арий пытался утвердить свою точку зрения, «пряся» и «хуля» официальный церковный взгляд на дуальную природу Иисуса Христа, и появляется на нем («приспѣ») св. Николай¹, сразу привлекая к себе внимание читателя. Различно в списках УЦ н. 183 и УЦ 66 и само описание неожиданного поведения святого, нарушившего этикет поведения церковного иерарха. Во-первых, в списке Мяндина вводится внешняя мотивировка «ударения» Ария св. Николаем: собравшиеся на Соборе противники Ария не могли противостоять «многим доводам» еретика («не могуще препрети»), что объясняло решительные действия св. Николая; во-вторых, вводится внутренняя, субъективная мотивировка поступка св. Николая, казалось бы несовместимого с личностью христианского святого: пощечина Арию осмысливается Мяндиным как выражение горячей приверженности святого Христу как Сыну Божьему («ревности божественныя исполнився»), т.е. как акт служения Богу, а его «неподобающая» форма – как результат праведного гнева, ибо Арий искажил истинное понимание Божественной природы, и св. Николай повел себя как активный защитник истины. В-третьих, Мяндин вносит в этот эпизод дополнительную деталь: св. Николай ударил еретика, «окровавивъ» ему лицо. Эта маленькая подробность позволяет читателю зрительно представить силу удара, нанесенного Арию св. Николаем.

Приведенные примеры сюжетно-композиционной и стилистической работы Мяндина над текстом Сказания о посещении св. Николаем Первого Вселенского Собора вполне согласуются с ранее выявленными ис-

¹ См. рабочее машинописное описание Усть-Цилемского нового собор. ИРЛИ, хранящееся в Дрвлекранилице им. В.И. Малышева в Пушкинском Доме.

¹ В этом месте повествования другой список «Сказания о смерти» – ИРЛИ УЦ 12 – дает оригинальное чтение: «Святы Николае *востаеъ от сна* и удари его по лицу, оконянаго и злочестиваго Ария». Здесь прослеживается мотив, перекликающийся с мяндинским: св. Николай в УЦ 12 хотя физически и присутствует на Соборе с самого его начала, но почему-то спит, т.е. фактически отсутствует, не принимает участия в ходе собора до тех пор, пока не наступает критический момент, требующий его активного вмешательства. По-видимому, этот список отразил какой-то переходный момент в формировании данного сюжета, когда уже наметилась тема внезапного вмешательства святого, вначале ведущего себя пассивно (сон, опоздание к началу собора), в спор с Арием.

следователями приемами редакторской работы печорского книжника, прослеживающимися во многих других мяндинских переработках¹.

Во второй части Сказания, рассказывающей о дальнейших действиях собравшихся на Собор святых отцов и явлении Иисуса Христа и Богородицы, нами также выявлены различия в изложении событий в списках ИРЛИ УЦ н. 183 и УЦ 66. Однако в этой части рассказа в мяндинском тексте прослеживается противоположная рассмотренной выше тенденция. Если эпизод пощечины, нанесенной св. Николаем Арию, в списке УЦ 66 разработан более детально, чем в «Сказании о смерти», то в эпизоде лишения св. Николая епископского сана мяндинский список более лаконичен, чем УЦ н. 183: в частности, у Мяндина отсутствует мотив «паления» бороды святого, содержащийся в списке УЦ н. 183 (*«И тогда святыи отцы вси начаша роптати на святаго Николу о том ударе-нии. И начаша всѣм собором снимати с него святителский сан. И разжегли [...] начали ему браду палити, глаголя: «Не подобает нам, святителем сущим, рукою дерзку быти. Держим Святое Писание...»* – л. 177 об.).

Отметим, что упоминание о «палении бороды» св. Николая читается только в списке «Сказания о смерти» ИРЛИ УЦ н. 183. Другой печорский список этого Сказания – ИРЛИ УЦ 12 – близок к нему по тексту, но мотив «паления бороды» в нем отсутствует: *«Тогда вси святыи отцы начаша роптатися со великим гневом на святаго Николу о томъ ударе-нии. И нача всемъ соборомъ снимати святителски чинъ со святаго Николы»*. Нам не известно, был ли знаком Мяндин со списком «Сказания» УЦ 12, но текст УЦ н. 183 он не мог не знать, переплетая рукопись, содержащую версию сказания, близкую к созданной им самим. Тем не менее он не воспользовался такой яркой деталью из этого списка, как попытка своеобразной казни святителя за его неэтикетный поступок. Причина устранения Мяндиным этой художественной детали в эпизоде лишения св. Николая архиерейского сана кроется, по-видимому, в нежелании печорского книжника снизить образ святого, слишком детализированно изобразить его унижение.

Кардинально отличается в рассматриваемых нами списках и окончание повествования о Первом Вселенском Соборе. В списке УЦ н. 183 оно завершается описанием чуда, вернувшего св. Николаю его архиерейский сан, – неожиданного явления всем собравшимся на Соборе Иисуса Христа, который «из облака» подавал св. Николае евангелие, и Богородицы, «з других стран» протягивавшей ему омофор. Заканчивается рассказ о «ходении» св. Николы на Никейский собор в списках «Сказания о смерти» концовкой, обращенной к читателям с призывом пораз-

мыслить о случившемся на Соборе («Братие, приемѣмъ в разумѣ»), в которой снова, как и в начале повествования, звучит тема «милости Божьей» к св. Николаю, придавая кольцевую завершенность композиции рассказа. При этом чудо явления Христа и Богородицы участникам Собора связывается с иконографическим канонам изображения Николая Мирликийского: *«Того ради пишут на иконах образъ святаго Николы – Исусовъ образ во облаце и Пречистыя Его Матере во облаце же»* (ИРЛИ УЦ 12, л. 196; в УЦ н. 183 данный текст несколько искажен). На этом повествование в списках «Сказания о смерти» завершается.

В списке Мяндина такая концовка отсутствует, однако история о посещении святым Николаем Первого Вселенского Собора не заканчивается возвращением святому его сана, а получает дальнейшее развитие. Во-первых, упоминается о смерти Ария, во-вторых, раскрывается причина опоздания святого Николая на Собор: он спасал тонущего в море человека. В-третьих, вводится эпизод, связанный с другим участником собора – «Касияном римлянином», который скептически отнесся к значимости причины опоздания св. Николая на Собор, прокомментировав слова святителя об обещании тонущего в море человека «дати малу свѣщцу Господу Богу» в случае своего спасения так: *«Како ми дати малы ради свѣщци в морѣ, азъ бы и за сий столпъ (на который он опирался в момент произнесения этих слов – Т.В.), аще свѣщцею быль, не пошель бы в море»*. Это замечание Кассиана, по версии Мяндина, помогает участникам собора осознать, что «воистинну архиеписколь святыи Никола Божий человекъ есть и достоитъ по успѣнии его память творити трижды в лѣто», в то время как «память» Кассиану они определяют «творити» «точию на четвертое лѣто». Мотивировкой такого особого почитания святителя Николая звучат в списке Мяндина пророческие слова о том, что *«по всей земли славно будетъ имя его и вездѣ онъ будет скоръ помощникъ и заступникъ в бѣдахъ»*.

Завершается повествование в мяндинском списке кратким морально-назидательным обращением автора к читателю с призывом уподобиться святому Николаю (см. Приложение), которое заменяет здесь описанную выше развернутую концовку списков из «Сказания о смерти».

Таким образом, в сюжет повествования о посещении святым Николаем Первого Вселенского Собора Мяндин вводит не только отдельные мотивы, но и целый эпизод, в котором сначала ретроспективно рассказывается о спасении св. Николаем тонущего в море человека, а затем рисуется осуждение его одним из участников Собора¹, что смещает акценты в повествовании, выдвигая на первый план в образе Николая Чудотворца не столько черты защитника христианских канон, сколько

¹ См., например, статьи: *Шварц Е.М.* Повесть о Григории Чудотворце и идольском жреце в усть-цилемских рукописных сборниках // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 341-350; *Ширмакова Е.П.* Повесть о Басарге в усть-цилемской переработке // Древнерусская литература. Источниковедение. Л., 1984. С. 267-269.

¹ Возможно, эта часть мяндинского рассказа восходит к народной легенде о Николае и Касьяне (см.: Народные русские легенды А.Н. Афанасьева. Новосибирск, 1990. №11. С. 78-82.). Автор благодарит Т.С. Каневу за помощь в поиске фольклорных параллелей.

защитника и спасителя простых людей, попавших в трагические ситуации, ради которых св. Николай готов даже опоздать на важный церковный собор.

Мы охарактеризовали версию рассказа о Первом Вселенском Соборе и участии в нем св. Николая, какой она вышла из-под пера И.С. Мяндина, и показали ее отличие от версии, наиболее близкой мяндинской, которую донесли печорские списки «Сказания о смерти св. Николая». На данном этапе исследования невозможно с уверенностью сказать, какие повествовательные элементы мяндинской версии принадлежат самому печорскому книжнику, какие почерпнуты им из каких-то пока нам неизвестных источников – средневековых сочинений, в т.ч. и оригинальных, русских, посвященных св. Николаю, или из устных легенд и преданий о святом. Но в любом случае сам выбор Мяндиным этих элементов, предпочтении их иным, известным по другим печорским спискам, свидетельствует о его осознанном отношении к художественному материалу источников, о целенаправленном отборе им сюжетных мотивов и деталей для создания такого образа знаменитого святого, который был бы близок и понятен читателям Мяндина – простым печорским крестьянам, которые, как и славенный св. Николой перед Никейским собором «утопающий», тоже не раз оказывались жертвами водной стихии и, вероятно, так же, как он, в этих ситуациях обращались в молитве к св. Николаю Чудотворцу. Изучение всего комплекса сказаний о св. Николае Мирликийском, возможно, выявит те источники, которые использовал печорский книжник, создавая свою версию рассказа о том, как св. Николай опоздал на Первый Вселенский Собор.

Приложение¹

Повесть о Святомъ Николѣ, како онъ не успѣ на соборъ святой.

Во время царя Константина воста нѣкий зѣло ученый попъ во Александрии, именемъ Арий. Сей дерзну хулнимъ языкомъ своимъ износити глаголы весьма противныя соборной церкви, ибо онъ не ужаснуся глаголати, яко Господь Исусъ Христосъ нѣсть Сынъ Божий, но тварь, яко же и вси чловецы, и пречистую Деву Марию // (л. 420 об.) Богородицу не именоваше Богородицею, но Христородицею. И тако уча, многия приведе к своей богомерской ереси. Сия слышавъ, царь Константинъ соборъ велий повелѣ собрати в Никию градъ богоносныхъ отецъ и учителей церковныхъ.

Собраннымъ же от всѣхъ градовъ Божиыхъ архиереевъ в соборную церковь всѣм. Точию не бѣ в той часъ епископъ Мирский Никола. И яко начаша разглагольствовати святии отцы // (л. 421) о Сынѣ Божии и прочее.

Арий же не приемля тѣхъ учения и зѣло пряся и хуля на божество и чловечество. В той часъ приспѣ святой Никола. Егда многими доводами Ария соборъ^а святыхъ отецъ не могуще препрети, абие ревности божественныя исполнився, ударивъ его святой по лицу и окровавивъ. Се же видѣвше святии отцы и по правиломъ осудивше архиерея Николу, снемше одежды архиерейския и сана // (л. 421 об.) лишиша.

Егда се точию се сотворивше, абие явистася над главою Божия архиерея святого Николы Господь нашъ Исусъ Христосъ и Пречистая Богородица. Единъ подавая святому Николѣ златое Евангелие, а другой – священная одежды и анфоръ. Тогда святии отцы, яко узрѣвше сие чудное явление, убоявшеся и разумѣвше от сего явления, яко епископъ Мирский Никола воистинну великъ есть // (л. 422) пред Богомъ. Аще по правиламъ и зазорно мнится святителю дерзати рукою, паче же и окровавити, но ревности ради божественныя на еретики и блазнители^б не токмо^б безгрѣшно, но и похвально есть. Сего ради паки на святого Николу возлагают отцы святии архиерейския одежды и санъ архиепископский даруютъ.

Се же видѣвъ злокозненный Арий, абие побѣже из церкви в домъ свой и ту разсѣдся. Егда услышавше се // (л. 422 об.) на соборѣ бывшии святии отцы, возрадовашася и прославиша Бога, яко тако пресече жизнь проклятаго еретика Ария.

И начаша вопрошати отцы святии святого Николу о медленнии его, рекоша: «Гдѣ бѣ в то время, егда начася прѣние с еретики?» Тогда отвѣща святой Никола с великимъ смирениемъ, рече: «Простите мя, отцы святии. Азь егда начахъ творити шестбие на соборъ сий, тогда гласъ небесный // (л. 423) повѣда ми чловека утопающа в мори и сего ради обѣщася дати малу свѣцу Господу Богу и призывающу мя. Сего идохъ избавити и умедлехъ».

Се слышавъ преподобный Касиянь римлянинъ, стоявший близъ столпа церковнаго, рече: «Како ми итти малы ради свѣци в морѣ, азь бы и за сий столпъ, аще свѣцею былъ, не пошелъ бы в море». Тогда рекоша святии отцы: «Воистинну архиепископъ святой Никола Божий чловекъ есть // (л. 423 об.) и достоинъ по успѣнии его память творити трижды в лѣто. А тебе, Касияне, точию на четвертое лѣто, ибо за послушание и милосердие от Господа Бога приобрящет великий сей угодникъ велий даръ, яко по всей земли славно будетъ имя его и вездѣ онъ будет скоръ помощникъ и заступникъ в бѣдахъ».

Се же слышавше братие, потщимся уподобитися сему святому Николѣ милосердием и послушаниемъ да от Бога милость получимъ. Аминь.
(ИРЛИ УЦ 66, л. 420-423 об.)

¹ Мяндинский список «Хождения» св. Николая на первый Никейский собор публикуется по правилам транслитерации кириллического текста, используемым в издании «Библиотека литературы Древней Руси», подготовленном Отделом древнерусской литературы ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН.

^а В ркп. описка: соборъ.
^{б-б} В ркп. написано на полях.

Спецификация управления как вида синтаксической связи в современном русском языке

Ряд специфических черт управления уже был отмечен нами ранее¹. Так, управление может быть квалифицировано как вид синтаксической связи, основанной на совмещении двух видов валентности – валентности главенствующего и валентности зависимого компонента словосочетания. Потребность господствующего компонента в распространении может сталкиваться с различными проявлениями способности к присоединению компонента зависимого. Сильное управление основывается на двусторонности (двунаправленности) этого вида связи, слабое управление может быть истолковано как связь односторонняя (однаправленная). Будучи дискуссионной по своему характеру, такая постановка вопроса, однако, вполне согласуется с весьма распространенным в языкознании широким пониманием управления, при котором «управляющими признаются любые падежные формы в зависимой позиции, за исключением тех, которые оторвались от своей парадигмы и в той или иной степени адвербиализировались, т.е. употребляются в ослабленном значении падежа и, следовательно, не потенциально, а реально находятся на пути к примыкающим частям речи»². В развитии заявленной темы считаем необходимым отметить следующее.

По традиции управление соотносят с именами, обладающими категорией падежа. При этом флексия зависимого компонента рассматривается как своего рода маркер установленной связи. Однако, как явствует из анализа языкового материала, русский язык изобилует примерами «немаркированного», «неморфологического» управления (эта особенность управления была отмечена в свое время А.Е. Кибриком³. Ср., например, ставшую нормативной не только в устной, но и в письменной речи редуцированную падежной флексии у имен собственных: *На лестничной площадке <...> вумэн <...> беседовала с посетителем <...>, похожим на Макс фон Зюдов.* (Э. Лимонов). Ср. также «продукты» деадвербиализации – окказиональную лексику нефлективного типа, широко представленную в современном русском языке, например: – *А что у неё [Саши] вообще может произойти? <...> Школа её никуда не денется <...>. Сын в хорошем далеке.* (Г. Щербаква).

¹ Вуттке Н.А. К вопросу об управлении // Семантика. Функционирование. Текст. Межвуз. сб. науч. тр. Киров, 2006. С. 199-213.

² Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. М., 2000. С. 53.

³ Кибрик А.Е. О соотношении понятия синтаксического подчинения с понятиями согласования, управления и примыкания // Проблемы теоретической и прикладной лингвистики: Межвуз. сб. науч. тр. М., 1977. С. 105.

Характерной приметой современного русского языка является такая разновидность немаркированного управления, как использование оригинальной иноязычной лексики в зависимой позиции словосочетания, например: *Но покажите мне хоть одного иностранца, приехавшего в Германию без святой и наивной веры в немецкий «орднунг»!* (О. Бешенковская).

Весьма частотны также случаи, когда в зависимой позиции оказываются не имена существительные, а их функциональные аналоги – глаголы, наречия и др., например: *Речь шла не о работе, а об выпить, посидеть.* (А. Мелихов). *Мое «теперь» отличается от моего «раньше».* (Р. Полищук). Нередко в функции зависимого субстантива используются словесные комплексы, в том числе фрагменты прямой речи, например: *По крайней мере я <...> довольна, что отложила самоубийство на «когда протрезвею».* (Н. Джин). *Женщины в Москве снимают с себя лишнее всегда как-то уж больно неожиданно, без предупреждения накануне и все разом, словно сговорившись, и всегда с оглядкой на дождь, на «временами облачность, грозы, осадки».* (А. Мамедов).

Феномен немаркированного управления, несущественный на первый взгляд, имеет принципиальное значение для теории предлога. В частности, он свидетельствует далеко не в пользу трактовки предлога как вида морфемы, образующей вместе с падежной флексией имени особое морфологическое единство или субморфему¹. Представляется, что именно отсутствие облигаторного соотношения предлога и флексии образует основу многочисленных межкатегориальных замен. Кроме того, характеризуя управление с количественной точки зрения, следует оговориться, что оно являет собой такой вид синтаксической связи, при которой главенствующий компонент словосочетания может требовать постановки в определенной грамматической форме как одного, так и нескольких зависимых компонентов. Речь идет о морфологическом оформлении двух имен, объединенных сочинительной связью в один синтаксический член, а также составных существительных, находящихся в зависимой позиции, например: «Сказка о рыбаке и рыбке» (А. Пушкин). *По голому животу тетеньки на стене ползет таракан. А теперь он переполз на ... точку – титечку – тетечку.* (М. Вишневецкая). Приведенные примеры однородного соподчинения свидетельствуют, что трактовка предлогов как особого вида морфем делает понятие морфемы расплывчатым, а количество морфем – трудно исчисляемым.

Отсутствие флексии многие исследователи, как правило, автоматически связывают с понижением значимости словоизменения и, соответственно, с тенденцией русского языка к аналитическому типу передачи

¹ Это мнение широко представлено как в отечественном, так и в зарубежном языкознании [см. об этом: Вуттке Н.А. О лингвистическом статусе предлогов // Семантика. Функционирование. Текст: Межвуз. сб. науч. тр. Киров, 2001. С. 67-68].

грамматических категорий, при котором, в частности, основным средством выражения и дифференциации отношений между словами становятся предлоги¹. Не вступая в дискуссию по этому вопросу, отметим, однако, что выводы об отношении предлогов к аналитическим образованиям, наличии восполняющего падежную систему собственно предложного управления отчасти являются преждевременными хотя бы уже по причине отсутствия однозначной трактовки самого понятия аналитизма, а также детального объективного описания семантики предлогов. Перспективным в этой связи представляется дифференцированный подход к решению проблемы, учитывающий прежде всего особенности лексической семантики предлогов, степень участия в формировании падежного значения наряду с предлогом обоих компонентов словосочетания, разнородный характер проявления аналитизма. Известно, с одной стороны, что предлоги образуют вместе с зависимым субстантивом неразложимый на синтаксическом уровне единый член предложения (синтаксический аналитизм). С другой стороны, у объектных образований, построенных на основе сильного немаркированного управления, предлог, будучи незначимым в семантическом плане как в сочетании с зависимым компонентом, так и в изолированной позиции, тяготеет к компоненту главенствующему, входит в его смысловую структуру, образует вместе с ним одновалентное единство, управляющее тем или иным падежом (морфологический аналитизм). См. приведенный выше пример, в котором в омонимичной словоформе «на Макс фон Зюдов» предлог «на» не является сам по себе носителем падежного значения, а реализует таковое только в сочетании с адъективом «похожий».

Управление представляет собой исторически сложившееся сложное синтактико-морфологическое образование со многими особенностями, индивидуально присущими тому или иному языку. В некотором смысле в аспекте синхронии управление может быть истолковано как своего рода правила или нормы морфологического оформления синтаксических связей слов. Мера нормативности обычно считается критерием правильности / неправомерности речи. Вместе с тем, управление не есть нечто раз и навсегда данное, постоянное, неизменяемое. Наблюдения над современным русским языком позволяют констатировать многочисленные случаи ненормированного или модифицированного управления. Отметим некоторые из них.

В первую очередь следует обратить внимание на активизацию процесса унификации управления, в основе которого лежит изменение управления лексической единицы по аналогии с близкими по смыслу словами, например: *О постельном белье и тарелках разногласий не возникало.* (А. Хруцкий), ср.: «спор, дискуссия о = разногласия о». *Его жена страдала аллергией к табачному дыму.* (Н. Коняев), ср.: «непри-

¹ См. об этом: Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. М., 1981. С. 99.

язнь к = аллергия к». *Намёк про задаток за дом у художника тлел в мозгу.* (Т. Набатникова), ср.: «разговор про = намек про».

Принцип семантической аналогии нередко приводит к обретению управления лексическими единицами, ранее таковым не обладавшими, например: *У Досиске меж тем завелась мыслишка: найди мне <...> квартирантку <...>. В том его мутном потоке попадались иногда довольно гениальные соображения. Совет о квартирантке оказался как раз таким.* (Т. Любецкая), ср.: «мысль о = совет о». *В доме поселилась тревожная <...> тайна. И это тайна про меня, только про меня.* (Л. Бородин), ср.: «информация про = тайна про».

Одной из примет языка современной художественной литературы можно считать модификацию управления, обусловленную окказиональным изменением семантики главенствующего компонента словосочетания, например: *Он [Фурман] торопливо оглянулся на официантов, словно испугавшись, что они подсматривают его мысли.* (И. Муравьева), ср.: *подсматривать* в значении 'угадывать'. *Он [сосед] стоит и подолгу курит <...>. О чем он курит?* (А. Мамедов), ср. *курить* в значении 'думать, размышлять'. [Настя и Миша]: – *А почему Гюго не дают сразу по две штуки? <...> – А чтобы не спекулировали! Про каждого человека так и подозревают? Про каждого!* (Н. Горланова, В. Букур), ср.: *подозревать* в значении 'плохо думать'.

Своеобразный «обмен» компонентами как результат контаминации двух разных словосочетаний зачастую сказывается на управлении, например: *Она [сестра] вышла замуж в другой город.* (Т. Набатникова), ср.: «вышла замуж и переехала в другой город». *Олег рассчитался с работой, так как ему исполнилось восемнадцать и он должен был пойти в армию.* (Т. Набатникова), ср.: «Олег рассчитался и попрощался с работой».

Случаи контаминации и аналогии не следует смешивать с таким смежным явлением, как структурное опрощение словосочетания. Известно, что на основе управления возникают как бинарные, так и сложные (комбинированные) образования, которые в процессе речевой коммуникации могут подвергаться различным видам структурной модификации, проявляющейся, например, в элиминировании главенствующего компонента словосочетания, например: *Он [Чупро] шагнул за порог и возвестил о себе связкой ключей по притолоке.* (В. Ковылов), ср.: «Возвестил о себе, постучав связкой ключей по притолоке».

Определенный интерес представляет редукция непосредственно зависимого компонента, т.е. компонента, занимающего первичную зависимую позицию, например: *Да и сам брак давно стал для Сенчука некоей формальностью, заполненной клеточкой личного чекистского дела <...>, подтверждением об имеющихся на суше заложниках, коли надумает он <...> уйти на Запад.* (А. Молчанов), ср.: «Брак стал подтверждением информации об имеющихся на суше заложниках». По нашим наблюдениям, наиболее часто редукции подвергаются зависимые сло-

воформы с предлогом *про*, например: *Из комиссии попросили про инва-лидов не петь. Лучше уж про журавлей. Люблинские согласились, но сказали, что они тогда добавят про фюрера <...>. Про фюрера решили без прослушивания.* (А. Приставкин), ср.: «Добавить, разрешить песню про фюрера».

Общепринято, что подчинительная связь, лежащая в основе построения комбинированных словосочетаний, устанавливает определенную ступенчатость (последовательную иерархию) зависимостей, своеобразную цепь словосочетаний, в которой каждый подчиненный компонент предшествующего звена оказывается одновременно подчиняющим в отношении последующего. Редукция зависимого компонента в указанных выше примерах не приводит к преобразованию синтаксических связей, как это может показаться на первый взгляд: словоформы *об имеющих на суше заложниках* и *про фюрера* не становятся непосредственно управляемыми, а сохраняют статус предложно-падежных форм, занимающих вторичную зависимую позицию. Таким образом, дискретность как непоследовательность оформления подчинительной связи становится одной из примет управления в современном русском языке.

Наряду со сказанным следует отметить, что одним из видов модификации осложненного зависимого члена может быть свёртывание ряда его компонентов в однословное именное выражение. Компрессия такого рода нередко приводит к модификации управления, например: [Таня]: – *Я по венам специалист. Два года с венами занимаюсь.* (Л. Улицкая), ср.: *заниматься с венами* в значении ‘заниматься с больными, у которых проблемы с венами’.

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод о том, что в основе модификации управления лежат как сугубо лингвистические, так и экстралингвистические факторы. Например, тенденция к экспликации семантического фактора, проявляющаяся в унификации управления по лексическому принципу, может быть квалифицирована как один из способов реализации принципа экономии в языке. В то же время за счет контаминации словосочетаний достигается не только сокращение поверхностной структуры высказывания, но и расширение сочетательных потенций лексических единиц, своеобразие и нетривиальность стиля художественного произведения. Таким образом, помимо основной – строевой (конструктивной) – функции управление начинает обретать не свойственные его природе дополнительные функции. Существенное значение при этом имеет, на наш взгляд, опосредованный характер заданности падежной формы. Складывается впечатление, что в современном русском языке наметилась тенденция, когда форма зависимого компонента словосочетания не столько обуславливается лексико-грамматическими свойствами главенствующего слова, сколько переподчиняется коммуникативным намерениям говорящего. Например: *Отчетливо вижу учителя истории про наше время <...>. Под мышкой у него наглядные пособия. И чего там только нет! <...>. А вот и про*

последнее десятилетие: лечит православная целительница <...>, а вот и сто процентов излеченных от алкоголизма. (А. Хруцкий). В данном примере благодаря модификации управления существительное *история* меняет свое значение и означает уже не учебный предмет, а досужий вымысел, легенду. Тем самым достигается эмоционально-оценочное восприятие истории нашего времени, ее негативная оценка. В следующем примере посредством ненормированного управления образуется окказиональная омофония (*из БАНи – из бани*), порождающая общую двусмысленность высказывания, в котором ощущается авторская ирония по отношению к серьезному научному учреждению. Ср.: *Приходилось уже спешить, потому что маму моей подруги могли вот-вот выпихнуть из БАНи на пенсию, и тогда доступ к запасникам Библиотеки Академии Наук для всех нас закроется.* (О. Бешенковская).

В заключение отметим следующее. Характерной приметой управления в современном русском языке следует считать его немаркированность. В противном случае за рамками объяснения остаются многочисленные примеры построенных на основе подчинительной связи синтаксических образований, зависимый компонент которых никоим образом не соотносится с категорией падежа. Управление, таким образом, отчасти может быть истолковано как зависимость грамматической формы слова от слова. Вместе с тем, феномен немаркированного управления не следует отождествлять с проявлениями аналитических черт в грамматическом строе русского языка. Нарастающее влияние семантического фактора на управление есть не что иное, как лексикализация этого вида связи, ее частичное преобразование из связи сугубо грамматической в связь лексико-грамматическую. Кроме того, изменение лингвистической природы управления может заключаться в его экстралингвистической детерминированности, переподчинении формы зависимого компонента словосочетания коммуникативными намерениями говорящего. Представляется, что решение вопроса о синтаксических связях слов возможно, в частности, за счет расширения лингвистической аксиоматики, позволяющего иначе взглянуть на традиционные языковые проблемы.

Г.И. Глебо
(Сыктывкар)

Наименования берега в русских говорах бассейна Нижней Печоры

Задачей исследования является описание тематической группы «берег» в говорах бассейна Нижней Печоры. Специфика изучаемого района заключается в том, что он находится в иноязычном окружении, это создало условия для консервации архаических диалектных особенностей, а также черт, обусловленных межъязыковым контактированием. Кроме то-

го, языковая и духовная изолированность региона в течение длительного периода времени, вызванная старообрядчеством, также является условием для консервации говора.

Говоры Нижней Печоры обнаруживают значительную дифференциацию лексики, обозначающей берега рек.

Для общего обозначения берега в исследуемых говорах используется лексема **берег** 'край земли у водной поверхности' (МАС 1: 79). Географический термин **берег** широко представлен в славянских языках и восходит к праславянскому **bergъ* 'гора, берег' (ЭССЯ 1: 19).

Язык стремится избежать синонимической дублетности, что достигается приобретением дублетными терминами дополнительных семантических признаков и исчезновением при этом полной однозначности. В таком случае «дополнительный признак приобретает термином, появившимся в говоре недавно, а старый, исконный термин остается с прежним менее детализированным и более общим значением. Реже дополнительную конкретизацию получают значения каждого из столкнувшихся синонимов»¹.

В структуре значения «*высокий берег*» можно выделить несколько дифференциальных признаков:

1. Тип растущего на берегу леса:

Ёдома, -ы, ж. 1) 'высокий ровный берег реки, покрытый еловым или смешанным лесом' (КСРГРК); 2) 'возвышенность, гряда, покрытая лесом, еловым или смешанным' (СРГНП 1: 197). Данное слово в значении 'крутой обрывистый берег' отмечено в архангельских, вологодских говорах (СРНГ 8: 323). А.Е. Аникин приводит версию Хелимского о финском происхождении термина *едма* из *eiṃtaa* 'передний край, передняя земля'. Под влиянием ненецкого *ёда* 'насиженное место' возникло русское *едома* 'место стоянки оседлых ненцев'².

Кѣрас (*керасѣ*), -а, м. 'высокий возвышенный берег, обычно поросший лесом' (СРГНП 1: 309). Как правило, возле кероса есть небольшой луг, ср. *подкерос* 'место у подножия высокого, поросшего лесом берега реки' (СРГНП 2: 69). Лексема распространена также в архангельских говорах (СРНГ 13: 183). Ср. коми *керѣс* 'возвышенность, гора', 'обычно возвышенность, очищенная от леса', 'возвышенность у берегов рек с населенными пунктами'. Возможно происхождение от *кер-* 'рубить, вырубать (лес)' или от **kjres* 'возвышенность', изменившегося в *keres* под влиянием народной этимологии (*kjř* 'гора'), манс. *kērās* 'возвышенность'³.

Матерá, -ы, ж. 1) 'земля, суша'; 2) 'высокий берег реки' (СРГНП 1: 408). Как правило, матерой называют обрывистый высокий берег, на ко-

тором есть сосновый бор. Лексема в значении 'высокий берег реки' представлена в архангельских, олонечких говорах (СРНГ 18: 22). Восходит к праславянскому **materъ* (*jb*) 'матёрый, крепкий, сильный, большой по величине (очень крупный, толстый, высокий)' (ЭССЯ 17: 240).

Матерѣ́к, -а, м. То же, что и Матера, 'высокий берег реки или моря; берег, который не заливается и почва которого не наносная' (КСРГРК, СРНГ 18: 23). Лексема в таком значении отмечена в архангельских, беломорских, олонечких, тобольских говорах (СРНГ 18: 23), пермских говорах (Полякова 212)¹. Восходит к праславянскому **materikъ*, образованному с суффиксом *-ikъ* от прилагательного **materъ* (*jb*) 'матёрый, крепкий, сильный, большой по величине (очень крупный, толстый, высокий)' (ЭССЯ 17: 240).

Перелѣсье, -я, с. 'поросший лесом обрывистый берег' (СРГНП 2: 25). Лексема в данном значении отмечена только в исследуемых говорах. Восходит к праславянскому **lěsъ* 'земля, поросшая деревьями'. Возможно, это слово было первоначально термином подсечно-огневого земледелия, называло участок, предназначенный для расчистки под пашню, и ведет свою историю от индоевропейского слова с семантикой 'рвать, драть' (ЭССЯ 14: 252).

Угѣр, -а, м. (*угѣрец*, -рца, м.; *угѣрыш*, -а, м.) 1) 'возвышенность, холм'; 2) 'высокий обрывистый берег' (СРГНП 2: 372). Угор может быть чистым и покрытым лесом. Во втором значении лексема зафиксирована в пермских (Полякова 381-382) и карельских (СРГК 6: 578-579) говорах. Восходит к праславянскому **gora* 'высокое место', 'лес', родственному индоевропейскому *giri* 'гора', литовскому *girià* 'лес' (ЭССЯ 7: 30).

2. Особенности формы берега:

Брѣвь, -и, ж. (*брѣв*, -а, м.; *брѣвка*, -и, ж.) 'небольшой крутой обрыв у реки' (КСРГРК, СРГНП 1: 43). В основе наименования лежит сходство участка с бровью человека. В значении 'небольшая полоса берега до кромки' эта лексема отмечена в архангельских говорах; в новгородских говорах лексема *бровка* имеет значение 'часть берега реки' (НОС 1: 88). Восходит к праславянскому **bry* (р. падеж **brъve*) (ЭССЯ 3: 63).

Бровѣстой (*ый берег*) 'крутой, обрывистый берег' (СРГНП 1: 43).

Загрѣвок, -вка, м. 1) 'продолговатый пригорок, похожий на холку животного' (СРГНП 1: 229); 2) 'более возвышенный участок низкого берега'. В значении 'более возвышенный участок низкого берега' в вологодских, ярославских, сибирских говорах зафиксирована лексема *грива* (СРНГ 7: 143). Восходит к праславянскому **griva* 'затылок, загривок' (Фасмер 1: 458).

Косѣк, -а, м. (*косѣнка*, -и, ж.). 1) 'крутой склон, откос'; 2) 'место спуска с берега на лёд' (СРГНП 1: 338). В первом значении лексема встречается

¹ Толстой Н.И. Славянская географическая терминология. М., 2006. С. 11.

² Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.: Новосибирск, 2000. С. 196-197.

³ Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999. С. 122.

¹ Здесь и далее в тексте: Полякова Е.Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь, 2007.

ся только в исследуемых говорах, во втором значении – в архангельских, пинежских говорах. Восходит к праславянскому **kosъ(jь)* 'косой' (ЭССЯ 11: 177).

Крути́к, крутя́к, -а, м. 'крутой, обрывистый берег реки' (СРГНП 1: 355). В данном значении лексема отмечена в пермских говорах (Полякова 178), ярославских, архангельских, уральских, вятских, Кировских, Мурманских, Беломорских, Сибирских, Красноярских говорах (СРНГ 15: 325); в русских говорах Карелии *крутик* – 'верхняя и более обрывистая часть берега' (СРГК 3: 36); в новгородских говорах в данном значении зафиксирована лексема *крутяж* 'крутой берег реки' (НОС 4: 158). Восходит к праславянскому *krōt-/krēt-* (Фасмер 2: 386-387); (ЭССЯ 13: 35).

Прилу́к, -а, м. (*прилу́ка*, -и, ж.) 'крутой высокий, часто обрывистый берег' (СРГНП 2: 152-153). В таком значении лексема отмечена в Прикамье, архангельских, вологодских, новгородских, ярославских говорах (СРНГ 31: 280). Восходит к праславянскому **lōka* 'изгиб' (ЭССЯ 16: 134-135).

3. Берег, подмываемый водой, обваливающийся:

Завáл, -а, м. 1) 'крутой откос, обрыв'; 2) 'нагромождение, скопление большого количества льда; затор' (СРГНП 1: 220). В значении 'круто обрывающийся край речной или морской отмели' лексема отмечена в архангельских, Беломорских (СРНГ 9: 291), в Онежских, Кемских, Терских (СРГК 2: 89) говорах. Восходит к праславянскому **valъ*, считающемуся ранним заимствованием из латинского языка (*vallum*) через средне-немецкий (Черных 1: 132). Возможно происхождение от *валить* (праславянского **valiti*).

Крѣж, -а, м. (*крѣжик*, -а, м.; *кряж*, -а, м.; *кряж*, -а, м.) 1) 'крутой, обрывистый берег реки'; 2) 'глубокое место, яма в реке'; 3) 'неровность, выбоина на лугу' (СРГНП 1: 349). Данная лексема обозначает высокий берег, который подмывает водой. В значении 'крутой, обрывистый берег реки' она зафиксирована в новгородских, Олонецких, архангельских (СРНГ 15: 207) и в карельских (СРГК 3: 15-16) говорах. Восходит к праславянскому **kręžь* – производному с суффиксом *-jь* от **kręđь* 'согнутое' (ЭССЯ 12: 142).

Опла́вина, -ы, ж. 1) 'осевшая во время половодья часть берега'; 2) 'выступившая поверх земли или льда и замерзшая вода' (СРГНП 1: 524). В значении 'оползень' лексема отмечена в Иркутских, Псковских говорах (СРНГ 23: 260). Восходит к праславянскому **plaviti* 'плавать' (Фасмер 3: 271).

Опóлзина, -ы, ж. То же, что и Оплавина (СРГНП 1: 525). В пермских говорах *оползень* – 'часть берега, сползающая в реку' (Полякова, 247). Восходит к праславянскому **obpolziti*, производному от **polziti* (ЭССЯ 28: 256).

Отва́лина, -ы, ж. 'круча, обрыв' (СРГНП 1: 537). Лексема в таком значении отмечена в Кировских говорах (СРНГ 24: 128). Восходит к пра-

славянскому **valъ*, которое считают ранним заимствованием из латинского языка (*vallum*) через средне-немецкий (Черных 1: 132).

Подмо́рина, -ы, ж. 'берег, который подмыло' (КСРГРК). В таком значении лексема отмечена в пермских говорах (Полякова, 285). Восходит к праславянскому **moriti* 'губить, лишать жизни, изнурять' (ЭССЯ 19: 223).

4. Особенности почвы:

Щелья, -и, ж. (*щелѣйна*, -ы, ж., *щелѣйка*, *щелѣночка*, -и, ж., *щелье*, -я, с.) 'высокий обрывистый берег реки, чаще каменистый, голый или покрытый лесом' (СРГНП 2: 458-459). Данная лексема зафиксирована также в мезенских, пинежских, заонежских говорах¹. Существует несколько версий происхождения этой лексемы. М. Фасмер возводит ее к праславянскому **skel* 'раскалывать, делить' (Фасмер 4: 501), Б.А. Серебrenников – к нен. *sala* 'мыс'², А.К. Матвеев объясняет возникновение слова контаминацией саам. сев. *čiel'ge* из прасаам. **čelkē* 'горная гряда, кряж' с рус. *щель*, *ущелье*³. Последней точки зрения придерживается и М.Л. Гусельникова⁴.

При обозначении невысокого берега существенными оказываются следующие дифференциальные признаки:

1. Особенности почвы:

Ары́шник, а́реши́к, арѣши́к, -а, м. 1) 'речная галька, крупный песок' (СРГНП 1: 14); 2) 'груды мелких, округленных волнами камней (валунов), обыкновенно лежащих около подводных камней в Белом море'⁵; 3) 'пологий берег, усыпанный мелкими камнями' (КСРГРК). В третьем значении лексема зафиксирована только в изучаемых говорах. Восходит к саам. кильд. *ārešt* 'мелкий камешек, гравий' (Фасмер 1: 86).

Камешни́к, -а, м. 1) 'мелкий камень, галька'; 2) 'низкий каменистый берег' (СРГНП 1: 301). В значениях 'каменистый участок местности, каменистый берег реки' и 'обрывистый берег реки, образованный слежавшимися пластами камней и песчаника' термин зафиксирован в пермских говорах (Полякова 149-150). Восходит к праславянскому **katu*, род. п. **katelē*, вин. п. **katelē* из индоевропейской основы **akten*, корень которого **ak* имеет значение 'острый, угловатый' (ЭССЯ 9: 137-139).

Ла́йда, -ы, ж. 'прибрежная отмель, низкий песчаный берег' (СРГНП 1: 373). В значении 'отмель на реке или море; на море – пространство ме-

¹ Гусельникова М.Л. Рус. диал. щелье, щелья // Этимологические исследования. Вып. 6. Екатеринбург, 1996. С. 57-61.

² Серебrenников Б.А. О методах изучения топонимических названий // Вопросы языкознания. 1959. №6. С. 41.

³ Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. Часть II. Екатеринбург, 2004. С. 31.

⁴ Гусельникова М.Л. Указ. соч. С. 57-61.

⁵ Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые центральным статистическим комитетом министерства внутренних дел. Архангельская губерния. СПб., 1861. С. 21.

жду большой и малой водой, просыхающее во время отлива' лексема зафиксирована в архангельских, беломорских, олонечких, тобольских, сибирских, камчатских, восточно-сибирских, кольских, якутских говорах (СРНГ 16: 247). Из фин. *laito*, род. *laidon* 'мелкий, неглубокий', эст. *laid* 'маленький остров, отмель' (Фасмер 2: 451).

Лещадь, -и, ж. 1) 'отлогий берег реки'; 2) 'отмель (обычно прибрежная)' (СРНГП 1: 384). Как правило, лещадью называют песчаный берег. Лексема отмечена в кемских, архангельских, беломорских, олонечких говорах в значении 'прибрежная каменистая отмель, обсыхающая во время отлива' (СРНГ 17: 35-36). Восходит к **ľьскъ* из **ľuksk* 'блеск, лоск' (Фасмер 2: 491).

2. Заливной низкий берег:

Бережѣна, -а, ж. 1) 'участок сенокосной земли у берега реки'; 2) 'изгородь, спускающаяся к реке' (СРНГП 1: 28); 3) 'низкий, обычно затопляемый берег' (КСРГРК). В значении 'гладкий, отлогий берег у реки' лексема отмечена в карельских говорах (СРГК 1: 62), в значении 'отмель, идущая от берега в море' – в беломорских говорах. Восходит к праславянскому **bergъ* 'гора, берег' (ЭССЯ 1: 19).

Присада, -ы, ж. 1) 'намывной, наносной берег реки'; 2) 'заливной берег'; 3) 'заливной луг' (СРНГП 2: 162). Лексема отмечена в яренских, вологодских, архангельских, Кировских, пермских говорах (СРНГ 31: 374). Восходит к праславянскому **saditi*, которое в говорах имеет значение 'быстро течь (о воде)', 'бросать, кидать что-либо' (Полякова 307).

Бассейн Нижней Печоры относится к зоне рискованного земледелия, традиционные занятия местных жителей – охота и рыболовство, поэтому повышается значимость водных путей. Известно также, что через бассейн р. Печоры пролегал древнейший путь из Новгородского княжества за Урал. Самыми заметными ориентирами на местности являются высокие берега рек, поэтому наименований высоких берегов значительно больше, чем наименований низких берегов. Известны случаи, когда географические термины закреплены только за отдельным участком рельефа. Так, географические термины *гора*, *горка* в значении 'высокий берег реки' зафиксированы в архангельских, прионежских, карельских, северо-двинских, ярославских, рязанских, пермских (СРНГ 7: 16-17), каргопольских, онежских, кондопольских (СРГК 1: 365), в новгородских (НОС 2: 36) говорах. В говорах Нижней Печоры данный термин обозначает высокий берег у с. Усть-Цильмы, на котором проходят народные гуляния с песнями, хороводами, играми, называемые «горка».

Горá, -ы, ж., **гóрка**, -и, ж. 'высокий берег реки' (СРНГП 1: 147). Восходит к праславянскому **gora* 'высокое место', 'лес', родственному индоевропейскому *giri* 'гора', литовскому *girià* 'лес' (ЭССЯ 7: 30).

Географический термин *бык* отмечен только в топонимическом употреблении – д. Бык (КСРГРК), ур. Бычий (КСРГРК), место Бык, щелья Бы-

ковская, нос Бычий, Путь Бык, пролив У быку, пожня Бык¹. Деревня Бык расположена на крутом берегу реки, напоминающем лоб быка.

Бык, -м, а. 1) 'каменные нагромождения в реке, образующие пороги'; 2) 'берег, покрытый голым камнем' (СРГК 1: 152). В архангельских говорах *бык* – 'скала, огромный камень, выдающийся, свисающий с берега в воду' (СРНГ 3: 343). Географический термин мог возникнуть в результате метафорического переноса, т.к. такой берег похож на лоб быка. Лексема *бык* восходит к праславянскому **bykъ* (ЭССЯ 3: 148).

Для обозначения берега в говорах бассейна Нижней Печоры в основном используются славянские по происхождению термины. Менее частотны на данной территории неславянские термины – заимствования из финно-угорских и (реже) из самодийских языков (*едома*, *керос*, *арешник*, *лайда*).

В употреблении рассматриваемой лексики выявлены специфические значения, свойственные только исследуемым говорам: *перелесье* 'поросший лесом обрывистый берег' и *арышник*, *áрешник*, 'пологий берег, усыпанный мелкими камнями'.

Анализ заявленной группы географических терминов обнаруживает связь говоров бассейна Нижней Печоры с архангельскими и пермскими говорами.

А.В. Зеленин
(Тампере, Финляндия)

Концепт «лень» в русской и финской фразеологии (теоретический и прикладной аспекты)

Очевидно, нет в мире языка, в котором отсутствовало бы понятие *лень*, поскольку оно обозначает свойство, неизбежно отмечаемое и замечаемое (и потому имеющее имя или даже имена) в каждом социуме. Однако культурные, религиозные, литературные, языковые представления разных народов и стран заметно трансформируют содержание понятия. Если подходить к термину *лень* с логико-семантических (денотативно-сигнификативных) позиций, то едва ли удастся обнаружить значимые различия в языках. Если же рассмотреть это понятие в диахронической перспективе с привлечением религиозных, идеологических, художественных доктрин, то окажется, что *лень* в разных языках и культурах «оплетена» неспадающими ассоциациями, обладает разной степенью словообразовательной активности, имеет неодинаковую оценочность в общественном мнении, рассматривается как нетерпимое качество

¹ Описание Усть-Цилемской волости Мезенского уезда 1867 г. Архангельский губернский стат. комитет. 1867. – ГАО. Ф. 6. Оп. 15. Д. 61.

во человеческой природы или, напротив, достойное некоторой снисходительности и т.д.

Различаются и стереотипы, формирующие представление о лени у своего народа в сравнении с другим. Если мы обратимся к русскому языковому опыту, то, к примеру, словосочетания *славянская лень, восточная лень, русская лень, южная лень, греческая, испанская* нам будут гораздо меньше резать слух, чем *финская, немецкая, английская, скандинавская лень*. Неужели дело только в «типичности» (узуальной закреплённости в массовом употреблении) и «нетипичности» (редкой или индивидуальной языковой практике) приведенных фраз? Очевидно, такие словосочетания следует рассматривать как преломление на лексико-семантическом (и сочетаемом) уровне глубинно-прагматических и ассоциативных сетей семантического понятия, т.е. как некие культурно обусловленные ментально-языковые конструкты (=концепты), или фреймы¹. Изучение их составляет значимую часть современных многочисленных лингвокультурологических штудий².

Еще более трудной является презентация иностранцам и усвоение ими таких концептов (с одной стороны, универсальных, с другой – национально обусловленных) как на лексическом, так и тем более на фразеологическом уровнях. Большинство преподавателей-практиков и разработчиков учебных материалов и программ разделяется следующая идея: изучение фразеологии лучше и успешнее всего вести на основе контрастивного анализа родного и иностранного языка.

Чтобы понять, осознать, усвоить фразеологизм, иностранцу нужно проделать ряд психолингвистических операций: 1. «разложить» фразеологизм на составляющие компоненты; 2. понять прямое значение компонентов; 3. уяснить переносное (метафорическое) значение всего фразеологизма в целом; 4. узнать стилистическую окраску всего фразеологизма; 5. узнать уместность его употребления (конситуацию и прагматику). Работ, исследующих психолингвистические механизмы фразеологии

при усвоении иностранного языка, крайне мало ввиду объективных трудностей наблюдения и описания такого специфического материала (см., например, любопытный лингвистический анализ в: Rehail¹; также: Золотых²; Кабакова³). И.М. Сеченов, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский рассматривали психическое как живой, пластичный, непрерывный, постоянно формирующийся и развивающийся процесс, моделируя его как вектор: «анализ через синтез». Это – универсальный (всеобщий, исходный) механизм мышления (Брушлинский, Поликарпов⁴). Ср. также широко известные идеи известного американского ученого, теоретика в области образовательных технологий, профессора психологии Чикагского университета д-ра Б. Блума об этапах мышления – 6 уровнях по их когнитивной апперцепции: 1. знание; 2. усвоение; 3. применение; 4. анализ; 5. синтез; 6. оценка⁵.

В качестве экспериментальной модели для демонстрации ключевых механизмов усвоения и обучения (анализа и синтеза) мы выбрали концепт «лень» в двух фразеологиях: русской и финской. История формирования данного культурно-языкового концепта в русском языке на широком историческом, культурном, филологическом фоне рассмотрена нами более детально (см.: Зеленин⁶). *Лень* относится к числу одной из частотных характеристик поведения или стереотипного образа русских, отмечаемых как самими русскими, так и иностранцами. Такое представление разделяет и «средний» финн (Турунен⁷; Мустайоки, Протасова⁸). Чередование анализа и синтеза в процессе выбора концепта для анализа и поиска его репрезентантов можно представить в виде схемы:

¹ Fillmore Ch. Frames and the Semantics of Understanding // Quaderni di Semantica Bologna. 1985. V. 6. № 2. Pp. 222-253 (русский перевод: Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 23. С. 52-92); Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1979; Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург, 2001 и мн. др. работы.

² Из обширного перечня литературы на русском языке: Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского иностранцам. М., 1983; Воробьев В.В. Лингвокультурология. Теория и методы. М., 1997; Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. М., 1997; Чинь Тхи Ким Нгок. Лингвокультурологические основы диалога культур (на материале обучения русскому языку вьетнамцев): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000; Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64-71; Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М., 2002; Красных В.В. Этнопсихология и лингвокультурология: Курс лекций. М., 2002 и мн. др.

¹ Rehail H. L'acquisition des locutions d'une langue étrangère: Aspects linguistiques et sémantiques // *Linguistica*. Ljubljana, 1996. № 36. P. 97-102.

² Золотых Л.Г. Психолингвистические аспекты соотношения значения и смысла фразеологических единиц // Семантика языка и текста: Сб. научных статей. Волгоград, 1998. С. 115-121.

³ Кабакова С.В. Образное основание идиом: (Психолингвокультурологические аспекты): Автореф. дис. ... канд. филолог. наук / Институт языкознания Российской академии наук. М., 1999.

⁴ Брушлинский А.В., Поликарпов В.А. Мышление и общение: (Анализ через синтез в процессе диалогического решения задач) / Институт психологии РАН, Самарский государственный педагогический университет. Самара, 1999.

⁵ Taxonomy of Educational Objectives. The Classification of Educational Goals. Handbook I: Cognitive Domain. New York: David McKay Co., 1956.

⁶ Зеленин А.В. Русская лень // Русский язык за рубежом. 2004. № 1. С. 24-32; Он же. Русская лень (окончание) // Русский язык за рубежом. 2004. № 2. С. 18-24.

⁷ Турунен Н. Русский характер и коммуникативное поведение в восприятии финнов // Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж, 2000. С. 25-37.

⁸ Мустайоки А., Протасова Е. «Мы» и «они»: русские и финны о финнах и русских // Мир русского слова. 2003. № 2. С. 56-63.

синтез	→	концепт «лень» как исходный пункт
анализ	→	поиск фразеологизмов со значением «лень»
анализ	→	компонентный анализ (лексические составляющие)
анализ и синтез	→	идеографическая классификация составляющих
анализ и синтез	→	сравнение лексем, ассоциативных полей
синтез	→	суждение о языке (культурах)

Лексические составляющие (за экономией места мы опускаем описание промежуточных процедур) легко классифицируются на понятийные (тематические) классы; это этап *синтеза* – сведение конструктивных, составляющих лексем к ограниченному количеству типов.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ КЛАСС	РУССКИЙ ЯЗЫК	ФИНСКИЙ ЯЗЫК
1. СОМАТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА	рука, палец, нога, спина, колени, бок, глаза	SORMI (палец), KÄSI (рука), LONKKA (бедро)
2. АНИМАЛИСТИЧЕСКАЯ И БОТАНИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА	собака, жеребец, боров, голубь, мышь, муха, ворона, галка, тетеря; груша, яблоня	LAISKAMATO (букв.: ленивый червь), EVÄÄ (плавник)
3. ЛЕКСИКА ТРУДОВОЙ АКТИВНОСТИ / ПАСИВНОСТИ	дело, работа, шаг, лень	TYÖ (работа), TOIMI (забота, занятие), ASKEL (шаг), TYNJÄ (пустое), (LAISKAN)PÄIVÄ (букв.: ленивый день, день лени), LAISKUUS (лень, леность)
4. БЫТОВАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА	лапоть, баклуши, пень, потолок, сторона, именинник, ванька/дурак	TASKU(карман), TIKKU (спичка, палочка), JOUTILA (праздник), KATTO (потолок), (LAISKURIEN) KERNO (кружок ленивых), NIINA (рукав), TUMPPU (ва-режка)

Приведенное сопоставление дает много интересного материала для лингвострановедческих занятий, показывая специфичность когнитивно-ментальных полей разных языков и культур. Далее можно осуществить составление сводного списка фразеологизмов (клише) русского (29 еди-

ниц) и финского (23 единицы) языков и возможных способов перевода русских идиом на финский.

Русские фразеологизмы, которым можно найти формально-лексические финские соответствия:

РУССКИЕ	ФИНСКИЕ
сидеть сложа руки	istua kädet ristissä (букв.: сидеть молитвенно скрестив пальцы = руки)
ходить руки в брюки	kävellä kädet taskuissa (букв.: ходить руки в карманах)
пальцем не шевельнуть (не пошевелить / не пошевелить)	ei liikauta sormeankaan (букв.: не двинуть, не пошевелить пальцем=пальца)
не сделать (лишнего) шагу (шага)	ei ota tarpeetonta askelta (букв.: не возьмет= не сделает необходимого шага)
лежать на боку	vetää lonkkaa (букв.: тянуть бедро)
лежать / сидеть без дела	maata / istua joutilaana (букв.: лежать / сидеть незанятым, свободным)
плевать / поплёвывать в потолок	sykseskellä kattoon (букв.: плевать в потолок)
стыливать от работы	kartella työtä (букв.: избегать работы)
жить без дела	elää ilman työntä ja tointa (букв.: жить без дела и занятия)
споняться без дела	kulkea joutilaana (букв.: ходить праздным, свободным)
без дела	tyhjin toimin (букв.: (заниматься) пустым делом, впустую)

Заметно, что близких лексических соответствий достаточно много. Такой список помогает учащимся запоминать русские фразеологизмы при опоре на свой родной (финский) языковой материал, так как лексический «зазор» двух языков минимален.

Другая группа представляет такой ряд, в котором соответствие ослаблено, выражено менее ярко и наглядно, однако легко может быть объяснено самими студентами на основе тематической близости лексем:

РУССКИЕ	ФИНСКИЕ
рук к работе не прикладывать	ei liikaa käsiään työhön (букв.: не запачкает рук в работе)
ноги гнуть	vetää lonkkaa (букв.: тянуть бедро)
пальцем не шевельнуть / не пошевелить	ei eväänsä heilautta (букв.: не вильнёт своим плавником)
лежать на печи / на печке	vetää lonkkaa (букв.: тянуть бок)
лежать на боку	maata laiskana (букв.: лежать ленивым)
палец (пальцем) о палец не ударить	ei liikauta sormeankaan (букв.: не двинуть пальцем = пальца)

Третья группа представляет ряд фразеологизмов, у которых нет близких финских соответствий, аналогов:

РУССКИЕ

лень вперед (кого) родилась
на работе не переломится
валить дурака
лодыря гонять
бить баклуши
собак гонять
голубей гонять
слоны (слонов) слонять
мышей не ловить
мух считать (ловить)
считать ворон (галок)
ленивая тетеря

Часть этих фразеологизмов представляет собой высказывания-сентенции, выраженные вполне понятными лексическими и грамматическими средствами (*лень вперед кого-л. родилась, на работе не переломится, мышей не ловит* и др.) и не составляет большой трудности для усвоения. Часть представленных фразеологизмов данной группы содержит национально-ориентированную лексику (так наз. безэквивалентную) и может быть усвоена только при помощи заучивания (*бить баклуши, слоны слонять*). Однако у таких фразеологизмов также есть некоторый шанс остаться в памяти и речи студента ввиду необычности реалий, участвующих во фразеобразовании и тем самым привлекающих внимание учащегося.

Наконец, студенты выделяют такую группу финских фразеологизмов, которые представляют специфические реалии или обозначают ситуации, не отраженные в языковой структуре русских фразеологизмов.

ФИНСКИЕ

karkottaa jostakin laiskottelijan elkeet (букв.: выгнать признаки лени из кого-л.)
toimittaa tyhjää (букв.: делать пустое)
kuulua laiskurien kerhoon (букв.: состоять в кружке ленивых)
laiskamato puree / vaivaa (букв.: ленивый червь кусает / мешает)
ei pane kahta tikkua ristiin (букв.: не скрестит двух палочек)
viettää laiskanpäiviä (букв.: проводить ленивые дни)
antaa valta laiskuudelle (букв.: дать власть лени)

Таким образом, рассмотрение группы фразеологизмов, обозначающих концепт «лень» в русском и финском языках, позволяет представить некоторые наиболее существенные выводы:

1. «Разложение» фразеологизмов на составляющие помогает наглядно увидеть культурно-языковые лакуны и схождения:

- в тематическом классе «соматическая лексика» лексические компоненты в русском языке разнообразнее, чем в финском языке;
- самые большие отличия в образном строе представлений о лени в анализируемых языках проявляются в группе «анималистическая и ботаническая лексика»;
- в группе «бытовая и социальная лексика» ярко видны различия социально-бытового уклада русских и финнов;
- в группе «лексика трудовой активности» различия минимальны, поскольку лексемы называют (номинаруют) логико-понятийные категории.

2. Тематическое различие лексем позволяет сделать вывод об отличии трудового опыта и традиций народа: в русском языке обилие сравнений с животными говорит, очевидно, о сохранении сильного «земледельческо-скотоводческого» и вообще языческого пласта русской фразеологии.

3. Ассоциативные поля, окружающие каждую лексему, в языках могут совпадать, но могут и различаться.

Ж.А. Зубова
(Орел)

О частотности адъективных компонентов фразеологических единиц в орловских говорах

При сборе материала для создаваемого Словаря фразеологизмов и устойчивых сочетаний орловских говоров мы обратили внимание на то, что некоторые компоненты ФЕ проявляют весьма высокую активность, участвуя во фразеобразовании. Чрезвычайно частотны и имена существительные (например, компонент *глаз* входит в состав более чем 90 ФЕ), и глаголы (*ходить/идти* встречается в составе более 80 ФЕ). Более ста пятидесяти существительных и более восьмидесяти глаголов используются как компоненты ФЕ пять и более раз. Прилагательные чуть менее активны, наиболее частотными компонентами ФЕ являются около сорока адъективов. В настоящей статье мы остановимся на анализе прилагательных, повторяющихся в составе фразеологизмов и устойчивых сочетаний более семи раз.

Среди десяти наиболее частотных адъективов – три, обозначающие цвет: *чёрный, красный, белый*. Однако, как станет ясно из нижеследующих примеров, первая, «цветовая» сема не всегда актуализируется, довольно часто предпочтение отдается переносным значениям.

Самым «популярным» является компонент *чёрный: чёрна закупь* 'тяжелое, полное невзгод и лишений, время' (*У вайну чёрна закупь была, чуть ни помирли все. Урицкий р-н*), *чёрная болезнь* '1. эпилепсия

(У соседа Лёны чёрная бalezнь. Дмитровский р-н), 2. сифилис (Када хто-та сифьяком балел, то ни признавалася в этом, гаварил, што у ни-во чёрная бalezнь. Верховский р-н); **чёрный вал на ногу навалится / станет** 'оказаться в затруднительном, безвыходном положении' (Бы-вайт, беды адна за другой наваливаюцца. Толька адна бяда прай-дэйт, другая у парога стаить. Ды, када чёрный вал на ногу навалит-ца – ни сбросиш. Верховский р-н. Сын пришлёт пясмо, када чёрный вал на нагу станить. Хотынецкий р-н) и др. Нетрудно заметить, что су-щественную роль и в этих, и во всех других ФЕ и устойчивых сочетаниях с компонентом *чёрный* играет сема адъектива '5. перен. мрачный, без-отрадный, тяжелый' (Ожегов 765). Всего нами зафиксировано 15 единиц с эти компонентом.

Вторым по частотности является адъектив *красный*. Здесь несколько единиц обозначают растения: **красный корень** 'мыльнянка лекарственная' (Красный коринь увесь агарот портить. Верховский р-н), **красная черёма** 'кустарниковое растение бузина' (У нас и игра есть, и баярыш-ник, и чирёма красная. Новодеревеньковский р-н), **красный полынь** 'тра-вянистое растение (какое?)' (Эта красный палын. Вот для кроликав ре-жу. Мценский р-н). Две единицы используются для наименования гриба подосиновика – **красная шапочка** и **красный гриб** (Мы у децтви ус-гда красных шапачик сабирали. Новосильский р-н. Мы в лес хадили, столька красных грибов нарвали. Шаблыкинский р-н). Две ФЕ связаны с красным как цветом крови: **красный галстук подвязывать** 'убить, пе-ререзав горло' и **пустить красную ленту** 'избить до крови' (А немц ми-не галаву прабил, пустил красную ленту. Знаменский р-н). В этих случаях, как и почти во всех остальных, сема цвета актуальна. Устарев-шее значение «красивый» играет важную роль при формировании ус-тойчивых сочетаний **красная стена** 'стена с окнами, выходящими на улицу в крестьянской избе', **красный лес** 'лес как строительный матери-ал высокого качества', **красный угол** 'передний, наиболее освещенный угол с покрытым скатерью столом, расположенным напротив устья печи, над которым помещаются иконы, лампада' и др. Всего нами зафиксиро-вано 13 единиц с компонентом *красный*.

Достаточно разнообразны ФЕ и устойчивые сочетания (в нашей кар-толке их 11) с адъективом *белый*. Обращают на себя внимание едини-цы, в которых прилагательное развивает антонимичное к упомянутому выше переносному значению *черный*: **белая жизнь** 'хорошая, обеспе-ченная, благополучная жизнь' (Адни жыли белай жизнью, а другия... Лив-енский р-н), **белая фея** 'мечтательная, романтическая девушка, женщи-на' (Эта белая фея лучшы бы пад ноги сматрела, а то вечно в облаках витаит. Свердловский р-н). Отметим, что вне устойчивых сочетаний тако-го значения у лексемы *белый* словарями не фиксируется. Сема цвета сохраняется при образовании ФЕ **белые стены отвезать** 'заболев, попасть в больницу', **белый ключ** 'кипящая вода, кипяток', **белый цвет** 'травянистое растение тысячелистник' и др., в основе которых лежит ме-

тафорический перенос. Сема «светлый» актуальна в единице **белым днём** 'в светлое время суток'. А вот в ФЕ **в белый свет** 'не так, как сле-дует; неправильно, на выброс' (Вот пригатовил-та, у белый свет. Кромской р-н) семы компонента прилагательного находятся на перифе-рии значения единицы и не участвуют активно в формировании семан-тики фразеологизма. Это можно объяснить тем, что сама единица воз-никла на основе существующей и в литературном языке, и в говоре ФЕ **белый свет** 'окружающий мир, земля со всем существующим на ней; жизнь во всех ее проявлениях' (ФСРЯ 411), т.е. происходит вторичная фразеологизация на основе не свободного, а устойчивого сочетания. Подобные случаи свидетельствуют о двунаправленности деривацион-ных возможностей фразеологизма: на их базе возникают не только лек-семы, но и новые ФЕ.

Помимо адъективов «цвета» довольно активны прилагательные, об-разованные от зоонимов: **волчий / волчиный** (12 ФЕ), **кошачий / кошечий / кошкин** (9 ФЕ), **собачий / собачин** (9 ФЕ), **заячий** (7 ФЕ).

В этой группе обращает на себя внимание то, что абсолютное боль-шинство фразеологизмов и устойчивых сочетаний именуют растения или грибы: **волчий корень** 'алкониист реповидный', **волчьи ногти** 'боя-рышник', **волчьи колки** 'травянистое растение татарник колючий', **ко-шачий корень** 'валериана', **кошачий хвост** 'щирца обыкновенная', **кошачьи лапки / лапочки** 'бессмертник', **собачье мыло** 'травянистое растение грьжник', **собачья цеплюшка** 'травянистое растение гравил-лат', **заячья капуста / капуста** 'очиток пурпуровый', **заячья кровь** 'зверобой', **заячьи ушки** '1. ландыш, 2. гриб лисичка', **волчий табак** и **заячья картошка** 'гриб дождевик' и др.

Прилагательные, образованные от зоонимов, используются также для:

- характеристики человека: **кошачий череп** 'человек с крупными, выступающими зубами' (Вон кашачий черип идёт, так и клацайт зубьями. Болховский р-н), **кошкины братья** 'близнецы' (Кошкины бра-тья, патаму пахож адин на другога, как кошкины дети – котята. Бол-ховский р-н);

- наименования болезней: **собачья старость** '1. рахит, 2. детская болезнь (какая?)' (Сабачья старасть рибенка адалела. Дмитровский р-н. Нада абизатильна атгаварить сабачью старасть и рубашку рибён-ка бросить навстречь вады. Урицкий р-н), **собачьи круги** 'болезнь, при которой на теле появляются круги различного цвета (лишай?)' (Сабачьи круги нада атгаваривать. Урицкий р-н) и т.д.

Тринадцать фразеологизмов и устойчивых сочетаний включают в свой состав компонент *божий*. И среди этих единиц встречаем наимено-вания растений (**божье дерево** '1. шиповник, 2. полынь, 3. верба', **бо-жьи звёздочки** 'гвоздика полевая', **божьи слёзки** '1. гвоздика полевая, 2. трясунка', **божья травка** '1. бессмертник, 2. таволга' и др.), ФЕ, ха-рактеризующие человека (**божье бя** '1. убогий, жалкий, несчастный, не-

взрачный на вид (о человеке), 2. нерасторопный, неумелый (о человеке) и его состояние (*идти / пойти на божью долю* 'быть готовым принять всё, что предначертано судьбой').

Две единицы с адъективом *божий* привлекают к себе внимание. Первая ФЕ – *божьи любимцы* 'люди, погибшие от разряда молнии' (*Их божьими любимцами заветь, каво молния убила*. Болховский р-н) – интересна тем, что в ней совмещены языческие и христианские представления диалектоносителя. Внутренняя форма ФЕ свидетельствует о том, что подобная смерть воспринимается как то, что напрямую связано с волей и действием высшей силы. С одной стороны, сохраняется память о верховном боге Перуне-громовержце, который карал, поражая молнией. С другой – мы видим, что аксиологическая составляющая меняется: христианский Бог не наказывает, а забирает к себе лучших, самых достойных.

Вторая ФЕ *хоть глаза выколи (кому) – всё божья роса* 'бессовестный, наглый (о человеке)' вначале воспринимается как речевая ошибка, поскольку для всего фразеологического массива, используемого носителями орловских говоров, характерна прозрачность внутренней формы, ясность образа, положенного в основу фразеологизации. Однако рассматриваемая единица зафиксирована в двух районах области: *У ниво совисти нету: хоть глаза йиму выкали – усё божья роса* (Покровский р-н). *А Ванька, он такой: хоть выкали яму глаза – усё божья роса, совисти у няво нету* (Краснозоропский р-н). Значит, можно говорить о контаминации единиц *хоть глаза / глаза коли / выколи* и *хоть наплюй в глаза – всё божья роса*. При этом первая часть ФЕ – *хоть глаза выколи* – сохраняет прозрачность и ясность исходного образа, а вторая – *всё божья роса* – по сравнению с исходной ФЕ затемняет внутреннюю форму, переносит при вторичной фразеологизации обобщенное значение 'то, что доставляет удовлетворение, никак не беспокоит'.

Одиннадцать фразеологических единиц содержат компонент *хороший*, используемый и в полной, и в краткой формах. Этот адъектив активно используется в поговорках: *хорош гость в гостинку* 'все хорошо к месту: гости не должны докучать хозяевам своим пребыванием' (*Харош гость у гастинку – он нимношка пабудит. То вот у нас у суседа приехали шесть чипавек, и усю лета прабыли, и надаели. А он и заварить: ить от харош гость у гастинку. Ить пабыли п ани у мене ниделю, а то приехали на целая лета*. Ливенский р-н); *хорошая глотка за три года моток чуёт* 'нужно предвидеть, предчувствовать неприятные последствия, плохой исход какого-либо дела' (*Харошая, грить, глотка за три года маток чуить*. Орловский р-н); *во двор стог сена, океан молока да хорошего телка / телька* 'пожелание хозяйке, которая доит корову' (Орловский р-н) и др. Компонент *хорош* встречается также в единицах, характеризующих отношения между людьми (*навесить хорошую ведёрку* кому 'серьёзно наказать кого-либо' (*Навесь яму харошую видёрку, иш распустилси!* Знаменский р-н), ситуацию

(*всего хорошего* 'благополучно' (*Патом ани вирнулись дамой всиво харошыва*. Ливенский р-н), предмет или человека (*есть тебе хорош* 'очень хороший' (*Картохи у ентам гаду были есть табе хараш*. Кромской р-н, *хорош как боров в дождь* 'грязный, испачкавшийся в чем-либо человек' (*Госпади! Идеш ты выпачкалси? Харош, как борав у доц*. Болховский р-н) и др.

На наш взгляд, следует сказать и об адъективе *добрый*, который в составе фразеологических единиц и устойчивых сочетаний встречается девять раз и активизирует значение «хороший» в поговорках (*у доброго хозяина и бакша добро родит*), обозначениях предметов и событий (*добрая сорока* 'старинный праздничный головной убор', *добрая година* 'в народном свадебном обряде: второй день свадебного гуляния'), пожеланиях (*путь в добрый!*) и т.д.

Все девять устойчивых сочетаний, включающих компонент *дикий*, служат для наименования растений: *дикая морковь* 'анис', *дикая редька* 'сурепка', *дикая рябина / рябинка* 'пижма', *дикие помидоры* 'паслён чёрный', *дикий подсолнух* 'девясил высокий' и др.

По восемь ФЕ содержат адъективы *живой / жив* и *пустой / пуст*.

Обращает на себя внимание единица *живая вода*, которая в разных районах области употребляется для обозначения разных реалий. Так, в Покровском районе значение этой единицы – 'в похоронном обряде: вода для обмывания покойного' (*Кипятят ваду у бальшом чугуне и этой живой вадой моють пакойника. Пачиму живая вада? А как жы – зарюють, и ничиво для ниво живова нет, а вада последняя была – живая, ад жызни*). В Кромском районе это название растения очитка обыкновенного (*Живой вадой иё зывають из-за сочнати и цытлести сока*). А в Знаменском районе так говорят о чем-либо перенасыщенном влагой (*У поли и делать нечива, живая вада, ни прайдёш, ни праедиш*). Возможно, в последнем случае велико влияние модели, в которую включен адъектив (ср. *живая соль* 'что-либо пересоленное' (*Пиришали пахлёлку, живая соль*. Хотынецкий р-н), *живое горе* 'чрезвычайно большое горе' (*И ни знаю, как матирь у вайну пирижыла, эта ж живая горе*. Знаменский р-н).

Компонент *пустой / пуст* зафиксирован в поговорках (*губа толста – кишка пуста* 'будешь капризничать – останешься голодным'), ФЕ со значением действия (*идти пусто* 'болеть'), характеристики времени (*в пустой след* 'слишком поздно, позже, чем следовало'), человека (*пустые глаза* '1. тяжелобольной, умирающий человек, 2. чрезвычайно глупый, несообразительный, бестолковый человек, 3. наглый, бессовестный человек') и др.

Подытоживая вышесказанное, можно прийти к заключению, что активность имен прилагательных, участвующих во фразеологизации, прежде всего проявляется при образовании единиц, именуемых растения, характеризующих человека, его состояние и ситуацию, положение дел.

Семантический комплекс «горе» в севернорусских похоронно-поминальных причитаниях

Понятия жизни и смерти являются базовыми для похоронно-поминального обрядового комплекса, в котором, по словам А.К. Байбурина, «жизнь и смерть не просто соприкасаются и пересекаются, но, как ни в какой другой ситуации, проявляются во всей своей реальности и глубине смыслов»¹. Вследствие этого семантическое пространство причитаний (традиционного вербального компонента данного обрядового комплекса) складывается из двух базовых семантических макрополей, представляющих тексты, связанные со смертью и умершим – макрополе 'смерть' – и с живыми участниками обряда – макрополе 'жизнь', или, точнее, макрополе 'сиротство' (поскольку родственники умершего, оставаясь в области жизни, переходят в новую социальную группу, меняют «качество жизни» – становятся сиротами²).

Материалом для анализа в данной статье послужили записи севернорусских похоронно-поминальных причитаний из Фольклорного архива СыктГУ (Лузское и Усть-Цилемское собрания), а также опубликованные тексты русских причитаний Карелии, причитаний Вологодской области, Архангельской области (Каргопольского, Лешуконского, Мезенского, Пинежского р-нов)³.

¹ Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. С. 101.

² Представление о том, что ближайшие родственники умершего приобретают особый, новый статус, на акциональном уровне реализуется, например, следующим образом: ребенок в день похорон, при закате солнца, сидя на пороге (что в другое время строго воспрещалось), должен был съесть кусок хлеба с солью, что обозначало усвоение и закрепление им специального знания о своем статусе сироты (см. Байбурин А.К. Некоторые представления о памяти в традиционной культуре // Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура: In memoriam. СПб., 2003. С. 257).

³ Алексеевский М.Д. Похоронно-поминальные причитания Русского Севера в современных записях // Актуальные проблемы полевой фольклористики: Сб. науч. трудов. Вып. 4. М., 2008. С. 113-139 (далее: Алексеевский); Причитания Северного края, собранные Е.В. Барсовым: В 2-х т. Т. 1: Похоронные причитания. СПб., 1997 (далее: Барсов); Приложение № 7 к Бюллетеню фонетического фонда русского языка: Обрядовая поэзия Русского Севера: плачи. СПб., 1998. С. 97-121 (№ 1-22) (далее: БФФ); Причитания по умершим // Ефименкова Б.Б. Севернорусская причетъ: Между речью Сухоны и Юга и верховья Кокшенги (Вологодская область). М., 1980. С. 89-171 (№ 1-60) (далее: Ефименкова); Похоронные песни // Печорские былины и песни / Записал и составил Н.П. Леонтьев. Архангельск, 1979. С. 122-127 (№ 34-38) (далее: Леонтьев); Похоронные причитания // Народное устно-поэтическое творчество Вологодского края: Сказки, песни, частушки Вологодского края / Под ред. В.В. Гура. Вологда, 1965. С. 50-57 (№ 112, 114, 118-119, 126) (далее: НУПТ); Похороны // Обрядовая поэзия Пинежья: материалы фольклорных экспедиций МГУ в Пинежский район Ар-

Семантическое макрополе 'сиротство' представляет собой смысловую зону, которая репрезентирует родственников умершего, в том числе саму причитывающую, и складывается из следующих лексических групп: 1) номинации причитывающей; 2) лексемы, реализующие традиционные представления о пространственном расположении людей, переходящих в группу сирот; 3) слова, включаемые в конструкции, которые дают описание действий и состояний сирот. Значительная часть лексем, входящих в макрополе 'сиротство', отражает современное понимание похоронно-поминальных причитаний как текстов, предназначенных для выражения горестного, скорбного чувства сирот.

Так, самую многочисленную группу номинаций причитывающей составляют лексемы, определяющие ее субъективно, через испытываемые чувства: они заключают в своей семантике общую идею 'тот, кто пережил горестное событие, изведаль страдание, боль'. Речь в данном случае идет об образованиях с корнями -бед- и -гор-. Первый корень реализуется в существительном *беднушка* (*Допусти-тко меня, беднушку, / До добротушки до матушки* (РПК, № VI)) и ряде прилагательных, в том числе образованных способом сложения: *бедная* (*Ух и ти мне, да я валюсе, бедная, / Ух и ти мне, да на святу могилушку* (БФФ, № 17)), *победная* (*Все я думала, победная головушка* (Барсов, 115)), *многобедная* (*Я не знаю, многобедная* (РПК, № XI)), *беднодетинная* (*Я ведь мать беднодетинная* (РПК, № XI)).

Непроизводные и производные образования с корнем -гор- представляют более пеструю картину. К существительным-самоназваниям причитывающей относятся лексемы *горющица* (*Ой, я ходила, горющица, / Ой, на крутую могилушку* (Ефименкова, № 10)), *горюха* (*На кого ты мене, горюху, бросил?* (ФА СыктГУ, УЦ, 0377-67)), *горемышница* (*Ой(и), дак я хожу, горемышница, / Ой(и), я без колод запиноюсь* (БФФ, № 12)), а также существительное среднего рода *горе* (*Я пришла, да горе бедное, / Я пришла, да горе несчастное* (РНБЛ, Пудож, № 9)) и женского – *горя*, в котором формальный признак рода соответствует полу называемого лица (*А уж я встретила тебя, горька горя* (ФА СыктГУ, УЦ, 0301-14); *А уж ты бросил меня, горю, спокнул ведь* (ФА СыктГУ, УЦ, 0344-64)). Кроме того, в текстах севернорусских причитаний часто используются словосочетания с атрибутивными отношениями: *Уж я горька мати, горе бездетное, / Уж я горька мати, горе беспризорное*

хангельской области (1970 – 1972 гг.) / Под ред. Н.И. Савушкиной. М., 1980. С. 131-158 (№ 143-177) (далее: ОПП); Русская народно-бытовая лирика: Причитания Севера в записях В.Г. Базанова и А.П. Разумовой. М.-Л., 1962 (далее: РНБЛ); Русские плачи. Л., 1937 (далее: РП); Русские плачи Карелии / Подготовка текстов и примечания М.М. Михайлова. Петрозаводск, 1940 (далее: РПК); Похороны // Семейные обряды Вятского края / Под ред. А.А. Ивановой. М.-Котельнич, 2003. С. 225-261 (№ 16, 20-21, 24-25, 27-49, 60, 63-64) (далее: СОВК); Похоронные причеты // Сказки и песни Белозерского края: Сборник Б. и Ю. Соколовых: В 2-х кн. Кн. 2. СПб., 1999. С. 308-326 (№ 328-343) (далее: Соколовы).

(ФА СыктГУ, УЦ, 03103-18), а также тавтологические словосочетания, которые в предельной степени интенсифицирует соответствующий признак: *Ой, ты оставила, маменька, / Да ты меня, да уж горющицу, / Да ты меня, да горю горькую* (СОВК, № 20); *Уж мы, горе-горько горюшеци, / Уж без матери да оставались* (ОПП, № 149).

Таким образом, согласно текстам причитаниям, горе является одним из основных модусов переживания смерти родного человека: ср. *Ты простилась со любимой своей горенкой, / Ты со мной ли, со родимой своей матушкой, / Ты великое мне горюшко да сдеяла* (НУПТ, № 112).

Несмотря на то, что в причитаниях идею горести выражает целый ряд слов: *горе – кручина – печаль – тоска – грусть* (*Ой(и), дак ты набавил, рожонё, / Ой(и), дак на моё-то ретивоё / Ой(и), дак много горя и кручины, / Ой(и), да и пецали великиё* (БФФ, № 12); *Ты послушай же, родима моя матушка, / Не впадись в тоску-великую кручинушку* (Барсов, 93); *Грусть, злодей-тоска, со мной, кручинной, сдиялась* (РП, 128)), более частотной и «собираетельно общей» является все же лексема *горе*. Данное слово, как указывает В.В. Колесов, «исторически вобрав в себя оттенки остальных слов семантического ряда, стало символом и словом родового значения»¹.

Для традиционного типа сознания характерна констатация единства внутренней («субъективной», психологической) и внешней («объективной», физической) реальности: они наделены равным онтологическим статусом – «тоска и веселье существуют не в меньшей степени, чем стол или дерево», поэтому субъективные с современной точки зрения различные человеческие состояния «в традиционной реальности располагаются в определенном пространстве, имеют объем, подлежат таким же манипуляциям, что и предметы вполне материальные»². Об этом, в частности, свидетельствует лексическая сочетаемость отвлеченного существительного *горе* в текстах севернорусских причитаний.

С одной стороны, *горе* в текстах севернорусских причитаний обозначает душевное страдание причитывающей (*Ой ты, родимая мамушка, / Ой, ты не знаёшь ты, мамушка, / Ой, про моё горе-кручину, / Ой, про печаль про великую!* (Ефименкова, № 13)) или хронотоп, в котором произошло событие, вызвавшее такое состояние духа (*Я пришла, подружка милая, / Не на праздник, не на гостбищё, / А на великое-то на горюшко* (Алексеевский, 118)). С другой стороны, лексема *горе* вступает в регулярные семантические отношения с глаголами, которые представляют данную эмоцию или как субъект, производящий определенные действия, или как объект, подвергающийся им.

Так, в реализации отношений 'субъект – действие' участвуют глаголы, которые вместе с существительным *горе* образуют конструкции с

общим значением '(начать) испытывать невзгоды', – *прийти* (*Невмоготу пришло горюшко* (Барсов, 49)), *привязаться* (*Привязалосе к горющице / Злоё горюшко великое* (Соколовы, № 340)), а также глагол деструктивной семантики со значением разрушительного воздействия на объект – *надломить* (<...> *горюшко / Надломило мою силушку* (Барсов, 49)).

Отношение 'действие – пациент (объект)' реализуется в предикатах двух семантических групп. Первая группа, включающая глагольные лексемы *познаться* (*А позналася семья твоя вся с горем-горюшком* (НУПТ, № 112)), *мыкать* (*Еще жить мне да горе мыкать* (Леонтьев, 123)), *поприбавить (набавить)* (*Уж поприбавил он да мне-ка горюшка* (БФФ, № 20)), выражает ту же базовую для похоронно-поминальных причитаний идею появления горести как следствия смерти родного человека. Вторая группа глаголов: *пораздирать, поубавить* (*Не с кем горя пораздираю, / Не с кем горя поубавити* (Барсов, 49)), *изживать* (*Мне остатний век как будет доживати, / Горе-горькое как мыкать-изживати?* (РП, 129)), *избывать* (*Не избыть мне ввек своего ли горя-горюшка* (РП, 129)), *делить* (*А нынче с кем буду да я горя делить? / А я ведь с кем буду свои великие?* (ФА СыктГУ, УЦ, 0344-64)) – объединена общим представлением о желании и основном способе избавления от данного страдания.

Значительно реже в текстах севернорусских причитаний реализуется еще один тип отношений – 'действие – средство': *Ой, я горе-горюшкими, / Ой, все поля призасияла / Ой, я и речки ти быстрыя, / Ой, всё слёзам все заполнила* (Ефименкова, № 11).

Обращает на себя внимание семантический признак, лежащий в основе разных наименований *горя* как основного чувства родственников умершего. Сама лексема *горе* возводит к праславянскому глаголу *gorěti со значением 'гореть' и 'жечь' (Фасмер 1: 440). Производящим для синонимичного *горю* существительного *печаль* является глагол *печь* (Фасмер 3: 254). Лексема *кручина*, как доказал В.А. Меркулов, первоначально имевшая не только значение 'грусть, тоска, печаль', но и 'гнев, раздражение', является производным от и.-е. корня *ker(ə) 'гореть, сверкать'¹. В русле данных рассуждений находится также этимология другого синонима *горя*: *тоска* – слово, однокоренное лексеме *тощий*, индоевропейская база которых *teus– имеет значение 'опорожнять, делать пустым, осушать' (Фасмер 3: 88). В группу с этим корнем входит и этимологически связанное с *тощий* слово категории состояния *тошно*, которое также регулярно обозначает в севернорусских причитаниях чувство, эмоциональное состояние горюющей: *Ой, тошным да мне тошнёхонько!* (Барсов, 67; Ефименкова, № 35 и др.) (ср. также *И как стошнитса горюшам, нам, победнетса, / По своем да по родителе по батюшке* (Барсов, 281)). Таким образом, внутренняя форма слов, выражающих

¹ Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб., 2004. С. 147.

² Адоньева С.Б. Традиционная лирика: К проблеме целостности фольклорного текста // Кунсткамера. Этнографические тетради. 1995. Вып. 7. С. 141.

¹ Меркулов В.А. Русские этимологии. VI // Этимология. 1981. М., 1983. С. 58-65.

идею горести, манифестирует один и тот же признак – ‘порождённый внутренним горением, жжением, жаром, которые выжигают человека изнутри, делают его пустым’.

Данное представление горестного состояния родственников умершего в «огненном ключе» находит в севернорусских причитаниях эксплицитную реализацию. Согласно проанализированным текстам, изменения, которые происходят с сиротами, локализируются в их утробе или сердце и вызваны разрушительным воздействием именно огненной стихии: *Без огня да разжигается, / Без смолы да закипляется / Мое молодое сиротское сердеченко* (РПК, № XLIV); *Разгорелась моя несчастная утробушка* <...> *По тебе ли по любимой сестричушке* (Барсов, 305). Ряд контекстов представляет результат, следствием такого состояния: *Как у меня, у горюшицы, / Как без жару сердце высохло* (Соколовы, № 339) (*Ой, как мне жить, не погинути, <...> Ой, с горюшка не засохнути* (Ефименкова, № 8)); *Запеклось да заварилось, / Всё сердечко устошилось* (РПК, № VIII). Связь горя с представлением о горении находит отражение и в словосочетании *тоска неугасимая*, встречающемся в текстах севернорусских причитаний: *Сговорила бы хоть малое словечушко / Я на память-то со братцем со родимым! / Хоть сходилась бы тоска неугасимая* (Барсов, 133).

Одним из основных способов выражения огорчения, горечи являются слезы. В текстах причитаний их атрибут, имманентно присущий признак, выражается постоянным эпитетом *горючий*. В некоторых контекстах причитаний находит отражение память об этимологической связи этого прилагательного с глаголом *гореть*: слезы вызваны горем-горением, а потому они горячие (ср. *Передай от него...от меня письмо. / Не пером оно написано, / А моей слезой горячую* (Алексеевский, 115); *Ой, уронию-то я, мамушка, <...> Ой, слёзоньки я горечиё...ой! / Ой, прошибёт землю-матушку, / Ой моя слёзка горечая, / Ой, а пойдёт-то до мамушки* (Ефименкова, № 15); *А ты не выпила столь ключевой воды, / А сколь словылила ты слез горячих* (ФА СыктГУ, УЦ, 0303-13)). Это соответственно объясняет, например, следующий фрагмент: *Распроклята ты, война-злодейка, <...> Обварила да лицо бело / Горючим да ты слезами* (Леонтьев, 124-125) – слезы, как горячая жидкость, обжигают лицо.

Помимо доминирующего воплощения состояния причитывающей в «огненном ключе», севернорусские причитания представляют его также средствами экспликации компонентов другого семиотического противопоставления – тепло / холод. Отрицательно маркированный в фольклорной картине мира предикат ‘стать холодным’ реализуется или в микросюжете типа *Кабы были люди смелые, / Распластали груди белые / И поглядели бы у беднушки / На ретивое сердечушке. / Там заносы снегу белого, / А погреба да льду холодного, / Там не тают снежки белые / В летну пору до Петрова дни* (РПК, № XXVIII; РП, 157; РНБЛ, Пудож, № 60), или посредством использования производных с корнем –зяб–, объединенных значением ‘испытывать действие холода’. Последние

представлены глагольными лексемами (*Как у меня, да у горюшицы, <...> Без морозу серьце вызябло* (Соколовы, № 339)), прилагательными (*Богоданна буде матушка <...> Не ласкова, не уладчива /.../ До позяблой семениночки* (Барсов, 72); *Унывало все ретливое сердечушко / У меня да у позяблой бедной матушки* (Барсов, 104); *Мою зяблую утробу разрывает* (Барсов, 89)) и субстантивами (*Как умом было не думано, / Что придет зябель на сердечушко* (РПК, № VIII)).

Таким образом, специфическое состояние, переживаемое родственниками умершего, выявляется на основе двух групп лексем, которые с точки зрения логики материального мира противоречат друг другу: оставшиеся сиротами одновременно испытывают внутреннее горение, жар и холод. Вместе с тем последовательное сближение этих разнонаправленных температурных состояний отражается также данными общенародного языка: наряду с общеизвестными *жгучий мороз, обжигающий холод* (ср. *горячие огни жгучие* (РНБЛ, Печора, № 16)) можно привести диалектные лексемы *знойкий* ‘очень холодный, морозный’ (моск.), *знойно* ‘холодно’ (моск.) (СРНГ 11: 319) и т.п. А.Ф. Журавлев объясняет этот факт близостью ощущения, вызываемого в теле человека холодом, стужей, к тому, какое производится действием огня¹.

Итак, рассуждения о горе сирот как важном понятии похоронно-поминальных причитаний позволили выявить две особенности его представления в данных фольклорных текстах: с одной стороны, моделирование внутреннего мира причитывающей осуществляется в них по образцу мира внешнего, материального, с другой – для них характерно последовательное соотнесение душевного состояния горющей и «физиологических» процессов, происходящих в ее организме, как она сама их интерпретирует. При этом характер описываемых в причитаниях состояний причитывающей может быть объяснен проявлением смысловой памяти слов-обозначений горестного состояния, прежде всего, лексемы *горе*: приведенные выше контексты построены на актуализации ее смысловых интенций, внутренней формы.

Т.С. Канева
г. Сыктывкар

К проблеме оценки жанровой и обрядовой терминологии в усть-цилемских фольклорных текстах²

Исследование локальной фольклорной традиции (далее – ЛФТ) в качестве особого текста требует подхода к нему как к полиэлементному

¹ Журавлев А.Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М., 2005. С. 294.

² Работа частично выполнена в рамках проекта РГНФ № 07-04-12143в.

гипертекстовому образованию, в котором выделяются «ядерные и контекстуальные слои»,¹ а отдельные составляющие, по-разному эксплицируемые, связаны друг с другом многочисленными «нитьями». Одним из способов систематизированного представления набора объектов этого сложного текста может стать, условно говоря, фольклорно-этнографический словарь традиции, посредством которого можно презентировать разные блоки информации, такие, например, как:

- обрядовая терминология (обрядовый язык ЛФТ, включая как непосредственно обряды, так и ритуализованные явления культурного обихода, с которыми связано бытование фольклора: игровые (в широком смысле) формы молодежной культуры, праздничные общинные сборы и т.п.);
- народная (исполнительская) жанровая терминология;
- фольклорная жанровая терминология (термины в фольклорных текстах);
- фольклорный ономастикон;
- именованья мифологических персонажей.

«Ядром» текста ЛФТ является непосредственно язык фольклорных произведений, ее «поэтический инвентарь» – совокупность всех художественных единиц, составляющих фольклорный текст традиции (имеются в виду, прежде всего, произведения основного круга жанров за исключением несказочной прозы как наиболее свободной от поэтического канона области фольклора).

Это, разумеется, далеко не весь перечень возможных словарных «слоев» текста ЛФТ, поскольку речь идет об очень объемном и многосоставном тексте, и разные исследовательские цели могут быть связаны с упорядочением и описанием различного материала, например тематических блоков по отдельным явлениям традиционной культуры и жизнедеятельности (одежда, кухня, медицина и т.д.), образно-тематических полей и др.

Задача создания такого рода словаря на материале отдельной традиции выглядит очень трудоемкой, но при всей своей сложности не должна исключать попыток решить ее, тем более что отечественным народоведением в этом направлении достигнуты важные результаты². Здесь свое место могут занять словники, частотные словари, предметные указатели, систематизированные перечни слов и словосочетаний и

¹ Гацук В.М. Некоторые новые опыты текстологии фольклора // Наука о фольклоре сегодня: междисциплинарные взаимодействия. К 70-лет. юбилею Ф.М. Селиванова: Междунар. науч. конф. М., 1998. С. 25.

² Краткий обзор разного рода словарей, связанных с отражением традиционной народной словесности, см.: Лапин В.А. Словарь фольклорно-этнографической лексики как инструмент изучения традиционной культуры // Духовная культура финно-угорских народов России: Мат-лы Всерос. науч. конф. к 80-летию А.К. Микушева (1-3 ноября 2006 г., г. Сыктывкар). Сыктывкар, 2007. С. 72-73.

т.п. опыты, выполненные на основе локально-региональных фольклорных источников¹.

При изучении феномена отдельной ЛФТ важны все блоки вербальной информации. Особый интерес представляет их соотношение, т.е. выявление областей их пересечения и автономных зон. Одним из конкретных вопросов, продиктованных подобным интересом, является вопрос о степени близости фольклорного и обрядового «языков», в частности, отражается ли в фольклорном тексте местная обрядовая и жанровая (исполнительская) терминология и наоборот.

В связи с этим приведем некоторые наблюдения, вызванные самым первым приближением к проблеме описания языка одной из севернорусских фольклорных традиций – традиции Усть-Цилемского р-на Республики Коми (бывшая Архангельская губ.), сложившейся в XVI-XVIII вв. в результате освоения берегов Печоры и ее притоков (Пижмы, Цильмы) насельщиками из разных северных и других мест, значительную долю в числе которых составляли последователи староверия². Работа выполняется на материале опубликованных³ и значительной части архивных текстов, записанных в Усть-Цилемском р-не в период с 1901 по 2000-е гг.

¹ Большой простор для разного рода сравнительных исследований предоставляют, например, предметные указатели к печорским и мезенским былинам из «Свода русского фольклора», где показательным является уже сам набор эпических «предметов» (знаменательных слов и словосочетаний с ними), выявленных в территориально близких традициях, см.: Былины Печоры (Свод русского фольклора: Былины в 25 т. Т. 1-2) / Отв. ред. А.А. Горелов. СПб.; М., 2001. Т. 2. С. 667-766; Былины Мезени (Свод русского фольклора: Былины в 25 т. Т. 3-5) / Отв. ред. А.А. Горелов. СПб.; М., 2006. Т. 5. С. 368-543.

² Некоторые результаты этнолингвистического описания усть-цилемской словесности см.: Материалы к словарю усть-цилемской этнокультурной лексики семантического поля «детство» / Подгот. Т.Н. Бунчук, Т.И. Дроновой // Дети и детство в народной культуре Усть-Цильмы: Исследования и материалы / Сост. Т.И. Дронова, Т.С. Канева; науч. редактирование Т.Н. Бунчук; нотировки Т.А. Кочневой. Сыктывкар, 2008. С. 166-198; Бунчук Т.Н. Языковое выражение представлений о рождении ребенка в усть-цилемской народной культуре // Там же. С. 27-37. Отдельные попытки характеристики образно-тематических «полей» усть-цилемского фольклора также см.: Канева Т.С.: 1. Тема «гуляния» в усть-цилемском песенно-игровом фольклоре (к вопросу о логике хороводного текста) // Этнопоэтика и традиция. К 70-летию чл.-кор. РАН В.М. Гацака / Отв. ред. В.А. Бахтина. М., 2004. С. 157-165; 2. «Книга», «письмо-грамма» в печорском эпосе // Духовная культура народов Республики Коми: история и современность: Сб. статей. Сыктывкар, 2009. (В печати); 3. «Страна советская» в усть-цилемских причитаниях (по записям экспедиции 1942 г.) // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 11. М.: ГРЦРФ. (В печати).

³ Приведем лишь некоторые из изданий: Русская народно-бытовая лирика: Причитания Севера в записях В.Г. Базанова и А.П. Разумовой 1912-1945 гг. / Вступ.ст. и коммент. В.Г. Базанова. М.; Л., 1962 (далее в тексте – РНБЛ с указанием номера текста и номера строки); Песни Печоры / Изд. подгот. Н.П. Колпакова, Ф.В. Соколов, Б.М. Добровольский. М.; Л., 1963 (далее в тексте – Песни Печоры с указанием номера текста); Былины Печоры; А в Усть-Цильме поют: Традиционный песенно-игровой

Обращение к текстам усть-цилемского, главным образом песенно-музыкального, фольклора на предмет поиска в них жанровых терминов показало наличие таких общераспространенных номинаций, как, например, *байка / байкать, песня / петь*. Тексты, в которых они выявлены, имеют близкое сходство с вариантами из других традиций, т.е. не несут местных специфических черт (на вербальном уровне). С точки зрения закрепления в фольклорном тексте исполнительской оценки такого акта, как причитывание (оплакивание умершего), небезынтересно обратить внимание на ряд парных сочетаний из усть-цилемских похоронно-поминальных плачей: *не привысказать да не привычитать* (РНБЛ 27: 89), *повыплакать-повычитать* (РНБЛ 40: 278; 66: 165), *плакала-причитывала* (РНБЛ 43: 139, 140, 168), включающих глагольные термины из разных семантических групп¹.

Характеризуя народные жанровые определения (термины), в частности песенного фольклора в усть-цилемской традиции, стоит иметь в виду, что местную певческую культуру характеризует достаточно развитая исполнительская терминология, четко дифференцирующая песни². Возьмем к примеру слова *припеть, припевка*. В Усть-Цильме бытовал большой круг песенных сюжетов (около 30), называемых самими исполнителями «припевками» (реже – «посидочными» песнями), они звучали на молодежных зимних собраниях, с их помощью осуществлялось припевание симпатизирующих друг другу молодых людей, реальных женихов и невест и новобрачных супругов³, для последних они звучали *вместо* свадебных величаний (местный свадебный обряд не предусматривал исполнение обрядовых песен⁴). Но лишь около половины усть-цилемских песен-припевок по сюжетам являются величаниями («Во горенке во новой...», «Розан мой, розан, виноград зеленый...», «Не во нынешнем во прошлом во году...» и т.п.). Другую их часть составляют пес-

ни, построенные главным образом на сюжетных ситуациях разлуки (расставания, ссоры) пары, ряд из них принадлежит к редким сюжетам. Таким образом, речь идет о песенной группе, характеризующейся рядом специфических черт, которые появились в результате «вхождения» текстов в местную культурную ситуацию. Ни одна из припевок не содержит в своих текстах жанровых маркеров – слов *припеть, припевка*, которыми широко пользуются исполнители в своих характеристиках. Эти терминологические единицы «запечатлены» сюжетом с более устойчивой текстовой и функционально-бытовой «репутацией» (т.е. с минимумом местных нюансов) – святочным величанием-«виноградьем», где, кстати, звучит и само жанровое именование:

Ты позволишь ли, хозяин, ко двору прийти,
 <...>¹ на круто крыльцо зайти,
 <...> за витоё кольцо взять,
 <...> по новым сеням пройти,
 <...> в нову горницу зайти,
 <...> против грядочки встать,
 <...> против матицы встать,
 <...> на лавочку сесть,
 <...> «виноградьё» ле спеть,
 <...> да нам хозяина *опеть*,
 Нам хозяина *опеть, ему хозяйку припеть...* (ТПИФУЦ 21).

В связи с песнями-припевками, исполнявшимися на осенне-зимних молодежных собраниях, обратим также внимание на обозначения сфер бытования этих, а также других групп песен в усть-цилемской традиции и на их соответствия в фольклорных текстах. Местный обрядовый язык дает несколько близких терминов, обозначающих сезонные вечерние сборы молодежи в помещении: *посидка* (наиболее употребительный), *вечеренька, вечерка*, реже – *посиделка*; они широко распространены и в целом ряде других местностей². В одной из протяжных усть-цилемских песен встречаем наиболее нейтральное из них – *вечерка*: «Зашел парень к девкам на *вечерку...*» (Песни Печоры 26); в хороводной (*игрищечной* по местной терминологии) песне находим вариант, не отмеченный у исполнителей: «Вечор девки *вечериночку/вечеренечку* сидят...» (ТПИФУЦ 61, 61а). Лишь в одном тексте, вероятно, местного распространения (причем известного лишь в одном «микрорайоне» Усть-Цильмы – в селениях по Печоре), имеется термин «с местной маркировкой», правда в паре с нейтральным: «На *посидке*, на прекрасной на *вечерке*».

фольклор Усть-Цильмы / Подгот. текстов и коммент. З.Н. Бильчук, А.Н. Власова, А.Н. Захарова, Т.С. Каневой. СПб.: ИнКа, 1992 (далее в тексте – ТПИФУЦ).

¹ См.: *Ильина Ю.Н.* Севернорусские похоронно-поминальные причитания: лингвокогнитивный аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. н. СПб., 2008. С. 15-18.

² См.: *Власов А.Н., Канева Т.С.* Традиционные лирические песни Усть-Цильмы // Традиционная культура Усть-Цильмы: Лирические песни: Научное издание / Сост. Т.С. Канева (отв.), А.Н. Власов, А.Н. Захаров, З.Н. Мехреньгина, Е.А. Шевченко, А.Ю. Кастров, Ю.И. Марченко. М.: ГРЦРФ, 2008. С. 20-21.

³ «Посидки назывались тогды, дак *припевали* девку к парню» (ФА СыктГУ 0398-1а: зап. в 1989 г. в г. Нарьян-Маре от Тороповой М.П. 1910 г. р., урож. д. Абрамовка); «Каждого парня *припевали* разной *припевкой*» (ФА СыктГУ 0367-25: зап. в 1988 г. в п. Новый Бор от Бобрецовоной Е.Т. 1913 г.р., урож. д. Загивочная); «Ребята зайдут, припеваем к девочкам, мужики зайдут – опять к женам припеваем» (ФА СыктГУ 0346-2: зап. в 1988 г. в п. Синегорье от Поздеевой А.В. 1917 г.р.) и т.п.

⁴ «...за неимением развитого свадебного обряда у староверов (Усть-Цильмы – Т.К.) ряд песен, исполнявшихся в других районах на свадьбах, исполнялся на зимних молодежных «игрищах» (Колпакова Н.П. Русская народная бытовая песня. М.; Л., 1962. С.90).

¹ В цитируемом тексте сняты повторы и рефрен «Виноградьё да красно зеленоё».

² Об этих и подобных наименованиях см., например: *Кармакова О.Е.* Названия вечерних собраний молодежи в русских говорах // Русские народные говоры: Лингво-географические исследования. М., 1983. С. 134-136.

черке, все лучины присветили...»¹. Такие яркие явления усть-цилемской хороводно-игровой культуры, как *горка* (весенние хороводы) и *игрище* (парные хороводы на вечерках и свадьбах), не нашли отражения в фольклорном языке, что может быть объяснено разным «возрастом» и статусом приведенных обозначений в сравнении с фольклорными текстами. Последние являются значительно более «старшими» и самодостаточными, непроницаемыми для тех сфер бытования (и их языка), к которым они оказались прикрепленными в конкретной местной культурной ситуации. В этой связи в качестве рабочего наблюдения над тем, как отражается в усть-цилемских (и не только) устно-поэтических текстах жанровая и обрядовая народная терминология, можно предположить, что фольклорные тексты усвоили (запечатлели) и сохраняют в традициях позднего времени формирования (к каковым относится усть-цилемская) те терминологические единицы, которые принадлежат «одновозрастному» с ними слою, т.е. к тому, который условно можно также назвать «общераспространенным» («общерусским»).

Но наряду с представленными имеются отдельные (возможно, лишь пока) примеры проникновения в местный поэтический словарь (в данном случае важно уточнить: словарь *обрядовых фольклорных текстов*) специфических элементов обрядовой терминологии. Это слово *зарученная* в составе определительного словосочетания *невеста/невестушка зарученная*. В СРГНП дается следующее толкование лексем *зарученье*, *заручить* 'В свадебном обряде: обручение, сговор; <...>'; 'В свадебном обряде: обручить' (СРГНП 1: 264). Однако по полевым записям СыктГУ, полученным в 1980-2000-е гг., а также по материалам Н.П. Колпаковой, собранным в 1929 г. для диссертации по свадебному обряду Русского Севера, *зарученье* определяется как оплакивание невесты в отдельные моменты обряда (голошение во время/после сговора; в утро свадебного дня, на которое приходятся расплетение и заплетение косы и оплакивание невесты в бане)².

Между тем в текстах свадебных причитаний можно усмотреть своеобразный «комментарий» (или, возможно, ключ) к этому обрядовому термину: в них встречается устойчивое парное обозначение невесты «невеста/невестушка *зарученная*, княгиня *прослезенная*», что в опреде-

ленной степени может служить подтверждением сближения (или уподобления?) заручения и оплакивания:

... Дайте нам пути-дорожечки
До невестушки зарученной,
Да княгини да прослезенной...¹

Таким образом, пристальное внимание к соотношению разных языков (текстов) местной фольклорной культуры (поэтического, обрядового, жанрового) заставляет обратить внимание на состав и структуру традиции, а за ними увидеть и многие рельефные черты ее «портрета».

В плане оценки связей отдельных уровней целостного текста ЛФТ перспективным представляется, например, анализ местных и общераспространенных жанровых и обрядовых терминов в составе «жанрово-соответствующих» фольклорных текстов и текстов иных жанров (так, наши самые предварительные наблюдения над печорскими текстами обнаруживают, что, например, слова *песня*, *петь* чаще встречаются в песенных текстах, реже – в былинах и других жанрах; *виноградье* – только в «жанрово-соответствующем» величании-виноградьи; сочетание *княгиня первобрачная* не выявлено в свадебных причитаниях, но имеется в былине; о венчании – еще одним неоднозначном моменте свадебного обряда усть-цилемских староверов-бесполовцев² – практически «умалчивают» местные свадебные причитания, но опосредованно «вспоминают» причитания похоронно-поминальные и т.д.).

И.А. Кобелева
(Сыктывкар)

Из лексикона одного носителя лоемского говора

В течение ряда лет (в 1976–1989 гг. – ежегодно, затем – менее регулярно) кафедрой русского и общего языкознания Сыктывкарского государственного университета организовывались экспедиции в русское село Лойма Прилузского р-на Республики Коми. На кафедре собран уникальный материал, содержащийся в десятках рабочих тетрадях с записями, которые были сделаны в полевых условиях студентами, сотрудниками и преподавателями филологического факультета СыктГУ, в том числе и Лидией Яковлевной Петровой.

¹ ФА СыктГУ 0322-10: зап. в 1987 г. в с. Замежной от Чуркиной М.Е. 1904 г.р.

² См.: *Канева Т.С.* Фольклорная традиция Усть-Цильмы. Некоторые аспекты характеристики локальной традиции: Учебное пособие по спецкурсу. Сыктывкар, 2002. С. 28-30. Ср.: *Дронова Т.И.* Русские староверы-бесполовцы Усть-Цильмы: конфессиональные традиции в обрядах жизненного цикла (конец XIX-XX вв.). Сыктывкар, 2002. С. 251-253.

¹ Лирика русской свадьбы / Изд. подгот. Н.П. Колпакова. Л., 1973. № 102.

² Колпакова Н.П. Свадебный обряд на Севере: машинопись диссертации (Фольклорный фонд РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, кол.165, п.25, л. 144-146. Из экспедиционных записей: «...Невесту поведут родители в байну заручать. Там поведут, платом ей закинут там в байны, она плакать голосом будет. Ей оплакивать родители тут-ка станут <...> Это плачут в общем, как оплакивают ей родители. Вот это называется заручают» (ФА СыктГУ 03104-17, зап. в 1990 г. в с. Усть-Цильме от Семеновой М.А. 1917 г.р., урж. д. Черногорской) и т.п. Ср. процитированные в тексте толкования лексем из СРГНП с приведенными там же иллюстрациями: «... невеста заручаецца (курсив мой – Т.К.), плачет, приплакивает. <...> Невесты товда плакали, зарученье было <...>» (СРГНП 1: 264).

Некоторое время назад работа с картотекой русского говора с. Лойма, насчитывающей более 30 тыс. карточек, была приостановлена, однако сегодня коллектив кафедры возобновил усилия по созданию корпуса словаря, который, думается, увидит свет в недалеком будущем. Пока же научной общественности предлагаются избранные словарные статьи той лексики, которая была записана автором от одного из информантов – простой русской женщины-труженицы, уроженки с. Лойма Евдокии Афанасьевны Кармановой (годы жизни 1918–1991)¹.

Евдокия Афанасьевна была незаурядной хранительницей и неиссякающим источником народного русского языка, о чем свидетельствуют факты отсутствия в сводном «Словаре русских народных говоров» и региональных словарях говоров Русского Севера приводимых ниже диалектных слов², запись которых была сделана автором статьи при непосредственном и очень доверительном общении в условиях совместного проживания (в июле 1987 г. и в апреле, июле 1989 г.).

В словарный запас Е.А. Кармановой входили, конечно, и такие диалектные слова и выражения, которые уже имеют словарную фиксацию (например, *волочи́ть* 'склонять к брачному сожителю (о женщине)', *волочи́ться* 'вести безнравственный, распутный образ жизни (о женщине)', *горб* 'доска-горбыль', *дава́ть спаси́бо* 'благодарить', *киномеха́ница* 'женщина, выполняющая работу киномеханика', *ма́тькаться* 'ругаться матерными словами, сквернословить', *обсудити́ть* 'признать виновным, осудить' и мн. др.), поэтому в данной статье автором было решено принять к лексикографической разработке и засвидетельствовать именно оригинальные единицы из лексикона замечательного информанта. В настоящей публикации приводится только по одному контексту употребления, остальной иллюстративный материал найдет свое место в «Словаре русского говора с. Лойма», планируемом к выпуску кафедрой русского и общего языкознания СыктГУ, о чем говорилось выше.

Прежде всего представим слова, которые отсутствуют в диалектных словарях³ и часть которых является, возможно, результатом индивидуального словотворчества Е.А. Кармановой:

¹ Не претендуя на создание отдельного словаря идиолекта, отметим, что в научном мире известны и пользуются признанием словари, материал которых был записан всего от одного диалектоносителя: «Диалектный словарь личности» В.П. Тимофеева (Шадринск, 1971), «Словарь диалектной личности» В.Д. Лютиковой (Тюмень, 2000), «Экспрессивный словарь диалектной личности» Е.А. Нефедовой (М., 2001).

² То же можно сказать и относительно устойчивых выражений, которые были услышаны от Евдокии Афанасьевны: многие из них уже нашли отражение в «Фразеологическом словаре русских говоров Республики Коми» (Сыктывкар, 2004).

³ Сверка материала произведена по следующим словарям: Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г. Гецово́й. Вып. 1–12. М., 1980–2004; Меркурье́в И.С. Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979; Нефедова Е. А. Экспрессивный словарь диалектной личности. М., 2001; Новгородский областной словарь / Отв. ред. В.П. Строго́ва. Вып. 1–13. Новгород, 1992–2000; Областной словарь вятских гово-

ДОПЕНСИОНЕ́Р, -а, м. Мужчина предпенсионного возраста. *Вон, смотри, смотри, идёт, обабок, о нём я говорила, он допенсионер.* (1987).

ИЗРЕПЕТА́ТЬСЯ, сов., неперех. Утратить целостность, стать дырявым, порваться (о ткани). *Выбросила его <платок>, он весь уж изрепестался.* (1989).

КОСОБО́ЧКА, -и, ж. Женщина с искривленным позвоночником, кособокая. *Пришли за ней, она у тракториста сидит в кабине, так её мать лупила, другая тоже такая <бесстыдница>, только кособочка, позвоночный столб скривило.* (1987).

ЛА́ПНУТЬ, сов., перех. Одним мазком нанести на какую-либо поверхность жидкое или жирное вещество. *Прихожу, у них лапано краской-то этой, белой, лапнул – это мазнул, щёткой чем ли, где местом цалнено, где местом черно.* (1989).

МОХНОРЫ́ЛИК, -а, м. Бородатый мужчина. *На обложке журнала-то какой-то мохнорылик нарисован, говорю.* (1987).

НАГЛЯДЕ́ТЬСЯ, сов., неперех. Приглядеться, присмотреться. *Она утром пошла участок, не участок, а деревню, на работу, утром рано, догоняет её тракторист, посадил её и полез к ней, а та не будь дурна, нагляделась, у него тут молоточек какой-то лежал, она этот схватила молоточек и его раз по башке и побежала другую сторону, обратно.* (1989).

ПОДФУ́НИВАТЬ, несов., перех. Подбивать, подговаривать, подначивать. *Эта женщина ещё ходит, подфунивает, чтобы Вера ко мне не ходила.* (1989).

ПОУКРА́ДШИ, нареч. Украдкой, втихаря. *Она ведь поукрадши пила, ну, это, украдкой, штоп не видели никто.* (1989).

ПОЧУТЛИ́ВЫЙ, -ая, -ое. Имеющий хороший слух, чуткий. *Я тоже почутливая, слышу, двери-то открылись.* (1987).

ПРО́ГОЛОДЬ, -и, ж. Состояние сильного голода. *Бруснику, один край зелёный, другой красный, а едят, неужели такая проголодь, что зелёными надо ести?* (1987).

РАХОВА́ТЫЙ, -ая, -ое. Имеющий раздвоенный ствол (о дереве). *Берёза-то оказалась раховатая, она так, надвоё, я её свалила, это твоя берёза уронена, спрашивают.* (1987).

ров / Под ред. В.Г. Долгуше́ва и З.В. Сметаниной. Вып. 1–4. Киров, 1996–2006; Псковский областной словарь с историческими данными / Редкол. Б.А. Ларин и др. Вып. 1–17. СПб., 1967–2005; Словарь вологодских говоров / Ред. Т.Г. Паникаровская, Л.Ю. Зорина. Вып. 1–12. Вологда, 1983–2007; Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А.К. Матвее́ва. Т. 1–3. Екатеринбург, 2001–2005; Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С. Герд. Вып. 1–6. СПб., 1994–2005; Ярославский областной словарь / Ред. Г.Г. Мельниченко и др. Вып. 1–10. Ярославль, 1981–1991.

РО́ЗИМ, -а, м. Пробор на голове. *Красивый был, кудреватый, волосы-те на две стороны, розим называли, кто его знает как правильно, розим говорили.* (1989).

РУ́ПОСИТЬ, несов., неперех. Накрапывать, моросить. *Это не дождь, это не дождыт, а рупосит.* (1987).

Далее продемонстрируем слова, которые зафиксированы как минимум в одном из названных выше диалектных словарей, но имеют при этом другое значение:

ВРАЗНОБЕ́ЖКУ, нареч. В разные стороны, врозь (о глазах). *Молоко возил, толстогубый, губы вот так виселись, потом баба пришла, глаза вразнобежку и губы такие же, говорят, вон его баба пришла, они женились одинаковые.* (1989). Ср.: **Вразнобе́жку** 'как попало' (ПОС 5: 34).

ГЛУХОМА́РЬ, -я, м. Мужчина, который плохо слышит или совсем не слышит. *Он не воевал, в штабе сидел, писал, он глухомарь.* (1987). Ср.: **Глухома́рь** 'отдаленное от поселений пустынное место, захолустье, глушь' (АОС 9: 127).

ГОЛОВИ́ЦА, -ы, ж. Кочан, вилок капусты. *Капусты скоко сожрала <крыса>, по полу́ головицы сопёт.* (1987). Ср.: **Голови́ца** 1. 'головка льна', 2. 'льняное семя', 3. 'шелуха, отходы после очистки семени льна', 4. 'лепешка из льняного семени', 5. 'основание корнеплодов' (СРГК 1: 355-356); **Голови́ца** 1. 'шелуха от головок льна, льняная мякина', 2. 'головки льна на корню', 3. 'головки мака', 4. 'колодка с зубьями у грабель', 5. 'ударная часть цепа', 6. 'передняя изогнутая часть полоза саней', 7. 'передняя часть саней, образуемая перегибом полозьев, передок', 8. 'концы оглоблей, надевающиеся на ось', 9. 'нос у лаптя' (ЯОС 3: 89)+ см. также АОС, НОС, ОСВГ, СВГ, СГРС, ПОС.

МА́ЗНУТЬ, сов., перех. То же, что Ла́пнуть. *У старичка фельшера был чум, печка была поставлена, он там жил, горло болит – он за два дня выпечит, чем-то мазнет, теперича всякое полоскание дают, анги́на – неделю мучаются, он всяко лечил.* (1989). Ср.: **Ма́знуть** – 1. 'задеть чем-н.', 2. 'внезапно быстро уехать, скрыться' (СРГК 3: 186).

НА́КОСО, нареч. Не используя матерных слов, заменяя матерные слова на приличные. *Пели песни там, на праздники, «Накосо или прямо?» – спрашиваю, Маша говорит: «Накосо».* (1989). Ср.: **На́косо** – 1. 'наискось', 2. 'поперек чего-н.' (СРГК 3: 337).

ОДЁ́ЖИТЬ, сов., перех. Съесть что-либо. *Как полкилограмма одёжишь, ноги-то бежат не слыша земли.* (1989). Ср.: **Одё́жить** – 1. 'надеть (надевать) что-н. из одежды', 2. 'покрыть, закутать чем-н.' (СРГК 4: 147-148); **Одё́жить** – 1. 'одеть в какую-либо одежду', 2. 'укрыть, накрыть' (СВГ 6: 28); **Одё́жить** – 'с силой ударить, стукнуть' (ЭСДЛ 78).

ПРЯ́МО, нареч. Используя неприличные, матерные слова. *Пели песни там, на праздники, «Накосо или прямо?» – спрашиваю, Маша говорит: «Накосо».* (1989). Ср.: **Пря́мо** – 'хорошо, правильно' (СРГК 5: 336).

РЕ́ЗНУТЬ, сов., перех. Выпить что-либо быстро, с охотой, удовольствием. *Хорошо, напилась, три чашки резнула, выпила да.* (1989). Ср.: **Ре́знуть** – 1. 'сильно ударить', 2. 'сильно топнуть', 3. 'разбить, расколоть', 4. 'попасть куда-н., ударить (о молнии)' (СРГК 5: 510); **Ре́знуть** – 'нанести, произвести удар' (НОС 9: 125).

В заключение отметим, что самобытных лоемских слов гораздо больше, но и приведенные два десятка словарных статей, в которых разработаны совершенно новые диалектные единицы, знаменуют необходимость завершения авторским коллективом кафедры русского и общего языкознания Сыктывкарского университета «Словаря русского говора с. Лойма Прилузского района Республики Коми». Эти словарные статьи являются своеобразной презентацией цельного корпуса названного словаря.

Н.С. Коровина
(Сыктывкар)

К вопросу о контаминации в коми волшебных сказках¹

В НА Коми НЦ УрО РАН хранится более 500 текстов волшебных сказок, что составляет около 70% общего коми сказочного фонда. Собранный фольклорный материал свидетельствует о развитой сказочной традиции, наличии большого количества одаренных исполнителей народных произведений.

Исследование сюжетного состава показывает, что около 30% коми волшебных сказок не могут быть идентифицированы одним номером сюжетного типа (по СУС²). Причиной этого является то, что они имеют сильную тенденцию к сюжетному контаминированию. Указанный творческий прием отражает стремление исполнителей расширить тексты волшебной сказки, дает простор для их творческой фантазии, приводит к появлению оригинальных сказок. Контаминированными считаются «многосюжетные сказки, которые, объединяя структурно сложившиеся сказки или их части, оказывающие влияние на событийную сущность повествования, образуют целостную систему с единой композиционной и стилиевой структурой»³.

Довольно часто в коми сказках встречается общерусский тип соединения сюжетов: «Сивко-бурко» и «Свинка – золотая щетинка» (530 + 530 А); «Мальчик с пальчик» и «Конек-горбунок» (327 В + 531); «Чудесная

¹ Работа выполнена в рамках гранта РГНФ № 07-04-41406 а/С.

² Здесь и далее в тексте: Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979.

³ Матеева Р.П. Контаминация как творческий процесс в сибирском сказительстве (на материале волшебных сказок) // Русский фольклор Сибири: Элементы архитетоники. Новосибирск, 1990. С. 86.

корова» и «Золушка» (511 + 510 А); «Война птиц и зверей» и «Чудесное бегство» (222 В* + 313 А, В, С). Некоторые оригинальные сюжеты, созданные кем-то из коми исполнителей, при частом исполнении закрепляются и становятся достоянием региональной традиции. Например, сказка, где соединяются сюжеты «Бегство от ведьмы с помощью чудесных предметов» и «Девушка на службе у ведьмы» (313 Н* + 428), можно сказать, является традиционной для коми, так как имеются записи семи вариантов, сделанные в разных районах республики (в СУС подобная контаминация не отмечена).

В создании сказочного текста большое значение имеет индивидуальное начало. Об этом, в частности, свидетельствует творчество талантливой коми сказочницы из д. Муфтыга Удорского р-на В.Н. Ивкиной. В ее репертуаре имеются довольно оригинальные соединения. К примеру, вступительная часть сказки «Старик вóрын вóралó...» (Старик в лесу ... охотничает), как и сюжет «Чудесное бегство» (СУС 313 А), начинается со следующего эпизода: бес схватывает за бороду путника, который пытался напиться, и просит отдать то, что у жены в животе. Вместе с тем указанный сюжет не получает в данном варианте традиционного развития: обещанный бесу мальчик не является к нему. Далее в коми сказке следует довольно редкий даже для русской традиции сюжет – «Запроданный злему духу» СУС 810 В* (в СУС отмечен всего 1 вариант, опубликованный в сборнике А.Н. Афанасьева): для того, чтобы спасти сына от беса, родители зашивают его в собачью шкуру (НА КНЦ. Ф.1. Оп.11. Д.207. Л.163-173).

Сказка, опубликованная в сборнике А.Н. Афанасьева, как и коми, начинается с сюжета «Чудесное бегство», но не с сюжетного типа 313 А, а с 313 В: человек спасает птицу, она уносит его в заморское царство, дарит там ему чудесный ящичек, который он не должен открывать; охотник нарушает запрет, черт просит отдать то, о чем он дома не знает. Финал сказки – сюжет «Запроданный злему духу»: сын охотника, зашитый сначала в собачью, потом в баранью и, наконец, козлиную шкуру, спасается от черта¹.

В отличие от русской, коми сказка имеет своим продолжением сюжет «Муж – рак» (СУС 440). Его включение в произведение логически оправдано: «чудесный» герой в облике собаки выполняет трудные задания купца и женится на его дочери. Однако если в других сказках с аналогичным сюжетом превращение героя в рака, лягушку и т.д. происходит или путем волшебства, или же герой уже родился в этом облике, то в коми сказке оно выглядит более реалистичным: юноша, зашитый родителями в собачью шкуру, без каких-либо волшебных превращений становится «чудесным» героем в облике собаки, способным выполнять любые задания. Необычность коми варианта состоит в том, что финал его

трагичен: теща сжигает собачью шкуру, юноша превращается в голубя и улетает.

В другой сказке из репертуара В.Н. Ивкиной (НА КНЦ. Ф.1. Оп.11. Д.207. Л.163-173) сюжет «Конек-горбунок» вступает в контаминацию с еще одним редко встречающимся в русской традиции сюжетным типом – «Путешествие к солнцу» (в СУС отмечено всего 6 вариантов), СУС 531 + 460 В. Аналогичных текстов в коми больше не зафиксировано, не отмечена такая контаминация и в СУС.

Сказка В.Н. Ивкиной имеет довольно оригинальное начало: два брата, живущие в лесу после смерти родителей, воспитывают ребенка, подкинутого им орлом. Став взрослым, подкидыш отправляется путешествовать. Далее, как и в сюжетном типе «Конек-горбунок» (СУС 531), он выполняет поручения царя – привозит Наталью Прекрасную, достает со дня моря бусинки с ее бус. Третье задание царя – подняться на небо и спросить там у солнца, почему рано темнеет и долго не светает. В связи с этим во вторую часть сказки исполнительницей логично включен сюжет «Путешествие к солнцу» (СУС 460 В). Образ сына солнца в коми сказке антропоморфизирован: он живет на верхнем этаже многоэтажного дома. Сам он не появляется перед героем, к нему на верхний этаж поднимается его помощница – старушка, которая и задает ему вопросы. Между тем признаки демифологизации не утрачены полностью: сын солнца представлен фактически Богом.

Сказка с подобной контаминацией была записана в 1946 г. Н.А. Габышевым в Русском Устье, однако композиция сказки там совсем иная. Первая часть указанной сказки – «Путешествие к солнцу», а не «Конек-горбунок», как в коми: царь дает герою задание узнать, почему солнце при восходе ясное, а при закате красное. Он узнает от матери солнца (в русской сказке сама старушка говорит, что солнце – ее сын, в коми сказке, можно предположить, что старушка-помощница – тоже мать солнца, но конкретного указания на это нет), что солнце при восходе светлое, а при заходе красное, потому что в полдень из моря выходит «Насташша Замориявна» и покрывает красоту солнца. Царь дает герою еще одно задание – достать эту красавицу. Затем в соответствии с дальнейшим ходом событий в русской сказке следует сюжет «Конек-горбунок»¹. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что каждый из сказочников распоряжается имеющимся материалом по-своему: представляет отдельные мотивы, эпизоды, по-новому переосмысливает их.

Как показывает анализ, наиболее традиционным для коми являются сказки двухсюжетные; довольно часто встречаются и многосюжетные сказки. В них велика доля импровизации, высока степень индивидуального вклада сказочника.

¹ Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3-х т. / Изд. подгот. Л.Г. Бараг и Н.В. Новиков. М., 1986. Т. II. С. 146-149.

¹ Фольклор Русского Устья / Отв. ред. С.Н. Азбелев, Н.А. Мещерский. Л., 1986. С. 181-187.

Рассмотрим, к примеру, коми сказки, содержащие в себе сюжетный тип «Звериное молоко» (СУС 315): сестра (мать) сговаривается с любовником (разбойником, чертом, Кашеем, железным волком и т.д.) погубить юношу и посылает его за молоком волчицы, медведицы и львицы; притворившись больной, сестра (мать) вместе с любовником пытаются убить его; герой спасается с помощью зверей – волчонка, медвежонка и львенка; он расправляется с врагом, наказывает притворщицу.

Необходимо отметить, что указанный сюжетный тип в коми традиции довольно активен в контаминациях. Из 15 зафиксированных коми сказок только три не образуют соединений. Разновидности контаминаций представлены в таблице¹:

Вредители	Контаминации		Количество сюжетов	
Сестра	№1:	313 Н* + 315	2	
	№2:	313 А + 313 Н* + 315	1	
	№3:	313 А + 313 Н* + 315	+ 300 ₁	1
	№4:	315	+ 300 ₁	1
	№5:	315	+ 300 ₁ + 318	1
	№6:	315	+ 313 С + 400 ₁	3
Мать	№7:	315	+ 516	2
	№8:	706 С + 315	+ 707	1

Для того чтобы выявить общее и особенное в контаминационных схемах коми регионального сказочного материала, приведем для сравнения наиболее постоянные сочетания сюжетов-мотивов, традиционных для восточнославянских сказок: 314 А* + 313 Н* + 315; 315 + 300₁ (СУС, с.396). Контаминация: 313 А + 315 + 300₁, в СУС не отмечена, но встречается, в частности, в русских сказках, записанных в Сибири².

Развертывание сюжета «Звериное молоко» в коми сказках в большей степени зависит от того, кто является вредителем – мать или сестра.

В сказках неконтаминированных начальная часть практически не развернута. В них говорится только о том, что после смерти родителей брат с сестрой остались одни, сестра затем заводит любовника. Экспозиция контаминированных коми сказок, где в качестве вредителя выступает сестра, довольно подвижна. Так, две коми сказки (№2-№3) начинаются с эпизода «запроданное дитя» (СУС 313 А): в одной – бес, в другой – «Визя гача» (Полосатощтанный) хватает за бороду путника и просит отдать то, о чем он дома не знает. «Запроданные» брат с сестрой бегут из дома и спасаются от догоняющего их противника, бросая «чудесные» предметы: зу (чесалку), зуд (точильный брусок), көрт бед (железную палку), си-

ра чуман (берестяное лукошко со смолой), шёвк тупыль (шелковый клубок) и т.д.

Еще в двух коми сказках (№1) дети бегут от Арапа – в одной, от беса – в другой сказке, бросая «чудесные» предметы, однако в них уже не объясняется, откуда появились преследующие детей противники.

Включение сюжета «Победитель змея» (СУС 300₁): герой освобождает обреченную на съедение царевну и женится на ней, является традиционным как для русских, так и коми сказок (см. таблицу); это завершающее звено в логической схеме повествования: брачные испытания, женитьба.

Вместе с тем в многосюжетной сказке в основной идее ведущего сюжета в некоторых случаях могут происходить изменения. К примеру, в сказке, записанной в Княжпогостском р-не (№5), сюжет «Победитель змея» не включен в финальную часть сказки, а служит завязкой для центрального сюжета: победив одного за другим трех многоголовых змеев, брат по просьбе своей сестры приносит ей в качестве лекарства змеиные сердца, их съедает любовник сестры – сын царя, становится сильным и убивает главного героя. В качестве развязки в этом произведении выступает сюжет «Неверная жена» (СУС 318), в данном случае – неверная сестра: главного героя, Ивана Куропеевича, убитого любовником сестры, вместе с помощниками-зверями оживляют его «чудесные» родители – петух и курица. Превратившись в красивую утку, Иван Куропеевич появляется на том озере, где обычно купается его убийца. В погоне за мнимой уткой он тонет. Иван Куропеевич прощает сестру и женится на своей помощнице.

Еще один довольно оригинальный тип контаминации с сюжетом «Звериное молоко» выявлен в трех коми сказках (№6). Одна из них, под названием «Кёин сар» (Волчий царь), была записана в с.Сторожевск в 1939 г. И.А. Осиповым от А.С. Ширяева¹. Две другие сказки записаны в д. Муфтыга Удорского р-на: в 1968 г. Ф.В. Плесовским от В.Н. Ивкиной и в 1978 г. автором данной работы от И.И. Игушева. Основная цель соединенных в этом произведении сюжетов – дальнейшее усиление драматизма действия. Об этом свидетельствует, в частности, сюжет «Чудесное бегство» (СУС 313 С): козни прощенной сестры продолжают; завидуя семейному счастью брата, она наговаривает на него деду жены, который начинает давать зятю трудные задания. С помощью своей жены-волшебницы герой выполняет их, а затем бежит с нею. Традиционно сказки этого типа заканчиваются сюжетом «Муж ищет исчезнувшую жену» (СУС 400₁).

Анализ текстов приводит к совершенно неожиданному выводу: не исключено, что источником удорских произведений стала сказка «Кёин сар» (Волчий царь) из сборника «Песни и сказки Вишеры». В пользу это-

¹ Условная нумерация и архивные сведения контаминированных сказок даны в Приложении 1.

² Русские героические сказки Сибири / Сост., предисл. и коммент. Р.П. Матвеевой. Новосибирск, 1980. С. 352.

¹ Висер вожса съланкывъяс да мойдкывъяс (Песни и сказки Вишеры) / Собр. и подг. И.А. Осипов. Сыктывкар, 1941; 2-е изд. Сыктывкар, 1986. С. 103-112.

го предположения говорит то, что, во-первых, во всех сказках прослеживается сходство в развитии действия, последовательности эпизодов, во-вторых, все персонажи имеют одни и те же имена, вплоть до кличек «чудесных» помощников героя – собак. Удорские сказочники вполне могли воспользоваться книгой, так как сборник был издан в 1941 г. Можно сказать, что сказка, опубликованная в сборнике, стала источником для образования региональной версии сюжета «Звериное молоко».

Как видно из анализа, ведущим конфликтом в рассматриваемых коми сказках является вредительство и его предотвращение с помощью «чудесных» помощников. Под этот конфликт подбираются сюжетные ситуации не только в тех случаях, когда вредительство исходит от сестры, но и в тех, когда вредителем является мать. К примеру, в коми фольклорном фонде имеются две сказки, где сюжет «Звериное молоко» контаминирован с сюжетом «Верный слуга» – СУС 516 (№7). Если в первой части сказки помощником главного героя является собака, то во второй части бороться с продолжающимися кознями матери помогает слуга. Рассмотренные сказки записаны в Сысольском и Прилузском р-нах. Между тем полной уверенности в том, что они отражают региональную традицию, нет. Не исключено, что подобная контаминация возникла под влиянием лубочной книги.

Еще один оригинальный сюжет записан от И.И. Игушева из Удорского р-на (№8). Текст представлен в единичной записи и, по всей вероятности, является творчеством лишь одного сказочника. Первая часть его сказки – пересказ сюжета «Терпеливая Елена» (СУС 706 С): дочь священника-вдовца противится желанию отца жениться на ней и убегает в лес; становится женой царевича, отец проникает во дворец и убивает ее ребенка; обвиненная в убийстве своего сына и изгнанная, она чудесным образом оживляет мертвого ребенка. Вторая часть сказки начинается с эпизода, где сын героини, ставший уже взрослым, сражается с богатырем Огненный Щит, Пламенное Копье (сказка так и называется «Огневой Тшит, Пламенной Копьёр»), имя которого – нефольклорное по происхождению. По-видимому, эта часть сказки создана путем соединения эпизодов из лубочной сказки о Еруслане Лазаревиче (СУС 650 В*). Третья часть соответствует сюжету «Звериное молоко». Такое сложение сюжетов, с одной стороны, не противоречит логике данной сказки. Так, например, в первой части героиня оживляет живой водой сына, умерщвленного ее отцом-священником, а потом остатками этой же воды оживляет богатыря Огненный Щит, Пламенное Копье, убитого ее уже повзрослевшим сыном; вместе с противником-богатырем, ставшим ее любовником, она затем пытается погубить своего сына. С другой стороны, появление таких сюжетных произведений свидетельствует о разрушении формы классической волшебной сказки, она постепенно перерождается в сказку новеллистическую, более правдоподобную и психологическую.

Анализ имеющегося коми сказочного материала показывает, что контаминации подвержены в основном сказки с волшебнo-героическим и

авантюрным сюжетом. Объясняется это, по-видимому, спецификой природно-хозяйственных условий бытования фольклора в данном регионе. Как известно, основным занятием у коми в прошлом были заготовка и сплав леса, охота, рыбная ловля, т.е. артельная работа. Сказки рассказывались вечерами, в свободное от работы время, в охотничьих избушках, где собиралось в основном мужское население, которых интересовали сюжеты с героическим, авантюрным характером. Именно эти обстоятельства, на наш взгляд, стали главными причинами, вызвавшими изменения в сюжетно-композиционной структуре коми сказки, именно они требовали от исполнителя приспособлять известный материал к потребностям слушателя.

Наличие большого количества усложненных сюжетов свидетельствует и о развитом художественном мышлении носителей коми фольклора. Примером творческого мастерства могут служить произведения коми сказочников У.А. Косковой, М.Г. Филиппова, В.Н. Ивкиной, И.И. Игушева.

Итак, довольно большая роль в появлении оригинальных сюжетных типов принадлежит контаминации. Соединение сюжетов – закономерный процесс в эволюции коми сказки. Обусловлена контаминация не только личной инициативой сказочника, но и самой традицией.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Условная нумерация и архивные данные контаминированных коми сказок сюжетного типа «Звериное молоко» (СУС 315)

№1: 1) «Арап». НА КНЦ. Ф.1. Оп.11. Д.325. Л.38-40. Зап. Ф.В. Плесовским в 1969 г. в с. Брыкаланск Ижемского р-на от П.К. Рочевой.

2) «Сиротаяс». НМ РК. Инв. №194. Л.14-26. Зап. в Усть-Вымском р-не от К.А. Козловой.

№2: «Визя гач». НМ РК. Инв. №195. Л.13-14. Зап. студентами педтехникума и пединститута в 1934-35 г.

№3: «Олёма-вылёма крестьянин». НА КНЦ. Ф.1. Оп.11. Д.278. Л.154-161. Зап. А.К. Микушевым в 1966 г. в д. Коптюга Удорского р-на от М.И. Ронцова.

№4: «Данил цар». НА КНЦ. Ф.5. Оп.2. Д.279. Л.336-343. Зап. в 1981 г. в д. Половники Княжпогостского р-на от В.С. Лебедева.

№5: «Петук да Курог». НА КНЦ. Ф.1. Оп.11. Д.93 (т.1). Л.22-33. «Коми мойдыяс, сыланкывьяс да пословицаяс» (Коми сказки, песни и пословицы) / Подг. Ф.В. Плесовский. Сыктывкар, 1956. С.108-115. Зап. Г.А. Федоровым в 1948 г. в д. Ятпом Железнодорожного (Княжпогостского) р-на от С.Н. Максарова.

№6: 1) «Кöин сар» записано Н.С. Коровиной в 1978 году в д. Муфтыга Удорского р-на от И.И. Игушева.

2) «Важон олёма-вылёма крестьянин». НА КНЦ. Ф.1. Оп.11. Д.207. Л.139-152. Записано Ф.В. Плесовским в 1968 г. в д.Муфтыга Удорского р-на от В.Н.Ивкиной.

3) «Кöин сар». Сборник «Висер вожса сыланкывьяс да мойдыкывьяс» (Песни и сказки Вишеры) / Собр. и подг. И.А. Осипов. Сыктывкар, 1941; 2-е

изд. Сыктывкар, 1986. С.103-112. Зап. И.А. Осиповым в 1939 г. д. Кывтыдлом Корткеросского р-на от А.С. Ширяева.

№7: 1) «Царь». НА КНЦ. Ф.1. Оп.11. Д.81. Л.26-35. Зап. Т.И. Фроловой в 1945 г. в д. Карта Сысольского р-на от П.В. Митюниной.

2) «Сар гозья». НА КНЦ. Ф.1. Оп.11. Д.199. Зап. Ф.В. Плесовским в 1959 г. в Прилузском р-не от П.А. Леканова.

№8: «Огневой тшит, пламенной копьер». НА КНЦ. Ф.1. Оп.11. Д.207. Л.231-262. Зап. Ф.В. Плесовским в 1968 г. д. Муфтыга Удорского р-на от И.И. Игушева.

Л.Я. Костючук
(Псков)

Семантико-этимологические наблюдения над системно представленными словами в словаре (на материале Псковского областного словаря)

Вместо вступления. Очень благодарна коллегам из Сыктывкара за возможность написать статью в сборник памяти *Лидии Яковлевны Петровой* – замечательного диалектолога, энтузиаста в поисках народных слов, лексикографа, преданного словарному делу и памяти другого лексикографа-диалектолога, Веры Павловны Строговой. Все, что делала Лидия Яковлевна (глубокие исследования, выступления, словарные статьи, оппонирование по кандидатским диссертациям, преподавательская работа и т.п.), было проникнуто вниманием к языку и желанием донести до коллег свое понимание словесных тайн. Уверена, что благодарность Л.Я. Петровой за ее дела и дружбу не покидает всех, кто знал и помнит этого светлого человека.

Перечитывая вышедший из печати новый выпуск «Псковского областного словаря с историческими данными», участник словарного коллектива всматривается в некоторые словарные статьи (свои и других авторов), сопоставляет однокоренные слова по их основным семам и смысловой структуре, задумывается о выборе плана выражения для передачи соответствующих значений, особенно если слова не общерусские, а местные. Так рождается понимание того, как носители народной речи отражают в языке окружающий мир. Тогда невольно обращаешь внимание на обоснованность связи в народной речи плана содержания и плана выражения, т.е. проводишь специальный или частичный этимологический анализ, тем более когда слово требует и обоснованного выбора орфографического оформления в словаре.

Так, неожиданно остановили меня соседствующие в 19 выпуске «Псковского областного словаря» экспрессивные слова: *нагаверзить* 'нагрязнить, наводя беспорядок' (Новоржевский р-н); *нагавереть* – без-

личный глагол в значении 'нападать в виде осадков' при управлении *чего* со значением субъекта действия (*На билье нагаверет снегу* – Псковский р-н) (ПОС 19: 308); многозначный глагол *нагаверить* в личном значении 'испортить что-н., привести в негодность (о животном)' (*Парасёнак вот нагаверил, грязь фсяку натаскал в мешьва* – Палкинский р-н) и в безличном употреблении с управлением *что* в значении 'испортить, сделав влажным, намочив (о дожде)' (*Была сухое сёна, нагаверила п ево – была п плохое* – Порховский р-н) (ПОС 19: 309). Глаголы *нагавереть* и *нагаверить* – однокоренные, имеющие, судя по всему, приставку *на-*. *Нагаверить* соотносится в обоих значениях с синонимичным глаголом *нагадить* другого корня, т.к. обнаруживает в своем значении явное отрицательное отношение к проявлению влаги: оттенок 'сделать влажным; намочить (о дожде)' у глагола *нагадить* в третьем значении 'сделать пакости, навредить' (*Вот ы прястап дощи, тока и сёна нагадил* – Пустошкинский р-н); этот оттенок очень напоминает указанное безличное значение у глагола *нагаверить*.

Глагол же *нагавереть* употребляется без подчеркивания отрицательного результата действия, т.к. контекст отражает само действие выпадения осадков (снега), хотя в определенной ситуации это действие может привести и к порче, например, белья: снег может сделать сухое белье влажным.

Что за корень в этих словах? Обратимся к сведениям разных говоров, оставив пока в стороне слово *нагаверзить*, которое даже на первый взгляд вызывает ассоциацию со словами, имеющими основную часть *коверз-/коверз-* (ср. *коверзень*), связанную со значением 'плести' в прямом и переносном значениях.

Попытаемся сначала решить, насколько распространены указанные глаголы в русских говорах. В Словаре В.И. Даля нет приставочных образований с приставкой *на-*. На букву *з* в статье на слово *гава* со значением 'карга, ворона' в курских говорах отмечены переходные глаголы *гаверать*, *гаверить* в значении 'пачкать стряпая, делать кой-как'; в костромских говорах с предположительным значением 'прятать?' (при пояснении значения как 'копаться кой-как за прялкой') без указания места употребления приводятся примеры с приставками *с-*, *по-*: *Баба сгаверала щи; Муку погаверала, пирогов не напекла*. Возвратные глаголы указанных корней без географической отсылки поясняются В.И. Далем как 'пачкаться' (Даль 1: 339).

«Словарь русских народных говоров» фиксирует бесприставочные глаголы. Глагол *гаверать* с обобщающим значением 'делать что-л. плохо' подтверждается орловскими данными 1901 г., сведениями воронешских и курских говоров. Приводятся и пояснения с опорой на В.И. Даля относительно того, что предполагает значение 'делать что-л. плохо': 1) 'готовить пищу невкусно, нечисто' с одновременным подчеркиванием семы нечисто: 'пачкать, грязнить что-л. (помещение, посуду и т.д., приготавливая пищу)'; 2) неудачное, видимо, неловкое прядение (в кост-

ромских говорах) (СРНГ 6: 84). С вариантом мягкого согласного корня фиксируется глагол *гаврять* в значении 'прясть' (вслед за «Опытом областного великорусского словаря» 1852 г.¹) с указанием на костромские говоры; в значении 'портить' – с указанием на олонечские говоры по записям 1903 г. (СРНГ 6: 85).

Глагол *гаврять* в «Словаре русских народных говоров» обнаруживает три значения. Первое подается со ссылкой на В.И. Даля; формулируется обобщенно, подобно значению глагола *гаврять*: 'делать, что-л. плохо, неумело', затем следует разъяснение, как и для глагола *гаврять*: имеется в виду 'готовить пищу невкусно, нечисто' (только в курских говорах) и предположительно (со знаком вопроса) 'прясть?' с таким же, как для *гаврять*, пояснением: «Вероятно, копать кое-как за прялюю» – тоже только в курских говорах (см. СРНГ 6: 84-85)². Второе значение 'пачкать' в переходном употреблении глагола отмечено в олонечских говорах. Третье значение 'издавать звуки, как при рвоте' при возможности иметь безличное значение 'тошнить' обнаружено в записях ярославских говоров 1918 г. (СРНГ 6: 85).

Возвратные глаголы *гавряться* и *гавряться* сходны между собою значением 'пачкаться' (у *гавряться* это второе значение, у *гавряться* – первое). Со ссылкой на В.И. Даля в «Словаре русских народных говоров» указаны курские говоры, в которых зафиксированы эти глаголы (СРНГ 6: 84-85), хотя в словаре В.И. Даля возвратные глаголы приводятся без указания места употребления (Даль 1: 339).

Другими значениями эти глаголы различаются: в СРНГ у глагола *гавряться* как первое указано значение 'готовить пищу невкусно, нечисто' с подтверждением курскими и орловскими говорами (источником сведений является Словарь В.И. Даля); у глагола *гавряться* как второе указано значение 'чувствовать позывы к рвоте, тошноту' (отмечено в ярославских говорах 1918 г.) (ср. со значением 'тошнить' у глагола *гаврять*).

Глагол *гавряться* обнаружен только в ярославских говорах 1902 г. в значении 'давиться чем-н.' с оттенком 'откашливать мокроту' (СРНГ 6: 85), что сближает этот глагол с глаголами *гаврять*, *гавряться* с соответствующими значениями.

Однокоренное существительное *гавря* как один (второй) омоним известен в беломорских и олонечских говорах в значении 'гной и другие продукты распада тканей живого организма' (СРНГ 6: 85), т.е. значение связано с чем-то физиологически «грязным», ненужным в организме че-

ловека: в дериватах с указанным корнем в нач. XX в., в отличие от XIX в. (см. Словарь В.И. Даля, «Опыт областного великорусского словаря»), наблюдается развитие семантики «грязного», находящегося вне человека, к семантике «грязного», находящегося внутри человека в виде соответствующих болезненных проявлений.

Необходимо отметить, что глаголы со структурной частью *гавр-*, видимо, представляют в известной мере устаревшее явление.

Обращение к ряду диалектных словарей обнаружило, что подобные слова не фиксируют, например, Новгородский областной словарь, Словарь русских говоров Низовой Печоры, Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей, Словарь говоров Русского Севера и др. Правда, благодаря Словоуказателю диалектной лексики, составленному по сборникам «Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования»¹, удалось обнаружить слово *гаврять* (2003 г.), анализируемое среди прочих в статье В.В. Губаревой, посвященной лексико-тематической группе «Питание» в тамбовских говорах. Автор рассматривает глаголы, которые обозначают действия, связанные с продуктами питания, и которые в основном являются экспрессивными. Среди них называется глагол *варганишь* со значением 'готовить пищу кое-как, небрежно', а рядом с ним как вариант приводится *гаврять*. В контексте народной речи приводится не бесприставочный глагол, а с приставкой *с-* (*сгаврять*). Экспрессия связывается с семой 'небрежно', которая фактически была отмечена и В.И. Далем².

Напомню, что в Псковском областном словаре не отмечены бесприставочные глаголы с корнем *гавр-*, а только указанные два с приставкой *на-* (*нагавреть*, *нагаврять*). Один из них, имея в основе инфинитива суффикс *-е-*, подчеркивает действие, связанное с изменением состояния.

Естественно, возникает вопрос: что за корень в этих глаголах? Актуальной ассоциации с активными корневыми морфемами у рассматриваемых слов нет. В.И. Даль глаголы *гаврять*, *гаврять*; *гавряться*, *гавряться* нелогично поместил в статью на слово *гава* в значении 'ворона'. Однако это существительное является по происхождению звукоподражательным: М. Фасмер дает аналогичные по происхождению корня названия для ряда птиц («ворона», «чибис», «галка», «чайка») в славянских и неславянских языках (Фасмер 1: 379). Тем более вызывает сомнение место рассматриваемых глаголов в гнезде на слово *гава* в Словаре В.И. Даля: наблюдается абсолютное несхождение значений у

¹ Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.

² В Словаре В.И. Даля сведения даются одновременно для глаголов *гаврять* и *гаврять*: указание только на курские говоры с акцентом на сему 'пачкать при стряпане', а не на сему 'готовить' (ср. 'пачкать стряпане, делать кое-как'); совсем нет семы 'невкусно' (Даль 1: 339). Слово *вероятно* при определении значения с семой 'прясть' не входит в толкование значения, а сопровождает возможную формулировку значения в костромских говорах: «вероятно 'копать кой-как за прялюю'» (Даль 1: 339).

¹ Словоуказатель диалектной лексики (по данным сборников «Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 1992-2000»). СПб., 1994-2003 / Сост. Н.В. Попова, А.Н. Левичкин, С.А. Мызников // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2001-2004. СПб., 2004. С. 425.

² Губарева В.В. Акциональная лексика тематической группы «Питание» // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2000. СПб., 2003. С. 83.

глаголов и отсутствие их семантической связи со словом *gava* в значении 'карга, ворона'.

М. Фасмер приводит глагол *gávrity* в значении 'пачкать' и однокоренное слово *gavrya* в значении 'гниль, гной' с указанием на олонечские говоры (Фасмер 1: 380). Этимолог предполагает возможную связь глагола *gávrity* со словами *gávedь* 'дрянь, мерзость; неуч' (ср. у В.И. Даля (Даль 1: 339) как архангельское с пометой *бранно* в значении 'неуч, разиня; гадость') и церковнославянским *ogáviti* 'vexare'¹. Однако в статье на слово *gávedь* М. Фасмер определенно заявляет, что связь его со словом *ogáviti* недостоверна, отвергая, вопреки мнениям других этимологов, связь со словом *govno*. Вывод М. Фасмера: «Дальнейшие связи неясны» (Фасмер 1: 379) – заканчивает возможную цепочку поисков семантической связи интересующих нас слов в его этимологическом словаре.

В «Этимологическом словаре славянских языков» под ред. О.Н. Трубачева (ЭССЯ 6) приведена праформа **gavьrati / *gavьrīti* при наличии в болгарском языке однокоренных слов со значениями 'дурaczyć', 'насмехаться' и другими, а также 'пачкать, грязнить' (у глагола *gavrya* в болгарских диалектах) и др. Из русских говоров приводится *gávraty* в значении 'о пище: делать что нечисто, невкусно' (курские говоры по данным XIX в.), 'портить дело, браться за что-н. неумеючи' (в воронежских говорах по данным начала XX в.), а также сведения «Словаря русских народных говоров».

Обращаясь к этимологическим исследованиям, «Этимологический словарь славянских языков» указывает, что в «Болгарском этимологическом словаре» приводятся только болгарские слова и связываются они со словом *govno*, с чем категорически не согласны составители ЭССЯ (6: 113), да и М. Фасмер отрицал такую связь (Фасмер 1: 379).

ЭССЯ предлагает следующую структуру описываемых слов: **ga-vьrati / ga-vьrīti*, в которой есть экспрессивная приставка **ga-* как вариант древней приставки **ka- / ko-*. Вычленение корня **vьr-* (ср. русское *ковырять*) позволяет сделать следующий вывод: «Только так (семантическими свойствами корня – Л.К.) <...> можно объяснить все разнообразие значений (! – Л.К.) ('прясть', 'подбрасывать посох', 'делать что-либо плохо', 'портить', 'пачкать', 'дразнить')» (ЭССЯ 6: 113).

Возможность такого решения относительно древней структуры слова поддерживается и аналогичным решением для другого славянского слова польским этимологом А. Брюкнером²: в статье на слово *gawron* указывается наличие праславянской приставки (**ga-* или **ka-*), которая также содержит экспрессивную сему; в индийском языке до сих пор есть образования с подобными приставками *ka-*, *ku-*³.

Следовательно, мы приблизились к пониманию структуры своеобразных слов с соответствующим планом содержания, у которых отмечаются южнославянские и русские изоглоссы. Выход последующих выпусков «Этимологического словаря славянских языков» (в частности, на букву *v*) поможет, вероятно, уточнить интересующий нас корень. Кроме того, неизбежное сравнение первоисточника XIX в. (Словарь В.И. Даля, источник для него) и «Словаря русских народных говоров» при выяснении распространенности рассматриваемых лексем показало, что не всегда современные издания корректно используют то, что было сделано, например, В.И. Далем. Исправлять В.И. Даля можно только в случае, если составители современного словаря располагают современными сведениями из живых говоров XX-XXI вв.

В ходе проведенных наблюдений было выяснено, что в псковских говорах приставочные глаголы с корнем *gavr-* (*нагавреть, нагаврить*) обладают такими значениями, которые не были отмечены в XIX – нач. XX вв. в других говорах.

И, наконец, важный вывод: составитель словаря является не только лексикографом, но и лексикологом, этимологом, иногда и этнографом. Понимание происхождения слова, структурной его организации способствует более эффективному решению вопроса о семантике слова в словаре. При этом приходится учитывать и синхронию, и диахронию в развитии плана содержания лексических единиц.

С.А. Кошарная
(Белгород)

Женщина в традиционной русской культуре

Отличительной чертой современной цивилизации является её маскулинность (ср. в англ.: производное от *man* 'мужчина' *manage* 'руководить, управлять'). Как отмечает М.М. Маковский, тот факт, что в английском языке существительное *woman* 'женщина' является производным от наименования мужчины – *man* (как социально более значимого), отражает архаичные представления, согласно которым «мужчина воспринимался <...> как существо, занимающее вертикальное положение, направленное к Небу <...>, в отличие от горизонтального положения, воплощавшего все земное, тленное и злое»¹.

Подтверждение этому находим и в истории славянских языков. В частности, в славянских языках имелось два наименования, обозначающих взрослого мужчину, – *человек* и *муж*, в то время как для женщины одно – *жена*. Слово *жена*, как известно, буквально означает 'рождаю-

¹ См. *ogávati, ogáviti* со значением 'беспокоить' (Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь. М., 1993. С. 373).

² Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957.

³ Там же. С. 137.

¹ Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М.: ВЛАДОС, 1996. С. 386.

щая» (ср.: др.-инд. *jānati* 'рождает', лат. *gignere* 'рождать' и т.п.) и относится исследователями к древнейшим индоевропеизмам, т.е. отражает глубоко архаичные представления о природной сущности женского начала. Таким образом, в именовании женщины запечатлена ее основанная функция – *рождение*, что подтверждается типологическими соответствиями (ср.: лат. *genus* 'род', откуда *ген*, *генетика*; *genetrix* 'родительница-мать').

Несмотря на то, что словари современного русского языка, определяя существительное *человек*, в качестве семантической доминанты объективируют гиперсему 'живое существо, наделенное разумом' (без указания на пол), в системе русских обращений сложилась устойчивая оппозиция '*молодой человек* – *девушка*'. Показательно и суждение «женщина тоже человек» при окказиональности «мужчина тоже человек». Последнее свидетельствует о том, что мужчина предстает в русской традиционной культуре не только как природное, но и как интеллектуальное существо, в то время как женщина – только природное. В частности, одной из констант русской традиционной культуры является осмысление человеческого ума, разума, мудрости сквозь призму гендерного начала, в соответствии с чем ум мужчины противопоставляется *красоте* женщины, мужская *логика* – женской *интуиции*.

Этим объясняется и наличие у славян, в том числе восточных, двух именованных взрослого мужчины: *человек* и *муж*. О.Н. Трубочев и другие этимологи полагают, что славянское **mъzъ*, к которому восходит рус. муж 'мужчина', образовано самостоятельно из и.-е. **man* 'мужчина' с помощью суффиксов: **man-g-jo-s*. Большинство исследователей сходятся во мнениях относительно исходного значения этого слова, соотнося его с др.-инд. *manu-* / *man-* 'думать, мыслить'. Вероятно, можно говорить об изначальном синкретизме пракорня **man-*: **men-* (и *разум*, и *память*, а затем и носитель этих свойств – *Homo sapiens*), отражающем синкретизм самого понятия. Высшей степенью индивидуального ментального развития является *мудрость* (< о.-слав. **mъdrъ* < **mandrъ*, где **-r-* – суффиксальный элемент). Включение в лексико-семантический ряд *ум* – *разум* – *память* – *мудрость* слова *муж* (точнее – его более древних аналогов) эксплицировало познающий и вследствие этого разумно действующий субъект – мужчину.

В контексте русской традиционной культуры женщина не признавалась носителем разумного начала. «Если баба, то глупая» – таков один из стереотипов русской этнокультуры. Данный стереотип, в частности, находит отражение в целом ряде народных речений: *Волос долог – ум короток* (о женщине) и подоб. Даже проживая долгую жизнь, женщина, в соответствии с такими представлениями, легко ошибается, допускает оплошности: *И на старуху бывает проруха*. Эта поговорка специфично русская. Ее нет ни в словацком, ни в чешском, ни в болгарском, ни в др. славянских языках, нет ее даже в близкородственных украинском и белорусском языках.

Значение слова *проруха* – 'ошибка, оплошность', 'неудача'. В.И. Даль, наряду с указанными значениями, приводит такие толкования, как 'недосмотр, недогляд', 'недогадливость' и 'убыток'. А.Г. Преображенский в своем этимологическом словаре приводит для слова *проруха* значение 'провал'. В.М. Мокиенко задается вопросом, о каком провале идет речь: о конкретном (в яму, в канаву) или о провале в памяти, поскольку первоначально *проруха* – 'то, что прорыто, яма'. Как полагает исследователь, это буквальное значение слова – допословичное, а в поговорке мы имеем дело с переносом значения – 'оплошность'. В качестве доказательства В.М. Мокиенко сравнивает поговорку *И на старуху бывает проруха* с семантически близким речением *На всяку Машку бывает промашка*. Вероятно, не только рифмой обусловлено введение в такой контекст слов *старуха*, *Машка* (распространенное имя женщины), но и соответствующим представлением о женщине.

Сравним также лексемы *баба* и *мужик*. Первая зачастую несет в себе отрицательную коннотацию, что проявляется, в частности, на уровне метафорических употреблений данного слова и его производных в общенародном языке и народных говорах: *бабáтя*, *бабуля* 'женовидный мужчина (как баба)'; диал. *баба* 'пень', 'рассоха'; *бабоватый*, *бабистый* 'по нраву похожий на бабу'; *бабиться* 'вести себя по-бабьи' (*Парень взбавился* – 'завыл, заплакал'; *Избавился малый, стал бабою*); *бабнуть* (кого-л.) 'ругнуть бабой мужчину'. Данные факты обнаруживаются в словаре В.И. Даля, отражающем живую разговорную стихию. Там же находим «недоброе пожелание» мужчине: *Чтоб тебе бабилося на том свете*. И в современной речи нередко можно услышать: *Не будь ты бабой*; *Что ты как баба*. Напротив, слово *мужик* в определенном смысле отражает положительное отношение к мужчине вообще, ср.: *настоящий мужик* (с положительной коннотацией) и *настоящая баба* (с отрицательной).

Проведенный нами опрос студентов-журналистов подтвердил, что данные установки продолжают «работать» и сегодня. Ум мужчины информанты противопоставляли *красоте* или *сердцу* женщины, *логика* мужчины противопоставлена *интуиции* женщины. Единство в ответах свидетельствует о том, что патриархальные представления о роли мужчины и женщины в обществе лежат достаточно глубоко, поскольку формировались в течение многих веков при ведущей роли мужчины в социуме на протяжении всей истории развития русского общества, включая современный период.

Действительно, в России только с Екатерининской эпохи женщина постепенно завоевывала общественные позиции рядом с мужчиной, оказывается, согласно новым нормам этикета, источником общественного мнения. Мнение женщины становится значимым. В русской культурной жизни появляется «женская» литература (произведения Н.Б. Долгоруковой, Е.Р. Дашковой, самой императрицы Екатерины II). В результате меняется стиль русского общества. Женщина становится более или менее

равноправным партнером мужчины. Это проявляется в круге общения женщины, в интересах и развлечениях, даже в стилистике костюма. Сама Екатерина носит мужское платье (именно в нем она изображена на своем парадном портрете), нюхает табак, охотится, много читает, переписывается с великими умами Европы, т.е. ведет себя подобно мужчине. Получается, что женщина для того, чтобы стать свободным, полноправным членом общества, должна быть похожей на мужчину («*Коня на скаку остановит*»).

В начале советского периода были предприняты попытки сломать сложившиеся стереотипы. В.И. Ленин писал о том, что надо стремиться к тому, чтобы «кухарка могла руководить государством» (белое движение обыграло этот тезис, назвав большевистских руководителей «кухаркиными детьми»). Тем не менее в советский период среди руководителей высшего ранга, по сути, не было женщин. Исключением является дипломат Александра Михайловна Коллонтай. Власть централизовалась в руках мужчин. Руководителями крупных предприятий были, как правило, мужчины. И в постсоветский период женщин-руководителей, государственных деятелей – меньшинство. В одном из своих интервью Ирина Хакамада призналась в том, что она была вынуждена сменить прическу на короткую (почти мужскую) стрижку, поменять имидж, чтобы коллеги-мужчины воспринимали ее как политика, а не как женщину.

Примечательно, что большинство названий профессий женщин являются производными от названий профессий мужчин как социально-статусных именовании. Т.е. мужчина выступает как социально более значимая единица.

Сравним. *Учительница* – *учительница*. *Учитель*, – я, м. – 1. Лицо, которое обучает чему-нибудь, преподаватель. *Школьный учитель*. 2. Человек, являющийся высоким авторитетом для кого-л. в какой-л. области, имеющий последователей || ж. *учительница*, -ы (к 1 знач.) (СРЯ 4:543). Таким образом, второе (более социально значимое значение) реализуется только посредством лексики мужского рода. При образовании существительные женского рода *учительница* мы выходим в область разговорного языка (наименование профессии в официально-деловом стиле – *учитель*), что свидетельствует о заведомо более низком социальном назначении слова, ср. также: *Учитель года* (при недопустимости сочетания *Учительница года*). Заметим, что в клишированном сочетании *Учитель с большой буквы*, так же как и в слове высокого стиля *Учитель*, возможно только употребление имени мужского рода. Известно употребление в адрес женщины-учителя жаргонизмов *учителка*, *училка*. В адрес мужчины-учителя таких образований не отмечено.

То же касается слов *журналист* и *журналистка*. В паре *поэт – поэтесса* последнее воспринимается как менее значительное. Не случайно А. Ахматова была против того, чтобы ее называли поэтессой. М. Цветаева писала о себе: «*Моим стихам, написанным так рано, / Что и не знала я, что я поэт*». Профессия «техник», несомненно, бо-

лее высокого статуса, нежели «техничка» (= «уборщица» – низкий социальный и профессиональный статус).

То же видим при сопоставлении слов *врач* – *врачиха* (снижен., неодобрит.). Слово *врачиха* – элемент сниженной речи. Отрицательную коннотацию передает здесь суффикс *-их-*, который может обозначать особь женского пола у животных, сравни: *зайчиха*, *крольчиха*. Как отмечает в своем словаре В.И. Даль, слово *врач* первоначально имело в русском языке не только значение «тот, кто лечит, врачует», но и «тот, кто занимается медицинской наукой», ср.: *Врачевать* кого, лечить, пользоваться, помогать снадобьями въ недугахъ. *Врачеваться*, врачевать себя, или || быть врачуему. *Врачевствовать*, заниматься врачебными науками, изучать *врачебно-словие*, во всемъ объемѣ. *Врачъ* м. лекарь, ученый *врачеватель*, получившій на это разрѣшеніе (Даль 1: 260). В то же время *врачиха* ж. трактуется В.И. Далем как лекарка, т.е. *врачевательница* по навыку (а значит, не имеющая научной медицинской подготовки).

Иное толкование имело синонимичное в современном языке слово *доктор*, в грамматическом оформлении которого, как и в слове *врач*, прослеживается отражение идеи патриархальности. Слово *доктор* заимствовано в XIV в. через нем. или польск. посредство из лат. яз., где *doctor* «учитель», суф. производное от *doctus* «ученый» (причастие к *docere* «учить»). Современное значение фиксируется с XIX в. Таким образом, синонимичные в современном языке слова *врач* и *доктор* первоначально имели различные значения. *Докторъ* м. латин. получившій въ университетѣ или въ академіи *докторство*, ср. высшую ученую степень (1. дѣйствит. студентъ; 2. кандидатъ; 3. магистръ; 4. докторъ), по какому-либо факультету. Обычно называютъ такъ только доктора медицины, а вообще и всякаго врача, лекаря. В то же время разговорное *докторша* во времена В.И. Даля – это всего лишь «жена доктора» (Даль 1: 459). В современном языке *докторша* (как правило, неуважительно) – разговорный вариант наименования лица женского пола по профессии. Отметим также, что при употреблении слова *доктор* в значении «лицо, обладающее соответствующей ученой степенью» – *доктор наук* (так же, как и *кандидат наук*), сочетание с существительным женского рода невозможно.

Равным образом гендерные различия проявляются в словах *секретарь* и в производных от него лексемах женского рода (последние употребительны только в разговорном языке, в просторечии). *Секретарь*, -я, м. 1. Работник, ведущий деловую переписку отдельного лица или учреждения. *Личный с.* 2. Лицо, ведущее протокол собрания. 3. Выборный руководитель организации. 4. Ответственный руководитель текущей работы учреждения или какого-н. органа. *Учѣный с. института* (СРЯ 4: 71). Существительное женского рода *секретарша*, -и (разг.) образуется от 1-го значения слова *секретарь*, которое не является обозначением лица высокого статуса (ср. 3-е и 4-е значения слова).

В последние 50 лет появилось множество различных профессий: *менеджер, юрист, космонавт, стоматолог, бухгалтер* и др. Однако все эти образования являются именами мужского рода, несмотря на то, что многие из них сегодня являются женскими профессиями или профессиями, в которых равным образом могут быть заняты и мужчины, и женщины. Что касается наименований лиц, имеющих отношение к власти, то здесь все номинации оказываются существительными мужского рода: *политик* – ?; *президент* – ?; *вице-президент* – ?; *спикер* – ? – и т.д. Данные факты репрезентируют сложившееся во властных структурах положение, при котором на ключевых постах в политике, экономике – больше мужчин. Даже слово *героиня* (высокое, статусное) является производным от номинации мужского рода *герой*. Следовательно, традиция продолжается, и в современном российском социуме общественное мнение приписывает мужчинам и женщинам во многом противоположные качества.

По-видимому, этим обусловлено и то, что для субстантива *ученый* в русском языке нет соответствия женского рода (*ученая* – это уже не название профессии). В то же время современную науку наравне с мужчинами продвигают вперед женщины-ученые, которым свойственны и *глубокий ум*, подкрепленный женской *интуицией*, и *человеческая и научная мудрость* вкупе со свойственными женской природе самоотдачей и умением жертвовать своими интересами и во имя дела, и во имя человека.

Все эти качества, безусловно, отличали Лидию Яковлевну Петрову – настоящего человека, ученого, учителя, коллегу, друга. Светлая ей память!

Т.А. Милютина
(Ополе, Польша)

Из наблюдений над мифо-фольклорной системой повестей В.Г. Распутина

Стремление осмыслить локальные события с позиций общечеловеческих, по-новому художественно освоить связь настоящего с прошлым и будущим в литературе 60-80-х гг. нередко было связано с активным использованием многообразных форм условности, в частности с актуализацией мифологических сюжетов и мотивов. Мифологизм считают «характерным явлением европейской культуры XX века»¹, и возрождение мифа в литературе данного периода рассматривается как закономерное явление². Функциональную значимость обращения к мифу кри-

тика того периода определяла как способность выявить в современных ситуациях и конфликтах первоосновы человеческого бытия (А. Бочаров)¹, как возможность «воссоздавать мир в целостности и полноте» (В.С. Синенко)². Чешский литературовед М. Микулашек, писавший о мифологизме в творчестве Чингиза Айтматова, ренессанс мифологического мышления связывает с «экзистенцией зла» – кризисным состоянием мира³.

В творчестве В. Распутина элементы мифа и притчи исследователи начинают отмечать в 80-е годы⁴, имея в виду прежде всего выраженные эксплицитно «условные» образы повести «Прощание с Матёрой», напр.: «В ряд мифологических образов входит Матера – Атлантида, Листвень – древо жизни, Богодул – домовый, Хозяин...»⁵. Однако по отношению к прозе писателя стоит говорить о последовательной установке на «символически-мифологическое мышление»⁶ как художественный прием, что проявляется в использовании элементов мифологической модели мира на всех уровнях построения текста (в системе идей, портретов-образов, тематических группах лексики и под.). И если в дальнейшем в отечественном литературоведении появляется ряд работ⁷, то в исследованиях, посвященных писателю за рубежом, данный факт отмечается сравнительно редко⁸. Вместе с тем мифо-фольклорное начало буквально пронизывает художественную ткань произведений, мифологизм служит в качестве (1) способа художественной организации материала, что отражено в композиционно-образной системе произведения; (2) возможности углубления и уплотнения семантической ткани произведения; (3) одного из приемов типизации; (4) выражения авторской оценки.

¹ Бочаров А. Свойство, а не жупел // Вопросы литературы. 1977. № 5. С. 76.

² Синенко В.С. Возможности художественного синтеза // Жанрово-стилевые поиски советской литературы 70-х годов: Межвуз. сб. Л., 1981. С. 54, 61.

³ Mikulášek M. Mytus jako paradigma vědomí a existence // Opera Slavica. III. 1993, č. 1. S. 8.

⁴ Ср., напр.: Кривошапова Т.В. Роль фольклорных традиций в создании народного характера (на материале современной прозы о деревне) // Филологические науки. 1979. № 3. С. 28-33; Дырдин А.А. Творчество В.Г. Распутина (Идейно-художественное своеобразие, национальные традиции): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981. С. 11-12; Буланов А.М. О судьбе одного мифологического мотива в литературе // Русская литература и фольклорная традиция: Сб. науч. тр. Волгоград. 1983. С. 118-124; Дорофеева Л.Г. Проблема психологизма в советской прозе 60-70-х годов и повести В. Распутина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989. С. 14-15 и др.

⁵ Шахерова О.Н. Проза Валентина Распутина. Свообразие композиции: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1985. С. 15.

⁶ Ср.: Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. 2-е изд., испр. М., 1995. С. 146.

⁷ См., напр.: Митрофанова И.А. Мифо-фольклорная и древнерусская традиция в повестях В. Распутина: Автореф. ...канд. дис. М., 1991.

⁸ См., напр.: Герциньска Данута. Проблема перевода русских фольклорных и мифологических реалий на польский язык (на материале повестей Распутина) // Rossica Olomucensia 2002, XL. С. 201-204.

¹ Ср.: Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976. С. 295.

² Ср.: Эпштейн М. Между мифом и реальностью (Об уроках латиноамериканской литературы) // Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX – XX веков. М., 1988. С. 252.

Отметим особую образность повестей писателя, написанных в этот период. В ее основу положена мифологическая условность создаваемого автором художественного пространства, предполагающая проекцию на некую архетипическую модель¹. В прозе 70-х такой моделью служит для автора идея *конечного срока*. В повести «Последний срок» (1970) это тема судьбы отдельного человека, в «Прощании с Матёрой» (1976) – эсхатологическая тема гибели деревни-острова Матёры, модели мира в повести сибирского прозаика. Мифологической усложненности способствует параболическое построение повести. На реальном плане *конечный срок* – это срок затопления острова в связи со строительством электростанции. Рядовое для 70-х гг. событие случается в повести этико-философское осмысление, преломляясь через эсхатологическую библейскую модель конца света (ср. отсылки к библейским словам-знакам: *потоп, все сгнуло в кромешной тьме тумана* и др.).

Вместе с тем идея *конечного срока* – это только фон для поиска ответа на актуальный для литературы того времени вопрос: что с нами происходит?, поставленный В. Шукшиным². Еще одной важной темой, разрабатываемой художником, является оппозиция *свой – чужой*. Для актуализации данной темы автор обращается к архаической модели *конца срока* – времени «старения мира», который в традиционной культуре завершает годовой цикл. Это период безвременья, хаоса, когда в пределы *своего* вторгается *чужой мир* в виде своеобразного «парада рязенных»³. Персонажи, наделенные разного рода зооморфными, бесовскими, подчеркнuto плотскими признаками, становятся отнюдь не мистическим, а вполне реальным воплощением некоей *нечистой силы*, вызвавшей в жизни жителей острова перемены и потрясения, которые в конечном итоге привели к содеянному самими людьми «концу света» – гибели Матёры. Набор слов-сигналов в обрисовке *чужих* распределился по таким взаимосвязанным ассоциативным линиям (приводим часть примеров): *люди-нехристи: ироды, аспиды; нелюди*, которые в свою очередь представлены атрибутами (а) *бесовского: нечистая сила; черти*; (б) *звериного или птичьего: медведь, взрвел, рывкал; боров; по-пешушному вскидывал голову, мышковала* и др.; (в) *неживого (определенного) признаков: Он [медведь] полоснул большими ржавыми глазами по старухам* (ПМ. 174)⁴ – определение в последней иллюстрации служит знаком деперсонализации.

¹ Шахерова О.Н. Указ. соч. С. 14.

² Шукшин В.М. Кляуза (Опыт документального рассказа) // Шукшин В.М. Точка зрения. Рассказы, повести. Барнаул, 1979. С. 393.

³ Ср.: Байбури А.К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. С. 124, 128-133; Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963. С. 110 и след.

⁴ Цитаты приводятся по изданию: Распутин В.Г. Последний срок. Прощание с Матёрой. Пожар. Повести. М., 1991; «ПС» обозначают повесть «Последний срок», «ПМ» – «Прощание с Матёрой» – цифры называют соответственно страницу произведения.

В сугубо реалистических зарисовках выстраивается цепочка слов-сигналов, соотносящих описание персонажей с *идейно-смысловыми линиями*, которые прочерчивают второй, ассоциативный, план, важный для создания художественного образа. При этом «мифологизация» бытового сюжетного ряда происходит благодаря включению слов, которые выражают «устойчивую ассоциацию с той или иной совокупностью фольклорных образов и ситуаций»¹.

Примером подобного употребления в повести «Прощание с Матёрой» может служить портрет «товарища Жука», ответственного лица из отдела по зоне затопления, ср.: *Шляпа у Жука съехала набок, открыв черные как смоль и кудрявые волосы, так что сходство с цыганом стало еще большим* (ПМ. 179). В предельно реалистичной зарисовке проступают детали, восходящие к фольклорному канону. В ней отчетливо выражена аксиологическая установка автора, соотносимая с символической традиционной культуры, заданы слова-сигналы, которые могут вызвать в сознании читателя ассоциации с принадлежностью персонажа к чужому, судя по набору деталей, *бесовскому* миру. Такими знаками являются отсутствие или, наоборот, наличие обильного волосного покрова, черно-красная («адская») цветовая гамма, традиционно относимая к устойчивым элементам в изображении беса, главного представителя отрицательного мира². Подобную деталь (черно-красная цветовая гамма, буйные волнистые волосы) использовал Л.Н. Толстой в изображении Анны Карениной³. Еще одним сигналом является лексема *цыган* – здесь проявляется противопоставленность чужого мира своему в этническом плане⁴. Добавим, что дополнительной характеристикой *бесовского* выступает манера поведения персонажа: *казалось, вот-вот он [Жук] не выдержит и по-цыгански, с гиком подпрыгнет, начнет налево и направо лопотать по-своему, отбиваясь сразу от всех* (ПМ. 179). Представителей *иного мира* выдают резкие и быстрые движения, кривлянье и дергание, бурное проявление эмоций (в противовес степенности, сдержанной пластике движений, торжественности позы, величавому передвижению)⁵. «Скачущими в толпе» предстают перед блаженным, наделенным даром видеть духов «чувственными глазами», слуги князя зла в одном из эпизодов распространенного на Руси Жития Св.

¹ Ср.: Хроленко А.Т. Коннотативный аспект фольклорного слова (к постановке проблемы) // Вопросы семантики: Межвуз. сб. Калининград, 1984. С. 92.

² См.: Толстой Н.И. Из заметок по славянской демонологии: 2. Каков облик дьявольский? // Народная гравюра и фольклор в России XVII-XIX в. М., 1976. С. 304.

³ Градецкая А.Г. Агиографические прообразы в «Анне Карениной» (жития блудниц и Любодеиц и сюжетная линия главной героини романа) // ТОДРЛ, XLVIII. СПб., 1993. С. 433-445.

⁴ Ср.: Байбури А.К. Указ. соч. С. 132.

⁵ Байбури А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета: Этнографические очерки, Л., 1990. С. 67.

Нифонта¹. С представлением, что пляшут и хохочут бесы, связан бытующий в русском языке оборот как **черт скакать** (прост.)², служащий в современном языке неодобрительной оценкой³.

Поскольку в основе творческого метода автора лежит использование «свернутой» информации в виде языковых, понятийных, визуальных, ритуальных образов, то это могут быть своего рода реминисценции, особенностью которых является полигенетичность (т.е. автор обращается сразу к нескольким, в том числе, как мы видели выше, библейским «цитатам»⁴) с возможным перефразированием «цитируемых» текстов-источников. Следует иметь в виду, что писатель нередко опирается на слова-понятия, которые соотносятся с достаточно устойчивой символикой сразу нескольких «культурных сфер». К ним относятся: 1) русская народно-поэтическая, восходящая к славянской мифологической (языческой), традиция; 2) библейская, евангельская традиция в народно-христианском ее преломлении; 3) традиции древнерусской и русской классической литературы.

Значимость и знаковость названных «житейско-бытовых» деталей в описании героев становится еще более очевидной в противопоставлении *праведный – бесовский*, которое выступает как частное проявление оппозиции *свой – чужой*.

Известно, что писатели-«деревенщики» (Ф.Абрамов, В. Белов, В. Личутин, Б. Можаяев, В. Распутин и др.) обращаются к традиционной для русской литературы теме праведничества. В литературе XX в. на роль праведника выдвигается человек, способный творить добро, обладающий «чистой и высокой духовностью, редким жизнелюбием, будничной самоотверженностью их повседневных дел»⁵, – такими в повестях В. Распутина являются Анна («Последний срок») и Дарья («Прощание с Матёрой»).

Появление нового для литературы советского периода типа положительного героя связано с именем А.И. Солженицына, с его рассказом «Матрёнин двор» (1959), который первоначально назывался «Не стоит село без праведника». Изменив по совету А.Т. Твардовского название, автор оставил ключевое слово в концовке рассказа: *Все мы жили рядом*

*с ней и не поняли, что есть она тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село. Ни город. Ни вся земля наша*¹. В повестях В. Распутина нет подобной прямолинейной эксплицитности в раскрытии темы, как нет и слова *праведник* в лексиконе его произведений. Тем не менее образ старой Анны в повести «Последний срок» задуман как образ праведницы, и в его создании чрезвычайно важны фольклорные параллели. Лексика с фольклорной семантикой является основой оппозиция *праведный – бесовский*, выявляемая в повести.

Назовем некоторые знаковые детали парадигмы «бесовского» в портретной характеристике сыновей героини. Как и в повести «Прощание с Матёрой», подчеркивается отсутствие волосяного покрова и символика цвета: *голова, как яйцо, оголилась* (ПС. 10); *У Ильи кровь прилипа к голой голове, и от этого голова казалась раскаленной* (ПС. 44); *голова его розово, жарко светилась* (ПС. 151). Отметим отрицательную экспрессию выражения *проиграть свое лицо* в карты (контекст в целом связан с распространённым в фольклоре мотивом подмены), ср.: *Рядом с голой головой лицо казалось неправдашным, нарисованным, будто свое Илья продал или проиграл в карты чужому человеку* (ПС. 30). В портрете второго брата ключевыми являются знаки черного и красного цвета (*горячей чернотой*), обилие волос и кудрявость, сравнение с цыганом: *волосы по-цыгански густые и кудрявые* (ПС. 10); *Лицо [Михаила] (...) налилось нездоровой, горячей чернотой* (ПС. 151)².

Если в характеристике Ильи и Михаила (сыновей Анны) используются только знаки с фольклорной семантикой, то в создании образа Анны писатель прибегает также к литературному источнику. Полагаем, что одним из ключевых элементов в портретной зарисовке Анны является сравнение с изображением на иконе. Его можно считать знаком, который указывает на принадлежность Анны к миру праведников: *Старуха плакала, не закрывая глаз (...) Глаза ее были открыты, из них сочилась редкие темные слезы и медленно стекали по лицу. Она плакала неподвижно и молча, без единого звука. Только катились слезы* (ПС. 122). Сочетание *редкие темные слезы*, глагол *сочилась* можно рассматривать как знаки, вызывающие ассоциацию с «темным ликом» изображения на иконе³. Обращение к подобному сравнению имеет традицию в русской литературе. Позволим себе высказать предположение, что образом старухи Анны в повести В.Г. Распутина могла послужить Лукерья, героиня рассказа И.С. Тургенева «Живые мощи», ср.: *голова со-*

¹ Даркевич В.П. Народная культура средневековья: светская и праздничная жизнь в искусстве IX-XVI вв. М., 1988. С. 201.

² Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка: Тематический словарь. Краснодар, 1998. С. 98.

³ Косвенно на эту черту поведения указывает отмечаемое Вл. Далем значение глагола *сатанеть* «танцевать, плясать» с пометой «расколы». Подобное восприятие характерно для старообрядческой – XIXв. (Вл. Даль) и «деревенской» – в наше время (см. Лебедева Л.А.) аудитории.

⁴ «Цитатам»-реминисценциям в понимании З.Г. Минц см.: Минц З.Г. Функция реминисценции в поэтике А. Блока // Уч. зап. Тартус. ун-та. Труды по знаковым системам, VI. Вып. 308. Тарту, 1973. С. 387-417.

⁵ Коготкова Т.С. Внелитературная лексика в драме В. Распутина «Последний срок» // Культура речи на сцене и на экране. М., 1986. С. 91.

¹ Солженицын А. Матрёнин двор // Рассказы. М., 1990. С. 146.

² Милютин Т.А. Прилагательные «голый – кудрявый», «черный – (красный)», «темный» в портретных характеристиках повести В. Распутина «Последний срок» // Материалы научн. тр. филологического факультета. Сыктывкар, 1996. С. 118-124.

³ Ср.: Милютин Т.А. Многоплановость слова в прозе В. Распутина и проблема ее передачи на чешском языке // Словоупотребление и стиль писателя / Отв. ред. Л.С. Ковтун, Д.М. Поцелня. СПб., 1995. С. 166-175.

вершено высохшая, одноцветная, бронзовая – ни дать ни взять икона старинного письма¹.

К такому выводу нас подталкивает ряд сходных деталей в структуре художественного образа этих героинь. Это сны, в которых Лукерья и Анна видят будущую – посмертную – жизнь; обеим во сне является смерть; обе точно знают срок своей смерти. Названные детали соотносятся с народно-христианскими представлениями о смерти праведника – это та идейная основа, которая позволяет говорить об ассоциативной близости двух персонажей. Однако В. Распутин, по сути, повторяет только схему создания ассоциативно-смыслового поля, формирующего классический художественный образ Лукерьи-страстотерпицы, каким стала героиня рассказа И.С. Тургенева. Образы народной мифологии в снах героини рассказа И.С. Тургенева, их фольклорную наполняемость подробно анализирует М.В. Костромичева². Сопоставление показывает, что в снах героини В. Распутина представлено сложное переплетение образов, также связанных с традиционной народной культурой, но их «фольклорная направленность» иная. Назовем древний фольклорный мотив лестницы, по которой спускается героиня при переходе в загробную жизнь (заметим, что и Дарья в «Прощании с Матёрой» *сходит в свой род*), достаточно редко встречающийся образ желтой соломы, а также представление о смерти-невесте. Подобное восприятие смерти упоминает А.Н. Афанасьев в «Поэтических воззрениях славян на природу»: «У каждого человека своя собственная смерть, созданная по его образу и подобию, точь-в-точь похожая на него»³.

Приведем небольшой фрагмент и выделим только некоторые детали, имеющие фольклорную природу: *Она уснет, но не так, как всегда, незаметно для себя, а памятно и светло – словно опускаясь по ступенькам куда-то вниз и на каждой ступеньке приостанавливаясь, чтобы осмотреться и различить, сколько ей еще осталось ступать. Когда она наконец сойдет на землю, покрытую сверху желтой соломой, и поймет, что теперь полностью уснула, навстречу ей с лестницы напротив спустится такая же, как она, худая старуха и протянет руку, в которую она должна будет вручить свою ладонь. <...> В последний момент ей захочется отступить или обойти место, к которому несли ее ноги, но она не сможет ни того, ни другого и остановится как раз там, где надо, а потом, уже не владея собой, виновато подаст руку, чтобы поздороваться, и почувствует, что рука свободно, как в рукавичку, входит в другую руку, полную легкой, приятной силы, от которой оживает все ее немощное тело. И в это время справа, где протор, ударит звон <...>* (ПС. 134).

¹ Тургенев И.С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. М., 1961. С. 276.

² Костромичева М.В. Мифологический контекст в рассказе И.С. Тургенева «Живые мощи» // <http://www.turgenev.org.ru/e-book/vestnik-12-2005/kostromichova.htm>.

³ Цит. по: Буланов А.М. Указ. соч. С. 121.

Мотив колокола, колокольного звона имеет богатую символику, одно из его осмыслений – «вестник нового пути, новой жизни». С этим значением он входит в лексико-семантическое поле смерти, это один из атрибутов погребального обряда. В таком качестве этот образ появляется в повести «Последний срок», являясь элементом причета, которому Анна учит свою дочь Варвару:

Во котору дальнюю сторонушку?
По дороженьке проежей,
По дубравушке зеленой,
К матушке божей церкви,
Ко звону колокольному,
Ко читаницу духовному,
А из матушки божьей церкви
В матушку сырую землю,
Ко своему роду-племени (ПС. 155).

Анна в своем предсмертном состоянии слышит звон неоднократно, он несколько раз повторяется в ее «видениях» (ПС. 30, 122, 134, 135, 143), но авторская заданность в этих фрагментах несколько иная. Звон в день кончины чудился и героине рассказа И.С. Тургенева, напомним соответствующий фрагмент: *Рассказывали, что в самый день кончины она всё слышала колокольный звон, хотя от Алексеевки до церкви считают пять вёрст с лишком и день был будничной. Впрочем, Лукерья говорила, что звон шёл не от церкви, а «сверху». Вероятно, она не посмела сказать: с неба*¹.

Можно полагать, что в некоторых повестях писателя колокольный звон становится своего рода идеологемой, знаком-символом высшей духовности и праведности жизни². Это значение не регистрируется толковыми или культурологическими словарями³, однако присутствует в народном языковом сознании (известно поверие о том, что людям духовным дано иногда слышать звон с неба, такое свидетельство упоминается в автобиографических заметках известного русского философа, протоиерея С.Н. Булгакова⁴).

Возможно, и образ звенящих колокольчиков в финальной сцене трагической смерти Настёны в повести В. Распутина «Живи и помни» не

¹ Тургенев И.С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. М., 1961. С. 285.

² Подробнее: Милютин Т.А. Эстетическое преобразование номинативного значения слова в художественном тексте // Ogród nauk filologicznych. Księga Jubileuszowa poświęcona Profesorowi Stanisławowi Kochmanowi. Red. naukowa Mięczysław Bałowski i Wojciech Chlebda. Opole, 2005. P. 429-438.

³ Ср., напр., Агапкина Т.А. Колокольный звон // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 225-228.

⁴ Ср. ссылку на автобиографические заметки С.Н. Булгакова: цит по: Осипов А.И. Путь разума в поисках истины // <http://osipov.vinchi.ru/books/42-1.html>

является случайным, скорее всего, он также является знаковой деталью. Так выражено народное понимание праведности поступка героини-самоубийцы: *В уши набрался плеск – чистый, ласковый и подталкивающий, в нем звенели десятки, сотни, тысячи колокольчиков... И зывали те колокольчики кого-то на праздник...*¹

Остановится еще на одном фольклорном образе повестей В. Распутина, связанном с цветовой символикой. Образ *желтой соломы* в снах героини сибирского писателя можно, видимо, соотнести с образом *желтого песка*. По свидетельству исследователей, он встречается в обрядовых текстах по ассоциации с сырой землей, ср.: «Желтый песок – общефольклорное эпитетосочетание с весьма сложной семантикой. В ней проступает мотив захоронения»². Трудно сказать, является ли образ *желтой соломы* авторской вариацией или же отражает локальные сибирские поверья, однако то, что *желтый* в «мифологии писателя» выступает как знак связи с иным светом, показывает такой пример. Дарья ищет на изуроченной Матере зеленые ветки пихты³, чтобы обрядить как покойницу родную избу перед сожжением: *И благостное, спокойное чувство, что все она [Дарья] делает правильно <...> разлилось по ее душе. <...> Нет, все это не просто, все со смыслом. И она уже смотрела на перелетающую чуть поперед и обок желтогрудую птичку, которая то садилась, то снова вспархивала, словно показывая, куда идти, как на дальнюю и вещь посланницу* (ПМ. 314). По народным поверьям, птичка является посланницей с того света, считается, что это душа, которая «вылетает из тела птичкой, расставаясь с ним, «как птенец с гнездом»⁴. Старуха Анна, которая просит своих детей приезжать в родные места после ее смерти, тоже говорит о птичке как своей посланнице: *И сюда тоже наведывайтесь, здесь весь наш род. И я тут буду, никуда отсюда не стронусь. Посидите надо мной, а я вам какой-нибудь знак дам, что чую вас, как-нибудь птичку пошлю сказать* (ПС. 43). Обратим внимание на то, что выбор определения *желтогрудая* (птичка) с указанием на *желтый* цвет связан, скорее всего, с фольклорной символикой. В целом же анализ показывает, что *желтый* в повестях писателя представляет семантическое поле смерти, выступая как в значении общепозитическом – «цвет естественного увядания в природе», так и в каче-

стве знака связи с потусторонним миром, представляя мифо-фольклорную систему и имея при этом положительную экспрессию.

Писатель в своих публицистических работах неоднократно подчеркивал значение мифо-фольклорной традиции для его творчества, и «душу русскую, – по его признанию, он – по фольклору постигал»¹. Без учета потенциалов фольклорного слова, используемого писателем, мировоззренческая установка сибирского прозаика может оказаться недоступной.

Л.П. Михайлова
(Петрозаводск)

Экстенциальные лексико-фонетические варианты в новгородских говорах

Экстенциальные лексико-фонетические варианты, под которыми подразумеваются слова, подвергшиеся влиянию иноязычной системы и по этой причине имеющие необычный внешний облик в сравнении с общеизвестными, характерны для многих севернорусских говоров, которые своим существованием в значительной степени обязаны новгородско-псковской колонизации. В связи с этим важно выяснить наличие в новгородских говорах таких лексем, в которых бы в явном или скрытом виде проявлялись признаки воздействия иноязычной среды. Известно, что исторически Новгород и Псков входили в так называемую Верхнюю Русь, которая представляла собой «следствие многовекового процесса этнической дифференциации, интеграции, взаимодействия всех основных компонентов населения Северной Европы, северных индоевропейцев и финно-угров, саамов, финнов и балтов, скандинавов и славян»². Лексический состав современных говоров Псковской и Новгородской и других областей Русского Севера, особенно территории, получившей лексикографическое представление³, содержит уникальный материал, в

¹ Распутин В. Живи и помни. М., 1980. С. 207.

² Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Пробная статья «Желтый» // Фольклорная лексикография: Сб. науч. тр. Вып. 4. Курск, 1995. С. 5.

³ Обратим внимание на то, что еще одной обрядовой деталью является «использование в апотропеической, защитной функции во время похорон еловой ветки». Ср.: Подюков И.А. Народная фразеология в зеркале народной культуры: Учебное пособие. Пермь, 1990. С. 71. В сибирской повести В. Распутина речь идет, правда, о ветках пихты.

⁴ Никитина С.Е. О концептуальном анализе в народной культуре // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991. С. 117.

¹ Валентин Распутин. От роду и племени. (Беседа вела Татьяна Микешина-Окулова) // Огонек. 1986. № 3. С. 29; Распутин В. Русское Устье (из книги «Сибирь, Сибирь...») // Наш современник. 1988. № 5. С. 12 и др.

² Лебедев Г.С. Верхняя Русь по данным археологии и древней истории // Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны / А. Алквист, В.А. Булкин, И.Ю. Винокурова и др.; под общ. ред. А.С. Герда, Г.С. Лебедева. СПб., 2001. С. 52.

³ В данной работе использованы следующие словари русских говоров: Новгородский областной словарь / Отв. ред. В.П. Строгова. Вып. 1-13. Новгород., 1992-2000; Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1-18. Л.; СПб., 1967-2006; Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С.Герд. Вып. 1-6. СПб., 1994-2005; Словарь русских народных говоров. Вып. 1-41. М.; Л.; СПб., 1965-2006; Словарь пермских говоров. Вып. 1-2. Пермь, 2000-2002 и др.

котором отчетливо выражается взаимодействие русского и прибалтийско-финских языков¹.

В центре нашего внимания находятся материалы Новгородского областного словаря (НОС), в подготовке которого, наряду с А.В. Клевцовой и В.П. Строговой, активное участие принимала Л.Я. Петрова, пытавшаяся глубоко вникнуть в нелегкие вопросы толкования значения диалектного слова². В данном словаре зафиксированы лексемы, которые могут быть отнесены к заимствованиям из прибалтийско-финских языков³, или к прямым, или к семантически преобразованным. Среди последних в НОС отмечены такие слова, которые не зафиксированы другими словарями. Примером служит *ля'ва* 'яма с водой, где мочили лен' Новг. (НОС 5: 58), вполне возможно являющееся семантическим продолжением южнэстонского *läbi* (род. п. *läve*) 'отверстие (окна или двери)', ливвиковского *läb* 'окно', входящих в группу прибалтийско-финских слов с исходным *läpi* 'дыры, дырка'⁴, а именно: 'окно' > 'открытое углубление, заполненное водой'. Такое семантическое развитие характерно для русских говоров, ср. *окнище* 'оконная рама' Пск., Осташк. Твер., 'остаток водоема в болоте, трясине и т.п. в виде открытого углубления, заполненного водой' Валд. Новг., Пск., Осташк. Твер. (СРНГ 23: 130), оно известно и некоторым прибалтийско-финским языкам, например, в тверских говорах карельского языка *ikkuna* имеет значения 'окно' и 'окно, провал в болоте; прорубь'⁵.

Из массива слов, представленных в НОС, нами выбраны такие лексемы, которые отличаются какой-либо «внешней деталью» от общеизвестных или диалектных, сделана попытка определить тип своеобразного признака в каждом случае, где это возможно. В отношении необычного фонемного состава русского слова интерес представляют многие явления, отраженные в лексике новгородских говоров. Их развитие может быть вызвано тенденцией русских говоров на полиэтнической территории приспособиться к фонетической системе финно-угорских языков, отличающейся от русской в области согласных, в строении начального

слога и др¹. Обратим внимание на отдельные признаки несистемного характера, возникшие в результате внешнего влияния, в русской лексике новгородских говоров.

Переход гласного [о] в [а]

Переход [о] в [а] с одновременной перетяжкой ударения на предшествующий слог, который условно можно назвать псковско-заонежским «аканьем», отмечен в слове *храмать* 'хромать' Новг., Чуд., Др. (НОС 12: 25). Подобное изменение может происходить и в том случае, когда ударение падает на первый слог: *хálзать* 'двигаться, мешая другим' Бор., Тихв. (НОС 12: 6), ср. *хóлзать* 'двигаться, скользить' Мал. (НОС 12: 20), *храменький* 'хромой' Под. (НОС 12: 25), ср. разг. *хрómенький* 'ласк. к хромой'; 'несколько хромой' (БАС 17: 480)²; *пáлзать* 'ползать' Чуд., Тихв. (СРГК 4: 378), ср. *пóлзать*.

Развитие протетического гласного

Развитию протетического гласного перед группой согласных могла способствовать такая особенность прибалтийско-финских языков, как отсутствие сочетаний согласных в анлауте³. Ярким примером является слово *охлэв* 'хлев, утепленное помещение для домашнего скота' Бат., Бор., Валд., Вол., Кр., Люб., Мал., Новг., Ок., Оп., Парф., Под., Сол., Ст., Уторг., Хв., Шим., *охлевушка* 'то же' Др., Люб., Мал. (НОС 7: 68), Новг., Петерб., Ионав. Лит. ССР, Пск., Славк. Пск., Олон., Урал., Перм., Свердлов., Новосиб., Южн. Краснояр., Вост.-Казах., уничиж. *охлевишко* 'хлев' Новг. (СРНГ 25: 33), ср. *хлев*.

В Новгородском областном словаре содержатся также отдельные лексемы, в которых наблюдается «скрытая» протеза. Это слова, в которых формально выделяется предкорневой компонент *из-*, возникший на базе первичной приставки *с-* в положении перед согласным звуком корня. Процесс может быть представлен схемой: *сд-* > *од-* > *эд-* > *изд-*, отражающей, во-первых, падение редуцированных, в результате которого произошло естественное для русского языка озвончение начального согласного, во-вторых, параллельное развитие протетического *и-*, обусловленное тенденцией к ликвидации начального сочетания согласных. Таким образом возникает новая «приставка» *из-*, в которой проявляется значение совместности, характерное для *с-*, а не движения изнутри объекта. Слова с приставкой *с-* имеют относительно широкий ареал в сравнении с новым вариантом, содержащим вторичную приставку *из-*. Это

¹ См., напр.: Мызников С.А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. СПб., 2003, где автор картографирует и русскую по происхождению лексику.

² См., напр.: Петрова Л.Я. К проблеме определения значений слов предметно-бытовой лексики в областных словарях (на примере названий корзин в псковских и новгородских говорах) // Псковские говоры (Псковский областной словарь и актуальные проблемы региональной лексикографии): Межвуз. сб. науч. тр. Псков, 2001. С. 165-171.

³ См., напр., указ. работу Мызникова С.А.

⁴ Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1-7. Helsinki, 1955-1981. O. 2. S. 321.

⁵ Словарь карельского языка (Тверские говоры) / Сост. А.В. Пунжина. Петрозаводск, 1994. С. 68.

¹ Лыткин В.И. Сравнительная фонетика финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974. С. 108-213.

² Используем общепринятые сокращения лексикографических источников, см., напр.: Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2001-2004 / Ин-т лингв. исслед. СПб., 2004. С. 381-389. Географические пометы, использованные в словарях, сохраняем без изменений.

³ Лыткин В.И. Указ. соч. С. 119.

положение подтверждается примерами: *издвурóдный* 'двоюродный' Новг. (НОС 13: 37), ср. *сдвурóдный* 'то же' Вол., Дем., Кр., Мал., Новг., Ок., Парф., Под., Полав., Сол., *сдвою'родный* 'то же' Валд., Кр., Мал., Молв. (НОС 10: 31); *издвóрок* 'место, площадка перед домом, перед хлевом' Оп. (НОС 13: 37), ср. *сдвóрок* 1. 'место, где стоит дом со всеми прилегающими постройками' Бат., Бор., Вол., Дем., Кр., Мал., Мош., Мст., Новг., Ок., Оп., Парф., Пест., Под., Полав., Ст., Чуд., 2. 'участок земли около дома, огород за двором' Кр., Мал., Новг., Оп., Под., Сол., *сдвóрье* 'то же, что сдвóрок 1' Ст. (НОС 10: 31).

Упрощение сочетаний согласных в анлауте

Преобразование начальных сочетаний согласных с плавными звуками:

1) *кл-* > *л-*: *лубя́ницы* 'растение и ягоды клубники' Ок. (НОС 5: 48), *лыбья́ница* 'ягода, похожая на землянику, но крупнее и поспевающая позднее' Ст. (НОС 5: 55), ср. *клубе́ница* 'клубника' Костром., Том. (СРНГ 13: 309);

2) *пл-* > *л-*: *ласт* 'количество сена на одни вилы, набранного и плотно уложенного с помощью грабель' Тихв., Мош., 'небольшая кучка, вал сена' Мош., 'пласт сена, клок' Кр., 'слой расчесанного льна' Др. (НОС 5: 8), ср. *пласт* 'охапка сена, соломы и т.п., поддетая на вилы' Медвежьегор. КАССР., Медян. Киров., Ряз., Южн., Свердл., Челяб., Р. Урал, Кемер., Том., Новосиб. (СРНГ 27: 84);

3) *хл-* > *л-* или *шл-* > *л-*: *лы́ска* 'о ленивой девушке крепкого телосложения' Бор., Валд., Люб., Хв., Шим., 'о ловкой, пронырливой женщине, пройдохе' Кр. (НОС 5: 56), ср. *лы́скасть* 'шляться, шататься, проводить время празднично вне дома', 'бегать, рыскать' Пск., Твер. (СРНГ 17: 224), *хлы́скасть* 'ходить, бегать взад и вперед' Пуд. (СРНГ 6: 722); *ля́мать* 'идти медленно' Под. (НОС 5: 64), ср. *хля́мать* 'шагать медленно, тяжело, вразвалку' Тихв. (НОС 12: 17), а также *шля́мать* 'идти, передвигаться, ступая ногами, делая шаги' Ок. (НОС 12: 101). Аналогичный факт отмечен в говорах Терского Берега и Южного Обонежья: *ля́мбать* 'идти, ходить медленно, с трудом; плестись, тащиться' Тер. (СРНГ 3, 177), ср. *шля́мбать* 'ходить, шаркая ногами; шлепать' Выт. (СРНГ 6: 890); *лы́ндать* 'ходить без дела' Вол., *лы́нда* 'лентяйка' Дем., Кр., Под. (НОС 5: 55), *лы́ндать* 'шататься без дела, слоняться' Калуж., Медын. Калуж., Моск., Твер., Смол., Тул., Орл., Ворон., Тамб., Ряз. (СРНГ 17: 222), ср. *шлы́ндать* 'бродить, шататься без дела' Ст. (НОС 12: 101), *шлы́ндать* 'то же' Медв., 'идти' Подп. (СРНГ 6: 890); *лынь* 'лодырь' Мош. (НОС 5: 55), *лынь* 'лентяй, тунеядец' Пск., *лыня́ть* 'уклоняться от работы, отлынивать' Н.-Сок., Пушк., 'скрываться, убегать' Пск. (НОС 17: 248), ср. *хлынь* 'лентяй, бездельник' Плес., *хлыня́ть* 'бездельничать' Выт., 'гулять, вести бродячий образ жизни (о коте)' Плес. (СРНГ 6: 722); *лус* 'неожиданное, внезапное нанесение удара' Хв. (НОС 5: 53), *лу́снуть* 'ударить, стукнуть' Люб., Пск., Осташк. Твер., Твер., Смол.,

Курск., Калинин., Новг. (СРНГ 3: 159; СРНГ 17: 205), ср. *хлу́стнуть* 'бросить, ударив, стукнув обо что-н.' Тихв. (СРНГ 6: 721);

4) *тр->р-*: *ра́хнуть* 'нанести, произвести удар' Люб., Ок. (НОС 9: 117), ср. *ра́хнуть* 'толкнуть' Перм. (СПГ 2: 283), ср. простореч. *тра́хнуть* 'сильно ударить, стукнуть' (ССРЛЯ 15:846); *ряха́ть* 'вытаскивать рыбу из сетей' Ст. (НОС 9: 168), ср. *вытряха́ть* 'выбивая, тряся, освобождать от содержимого' Леш., Мез. (АОС 8: 307);

5) *кр->р-*: *ро́яка* 'площадка на пашне' Мал. (НОС 9: 152), ср. *ро́яка* Олон., *роя́ка* Вытегор. Волог. в значении 'овраг' (СРНГ 35: 212). Данные варианты можно рассматривать как результат фонетической модификации заимствованного карельского слова *rajakko* 'раскорчеванный участок' (Фасмер 3: 432), образованного от *raja* 'граница, рубеж, предел' (< слав. *край*) с помощью суффикса *-kko* и, следовательно, имеющего исконный славянский корень¹. Более широко известно *ра́яка* 'молодой лес, поросль', 'густой лес, чаща', 'лес (любой)', 'просека' в вытегорских говорах (СРНГ 5: 391), 'овраг, поросший лесом, а также топкое место с хилым лесом' Олон.; однокоренным является *ра́юша* 'межа, пограничная полоса' в русских говорах Эстонии (СРНГ 34: 352). Видимо, первоначальным значением слова *rajakko* было 'участок, имеющий границы' или 'пограничный участок'. Данное предположение основывается на реальной ситуации, а именно ведении подсечно-огневого земледелия, что обусловило развитие соответствующих значений: подсека разрабатывалась, во-первых, в окраинной лесной зоне, в незначительном отдалении от жилья, а не в глубине лесного массива, во-вторых, имела определенные границы, в-третьих, она запускалась по истечении нескольких лет эксплуатации, зарастала лесом. Об исходном семантическом компоненте 'подсека' говорят и данные прибалтийско-финских языков: ливв. *ga-jakko* 'зброшенная подсека', люд. *rajakko* 'подсека, на которой начали расти деревья', вепс. *rajak* 'плохой смешанный лес на подсеке', 'заросшая пожога'². В семантике новгородского, маловишерского, слова *ро́яка* 'площадка на пашне' содержится компонент 'ограничение', как и у олонецкого *ра́йка* 'дыра' (СРНГ 34: 86). Что касается гласного [о] в сравнении с более распространенным [а], то это явление может квалифицироваться как более раннее соответствие прибалтийско-финскому краткому [а] русского [о], аналогом являются «древнерусские этнонимы, называющие финно-угорские народы: *водь* (вод. *ватья*), *корела* (карел. *карьяла*), *лопь* (фин. *lappi*)'³. Следовательно, со значительной долей осторожности приходим к выводу о более древнем варианте рассматриваемого слова с гласным [о] в говорах Маловишерского района Новгородской области.

¹ Веске М.П. Славяно-финские культурные отношения по данным языка. Казань, 1890. С. 188.

² Мызников С.А. Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб., 2003. С. 277.

³ Востриков О.В. Финно-угорский субстрат в русском языке. Свердловск, 1990. С. 26.

Утрата начального в-

Исчезновение начального согласного в- в позиции перед гласным звуком: *отлан* 'кто много говорит и попусту'; *болтун* Оп. (НОС 7: 49), ср. *воплáк*, *воплáч* 'человек, говорящий бестолково, непонятно, несвязно' Оренб., Челябин., *воплáть* Ср. Урал, *воплáть* Челябин., Оренб. 'говорить, бестолково, непонятно, несвязно' (СРНГ 5: 159), *ватóла* 'болтливый человек, болтун, болтунья' Курган., *ватóлить* 'говорить невнятно, несвязно' Перм., Ср. Урал, Новосиб., 'говорить пустяки, пустословить, болтать' Перм., Свердлов., *вáтлать* 'говорить нескладно, несвязно; мямлить' Вят., Свердлов., Барнаул., *ватплáть* 'говорить, разговаривать' Новосиб. (СРНГ 4: 71-72), *ватплáть* 'говорить о чем-л. несерьезном, незначительном, болтать' К.-Г. Волог. (СВГ 1: 58), *вату́лить* 'неприлично выражаться' Сев., Олон. (СРНГ 4: 73).

Мена согласных

Мена звонких и глухих согласных отмечена в лексике говоров Севера и Северо-Запада как экстенциальный признак, т.е. результат влияния иноязычной системы¹. Отмечая это явление в севернорусских диалектах, Б.А. Ларин пишет: «Объяснение этому надо искать в субстрате, так как языки угро-финской группы знают и другие фонологические противопоставления рядов согласных (например, глухие сильные – глухие слабые – звонкие), а в некоторых диалектах – утрату звонких, в других – озвончение глухих (например, в севернокарельских говорах озвончение *k – t – p* кратких в сильной позиции)»². В новгородских говорах мена глухих и звонких проявляется очень слабо. Примером служит слово *кисá* 'средняя часть невода в виде мешка, куда попадает рыба; мотня' Кр., 'мешок со шнурком для ношения на шее' Кр. (НОС 4: 40), ср. *кисá* 'суконный или кожаный мешок, затягиваемый шнурком; кошелек для хранения денег' Пест., Тихв., Хв. (НОС 4: 43). Звонкие на месте глухих отмечены в сочетаниях согласных: *гверзд* 'толченный камень, дресва' Мал., 'сыпучий камень' Уторг. и несколько отдаленное семантически однокорневое *гверздя́нка* 'участок мелкого леса, где рубят зимой дрова' Ст. (НОС 2: 9-10). Фиксации единичны. Широко же в новгородских говорах употребляется слово *гверста́* и производные. Замена [ст] > [зд] известна также в ладого-тихвинских и межзональных говорах: *зроздóчек* 'росточек лука' Шексн. (СРНГ 2: 258), ср. *росточек*; *берэ́здина* 'береста' Тихв., ср. *берестина* 'то же' Онеж., Пуд., Плес., Выт., Карг., Лод., Медв.,

¹ См., напр.: Глушкина С.М. Мена звонких и глухих согласных в псковских говорах // Псковские говоры. III. Псков, 1973. С. 35-51; Михайлова Л.П. Русская лексика с признаками экстенциального характера в области согласных // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2008. № 2(9); Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методики преподавания языка и литературы: В 3 ч. Ч. 2. С. 96-101.

² Ларин Б.А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618-1619 гг.). Л., 1959. С. 47.

Тер., Тихв. (СРНГ 1: 63, 67); *блэ́здочки* 'блестящее украшение, блески' Тихв., Вашк., ср. *блэ́сточки* 'то же' Канд. (СРНГ 1: 76).

Мена звуков [д] и [з]: *гудню́к* 'заросли кустарника' Под. (НОС 13: 24), ср. *дудня́к* 'несколько растений с полым стеблем' Люб. (НОС 2: 108). Такого рода мена как будто не отмечена исследователями вопросов адаптации прибалтийско-финской лексики при вхождении в русскую¹. И.И. Муллонен обращает внимание на отражение в вепсской топонимии регрессивной ассимиляции заднеязычного *g* → *đ*, однако наряду с названиями типа *Гегевичи* ~ *Гедевичи* Лод., *Гандеж* Волх. ~ (*ганг- <*) *hanh'* 'гусь' исследователь включает и такие соотносительные пары, как *Рямега* ~ *Рямеда* Волх., *Рямода* Тихв.: вепс. *rätteg-* 'болото с чахлым лесом, бурелом'²; последние именованья демонстрируют лишь мену звуков, не обусловленную закономерными фонетическими процессами.

Можно предположить иную причину мены звуков [з] и [д]. Прибалтийско-финскому звуку [к] в русских говорах Севера могут соответствовать [к'], [т'], [п], [г], как отмечает С.А. Мызников³, а также [т], ср. *кабрю́шка* 'берестяной или деревянный поплавок, прикрепляемый к рыболовной сети' Кондоп. (СРНГ 2: 308) и *табрю́жка* 'поплавок' Кондоп. (СРНГ 6: 434). Выделим особо корреляцию глухих [к] ~ [т], с которой могут соотноситься звонкие согласные [з] ~ [д]. Такого рода фонетическая вариативность представлена, например, в словах *кедовина* 'заброшенная нива' Прион., Подп. (СРНГ 2: 338), Петрозав. Олон. (СРНГ 13: 173), 'нива, засеянная вторично' Олон. (СРНГ 13: 173) и *китовина* 'подсека, засеваемая во второй раз' Пудож. Олон., 'лесная поляна' Заонеж. Олон. (СРНГ 13: 243). Возвращаясь к слову *гудню́к*, совпадающему по семантике и частично по фонемному составу корня со словом *дудня́к*, подчеркнем, что соотношение [з] ~ [д], по всей вероятности, возникло по принципу «эха» как звонкая пара к [к] ~ [т].

Внимание к русской лексике с экстенциальными признаками в некоторой степени помогает уяснить факты, обусловленные сложными процессами взаимовлияния, взаимопроникновения, адаптации, которые проходили в течение тысячелетий на территории соприкосновения русского и прибалтийско-финских языков. Новгородская лексика, как показывает материал, до сих пор сохраняет такие элементы. В дальнейшем могут быть обнаружены новые данные, которые позволят уточнить пути возникновения диалектного слова, его этимологию. Вполне допустимо, что некоторые лексемы с необычным фонемным составом могут получить иную интерпретацию в сравнении с представленной в настоящей работе.

¹ См., напр.: Матеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. I. Екатеринбург, 2001. 346 с.

² Муллонен И.И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. С. 65.

³ Мызников С.А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ / Ин-т лингв. исслед. СПб., 2004. С. 349.

Образ Сыктывкара в поэзии Владимира Тимина

Сыктывкар – столица Республики Коми, средоточие её политической, экономической, культурной жизни. Это самый старый город республики, прошедший в своём развитии и становлении более века, а потому представляющий собой запрограммированный временем код к информации о духовной жизни коми народа и его сознания. Город может быть ключом к постижению менталитета коми, т.к. всю свою долгую жизнь он копил информацию о своём жителе.

В литературоведении сложилось мнение о городе как о живом, сложном, многоуровневом организме, для постижения которого нужно охватить все его составные части в их совокупности. Существует несколько подходов к исследованию образа города в художественном произведении. К примеру, известный краевед, историк и культуролог Н.П. Анциферов ввёл понятие *души города* при осмыслении феномена Петербурга. Душа города в его понимании представляет собой «исторически проявляющееся единство всех сторон его жизни: сил природы, быта населения, его роста и характера его архитектурного пейзажа, его участие в общей жизни страны, духовного бытия его граждан»¹. Другой способ постижения образа того или иного города – это исследование его хронотопа, составными элементами которого являются мифология города, география города, архитектурный облик и топонимика города, духовно-культурная сфера города². Образ города может исследоваться и путём изучения его метатекста (В.А. Доманский).

В литературоведении нашего региона исследованию образа города в поэзии посвящена одна работа – статья Г.Н. Тираспольского «Замыслил я побег...»³, в которой рассматривается образ Усть-Сысольска в творчестве основоположника коми литературы И.А. Куратова в сопоставлении с произведениями русской классики. В то же время необходимо отметить, что в истории коми литературы накоплен достаточно обширный поэтический материал о Сыктывкаре.

¹ См.: Черняк М.А. Образ Петербурга в прозе рубежа XX-XXI веков: А. Битов, В. Пеллин, О. Стрижак, Т. Толстая, М. Веллер // Черняк М.А. Современная русская литература. СПб.; М., 2004. С. 93-113.

² См. об этом: Доманский В.А. Хронотоп города // Доманский В.А. Литература и культура: Культурологический подход к изучению словесности в школе. М., 2002. С. 246-261; Лёвкинская Е.Е. Москва в зеркале современных православных легенд // Лотмановский сборник: В 2 т. Т.2. / Сост. Е.В. Пермяков. М., 1997. С. 805-834; Молок Н.Ю. Мегаломания московской архитектуры // Там же. С. 771-782; Цивьян Т.В. Рассказали страшное, дали точный адрес... (к мифологической топографии Москвы) // Там же. С. 599-561.

³ Тираспольский Г.Н. «Замыслил я побег...» // Тираспольский Г.Н. Эхо пушкинской лиры. Сыктывкар, 1999. С. 6-28.

Данная работа является частью исследования, цель которого – попытка выстраивания общего «метатекста» Сыктывкара на основе его текстов, в частности поэтических произведений коми авторов с середины XIX в. до наших дней. При этом мы опираемся на некоторые наблюдения над хронотопом города и элементами его духовного составляющего.

Как показывает анализируемый материал, с точки зрения становления и развития в коми поэзии художественного образа Сыктывкара можно выделить три основных периода: I. середина XIX в.; II. 20–30-е гг. XX в.; III. 50-е гг. XX в. – до наших дней.

В первые два этапа, достаточно продолжительные, образ Сыктывкара представлен в творчестве трех поэтов-классиков (И.А. Куратов, XIX век; В.И. Лыткин, В.А. Савин, 20–30-е гг. XX в.), поэтому пока сложно говорить о каких-либо закономерностях в развитии образа города. В то же время в их творчестве заложены основы изображения города: мотивы противопоставления города и села, «старого» и «нового» города, духовного ущемления городом своего жителя, бегства из города и разочарования в нем, образ «сонного» города, образ города-сказки, изображение Сыктывкара через картины природы.

Начиная с 50-х гг. XX в. к изображению Сыктывкара обращается все большее количество поэтов. Пожалуй, наиболее полным образ Сыктывкара вырисовывается в стихотворениях Владимира Васильевича Тимина¹, чьё творчество берёт начало в 60-е гг. XX в. и плодотворно продолжается по сей день. Нами рассмотрено двенадцать стихотворений, в которых столица республики либо названа своим именем, либо, оставаясь безымянной, подразумевается. Вырисовывается неоднозначная картина города: с одной стороны – источник жизни, тепла и света, с другой стороны – энергетический «вампир», отчуждённый и холодный; с одной стороны – расслабляющий, дарящий надежду, с другой – напряжённый, исполненный драматизма, внутренней борьбы.

В стихотворении «Сыктывкар – менам мича мойд» («Сыктывкар – моя красивая сказка») возникает идеализированный образ города: прозрачный чистый воздух, бесконечное голубое небо; город, где каждый день и ночь приносят людям добро. Сыктывкар предстаёт неким живым существом, в котором всё живёт, дышит: «шыясён ловзяс лун» («звуками оживет день»), «венэж шудабын сиб лоны» («небо желает счастья»), «ывлавыс сэтшом ясыд» («на улице так ясно»). С ним у лирического героя хорошо налажен душевный контакт. Но самое главное в таком городе – это его жители, добрые, отзывчивые, приветливые:

¹ Источники: Тимин В. Туйын да гортын (В дороге и дома). Сыктывкар, 1971; Тимин В. И ётнам, и йёзкёд (И наедине, и с людьми). Сыктывкар, 1979; Тимин В. Йёзлань чужьмон (Лицом к людям). Сыктывкар, 1987; Тимин В. Мича Ема: кывбурьяс, вуджодъмьяс (Красивая Ема: Стихотворения, переводы). Сыктывкар, 1996.

Аттё тiянылы, карса йёз, –
Меным тi вёсна карыс дoна¹.

Спасибо вам, городские жители, –
Благодаря вам мне город дорог.

Близкий ему по духу, персонифицированный Сыктывкар как город чистый, создающий хорошее настроение, представлен в стихотворении «Машина мыськё Сыктыв ваён уличьяс» («Машина моет улицы водой из Сысолы»). Поливание улиц речной водой ассоциируется с утолением жажды из источника жизни, духовным очищением и омоложением. Эмоциональная атмосфера такого пространства пропитана жизнелюбием, радостью, счастьем: «*ме зэв рад*» («я очень рад»), «*нюмъялысь салдат*» («улыбающийся солдат»), «*мем долыд съёлём вылын, мед коть ар*» («мне радостно на сердце, хотя и осень»).

Возникает образ девочки как символа юной, приветливой, чистой души города, который отразился в её маленьком зеркальце.

А тóдтóm нывка гусьóн перйис
зеркалё,
И нюммуни́с тшóтш ськóд
меным кар.

А незнако́мая дево́чка украдо́й
достала зеркальце,
И улы́бнулса вме́сте с ней мне́ город.

Светел, строг и красив образ городской площади в стихотворении «Сыктывкарын Юбилейнóй площадь» («Юбилейная площадь Сыктывкара»). Это место средоточия городских праздников, огромного количества людей, а потому в сознании лирического героя площадь обладает силой объединения жителей города, которая к тому же уравнивает в проявлении своей радости людей разных возрастов и разного статуса:

Площадь вылын ёлка.
Лымйысь кар.
Гажóдчóны версттё йёз да челядь.

На площади ёлка.
Заснеженный город.
Веселятся взрослые и дети.

Сравнением с природным равнинным ландшафтом («паськыд эрд» – «широкий простор») подчёркивается широта центральной части города как его сердца, в котором хранится много светлых воспоминаний о всех значительных событиях в жизни Сыктывкара: «музыкалóн кыпыд гор» («веселый звук музыки»), «восьлала ме топыд радын йóзкóд» («шагаю с людьми в тесном ряду»), «кыпыд тóвся рыт» («радостный зимний вечер»), «Сóветьяслóн Керка весьтын герб» («герб над Домом Советов»). Симпатия лирического героя к городу проявляется и в стихотворении «Юр эз жуглы...» («Не ломал голову...»): проведя отдых на природе, в далёкой Ижме, лирический герой во сне своими желаниями переносится в родной Сыктывкар, который влечёт его к себе, где бы он ни находился:

Унзиль босьтó.
Номьяс бара

Клонит ко сну.
Комары опять

¹ Здесь и далее перевод наш.

Аддзóмаóсь щель.
Вóтóн менó Сыктывкаро́
Лэбóдó войпель.

Щель нашли.
В Сыктывкар меня во сне
Уносит войпель¹

В стихотворениях В. Тимина узнаваем мотив противопоставления города и деревни (чужое-своё), буквально пронизывающий всю коми лирику.

В стихотворении «Пóрысь вóв» («Старая лошадь») изображена вечерняя городская улица, по которой среди спящих машин одиноко бредёт, прорываясь сквозь колючий ветер, старая лошадь, вызывающая воспоминания о деревенском детстве. Возникает параллель между образом лошади, которая жмётся к стенке, и образом деревни, притеснённой урбанизацией («и тырмó эськó уличаыслóн пасьтаыс, но сйó, лóрысь, жмитчис боклань пыр, кыдз быттё йндысис...» – «и хватает ширины улицы, но она, старая, все к боку жмется, как будто стесняется...»). Город сильнее своим «стальным конём», напором, он не уступит дорогу старой, никому не нужной лошади – от такой картины щемит сердце, болит душа. Временами лирический герой В. Тимина, несмотря на своё восхищение городом, несмотря на то, что видит Сыктывкар чистым, душевно омолаживающим и приветливым, всё же устаёт от суетного образа городской жизни и рвётся на свою малую родину:

Шумсьыс во́львлан пикó
Уна гблóса карын,
Сэки ас чужан сиктó
Кыскó выль вынóн бара.
(«Шумсьыс во́львлан пикó...»)

От шума приходишь в смятение
В многоголосом городе,
В такие мгновения родное село
Тянет к себе с новой силой.
(«От шума приходишь в смятение...»)

Драматичен мотив борьбы старого и нового в стихотворении «Сыктывкарын косялóны керка» («В Сыктывкаре разбирают (букв. рвут) дом»): на глазах лирического героя происходит «умирание» старого «деревянного города» и замена его новым железобетонным, каменным. Подобное расширение пространства города, его разрастание: «карыс гóгóр паськалó и кыптó, мóлóт бетон сюръяó со гыпкó...» («город разрастается и поднимается со всех сторон, бухает молот о бетонный столб...») – болью отзываются в душах пожилых жителей Сыктывкара. Тяжело прощание с родным домом, в котором проведена вся жизнь:

Морóс пытшкын мыйкó быттё
ори:
Быттё коли ас керкаас пóв,
Быттё йитóд о́лмас эз ло...

В груди словно что-то
оборвалось:
Словно оставил в доме свою
половину,
Словно связи с жизнью не стало...

В этом контексте вызывает симпатию образ старого Сыктывкара, который изо всех сил борется за свою жизнь, не желая сдавать позиции

¹ Войпель – Бог северного ветра.

своему «противнику»: «торъялõны съõкыда зэв керьяс, пõсъялан...» («с трудом отрываются бревна, потом обливаешься...»), «съõкыд лõмõн бертан, вõллись усьõ» («тяжелым ломом выворачиваешь, только после падает»).

Словно попытка примирения города и деревни предлагается совершение своеобразной экскурсии по уходящему Сыктывкару в стихотворении «Карын нимьяс йылысь» («О названиях в городе»). Лирический герой рассуждает о том, что многие живущие в Сыктывкаре – сельские люди, которые в городе чувствуют себя как дома, потому что всё здесь напоминает малую родину, всё является средоточием культуры коми, в частности в большинстве уже не существующие названия улиц, домов, переходов: «Визин улич» («Улица Визинга»), «Изьва площадь» («Ижемская площадь»), «Емдін – тадзи сёяніныс шусьõ» («Емва – так зовется столовая»), «Изкар...вõвлі кар кõtэ зэ» («Изкар – был хоть город или нет»). И несмотря на девятиэтажные дома, несмотря на рост города («быдмõ-сõвмõ Сыктывкар, водзын – õкмыс судтаа керка» – «растет-развивается город, впереди – девятиэтажный дом»), Сыктывкар видится как большая, единая для всех деревня, где день тёплый, а небо голубое. Тот же мотив молодости города, несмотря на свой более чем двухвековой возраст:

Карлы 200 сайõ во! *Городу уже за двести лет!*
Но а сійõ – быдмõ, томмõ. *Но а он – растет и молодеет.*

Сыктывкар – город известный миру и оригинальный в своём проявлении, и пока он будет верен своим корням, помнить своё неповторимое прошлое, оставаться истинно коми городом, до тех пор будет мил своему жителю:

Муса тэд, *Мил тебе,*
И муса мем. *Любим и мной.*
Весиг йõз муын нин тõдса. *Даже в стороне чужой известен.*
Сõмын сійõ *Только пожелание*
Менам эм: *У меня есть:*
Эз мед вошты ассъыс рõдсõ. *Пусть не теряет своих корней.*

В стихотворении «Важся серпас водзын мõвпьяс» («Мысли перед старой картиной») лирический герой пытается представить себе жизнь старого города – Усть-Сысольска:

Лõнь Сыктыв, *Тихая Сысола,*
Троицкõй собор, *Троицкий собор,*
И сылõн вуджõр юб усьõ, *И тень его падает на реку,*
А карыс Усть-Сысольскõн *А город зовется Усть-*
шусьõ... *Сысольском...*
И юрõ волõ унатор. *И в голову приходит много мыслей.*

Мысленно герой переносится в иное измерение и шагает вместе с городом по его истории: город мирный → город времён революций → город, обретающий свою национальность («кар ним и то нин лои коми, и гõгõр юргõ чужан кыв» – «название города и то уже звучит на коми языке, и кругом раздаётся родной язык») → город времён репрессий → промышленный город. Но в размышлениях лирический герой приходит к выводу, что, несмотря на, казалось бы, развитие Сыктывкара, жизнь к лучшему не повернулась («выль уна стрõйба кылтас тан, но бурсъыс уна жõ оз коль» – «много новых зданий здесь построят, но и многого хорошего не останется»). В минуты глубоких переживаний лирического героя современный город проявляет нелучшие свои черты: отчуждённость, безучастность, бездушность:

...Руд зэръясõн матысмõ *Серыми дождями наступает*
Комиõ ар, *К коми земле осень,*
И майшасьõм йылысь *И о переживаниях*
Оз тõд Сыктывкар... *Не знает Сыктывкар...*
«Тэ юõртін меным...» *«Ты сообщила мне...»*

Поэтому предпочтение даётся не городу будущего, а городу прошлого:

Важ карын эськõ овны мõдї, *В старом городе я б стал жить,*
Друг мё кõ быттё лои сэн. *Если бы вдруг там очутился.*

Поэтическая биография города Сыктывкара в творчестве Владимира Тимина неоднозначна: совершается нелёгкий путь от города-сказки, манящего душевной чистотой и добротой, до каменного города, отталкивающего душевной чёрствостью. Отношение лирического героя к городу также претерпевает изменения: восторженность, нежность, уважение сменяется горечью, усталостью, отторжением. В воображаемом выборе между «новым» и «старым» побеждает «старый», одухотворённый, Сыктывкар.

А.В. Панюков
(Сыктывкар)

К проблеме самоорганизации коми фольклорной традиции: Горань

Слово *горань* в коми традициях имеет два самостоятельных значения, связанных с игровой культурой: *горань* как почти повсеместно распространённое название игры в жмурки и *горань* как узколокальное обозначение рождественских молодежных игрищ, зафиксированное в с. Керчомья Усть-Куломского р-на Республики Коми (Верхняя Вычегда) и с. Грива Койгородского р-на (Верхняя Сысола) (ССКЗД 83).

Несмотря на прозрачность внутренней формы, это слово-термин не имеет ясной этимологической интерпретации. Единственная научная

попытка объяснения этимологии этого слова принадлежит В.И. Лыткину, который предположил, что слово *горань* первоначально обозначало 'стряпуха' (*гор* 'очаг, печь', *ань* 'женщина'): «когда играющий с завязанными глазами ищет, остальные хлопают ладонями по столу, производя звук, напоминающий раскатывание теста»¹. Эта «народно-этимологическая» версия может быть продолжена уже в мифологическом ключе, поскольку возникает очевидная лексическая параллель с коми демонами: *гуренька*, *пывсян гор ань*, букв. 'хозяйка, дух банного очага', *вежа гурань*, *вежа гор ань* 'банница, банный дух', букв. 'священная хозяйка очага'². Возникающая синонимичность позволяет отождествлять и морфологическую структуру слов: *гор* 'печь, очаг' и *знька*, *ань* 'женщина'. Однако такая этимологическая версия не позволяет объяснить, как название игры *горань* связано с демонимом. Можно попытаться исходить из того, что словом *горань* обозначался некий обобщенный мифологический (= демонический) образ водящего в этой игре, да и в целом игры в жмурки (что, собственно, и было предложено А.Н. Рассыхаевым в связи с анализом детского игрового фольклора, однако не доведено до логического конца)³.

Попытаемся еще раз свести воедино все фольклорно-этнографические данные о бытовании игр, определяемых как *горань*, и их проанализировать.

Игра в жмурки и игра «хоронить золото» имели распространение во всех локальных молодежно-игровых традициях коми, собственно, как и у русских. Здесь прежде всего нужно отметить, что в молодежной культуре игра в жмурки и игра «хоронить золото» тесно связаны между собой и представляют собой по сути варианты одного и того же сюжета «слепой ищет зрячего»⁴. Отметим, что и в русском языке обнаруживается терминологическое сближение этих игр: *хоронки*, *хоронички* и *жмурки* как названия игры в прятки (Даль 4: 561) и *хоронить золото* как святочная игра в колечко. Кроме того, две игры объединяет очевидный эротический характер, ситуация выбора-узнавания и ролевая взаимообратимость этих игр. Обобщающий смысл игры в жмурки отражен в коми слове *шыра-канясны* букв. 'играть в кошки-мышки', имеющем также значение 'тайно дружить (о парне с девушкой)'⁵. Здесь стоит указать на бытова-

ние в коми традициях «переходных» форм игры. Например, «сложносочиненный» вариант: при игре в колечко (*гизь*, *гизь*, *гораньой*), если игрок не отгадывал, у кого находится спрятанная вещь, то его накрывали шубой и били по очереди по спине (игра *гырйб юр скойбм*, букв. 'запихивание головы в ступу' в некоторых традициях также могла называться *горань*). Если отгадывал тот, кто стукнул, то бьющий становился водящим игры *гизь*, *гизь*, *гораньой*¹. В верхнесольской традиции, где *горань* обозначает рождественские игрища в целом, зафиксирован «хороводный вариант» игры в *син горань*: девушки ходили хороводом, в середине – парень с закрытыми глазами; он выбирал себе кого-то из кружащихся девушек, которая становилась его «невестой»; они целовались; вместо него входил другой парень. Когда парень трижды топал ногой, круг девушке останавливался; парень трижды целовал «невесту»². Стоит отметить, что в описываемом игровом репертуаре не было собственно припевочных или целовальных песен и выбор пар целиком был связан с хороводными играми, в том числе и окказиональными, не разыгрываемыми по песенному сюжету. Например: *Заводила выбирает парня и девушку, знает кто с кем. Пару заталкивают в круг и поют. Они стараются из круга выбежать. Пока не поцелуются, не выпустят. Если сумеют выбежать, то не целуются, это игра такая. Потом другую пару в круг пускали, могли и дедушку с бабушкой. Если нравятся друг другу, те и не рвались из круга*³. То, что игра в жмурки заняла особое место в данной сценарии игрищ, вполне могло послужить переносу термина *горань* на весь игровой комплекс в целом. Для коми традиций это вполне типично, поскольку многие локальные варианты названий рождественских игрищ имеют именно такой характер.

Не менее вероятно, что термин *горань*, как собственно и основной репертуар игрищ, проник в коми культуру из пограничных коми-пермяцких традиций, с которыми исторически связаны и верхневьчегодские (с. Керчомья), и верхнесольские (с. Грива) коми. Поэтому трудно однозначно утверждать, имеем ли мы дело с одним источником, говоря о двух значениях *горань*, или они возникли независимо друг от друга.

Название игры *хоронить золото* в русской культуре связано с первой строкой песни, сопровождавшей ее:

Уж я золото хороню, хороню,
Чисто серебро хороню, хороню,
Я у батюшки в терему, в терему,
Я у матушки высоко, высоко,
Гадай, гадай, девица,
Отгадывай красна,

¹ Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999. С. 78.

² См.: Му луксьом (Сотворение мира) / Автор-сост. П.Ф. Лимеров. Сыктывкар, 2005. № 365, 366.

³ Рассыхаев А.Н. К вопросу о взаимосвязи в коми фольклоре считалок с другими жанрами // Studia Juvenalia: Сборник работ молодых ученых Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 2. Сыктывкар, 2005. С. 113-122.

⁴ Мифологическая семантика игры в жмурки и многочисленные варианты нарративной тематизации сюжета игры подробно рассмотрены в специальной статье К.А. Богданова: Богданов К.А. Игра в жмурки: контексты традиции // Русский фольклор. Т. XXX. СПб., 1999. С. 54-81.

⁵ Сорвачева В.А., Безносикова Л.М. Удорский диалект коми языка. М., 1990. С. 277.

¹ Коми ворсьм да гаж: тóрыт да талун (Коми игры и веселье: вчера и сегодня) / Сост. Л.Н. Камбалова, А.Н. Рассыхаев. Сыктывкар, 2007. С. 29-30.

² ФФ ИЯЛИ. А1616-11, д. Завраг Койгородского р-на.

³ ФФ ИЯЛИ. В1606-29, д. Завраг Койгородского р-на.

Через поле идучи,
 Русу косу плетучи,
 Шелком обвиваючи,
 Златом приплетаючи,
 Златом обвиваючи,
 Пал, пал перстень,
 В калину в малину,
 Черную смородину¹.

Приведенный текст записан в одной из русских традиций Республики Коми (с. Серегово Княжпогостского р-на), и он вполне может послужить аналогом для тех вариантов, которые зафиксированы у коми. Наиболее традиционное название этой игры у коми *гизь, гизь гораньбй* также представляет собой первую строку игровой песни. Однако в силу ее лексической и семантической «размытости» достаточно сложно дать однозначное объяснение этой строки, играющей роль звуко-ритмической формулы-зачина. То, что *гораней* здесь явно является видоизмененным русским словом *хороню*, достаточно очевидно. Тем более эта позиция в строке сохраняется почти во всех зафиксированных коми вариантах текста. И, кроме того, зафиксированы промежуточные двуязычные формы. Например: *Вижу хажу, хоронило батюшко, тбд код ордын ма-сакар? Некодлы не висьтавны, ставныс ордысь тбдмавны. Корсь!* (Вижу, хожу, хоронил батюшко, узнай, у кого мед-сахар? Никому не говорить, у всех искать-отгадывать. Ищи!) (играют дети в круг, прячут предмет)². Путь трансформации лексемы *хороню* в *горань* может быть представлен так: *хораню (хороню) / коранюись 'играть в «хороню»' > > горанюись > гораньись > горань*. Отметим, что такой вариант видоизменения не единственный. Так, в богородской традиции зафиксирован текст со словом *городе*:

Гизь-гизь, городе.	Гизь-гизь, городе,
У батюшки, у сестрицы.	У батюшки, у сестрицы.
Кума-кума, код ордин,	Кума, кума, у кого,
Дин-дин, голик дин,	«Дин-дин» – ручка голика,
Ещд дин, пельбс дин.	Еще «дин» – место в углу.
Кума-кума, код ордин.	Кума, кума, у кого. (ФА СыктГУ 1529-5).

Слово *гизь-гизь* может быть переведено как онома-топоея с примерным значением 'беспорядочно рассыпаться': *гизьявны* 'ходить толпой, гурьбой'; ползать во множестве (напр. о насекомых); бегать (многим)', *гизьбтыны* 'кинуться, броситься гурьбой, толпой' (ССРПЛ 79). Однако это один из возможных вариантов. В коми традициях вместо кольца в этой игре могли использовать обычную щепку, палочку, откуда и второе устойчивое название этой игры *желья водзысь ворсны* 'игра с щепкой,

палочкой в переднике, на коленях', *жель* 'тонкая лучинка, щепка, щепочка; заноза'. В качестве *жель* могли использовать *кись пинь, тись пинь* 'лучинки, зубья из ткацкого бёрда', *кись, тись* 'бёрдо' (или могла возникнуть какая-нибудь другая ассоциация с *кись* в самой игре). Таким образом, фраза *гизь, гизь гораньбй* могла представлять собой «контекстуальный» вариант формулы «уж я золото, золото хороню» – «*кись пинь хороню*». Далее могла возникнуть ассоциация с *кисьтны* печ. скр., *кисьтні* вв *кисьтыны* вс. вым. иж. лл. уд., *кисьны* сс. *тисьтны* нв. 'сыпать, высыпать, насыпать', соответствующая игровому действию. Приведем один из вариантов, как нам кажется, подтверждающий высказанную версию:

Гизь-гизь, гораньбй,	< Гизь-гизь хороню
И батюшка Еремей.	< У батюшки в тереме.
Тупьялэй, тапьялэй,	Закрывайте, накрывайте,
Корсялэй да тбдмалэй,	Ищите, узнавайте,
Код ордын кизь-пань? ¹	У кого кизь-пань?

Здесь в последней строке *кизь-пань* с букв. значением 'пуговка-ложка' явно восходит к *кись пинь* 'зуб, зубья бёрдо'. То же самое можно сказать и о вариантах *кись-пась, Код водзин тись-пась?*² (у кого *тись-пась?*), *Код ордын гизьянбй?* (У кого моя *гизьян?*). Зафиксированные варианты начала *гизья-гизья, гизь-бизь, дизь-бизь* отражают онома-топозитическое восприятие формулы «гизь-гизь гораньбй».

Возвращаясь к теме взаимосвязи двух рассматриваемых игр, отметим, что в коми традициях игра в жмурки также могла сопровождаться различными текстами. Приведем в качестве примера прилузский вариант молодежной игры в жмурки *ыж кутасьны* (ловить овец). Игроку закрывают глаза и начинают говорить:

Ищи, ищи, ищи,	Ищи, ищи, ищи,
Карб мун, кблач вай,	В город иди, калачи принеси,
Ношуле мун, кбшель вай,	В Ношуль иди, кошель принеси,
Сибирб мун, шабур вай!	В Сибирь иди, шабур принеси.
(Потом начинает ловить) ³ .	

Более распространены диалоговые варианты, которые могут разрастаться в довольно развернутые тексты. Например: *Эм челядьблн ворсантор, самбй подросткббй периодса йбзлбн, «чиньчур» («сингурань»)* <...> *тані синкбртбда мортбс босьтасні и бергбдласны куйм пбв, сілысь юасьбмбн: кутшбм местаын чужбма, мый любитб: роч потан али яран потан, рочнянь али яраньянь, ид тупбсь али рудзег тупбсь, ачис мыйбн мбдб вбвсины: ош кыйисен али кбйин кыйисьбн,*

¹ Рассыхаев А.Н. К вопросу о взаимосвязи в коми фольклоре считалок с другими жанрами. С. 115.

² НА Коми НЦ. Ф.1. Оп.11. Д.289. Л.81, с. Часово Сыктывдинского р-на.

³ НА Коми НЦ. Ф.5. Оп.2. Д. 209а. Л.41, с. Летка Прилузского р-на.

¹ ФФ ИЯЛИ. А0611-5, с. Сергово Княжпогостского р-на.

² НМ РК. № 198. Л.246, с. Ужга Койгородского р-на.

кытче мбдб велбдчины, кутшом книгаяс пыдьдылб и с.в. (Подростковая игра «чинчур» <...> Человека с завязанными глазами поворачивают, крутят три раза, спрашивая у него: где родился, что любит: русскую колыбель или ненецкую, русский хлеб или ненецкий, ржаной хлеб или ячневый, кем собирается стать: охотником на медведей или на волков, чему собирается учиться, какие книги читает и т.д.)¹.

В плане дальнейшей самоорганизации коми фольклорной традиции интересен вариант игры с горошиной. Само слово *анькытш* возникает в рассматриваемых текстах в результате появления устойчивой фонетической ассоциации *чунькытш* 'кольцо' – *анькытш* 'горох'. Оно встречается во многих текстах, в том числе в вариантах игры с щепкой, например: все садились, один игрок отворачивался или закрывал глаза, другой игрок прятал в руки остальных щепку. Пели:

Гизь, гизь, гораньёй,	Гизь, гизь, гораней,
Пресвятая батюшки, матушки,	Пресвятая батюшки, матушки,
Свинечен, постолэн,	Свинечен, постолэн,
Анькитшэн, чунькитшэн.	Горохом, колечком
Код ордын чунькитш?	У кого кольцо?
Код ордын анькитш?	У кого горох?
Тупкалэй да тапкалэй.	Закрывают, накрывают.
(Если игрок отгадывал, то садился на его место) ² .	

Упоминание об игре с горошиной зафиксировано только один раз, и, вероятно, этот вариант возникает уже под воздействием самой песни в результате «адаптации» игры к тексту, играя *гизь, гизь, гораньёй*, в подол или в руки прятали колечко или горошинку. Кто кладет, тот и поет:

Гизь, гизь, гораньёй,	Гизь, гизь, гораней,
Пресвятая матушка,	Пресвятая матушка,
Пресвятая батюшка,	Пресвятой батюшка,
Чунькитш, анькитш,	Кольцо, горох,
Тупкалэй, тапкалэй.	Закрывают, накрывают.
Лок корсьны.	Иди искать.
(Второй человек искал) ³ .	

Однако здесь опять же стоит иметь в виду и символическую семантику гороха, горошины как семени, само вкладывание которого в передник сидящим девушкам может обыгрываться и в эротическом ключе⁴.

Возникший термин-неологизм *горань* вступает во взаимодействие с игровой терминологией. Прежде всего можно соотнести варианты этого названия игры в *жмурки*, каждый из которых связан с той или иной анаграмматической мотивировкой: *горань* > *синтём горань* букв. 'слепой горань' > *син горань* > *сингурань* (здесь возникает сближение к слову *гурань* 'банница'; кроме того, возможна ассоциация с *син гурань* 'глазная владина, глазица', актуализирующая мотив слепоты); *чуркань-горань*¹: здесь, с одной стороны, возникает соотнесенность с *кань* 'кошка' < *кошки-мышки* > *ворсны* 'играть в кошки-мышки', с другой – включает игровой термин *чур*, например *чур кутасьны* 'играть в жмурки' букв. 'чур ловить'², *чиньчур*³; здесь же в параллель к *чуркань* вариант *шыр кутасьны* 'жмурки' букв. 'ловить мышку'; этот вариант дает возможность для интерпретации других тождественных терминов: *ыж кутасьны*⁴ букв. 'ловить овцу', *кбч куталёмён ворсны* букв. 'ловить зайца'. Вариант *туту горань*⁵, вероятно, связан со словом *тутсыны* 'свистеть, гудеть' и включает в общую семантику акустический план игры: подача каких-либо звуковых сигналов (тот, кого ловят, звенит колокольчиком, хлопает в ладоши и т.п.) является обязательным условием игры в жмурки. Анаграмматическую связь с *горань* можно увидеть и в верхневьегодском (с. Воч) варианте *синтэм Егорен ворсны* букв. 'играть в слепого Егора' (*егорен-горанен*), хотя здесь не исключена и соотнесенность с конкретным лицом. Определенную звуко-символическую детерминанту можно отметить и для удорского термина (с. Глотова) *синтэм курёг* букв. 'слепая курица' (*курёг* – *гор/гур*), во всяком случае она могла послужить ключом для появления ассоциации с *сьлепёкур* скр. сс., *сьлепёта-курича* лет., *курёсьлеп* лет., *курешлеп* вв, 'куриная слепота' (ССКЗД 354), здесь же коми-язьвинское *слепота курочка* 'жмурки'.⁶ Отсюда же, вероятно, возник вариант *сьлепетаён ворсны*⁷ 'жмурки' букв. 'играть в слепоту'.

Что касается возникающих демонологических ассоциаций, то они нашли отражение в детской среде в виде варианта названия игры *бубуля* 'жмурки' при *бубуля* печ. скр. *бубуля* скр., *бубуна* сс., *буба* вв. (Бог.), сс., 'бука' (ССКЗД 28); здесь нельзя исключать и возможность фоносемантического перехода *горань* <--> *рамань*⁸ 'бука'. В демонологическом контексте необходимо отметить и то, что для старообрядческой среды с. Керчомья (Верхняя Вычегда), где бытовал термин *горань* как обозначение

¹ НМ РК. № 198. Л. 107об., Ижма.

² ФФ ИЯЛИ. В1254-14, с. Носим Усть-Куломского р-на.

³ ФФ ИЯЛИ В1259-30, с. Носим Усть-Куломского р-на.

⁴ Ср.: в представлении коми-пермяков о зачатии: «женщина чувствует момент зачатия – «кыдз анькытш тусь пырб» (как будто горошина входит) (Nalimov V.P. Kansatieteellisiä kirjoituksia ja muistiinpanoja syrjääneistä. Venäjäksi. (1908) // Архив Финно-Угорского общества. Хельсинки. – Suomalais-Ugrilainen Seura. 1.40. S.203. Материалы В.П. Налимова, с. Архангельское, коми-пермяки).

¹ Жилина Т.И., Бараксанов Г.Г. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. М., 1971. С. 227.

² Жилина Т.И. Лузско-летский диалект коми языка. М., 1985. С. 262.

³ НМ РК. № 198. Л. 108, с. Ижма.

⁴ Жилина Т.И. Лузско-летский диалект коми языка. С. 262.

⁵ Жилина Т.И., Бараксанов Г.Г. Указ. соч. С. 225.

⁶ Лыткин И.В. Коми-язьвинский диалект. М., 1961. С. 183.

⁷ Сорвачева В.А., Безносикова Л.М. Удорский диалект коми языка. М., 1990. С. 240.

⁸ НМ РК. № 200. Л. 321.

ние рождественских игрищ, эта ассоциативная соотнесенность игрищ с нечистым, бесовским вполне могла восприниматься как исконная: «Христос по петас славитны, а дявол по горянясьны» – мамъяс вёлы шубны, горянясьны модан ко («Христос, – говорят, – выходит славить, а дявол игрища играть»), – наши матери говорили так, если на игрища собираешься¹. Здесь важно отметить, что появление подобных демонологических мотивировок для игровой терминологии оказывается не столь уж и случайным и, в принципе, заложено в семантике самой игры. Типологически подобную мифопоэтизацию можно увидеть в марийском игровом термине *шзрава*, означающем игровую прелюдию – жеребьевку, выбор водящего. Этот термин восходит к слову *жорава*, *журава* – диалектное название святочного подблюдного гадания типа жеребьевки. Слова *шзрава* (мар.), *журава*, *жорава* (рус., белорус.) можно считать производными от лексемы *жребий*, *жеребьевка*. Но в марийской традиции возникла квазизимологическая интерпретация этого заимствования. *Шерава* связывается со словами *шер* 'кольцо' и *ава* 'мать'. Т.е. *шерава* – это некая персонификация – «мать кольца», к которой, как в гадании, обращаются с вопросом при жеребьевке².

Горань как локальное название рождественских игрищ тоже получило дальнейшее развитие. Так, в рамках народной этимологии *горань* может быть объяснено и как составное слово из *гор* 'звук, голос' и *ань* 'женщина'. В этом русле возникло в свое время название самодеятельного коллектива с. Грива «Гора аньяс» (звонкоголосые, голосистые женщины), визитной карточкой которого долгое время был показ фрагментов из традиционного репертуара *горань*.

В завершение отметим, что в этой традиции зафиксирована еще одна анаграмматическая связь *горань* – *горка*, возникшая, вероятно, в связи с трансформацией собственно молодежных игрищ во всеобщее, массовое игровое действо: *В «горань» играли все, кто есть на празднике: и молодые, и бабушки, и дедушки. «Горань» называлось у нас, как «горка» в Усть-Цильме, у каждого по-своему*³. Отметим, что в традиции с. Гривы такой возрастной сдвиг произошел достаточно давно, и уже в 1929 г. В.И. Лыткин отметил, что «в горань играют бабы во время Рождества: поют, пляшут, платки свои в потолок выбрасывают»⁴.

Таким образом, перед нами возникает достаточно пестрая картина взаимодействия микро- и макроуровней традиции, объединяющая множество спонтанных вариантов адаптации иноязычного элемента. В результате освоения заимствованного фольклорного текста, связанного с игрой, зачинная строка сворачивается в формулу-термин «гораньысь ворсны».

¹ ФФ ИЯЛИ. А1202-7, с. Керчомья Усть-Куломского р-на.

² *Большакова М.* Народные подвижные детские игры: к проблеме национального // Тезисы докладов Международной финно-угорской студенческой конференции IFUSO XIX. Сыктывкар, 2003. С. 9.

³ ФФ ИЯЛИ. В1606-29, д. Завраг Койгородского р-на.

⁴ НМ РК. №180. Л.226, с. Койгородок.

На лексическом уровне реализуется исконная морфологическая модель, под которую трансформируется иноязычное слово. В результате этого возникает ряд абсолютно случайных паронимических ассоциаций, многие из которых перерастают в квазизимологические мотивировки: *горань* – *гурань* 'банница', *горань* – *син гуран* 'глазная впадина, глазница', актуализирующие мотив слепоты, *горань* – *гор ань* 'стряпуха', *горань* – *гора Ань* 'громкоголосая женщина', *горань* – *горка*. Все эти ассоциации определенным образом сказываются на игровой традиции в целом. Новый игровой термин *горань* вступает во взаимодействие с синонимичной игровой терминологией. На следующем уровне игровой термин трансформируется в обозначение всего игрищечного комплекса – *гораньясьны*. На макроуровне культурного текста *горань* уже становится неким инвариантным обозначением традиции (*горань* – *горка*). Таким образом, в результате спонтанного освоения инновации возникает организованный по фрактальному принципу (в результате самоповторов) интертекст, по вертикали соединяющий несколько уровней традиции.

М.В. Пименова
(Владимир)

Развитие выражения эстетической оценки

Необходимо отметить, что развитие выражения эстетической оценки (то есть значений 'красота', 'красивый', 'красиво', 'украсить') происходит не по прямой линии (от дескриптивного к оценочному), как полагает ряд исследователей¹, а по спирали, причем вначале спираль-пружина сжата до плоского состояния в слове-синкрете², которое нерасчлененно содержит в себе абстрактный образ-символ, дескриптивный и аксиологический компоненты значения (*краса* – 'жизнь, ее возобновление и поддержание': огонь, красота, молодость, веселье, блеск, свежесть; *свѣтъ* – 'цветение жизни': красота, любовь, веселье; 'святость': истинность, праведность, миропорядок). Затем происходит осуществляющаяся параллельно со сменой отдельных фаз в развитии мышления трансформация семантического синкретизма, приводящая к растяжению семантической «пружины» и к сужению-конкретизации синкретичного значения одновременно с расширением его лексического выражения при помощи

¹ *Шрамм А.Н.* Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка). Л., 1979. С. 127; *Петрова З.М.* Развитие лексического состава русского языка XVIII в.: Имена прилагательные: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1983. С. 36; *Чернякова Т.А.* Закономерности формирования и развития оценочного значения (на материале имен прилагательных) // Славянская филология: имя и глагол в исторической перспективе / Научн. тр. Т. 558. Рига, 1991. С. 74.

² *Колесов В.В.* Семантический синкретизм как категория языка // Вестник ЛГУ. Сер. 2. 1991. Вып. 2. № 9. С. 40-49.

минимальных единиц древнерусского текста – этимологических фигур / *figura etymologica* (*красотою украситъ, золотом золотитъ, светлый свет*); словосочетаний с постоянными эпитетами (*красна девица, добрый молодец, синее море*); парных именовании (*красота и лѣпота, радость и веселье, краса-баса*); традиционных сравнительных оборотов (*свѣтѣяще ся яко сълнце, аки дивии звѣри*), причем часть подобных единиц, закрепляясь за тем или иным объектом, теряет дескриптивный компонент значения и выражает оценку, соответствующую ценностной ориентации данного социума.

Наш анализ показал, что выражение положительного / отрицательно-го отношения субъекта оценки к ценности, которое выдается за признак оцениваемого объекта с точки зрения существующего в донациональную эпоху представления о красоте-безобразии, осуществляется в древнерусском тексте на **синтагматическом уровне**, во-первых, при помощи включающих синкретичные единицы устойчивых синтагм (типа *взоромъ красны / худи, зпатыя / худыя ризы, личная красота / худость, отроки красныя, лѣпъ зѣло, (паче) всѣх краснѣша, поле красно, красота тѣла, красота несказанна, добротою сяюще, украси ю' иконами, украшена каменемъ драгимъ, учинено красно, доброта увядает и др.*). Во-вторых, путем использования содержащих синтагмы эстетической оценки функционально-семантических единиц текста – словесных рядов: а) **описания**, основанного на перечислении эстетичных / неэстетичных постоянных признаков объекта оценки; б) **повествования**, представляющего действия и состояния, соответствующие / несоответствующие эстетическому идеалу; в) **толкования**, оценивающего внутреннюю сущность одушевленного / неодушевленного объекта путем идентификации с мелиоративным / пейоративным внешним обликом объекта-эталопа; г) **синкретичных словесных рядов**, отличающихся нерасчлененностью функционально-семантических единиц текста (описания и повествования, описания и толкования, повествования и толкования, описания, повествования и толкования), которые в отдельных случаях преобразуются в современный нам функционально-семантический тип речи – **рассуждение**¹.

Восстановленная по памятникам, редакциям и спискам различных периодов история развития связанных с выражением эстетической оценки устойчивых единиц (базирующихся на библейских текстах, греческих источниках, народных причетах, фольклорных постоянных эпитетах, древнерусских повестях, житиях, панегириках, «авторских» произведениях) демонстрирует связанные с общими тенденциями упорядочения в тексте элементов языка основные изменения исходной единицы (экстенсивность / интенсивность формы выражения, языковая модификация – увеличение / уменьшение протяженности, варьирование на всех

языковых уровнях), которые приводят к постепенной трансформации формы выражения и / или синкретичного значения выражающей эстетическую оценку единицы¹.

Процесс трансформации (формы выражения и / или синкретичного значения) в свою очередь способствует тому, что за отдельным производным словом как вариантом этимона-инварианта, образованным при помощи словосложения (прилаг. *краснолицыи, великолѣпныи, бѣлообразныи, доброзраченъ, благокрасныи, благовидный, доброшумныи, добробесѣдныи, благовонныи, благооуханьныи, благозвучныи, свѣтозрачныи, свѣтлошумныи, бѣлоризныи*; сущ. *красогласование, добровидѣнье, доброгласие, добровонство, благолѣпие, благозлагодание, свѣтлоукрашение*; глаг. *доброянати, благооухати, благозлагодати*; нареч. *благообразнѣ, благовонно, благооуханно*) и аффиксации (прилаг. *красивъ, прѣкрасныи, нелѣпыи*; сущ. *оукрашение, преоукрашение, безкрасие, некрасота, красьба*; глаг. *украшати, преоукрашати, освѣтляти, освѣщати, усвѣтити, обѣлтити, обѣлтити, убѣлтитися*; нареч. *преоукрашено, великолѣпнѣ*), постепенно закрепляется тот или иной компонент первоначально синкретичного значения, поэтому данные производные единицы выражают начиная с XIV-XV вв. значения эстетической оценки признаков предмета (явления, процесса, состояния), воспринимаемых различными органами чувств (зрительно, на слух, при помощи обоняния) вне контекста, т.е. не только на синтагматическом, но и на **эпидигматическом уровне**, причем особое развитие выражение эстетической оценки на эпидигматическом уровне приобретает в XVI-XVII вв.

Формирование выражения эстетической оценки на **парадигматическом уровне** завершается лишь в XVIII-XIX вв. В современный период происходит фиксируемое материалами словарей сокращение выражающих эстетическую оценку в донациональный период производных слов, которые включаются только в периферийные зоны современного семантического поля эстетической оценки (в словарях данные лексические единицы приводятся с пометами «устаревшее» и / или «книжное»). Например: *благолепие* 'величественная красота'; *благовидный* 'миловидный'; *благообразный* 'имеющий приятную внешность'; *благовоние, благовонный, благоухание, благоуханный, благоухать* 'аромат', 'ароматный, душистый', 'приятно пахнуть'; *благозвучный, благозвучие* 'приятный слуху'; *великолепие, великолеплный, великолепно* 'роскошь, блестящая, пышная красота', 'роскошный, пышный, блестящий'; *благой* (обл.) 'некрасивый, неприятный'; *зловоние* 'дурной, отвратительный запах, вонь', *зловонный* 'издающий зловоние, пропитанный зловонием' (БАС 1: 484; 3: 84-85; МАС 1: 94, 553-555; Ушаков 1: 148, 244, 726-728, 1102; Ожегов 49, 68, 155, 214).

¹ Подробнее см.: Пименова М.В. *Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.; Владимир, 2007. С. 91-133.

¹ Там же. С. 137-208.

У ядерных единиц современного семантического поля эстетической оценки аксиологическое значение сформировалось только в национальную эпоху, причем мелиоративная эстетическая оценка выражается словами, восходящими к этимону с пейоративной коннотацией. Например: *прелестный, обольстительный, соблазнительный* (от *лесть, блазн* 'обман, хитрость'), *очаровательный, чарующий, обворожительный, обаятельный* (от чары 'колдовство', *ворожить* 'колдовать', *баять* 'заговаривать'), *притягательный, привлекательный, восхитительный, пленительный* (от *тягать, волочь* 'тащить', *-хитить* 'хватать, похищать', *плен* 'добыча, ограбление') (Фасмер 1: 140, 345, 353; 3: 97, 278, 358, 703; 4: 139, 239, 317).

Роль семантического инварианта современного семантического поля эстетической оценки играет гипероним *красивый*, который является положительной степенью к прилагательному *прекрасный* ('очень красивый'), причем *красивый* в современном русском языке может оценивать объект не только с эстетической, но и с этической точки зрения ('хороший в нравственном отношении' – *красивый поступок*), кроме того, *красивый* может выступать не только в мелиоративном, но и в пейоративном значении ('внешне блестящий, эффектный, но бессодержательный' – *красивые фразы, красивые слова*)¹, т.е. семантика первоначально однозначного производного слова демонстрирует оценочную энантиосемию и аксиологическую слитность значений, проявляя семантический синкретизм на новом уровне развития языка.

Кроме того, синкретизм присутствует, например, в устойчивых сочетаниях с прилагательным *красный* (как традиционных, так и «советских») – *Красная площадь, красная рыба, красный товар, красная строка, Красная Армия, красный уголок, орден Красного знамени, красная доска* 'Доска почета' *красный сват* 'агитатор-коммунист' (Новосиб., Сиб.); *красная яранга / красная юрта* 'клуб, дом культуры' (Иркут.); *красный поп* 'атеист-пропагандист' (Моск.)². Как отмечает Р.А. Будагов, «с современной точки зрения обнаруживается движение от переносного значения (*красный* 'красивый') к значению буквальному (*красный* 'красный цвет'), а от буквального – к новому, гораздо более емкому переносному значению (*красный* – символ революционности)»³, которое сформировалось из цветового значения путем семантической деривации под влиянием заимствованного через французский язык в кон. XVIII – нач. XIX вв. специального терминологического значения 'революционный'

(ср.: *drapeau rouge* > *rouge* – *красное знамя* > *красный*)¹. В последние десятилетия у значения 'революционный' знак оценки меняется на противоположный, поэтому *красный* в русском языке начинают употреблять в сочетании с цветообозначением *коричневый* ('коричневорубашечник, фашист') как составную часть сложного прилагательного в пейоративном оценочном значении («*красно-коричневые* – фашиствующие сторонники коммунистического режима») (Ожегов, Шведова 303).

Последние примеры подтверждают тот факт, что история семантического синкретизма не заканчивается его трансформацией в донациональный период, поскольку в соответствии со «спиралеобразным» движением языка, мышления и сознания в XIX–XXI вв. вновь наблюдается тенденция (но уже на новом «витке» истории, на новом уровне развития) к нерасчлененному объединению представлений и понятий.

А.Р. Попова
(Орел)

Диалектные субстантивно-адъективные фразеологические единицы с соматизмом *рука*

Одним из путей развития лексической единицы в языке (и прежде всего развития семантического) является реализация ее способности к участию в создании качественно более сложных единиц другого уровня – фразеологизмов. Наряду с утратой «словных» признаков у лексемы, получившей новый статус – статус компонента ФЕ, происходит и ее семантическое обогащение за счет тех связей и ассоциаций, которые сыграли свою роль при образовании фразеологизма. Внутренняя форма ФЕ нередко показывает раскрытие семантического потенциала находящихся в ее составе лексем: само соединение компонентов в составе ФЕ (иногда нелогичное, абсурдное) отражает существующую в сознании человека взаимосвязь тех или иных предметов и явлений действительности, при этом актуальным оказывается не только сочетание компонентов внутри ФЕ, но и средство создания ее внутренней формы (метафорическое или метонимическое переосмысление, закрепившийся за словом нетипичный эпитет, ставшее устойчивым сравнение и др.).

Лексема *рука* обладает в национальном языке чрезвычайной фразеобразовательной активностью: в целом при ее участии образовано более тысячи ФЕ, разнообразных по структурным и семантическим особенностям. Материалом настоящей статьи послужили фразеологизмы, созданные на базе словосочетаний, в которых компонент *рука / руки* в именительном падеже имеет при себе определение, выраженное прила-

¹ Климова Л.И. Полярная эмоциональная оценка в пределах одного слова // Герценовские чтения: Научн. докл. / ЛГПИ им. А.И. Герцена. 1975. Т. 28. С. 87.

² Иссерлин Е.М. История слова *красный* // Русский язык в школе. 1951. № 3. С. 85-89; Андреева-Васина Н.И. Прилагательное *красный* в русских народных говорах (материалы к характеристике функционирования слова) // Диалектная лексика: 1975 / Под ред. Ф.П. Сороколетова. Л., 1978. С. 115-120.

³ Будагов Р.А. Что такое развитие и совершенствование языка? М., 2004. С. 58.

¹ Брагина А.А. Лексика языка и культура страны: Изучение лексики в лингвострановедческом аспекте. М., 1986. С. 89-91.

гательным. Представляет интерес, во-первых, набор определений при лексеме *рука* и, во-вторых, семантика самих ФЕ, которые могут обозначать как часть тела, так и ряд других (несоматических) объектов.

Существительное *рука* является полисемантом, а наличие у слова полисемии положительно, как известно, влияет на фразеобразовательную продуктивность. Анализируемые ФЕ, содержащие компонент *рука / руки* и компонент-определение, соотносятся с различными значениями слова *рука*.

Максимальную сохранность значения стержневого слова-компонента обнаруживают ФЕ – наименования руки, соотносимые с соматическим значением слова *рука*: 'одна из верхних конечностей человека как орудие деятельности, труда' (БАС 12: 1531). ФЕ с соответствующими значениями указывают на значимые признаки данной части тела при выполнении работы: так, оценивается степень владения рукой, ср. ФЕ *рабочая рука* 'такая, которой человек владеет лучше, чем другой' и *ленивая рука* 'такая, которой человек владеет хуже, чем другой' (КСОГ¹). Внутри этих фразеологизмов, близких к терминам, явно наблюдается противопоставление компонентов *рабочая – ленивая*. Слово *ленивый* в литературном языке обозначает внутреннее, психологическое качество, в ФЕ же компонент *ленивая* подчеркивает качество только физическое. В литературном языке нет противопоставления *рабочая / ленивая* по отношению к рукам (руки обозначаются как правая/левая, а степень владения каждой рукой передается описательно: 'та, которой человек лучше/хуже владеет'). ФЕ *изъянная рука* представляет собой не только наименование, но и характеристику руки как орудия труда: *изъянная рука* 'ловкая рука' Петерб. (СРНГ 12:178). Интересно, что прилагательное *изъянный* содержит негативную коннотацию в своих значениях, относящихся к различным говорам: *изъянный* 'имеющий недостатки' Калуж.; 'порченный' Даль; 'убыточный' Даль (СРНГ 12:178), в рамках же ФЕ происходит диаметрально противоположное переосмысление стержневого компонента. Негативная характеристика рук имеет место в жаргонной ФЕ *кудрявые руки* 'о неловких, слабых руках'², причем лексема *кудрявый* также не отмечена в соответствующем значении, имеющем негативную коннотацию. Понятно, что любой труд, в том числе и ручной, координируется мышлением, и субъектом труда выступают не руки, а сам человек, однако же во фразеологизмах подчеркивается, что руки как бы живут своей, трудовой жизнью, ср., например, *золотые руки* 'о чьих-л. искусных, умелых руках' (БАС 4:1320).

Фразеологизмов с компонентом *рука*, обозначающих собственно руку, очень немного, в том числе и в анализируемой группе ФЕ; большинство

фразеологизмов, содержащих компонент *рука / руки* и определение-прилагательное, являются наименованиями и (или) характеристиками человека, причем набор критериев для данных характеристик довольно велик. Актуальность такого средства создания внутренней формы ФЕ с компонентом *рука*, как метонимический перенос, объясняется тем, что способность к подобному обозначению человека заложена в самой лексеме *рука*: ряд ее значений образован при помощи метонимического переноса ('рабочая сила, рабочие', 'о человеке, лице (обычно в сочетании с каким-л. определением) как обладателя, владельце чего-л.', 'о влиятельном, имеющем власть человеке, способном защитить, оказать поддержку, покровительство, содействие' (БАС 12:1535, 1536, 1538) и др.

Человек оценивается по способности владения правой/левой рукой, ср. *чёртова рука* 'левша' (КСОГ). Подобного наименования «правши» не обнаружено, очевидно, потому, что владение правой рукой лучше, чем левой, является нормой; наличие компонента-прилагательного *чёртова* с негативной оценкой отражает существующую в народном сознании оппозицию «правый – левый», в которой с правой стороны ассоциируются позитивные либо более значимые, предпочтительные объекты: так, противопоставление *правый / левый* может выражать семантические противопоставления: *мужской / женский, свой, близкий / чужой, далекий*¹.

При помощи руки оценивается физическая сила человека, ср. *тяжелая рука* 'о том, кто больно бьет, наносит сильные удары' (ФСРЛЯ 2:202), *мёртвая рука* 'обладающий сильным ударом человек' (КСОГ).

Основная функция руки – труд, деятельность, именно поэтому человек характеризуется как работник через его собственные руки. Причем успешность выполнения работы объясняется не только умением и желанием трудиться, но и не зависящими от человека качествами – присущей ему удачливостью, везением, особенностями энергетики и т.п. По этому признаку противопоставлены ФЕ, обозначающие человека, которому сопутствует успех в его делах (*счастливая рука* у кого 'кому-л. всегда везёт, кто-л. удачлив в своих начинаниях' (ФСРЛЯ 2:202), *лёгкая рука; рука легка* 'кто-л. удачлив, легко справляется с чем-л.; приносит успех какому-л. делу, начинанию' (ФВРР 603² и др.), *простая рука* 'легкая рука', Дон. (СРНГ 32:248)); и ФЕ, обозначающие человека, чьи начинания не удаются или кто приносит неудачу (*мёртвая рука* 'человек, у которого не растут растения, цветы из-за особенностей его энергетики' (КСОГ), *тяжёлая рука; рука тяжёлая* 'о том, кто приносит неудачу' (БТС 1132) || 'о человеке, который может принести несчастье, болезнь кому-л., сглазить кого-л.' (КСОГ)). В данных ФЕ явно ощущается и противопоставление компонентов-прилагательных: *счастливей, лёгкий, про-*

¹ Здесь и далее в тексте: Картотека «Словаря орловских говоров». Материалы хранятся на кафедре русского языка Орловского государственного университета.

² Максимов Б.Б. Фильтры базар: Словарь молодежного жаргона г. Магнитогорска. Магнитогорск, 2002. С. 211.

¹ Евстихьева Л.Ю. Изоморфизм структур обряда и обрядовой песни // Слово 1: Сб. науч. работ, посвященных 20-летию Тамбовской лингвистической школы. Тамбов, 1996. С. 185-186.

² Здесь и далее в тексте: Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. М., 2001.

стой 'пустой, ничем не заполненный' (СРНГ 32:245), последнее частично связано по семантике со словом *легкий* – и *тяжелый, мертвый*. Рука человека – как бы своеобразный «проводник» энергии человека, распространяемой на окружающий мир при контакте с его объектами.

Компонент-прилагательное при существительном *рука* может указывать и на моральное качество человека: *чистая рука* 'тот, кто честен' (СРГК 5:579), ср. ФЕ иной структуры *на руку нечистый / нечист* (БАС 7:1271). В говорах существуют и субстантивно-адъективные ФЕ, обозначающие вороватого человека, напр., *простая рука* 'о нечистом на руку человеке' Дон. (СРНГ 32:248). Выбор именно этого компонента-прилагательного не случаен: сопоставление двух понятий «простой» и «вор» отмечается в выражении *Простота хуже воровства*. Значимым для производимой руками деятельности является размер рук: *большая рука* 'о нечестном, вороватом человеке' (СППП 66¹), *долгая рука* 'о вороватом, нечистом на руку человеке' Омск. (СРНГ 35:239).

Определением может быть выражена склонность человека к какому-то действию, напр., *рука горькая* 'о сильно пьющем человеке' Пск. (СРНГ 35:244), очевидно, человек охарактеризован через признак того, что он пьет, ср. *пить горькую* (ФСРЯ 118).

Метонимическое обозначение человека осуществляется и при помощи ФЕ с компонентом множественного числа *руки*, который замещает понятие «человек»: руки – парные симметричные органы, их функции совпадают, при этом многие действия выполняются не одной, а обеими руками, поэтому две руки и осознаются как целое.

Трудовая деятельность – средство реализации способностей и умений человека, она являет собой благодатную почву для разнообразных оценок и характеристик. Поскольку труд, как правило, осуществляется обеими руками, лицо как субъект деятельности именуется и характеризует целый ряд ФЕ с компонентом *руки*, имеющим разнообразные определения. Положительную оценку человека как искусного работника содержит единственная ФЕ соответствующей структуры – *золотые руки* 'кто-л. обладает способностями, умением искусно выполнять какую-л. работу; очень хорошо сделать все, за что ни возьмется' (ФВРР 616). Отрицательной характеристикой обладает целый ряд диалектных ФЕ, образно объясняющих «причину» неумения, неловкости в выполнении работы человеком: *пришивные руки* 'о неловком, неумелом, нерасторопном человеке' (СППП 67), *пакулы руки (пальцы)* 'о том, кто не умеет работать' Мурман. (СРНГ 25:161), *гороховые руки* 'о неловком, неумелом или сделавшем что-л. неправильно, неаккуратно человеке' (СППП 67), *дырявые руки* 'о неумелом, неуклюжем человеке, у которого все валится из рук'²,

¹ Здесь и далее в тексте: Словарь псковских пословиц и поговорок / Сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. СПб., 2001.

² Квеселевич Д.И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. М., 2003. С. 750.

руки коротки 'о человеке, не имеющем достаточно умения, навыков в каком-л. деле'¹.

Субстантивно-адъективные ФЕ также негативно оценивают человека, склонного к воровству. Склонность к воровству является психическим качеством, присутствующим у человека наряду с жадностью: *руки грабущие* 'кто-л. падох до чужого, жаден' (СППП 66), завистливостью: *глаза завидущие, руки загребущие* 'о завистливом, алчном, корыстном человеке' (БСРЭС 109²). При выражении указанного значения оказывается актуальной и "длина" рук: *руки долги* 'кто-либо склонен к воровству, может взять без спросу, присвоить чужое'³, *руки длинные* 'о вороватом, нечистом на руку человеке' Моск. (СРНГ 35:240). Некоторые ФЕ, называющие вора, имеют в своей структуре компонент-прилагательное, содержащее негативную коннотацию, напр., *серяны руки* 'о человеке, склонном к воровству' (СРГК 5:579). Интересен образ, положенный в основу ФЕ *липучие руки* 'о вороватом человеке' Смол. (СРНГ 17:59): объекты воровства словно бы «прилипают» к рукам вора.

Лексема *рука* в метонимическом значении 'только мн. рабочая сила, рабочие' (БАС 12:1535) употребляется в ФЕ, именующих человека как работника: *заобихожие руки* 'рабочие руки в семье' (ЯОС 4:90), *рабочие руки* 'рабочие; рабочая сила' (ФСРЛЯ 2:205), *служащие руки*⁴, *деловые руки* 'намеченный покупатель'⁵.

Как известно, одна из функций руки человека – служить средством измерения чего-либо: при помощи рук измеряется расстояние, с рукой сопоставляются предметы действительности, наконец, рука и ее отдельные части сами используются как единицы измерения. Мерой служит и способность руки захватывать и удерживать определенное количество чего-либо, ср. *полны руки 'много'*⁶; *Ближутся праздники, а у меня работы полны руки*. Эст.ССР (СРНГ 3:21). Помимо конкретных линейных мер, как свидетельствуют ФЕ, с помощью рук «измеряется» и абстрактное понятие – власть. В русском языке существуют фразеологизмы, так или иначе воплощающие большую / меньшую, достаточную / недостаточную для чего-либо степень власти, имеющуюся у человека, напр., *коротки / короткие руки; руки коротки* у кого 'у кого-л. нет достаточной власти, возможности, права сделать что-л.' (Ушаков 3:1398).

¹ Фразеологический словарь русских говоров Сибири / Под ред. А.И. Федорова. Новосибирск 1983. С. 169.

² Здесь и далее в тексте: Химик В.В. Большой словарь разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004.

³ Кобелева И.А. Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми. Сыктывкар, 2004. С. 214.

⁴ Бердникова Т.А. Семантическая фразеология как отражение наивных представлений о человеческом теле // Вопросы русского языкознания. Вып. X. Архангельские говоры: Словообразование. Лексика. Семантика. М., 2003. С. 91.

⁵ Елистратов В.С. Язык старой Москвы. Лингвострангициклопедический словарь. М., 1997. С. 138.

⁶ Бердникова Т.А. Указ. соч. С. 91.

Связь руки с властью, влиянием представлена уже в самой семантической структуре слова *рука*. Так, данное существительное имеет переносные значения 'символ власти, владычества' (БАС 12:1537), 'о влиятельном, имеющем власть человеке, способном защитить, оказать поддержку, покровительство, содействие' (там же). Эти значения отразились в ФЕ с компонентами-определениями: *сильная (твёрдая) рука* 'о диктаторской, авторитарной форме правления (обычно о сталинской диктатуре)' (Ушаков 551), *сильная рука* 'влиятельный покровитель' (ФСРЯ 396). Как видим, происходит проекция физических возможностей руки на возможности человека, обладающего властью, и речь идет уже не о физических возможностях, а об обусловленных занимаемым положением.

Высокая должность влиятельного лица образно передается через параметр «размер руки»: *большая рука* 'влиятельный, значительный по своему положению человек' (ФСРЯ 396); *длинные руки; руки (пальцы) длинные/длинные (долги / долги)* 'кто-л. обладающий властью, силой, большим влиянием использует свои возможности в собственных интересах, преследуя, карая, угнетая' (ФВРР 615); *долгая рука* 'о ком-л., имеющем большую власть, влияние' (СРНП 1:183). Данные ФЕ отражают и позитивную, и негативную оценку человека в зависимости от целей использования им собственной власти.

Иная, с определенной точки зрения «нелогичная», характеристика влиятельного лица содержится в ФЕ *волосатая (мохнатая) рука (лапа)* 'у кого важное знакомство, большие связи, надежное покровительство' (БСРЭС 289): прилагательные *волосатый, мохнатый*, а также возможность лексического варьирования *рука / лапа* вызывают ассоциацию с конечностью животного, тем самым косвенно указывая на размер и силу «руки» и, возможно, на неодобрение человека, обладающего такой поддержкой, покровительством.

Некоторые ФЕ с компонентом *рука* не соотносятся по семантике ни с одним значением данного слова; причиной тому является наличие у компонента *рука* «собственного значения компонента», которое удастся установить путем «единичного перевода» и которое не укладывается в систему значений¹ исследуемого полисеманта *рука*. Так, путем «единичного перевода» определяются особые, условно вычленяемые значения компонента *рука*, например, в субстантивно-атрибутивной ФЕ *простая рука* 'простонародье': *Он из простой руки. Это так в простой руке водится*. Перм. (СРНГ 32:248), где компонент *рука* получает значение «социальный класс», чем и объясняется его сочетаемость с прилагательным *простой* в значении «принадлежащий к непривилегированному классу, сословию» (БАС 11:1336).

¹ Жуков В.П. Являются ли компоненты фразеологизма словами? // Юбилейная науч.-метод. конф. северо-западного зонального объединения кафедр русского языка. Л., 1969. С. 64.

Как показывает анализируемый материал, в формировании субстантивно-адъективных ФЕ с компонентом *рука* участвуют прилагательные всех трех разрядов: большей частью качественные, значительно реже, единично – относительные и притяжательные. Наиболее распространены компоненты – полные прилагательные, краткие формы отмечаются всего в трех ФЕ (*серяны руки, полны руки, руки коротки*). Состав компонентов-прилагательных в описываемых ФЕ богат и разнообразен: в основу ФЕ положены образы размера рук (при обозначении человека вороватого или обладающего властью), «веса» рук (при наименовании удачливого / неудачливого человека), чистых / грязных рук (при обозначении человека с определенными моральными качествами), функционального назначения рук (при наименовании человека как работника), используются и прилагательные, называющие психические свойства (*ленивый*), эмоциональные состояния (*счастливый*), тактильные ощущения (*липуций*). Нередко генетическими прообразами ФЕ являются словосочетания с нереальной сочетаемостью: *кудрявые руки, рука горькая, гороховые руки, пришивные руки, дырявые руки* и др. В целом же организация в единую ФЕ соматизма *рука* и ряда прилагательных указывает на стремление человека к антропоморфному именованию, характеристике и описанию окружающего мира, к поиску всё новых признаков, в том числе и неявных, ассоциативных.

Е.В. Прокуратова
(Сыктывкар)

Повесть о царских близнецах в каргопольской рукописной традиции

Повесть о царских близнецах (Повесть о царице и львице) – оригинальная русская трактовка известного западноевропейского сюжета о скитаниях невинно оклеветанной царицы, подвигах ее сыновей и воспитании одного из них львицей. Повесть восходит к переведенному с польского рыцарскому роману – Повести об Оттоне, цесаре римском и его цесаревиче Олунде¹. Повесть о царице и львице, оформившись в XVII в., получила широкое распространение в русской рукописной традиции и завоевала особую популярность среди последователей старообрядчества, включаясь старообрядческими книжниками в состав разнообразных сборников четвьею направленности.

В настоящее время известно несколько изданий текста Повести о царице и львице. Впервые интерес к произведению был проявлен иссле-

¹ Чалкова Т.Ф. О структуре и жанровой специфике Повести о царице и львице // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С.98-113.

дователями XIX в.: можно выделить публикацию П. Рыбникова¹, лубочные издания Белянкина (1847 г.) и Сытина (1900 г.), которые, по замечанию О.А. Державиной, не отвечают современным требованиям издания текстов². Научные издания Повести о царице и львице подготовлены Т.Ф. Чалковой³, ей также принадлежит публикация Повести в редакционной обработке известного усть-цилемского старообрядческого книжника XIX в. И.С. Мяндина⁴.

Отметим, что Повесть о царице и львице стоит в одном ряду с переводными и оригинальными произведениями XVII в., объединенными между собой образом невинно оклеветанной героини (Повесть о царевне Персике, Повесть о купце, заложившемся о добродетели своей жены). Переводная повесть XVII в. под пером древнерусских книжников сближается с произведениями агиографических жанров, и прежде всего с переводными житиями XI-XIII вв., наличием общей сюжетной модели: герои-супруги проходят через разлуку, страдания, но сохраняют друг другу верность (Сказание о Евстафии Плакиде, Житие Андронника и жены его Афанасии). Этот тип сюжета сложился задолго до зарождения литературы и известен в своей первичной мифологической форме: это мифы об умирающих и воскресающих божествах плодородия, которые разлучаются, претерпевают временную смерть и вновь соединяются (мифы об Осирисе, Адонисе)⁵.

Объединяет эти произведения и устойчивая система персонажей, а также элементы агиографической стилистики, с одной стороны, и занимательный сюжет – с другой. Повествование произведений развивается по следующей сюжетной схеме: герои живут в счастливом браке; по наговорам злых людей (мачехи, свекрови, завистников) муж подозревает жену в измене и изгоняет из дому; невинно оклеветанная героиня, претерпев ряд злоключений, силой божественной помощи избегает смерти; герои встречаются и восстанавливают утраченное супружество.

В настоящее время известно более 250 списков Повести о царице и львице, большинство из которых представляют собой стабильный текст, относящийся к основной редакции⁶. Повесть нередко представлена в составе поздних рукописных сборников севернорусских старообрядцев,

¹ Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. СПб., 1867. Т. 4. С. 182-202.

² Державина О.А. Задачи изучения переводной повести и драматургии XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 240.

³ Повесть о царице и львице / Подгот. текста и коммент. Т.Ф. Чалковой // БЛДР. СПб., 2006. Т. 15. С. 377-389; Повесть о царице и львице // ПЛДР. XVII в. Книга первая. М., 1988. С. 427-441.

⁴ Чалкова Т.Ф. Повесть о царице и львице в обработке И.С. Мяндина // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России / Отв. ред. Е.К. Ромодановская. Новосибирск, 1987. С. 234-248.

⁵ См.: Полякова С.В. Византийские легенды как литературное явление // Византийские легенды. Л., 1972. С.249.

⁶ Чалкова Т.Ф. О структуре и жанровой специфике Повести о царице и львице. С. 100.

написанных в XIX-XX вв.¹ Один из списков повести, названный старообрядческим книжником «Повестью о царских близнецах»², был обнаружен нами в составе рукописного сборника конца XIX-XX вв. в фондах Каргопольского историко-архитектурного и художественного музея³. Данный список можно отнести к основной, наиболее распространенной редакции памятника.

Рукопись с текстом «Повести о царских близнецах» бытовала на территории Каргопольского района Архангельской области среди последователей «старой веры». Помимо рассматриваемого текста в сборник включены известные древнерусские сочинения учительного характера: «Слово душеполезно о милостливом человеце, иже по вся дни милостыню творяше», выписанное из Хронографа, слова и поучения из Пролога о покаянии, странноприимстве, сочинения об антихристе Ефрема Сирина. В рукописи имеются владельческие и читательские записи, одна из которых принадлежит последнему владельцу книги, передавшему ее на хранение в фонды КИАХМ, – Анину Николаю Федоровичу, каргопольскому краеведу, собирателю и хранителю предметов быта и книг, бытовавших в среде каргопольских старообрядцев. На форзаце верхней крышки читаем запись, выполненную гражданской скорописью: «Из книг Анина Николая Федоровича». Другая запись указывает на имя еще одного владельца книги – Василия Васильевича: «Сия книга Василий Васильевич» (л. 207 об.).

Встречаясь в составе рукописных сборников, Повесть о царице и львице, сохраняя достаточно стабильный текст, нередко получает различные названия. Так, в сборнике из собрания КИАХМ текст назван По-

¹ См., например: БАН. 38.5.32 (конец XVII в.), БАН. Карг. собор., 101 (XVIII в.); ОРК НБ СыктГУ. Гагар.р.-12 (конец XVIII в.); ОРК НБ СыктГУ. Гагар.р.-21. (вторая четверть XIX в.); ГПБ, НСРК. 1959. Ф. 905. № 33 (серед. XIX в.); ИРЛИ. УЦ-66 (третья четверть XIX в.).

² КИАХМ р.-68. Сборник. XIX (кон.) – XX (нач.). 8°. 208 л. Бумага русская машинная. Штмпель: «Фабрика наследников Сумкина». Полуустав нескольких почерков: 1) л. 1-40 об., 59-204 об., 2) 43-58 об., 3) 150-156 об. Киноварь в заголовках и инициалах. Вязь – л. 21. Буквицы – л. 21, буквицы с тонкими киноварными инициалами – л. 157, 158, 161 об., 163, 179 об., 187, 195, 196 об., 198, 201, 201 об., 204 об. Заставки по-морского стиля – л. 21. Нумерация страниц кириллическими буквами в правых нижних углах. Переплет картонный, обклеен цветной бумагой с рисунком, корешок тряпичный, остатки одной заставки. Текст Повести о царице и львице представлен на листах 108–148 об.

³ О каргопольской рукописной традиции см.: Прокуратова Е.В. К вопросу о формировании и развитии книгописной культуры Каргополя // Историческое и культурное наследие Русского Севера. Проблемы изучения, сохранения и использования / Под ред. Н.И. Решетникова, И.И. Онучиной. Каргополь, 2006. С. 305-314. Научное описание рукописных сборников Каргопольского музея было проведено в рамках исследовательского проекта РГНФ «Старообрядческая книгописная традиция Каргополя: проблемы научного описания и изучения письменных источников Каргопольского историко-архитектурного и художественного музея» (№ 05-04-48406 а/С) (А.Н. Власов, Е.В. Прокуратова, О.Б. Пригодина, А.И. Васкул).

вестью о царских близнецах, поскольку существенную часть повествования занимает рассказ о приключениях и подвигах царских сыновей, восходящих к рыцарскому роману¹.

Повесть о царице и львице отразила в себе черты средневековой дидактической литературы, которая в своей основе имела дуалистические представления об устройстве мира, построенном на единоборстве добра и зла. Повесть имеет весьма интригующий сюжет, и в то же время древнерусский автор изобразил своих персонажей в соответствии со стилистикой русской традиции: муж и жена – это герои-праведники. Герои повести не пытаются противостоять сложившимся обстоятельствам, но возлагают все свои надежды на Бога, к которому возносят многочисленные молитвы, занимающие существенную часть повествования, что сближает повесть с агиографической литературой. При характеристике героев используются трафаретные стилистические формулы: «царь благочестив и славен зело», «жена благочестива и доброравна, быше бо образом лепа», «вѣлми любяще ю», «живяста же оба вкупеѣ во страстѣ Божии по закону».

Практически все герои повести – абсолютно положительные персонажи: они добродетельны и праведны – благочестив и благороден царь, добронравна царица, богобоязненны и милостивы жители страны. Единственным персонажем, действующим по «вражьему научению», является образ матери царя – «лукавой» и «злокозненной», решившей погубить невестку и опорочить ее перед царем и подданными: «Мати же царева, завиствуйа на царицу, невестку свою ... И не любяше ю мати царева, свѣкра ея, и мысляше всегда во умѣ своем навѣсти на ню пакость и печашесе о том» (л. 108-108 об.).²

Особое внимание автор повествования уделяет изображению главной героини – царицы, наделяемой всевозможными добродетелями. Она ведет благочестивую супружескую жизнь, постится, очутившись в темнице в результате наговоров свекрови, непрестанно молится со слезами Христу и Богородице: «... и обретоша царицу ниць лѣжащу пред образомъ Господнимъ, молящая со слѣзами, истомлену зѣло от поста и печали» (л. 114).

Давая характеристику царицы во время пребывания в доме благочестивого мужа, давшего приют царице и ее сыну, автор делает акцент на таких ее добродетелях, как постничество и любовь к книгам, к текстам Писания: царица «доброзрачна, в речах искусна», бьяше бо сама

¹ Можно отметить и другие списки повести, представленные в рукописных сборниках севернорусских старообрядцев: Повесть о царе Василии и о жене его Феодоре, и о матери его Елене – ОРК НБ СыктГУ. Гагар.р.-12. Л. 130-144 об. (конец XVIII в.); Повесть выписана от римских летописцев из книги Звезды пресветлые – ОРК НБ СыктГУ. Гагар.р.21. Л. 105 об.–151 (вторая четверть XIX в.); Повесть вельми чудна, како невинная царица избавися от оклеветания свекрови своей – ИРЛИ. УЦ-66 л. 304-335 об. (третья четверть XIX в.).

² Цитаты приведены по списку КИАХМ р.-68. в тексте в скобках.

хитра божественным книгамъ и всякому доброму навикновению» (л. 123-123 об.), «увидевъ ю всегда постящуюся и молящуюся Богу, и о всяком блазе прилѣжашу, и сына своего тому же научающу, и никогда же слыша от нея пустошныя глаголы» (л. 123 об.) Книголюбие героиня уделяет особое внимание, обучая этому своего сына: «и изучила сына своего Божественному Писанию и всякому доброму навикновению и искусству» (л. 123 об.).

В повести имеются попытки изображения внутреннего мира героев, характерного приема поздней древнерусской литературной традиции. Царь, поверив наговорам своей матери, не дожидаясь конца церковной службы, бежит в царские палаты, где застаёт слугу рядом со спящей царицей: «Царь же слышав сия словеса от матери своей, ужасень бысть во изумлении, не дождався конца молебная пѣние, скоро поиде из церкви з ближними своими к царице в палату. И пришедъ внезапну и видѣ у нея раба своего ближняго, лѣжаща на одре без гащъ, и наполнися ярости, и ударивъ его мечемъ, и сердце пронзе» (л. 112-112 об.). В тексте повести присутствует описание внутреннего состояния царицы – ощущение неловкости и стыда: «Царица же всего сущу не ведуще ничто же, выскочив во ужасе велице и трепете, аще бы мощно, дабы в земле скрылася, да не мощно» (л. 113).

Повесть пронизана особой эмоциональностью, которая присуща главным персонажам (царю и царице) и второстепенным действующим лицам – вельможам и боярам, окружающим царя, народу. Герои непрестанно проливают слезы, произносят пространные речи, царица обращается с многочисленными молитвами к Христу и Богородице, оплакивая свою судьбу. Переживания героев, их эмоциональное состояние передаются трафаретными стилистическими формулами: «Царь же, в размышлении быв, и плакася сам и видѣ горкий плач в народѣ» (л.119 об.), Царица же ... крычавши горко со слѣзами, плачуци в жалости сердца» (л. 121 об.), «Она же паде ..., плакашемся, едва от радости не умре. ... Наполнися радости великия» (л. 146 об.).

Обращаясь к вопросу о популярности данного текста среди севернорусских крестьян-старообрядцев, можно выделить ряд тем, мотивов и образов, присутствующих в данном повествовании. Прежде всего, это тема праведного царства и его правителей – мудрых и благочестивых. Отметим также и мотив сохранения целомудрия и верности героев в разлуке. Царь, разлученный со своей супругой, ведет праведную жизнь. Он говорит сыновьям: «Никогда же не возвесилихся, но утроба моя не возвеселится, болезнует сего ради царицы, супружницы моя, бяху того ради, но, (...) Бог свидетель, не оскверних во дни тѣла своего блудом» (л. 145 об.). Ярко заявлена в тексте повести и тема воздаяния за труды и страдания, претерпеваемые героями повести. Главная героиня силой Божественной помощи восстанавливает утраченное супружество, обретает потерянного сына и счастливую семейную жизнь. В Повести затра-

гивается еще одна тема, весьма актуальная для старообрядцев, – тема странноприимства и милостыни, которая заявлена при изображении «благочестивого мужа», приютившего у себя царицу с сыном: «...Приять же их той муж с радостию и покояше и с чадомъ ея, велию честь воздавая имъ» (л. 123). В конце повести «благочестивый муж» получает вознаграждение от царя.

Итак, по всей видимости, севернорусских старообрядцев, включавших Повесть о царице и львице в состав рукописных сборников, привлекали в данном повествовательном тексте, с одной стороны, занимательная направленность, попытка изображения человеческих чувств, семейных взаимоотношений, с другой – нравоучительность сочинения, затрагивающего важные для христианина темы супружеского целомудрия, покорности воле Бога и долготерпения.

Е.А. Пюльзю
(Петрозаводск)

Метафорическая лексика в новгородских говорах

Исследование языковой метафоры позволяет определить отношение человека к себе, миру, словотворчеству, а также проследить процесс создания переносного значения, понять идею номинации того или иного объекта действительности. В настоящей работе по материалам «Новгородского областного словаря»¹ проводится мотивационный анализ различной лексики, относящейся к тесно взаимосвязанным семантическим полям «Человек» и «Окружающий мир».

В лексике новгородских говоров наблюдаются разные виды метафоризации, выделить которые помогает описание образных слов по вспомогательному субъекту сравнения, предполагающее построение семантических моделей, выявление исходного значения лексем и ядерных мотивационных признаков.

В семантической сфере «Человек» метафора может формироваться посредством признаков, извлекаемых из физических черт, действий человека (антропоморфная метафора), внешнего облика и поведения животных (зооморфная метафора), свойств предметов (предметная метафора).

По модели «действие человека → человек» строится переносное значение лексем *жмѡда* (Новг. Валд., Ок., Под., Сол., Ст.), *жмѡдень* (Валд.), *жмѡтик* (Мош., Тихв.), *жмѡя* (Ок.), *жмудѡла* (Новг.) 'жадный человек'². Мотиватором служит семантика глагола *жать* 'давить, стиски-

¹ Новгородский областной словарь / Отв. ред. В.П. Строгова. Вып. 1-13. Новгород, 1992-2000.

² Сокращения географических названий соответствуют данным Новгородского областного словаря. В статье лексемы приводятся без указания номера выпуска и страницы.

вать; прижимать'. В основе метафоричности лексемы *лѡползень* 'медлительный, ленивый человек' (Мст.) находится потенциальный признак 'замедленное действие', содержащийся во вспомогательном субъекте сравнения 'передвигаться по поверхности всем телом', выраженном глаголом *ползти*.

Семантическая модель «физическая черта человека → внутреннее качество человека» отражена в производном значении адъектива *тѣмнокрѡвый* 'злой, вредный человек' (Оп.), ср. исходное значение 'с тѣмным цветом лица, смуглый' (Мал., Новг.).

Метафорический перенос «насекомое → человек» наблюдается в семантике слов *сверчѡк* 'человек маленького роста' (Бор.), *гѡведь* 'маленькие дети' (Люб.). Мотивационным является признак 'маленький', входящий в исходные значения, ср. *сверчѡк* 'прямокрылое насекомое, издающее стрекочущие звуки', *гѡведь* 'насекомые-паразиты' (Хв., Люб., Мал., Новг.).

Для ласкательного наименования детей используется лексика с прямым значением 'птица': *галченѣночек* 'о ребенке' (Мош.), *ластинѣнок* 'маленький ребенок' (Оп.). Перенос «птица → человек» происходит и в словах, характеризующих взрослого человека: *журавль* 'высокий, тонкий человек' (Пест.), *журавли задѣумчивые* 'о смирных людях' (Пест.).

Тип переноса «действие животного → человек» отражается в семантике слова *тявкало* 'тот, кто говорит много и попусту' (Кр.), которая формируется на двух ступенях метафорической словообразовательной мотивации. На первом этапе на базе глагола *тявкать* 'отрывисто лаять' образуется *тявкать* с просторечным значением 'браниться, кричать'. На втором этапе появляется субстантив *тявкало* 'тот, кто говорит много и попусту'. В основе метафорического значения лежит признак 'звук, издаваемый животным'.

Лексика новгородских говоров указывает на сравнение человека с каким-либо предметом. Понятие «предмет» отождествляется с понятием «вещи», «объекта материального мира», «предмета быта»¹. Для наименования высокого, долговязого парня используется слово *гантѡй* (Ст., Валд.). Мотиватором выступают первичные значения лексемы *гантѡй* 'шнурок или тесемочка для нательного креста' (Мал., Ст., Бор., Валд., Вол., Кр., Люб., Новг., Ок., Под., Полав., Хв., Чуд.), 'тряпочка для заплетания в косу вместо ленты' (Дем., Новг., Под.), 'пояс, кушачок' (Дем., Кр., Парф.). Исходный и результирующий денотаты объединяет ядерная сема 'длинный'. Человека маленького роста называют *сапожѡк* (Сол., Хв.). В основе метафорической мотивации лежит признак 'маленький'. Уменьшительный суффикс *-ок-* в слове *сапожѡк* также вносит в переносное значение дополнительный семантический оттенок 'маленький'. Лексема *баржѡна* (Бор.) обозначает неуклюжую, толстую женщину. Вспомогательным субъектом сравнения служит прямое значение суб-

¹ Спяревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб., 2004. С. 74.

стантива *баржа* 'грузовое судно, обычно плоскодонное'. Суффикс *-ин-* усиливает отрицательную коннотацию. Для именованя крепкого, здорового ребёнка употребляется лексема *окомёлок* (Ок.). Исходным денотатом является семантика слова *кóмель* 'прилегающая к корню часть дерева', которая связана с основным субъектом сравнения 'крепкий, здоровый ребёнок' с помощью мотивационного признака 'крепкий'.

Богатством метафорической лексики отличается семантическая сфера «**Окружающий мир**». Главная черта группы слов, отражающих характеристику предметов действительности, заключается в том, что один ядерный мотивационный признак может распространяться на значения слов из разных семантических сфер. В центре внимания находятся такие типы метафор, как антропоморфная, зооморфная, предметная, географическая.

Предметная лексика часто используется для обозначения объектов окружающего мира, природных явлений, земельных и лесных угодий, абстракций. В основе вторичной номинации может лежать сходство по форме. Так, созвездие Ориона называют *грабелями*: «*Вот палка идёт, и столько-то тут вот грабелек, звёзды как грабельки*» (Ст.). Слово *кóвшик* (Залуч.) служит для наименования созвездия Большой Медведицы. Месяц напоминает диалектоносителю серп, что отражается в метафоре *серпóк* 'месяц, луна в начальной или последней фазе' (Мош.).

Нередко микропонимы отражают сравнение поляна с предметами определенной формы, ср.: *Барабан* 'поле на горке, которая имеет форму барабана' (Дем.), *Сковоро́дка* 'поляна круглой формы в лесу у д. Алешино' (Бор.). Наричательная лексика также используется для номинации земельных, лесных угодий: *пря́ничек* 'небольшой участок земли, напоминающий прямоугольник, пряник' (Дем.), *о́кно* 'не заросший мхом, травой участок водоёма, болота' (Полав., Мош., Бор.).

Отвлеченное понятие в говорах путем метафоризации конкретизируется. Например, фразеологический оборот *чёрна грязь* (Ст.) обозначает трудное время.

Антропоморфная метафора основана на сравнении животных, растений, природных явлений, материальных предметов с человеком. Благодаря олицетворению они наделяются даром речи, способностью мыслить, чувствовать и совершать действия, свойственные человеку¹. Так, красивую, яркой окраски бабочку называют *ба́рыней* (Дем.); вид комнатного цветка с розовыми цветами, фуксию, – словом *де́вочка* (Новг.). Метафорический перенос «физическая черта человека → предмет природы» наблюдается в семантике лексем *плешевина* 'незасеянное место в поле' (Мал.), *нос* 'часть суши, вдающаяся в озеро, реку; мыс' (Хв., Шим., Кр., Бор., Вол., Залуч., Мош., Новг.). В переносном значении лексемы

¹ Москвин В.П. Русская метафора. Семантическая, структурная, функциональная классификация. Волгоград, 1997. С. 21.

пáсынок 'жердь, подпирающая стог сена' (Новг.) сохраняется ядерный мотивационный компонент 'отдельный'.

Примером зооморфной метафоры, где вспомогательным субъектом сравнения выступает животное, служит микропоним *Блóхи* 'топкое место с мелким лесом подле реки' (Новг.). В основе мотивации, видимо, лежит признак 'мелкий'. Устойчивое сочетание *петухóв грéбень* (Мал., Ст.) используется для именованя домашнего декоративного растения, цветы которого напоминают гребень петуха.

Большой интерес с точки зрения изучения этапов сложного процесса метафоризации представляет слово *грóхот* 'большая корзина' (Дем.), 'редкая корзина для просеивания рыбы' (Новг.), о древней семантике которого пишет Л.Я. Петрова¹. Ср. однокоренные лексемы: *грох* 'большое решето для просеивания зерна' пенз., *грóхот* 'широкая, плетеная из дранок корзина с редким дном для просеивания плохо провеянного на гумне зерна' арх., *грóхать* 'просеивать зерно, мякину через большое решето' яросл. (СРНГ 7: 153-154). Лексема *грóхот* в указанных выше значениях, вероятно, является производной от глагола **groxati*, имеющего звукоподражательное происхождение (ЭССЯ 7: 135).

Имена собственные, перешедшие в разряд нарицательных, также характеризуют мировосприятие человека². Приём вторичной («иносказательной») номинации посредством онимов с метафорическими, или символическими, значениями распространен не только в территориальных диалектах, но и в разговорной речи, жаргонах, в языке художественной литературы и публицистики³. В новгородских говорах бытуют следующие микропонимы с общим семантическим признаком 'отдаленный': *Сахалín* 'покос, расположенный очень далеко от деревни' (Пест.), *Сибíрь* 'отдаленный участок земли' (Новг.), *Камча́тка* 'самый дальний участок сенокосной земли' (Дем.).

Метафорическая лексика новгородских говоров отражает многообразие семантических переносов, свидетельствующее об особенностях русской языковой картины мира.

¹ Петрова Л.Я. К проблеме определения значений слов предметно-бытовой лексики в областных словарях (на примере названий корзин в псковских и новгородских говорах) // Псковские говоры (Псковский областной словарь и актуальные проблемы региональной лексикографии). Псков, 2001. С. 168.

² Березович Е.Л. «Чужие земли» в зеркале русской диалектной лексики // Проблемы современной русской диалектологии: Тезисы докладов Междунар. конф. / Отв. ред. Л.Л. Касаткин. М., 2004. С. 11-13.

³ Отин Е. Словарь коннотативных собственных имен. М.; Донецк, 2006. С. 11.

Д.А. Романов
(Тула)

Диалектная, просторечная и архаическая лексика в языке рассказа Л.Н. Толстого «Метель»¹

Своим рассказом «Метель» (1856 г.) Толстой в определенном смысле продолжает пушкинскую традицию. Название, повторяющее заголовок одной из «Повестей Белкина», едва ли случайно. Традиция, которую подхватывает Толстой, состоит в особой лиричности повествования. Но пушкинской событийной динамики в рассказе Толстого нет.

Ранний Толстой принципиально антиновеллистичен и антиромантичен. Зато он прекрасно прорабатывает все реальные жизненные детали. Эту черту можно условно назвать этнографизацией сюжета. Читатель многое узнает о новочеркасской земле, об укладе жизни и о нелегкой работе ямщиков и почтарей Земли войска Донского, об упряжи и конском снаряжении вообще, о колокольцах и т.д.

В этот период своего творчества молодой Толстой активно познавал непривычную сторону жизни и сознательно отказывался от ее романтизации и героизации. Следуя за Пушкиным, он вместе с тем представлял пушкинские сюжеты в ином (без украшательств и вымысла) ракурсе. В таком же аспекте Толстой переработал сюжет пушкинских «Цыган» в одной из своих первых крупных повестей «Казачи» (1863 г.). Толстой не спорил с Пушкиным, – он, сознательно сопоставляя сюжеты, подчеркивал этим широту жизни, возможность ее иного видения: пусть более приземленного, корневое, но не менее лирического.

Значительную роль в создании этнографического стиля «Метели» играют языковые вкрапления диалектного и просторечного характера. Они становятся главными чертами художественного своеобразия рассказа.

Диалектный языковой материал «Метели» неоднороден по своему составу. Как минимум, сюда входят территориальные черты тульских и донских говоров. Тульские говоры знакомы Толстому от рождения: первые 9 лет жизни Толстой провел в Ясной Поляне, в 1847–1851 гг. вернулся сюда после Казани, а с 1862 г. жил здесь с семьей постоянно.

Использование донских диалектов обусловлено местом действия рассказа «Метель». Толстой был знаком с особенностями казачьей речи по военной службе, которая началась в станице Старогладковской (Земля Терского казачьего войска). Хотя собственно в Земле войска Донского Толстой не служил (сначала был на Северном Кавказе, затем в Дунайской армии и Крыму), но проезжал он через эти места не однажды. Замысел «Метели» как раз и возник у Толстого 24 января 1854 г., когда, возвращаясь с Кавказа в Ясную Поляну и уже имея назначение в дейст-

вующую армию в Бухарест, он оказался в донской степи пленником снежного бурана. В дневнике 22–27 января 1854 г. Толстой записал: «Был в дороге. 24-го в Белгородцевской [Станица Земли войска Донского – Д.Р.], 100 верст от Черкаска, плутал целую ночь. И мне пришла мысль написать рассказ «Метель»...»¹.

Кроме того, распространение самых южных русских говоров на сопредельные территории было закономерным, поэтому казаки Терского войска, среди которых Толстой жил почти 3 года, говорили по-южнорусски. Таким образом, диалектная лексика рассказа «Метель» отражает разные варианты южнорусского наречия, известные молодому Толстому по речи обитателей тех районов страны, куда приводил его жизненный путь.

Рассмотрим диалектизмы, извлеченные методом сквозной выборки из рассказа Л.Н. Толстого. Начнем с лексических диалектизмов.

«... вишь, какая поземная расходится: ничего дороги не видать» [6]². *Позёмная* – субстантивированная форма от сочетания *поземная метель*, 'поземка'. СРНГ не фиксирует этого слова в субстантивированном употреблении. В донских говорах, по данным СРНГ, это слово не отмечено, следовательно, Толстой использовал его, опираясь на лексический состав центральных переходных говоров.

«Господи-батюшка! Вишь, несет какая кура!» [7]. *Кура* 'вьюга, метель' Тул., Ряз., Брян., Смол., Калуж., Ворон., Симб., Влад., Кубан., Ставроп., Дон., Сиб., Том. // 'пурга, буран' Тул., Рязан., Орл., Даль. Курск., северные и центральные обл., Сиб. // 'поземка' Орл., Тул. // 'падающий хлопьями снег; снегопад' Курск., Орл., Брян., Калуж. // 'непрерывно падающий снег' Костром., Орл., Курск. (СРНГ 16: 107).

Как показывает СРНГ, на Дону слово *кура* многозначно. Помимо семантики, связанной со снегопадом, оно имеет значение 'вихрь, сильный ветер с пылью', что впервые было отмечено А.И. Соболевским. Значит, по сравнению с говорами Центральной России, в донских областях это слово было более распространено и чаще употреблялось (применительно не только к зимнему, но и к летнему пейзажу).

«... заметь низовая все усиливалась...» [8]. *Заметь* – многозначное слово, имеющее довольно широкое распространение в говорах русского языка. Самое частотное значение – 'метель, поземка'. Это слово представлено в орловских, курских, тверских, брянских и воронежских говорах (СРНГ 10: 254). Кроме того, слово имеет следующие значения: 'очень мелкий снег' – в северных, 'снежный сугроб' – в новгородских и 'начало метели' – в воронежских говорах. Донскими говорами это слово не зафиксировано. Очевидно, Толстой использовал слово курско-

¹ Работа выполнена в рамках проекта № 08-04-18006^е, финансируемого Российским гуманитарным научным фондом.

¹ Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 20 т. М., 1960–1965. Т. 19. С. 131.

² Здесь и далее в квадратных скобках при цитировании рассказа указывается номер страницы по следующему источнику: Толстой Л.Н. Метель. Рассказы и повесть. Тула, 1980.

орловской диалектной зоны, граничащей с родными ему тульскими говорами.

Приведенные выше собственно лексические диалектизмы можно объединить в семантическую группу «Пурга». Следующие лексемы из выборки разнородны по семантике.

«*Стало, ворочаться? – повторил ящик. – Да, да, ворочайся!*» [8]. В форме *ворочаться* диалектными словарями лексема не зафиксирована, но глагол *ворочать* приведен в СРНГ со значением 'возвращать, заставлять, просить вернуться', а в иллюстративном материале приводятся и его возвратные формы (СРНГ 5: 126-127). Слово употребляется в тверских, пермских и смоленских говорах. БАС квалифицирует *ворочаться* как устарелую и просторечную форму, отмеченную еще в «Словаре Академии Российской» 1789 г. (БАС 3: 149).

«*Анадысь так-то в заметь обратные с той станции поехали...*» [8]. *Анадысь* – фонетический вариант (с протезой гласного [а]) от диалектизма *надысь* со значением 'на днях, недавно'. Это одно из самых распространенных диалектных слов (СРНГ 19: 259), которое встречается в том числе в тульских и терских говорах, хорошо известных Л.Н. Толстому из личного языкового опыта.

«... *гонит дуром*» [16], «*Что кружишь дуром?*» [18]. *Дуром* 1. 'поглупому, без всякой пользы, попусту, необдуманно, как попало' Орл., Тамб., Дон., Сарат., Яросл., Тул., Смол. 2. 'напролом, одурело, без оглядки' Вят., Влад., Сарат., Урал. (СРНГ 8: 272). Слово широко распространено по говорам русского языка и имеет разветвленную структуру значений: помимо используемых в рассказе, отметим значения 'бесцеремонно, нахально'; 'шутя, в шутку, зря'; 'необычайно сильно'.

«... *сделав себе из армяка затишку, сидели двое и не переставая курили трубочку...*» [17]. *Затишка* 1. 'безветрие, затишье', 2. 'тихое место, закрытое от ветра и дождя' (СРНГ 11: 194). Очевидно, что в тексте реализовано второе значение, с которым, по данным СРНГ, слово зафиксировано в станции Наурская Терской казачьей области. Там его мог слышать Толстой и, отметив оригинальность слова, взять его на заметку как этнографическую деталь. Можно точно утверждать, что Толстой воспринимал это слово как экзотическое, не характерное ни для литературного языка, ни для хорошо знакомых писателю диалектов, потому что в тексте данное слово выделено курсивом. В говорах у слова имеются варианты (*затишек, затишок* и др.), тульский вариант мужского рода *затишек*, вероятно, Толстому не был известен.

«... *как зашлись ноги: ажно не согреешь...*» [38]. *Ажно* 'даже, так что', зона распространения этого слова чрезвычайно обширная. В тульских говорах отмечен акцентный вариант *ажно* (СРНГ 1: 210-211).

«*В одну минутую*», – отвечал *Игнашка, соскакивая с облупка...*» [46]. *Минутая* – очевидно, субстантивированная форма, восходящая к прилагательному *минутый*. А.И. Соболевским зафиксировано прилагательное *минутый* в сочетании *минутый часок* 'очень короткий отрезок

времени', распространено в олонечких говорах (СРНГ 18: 170). Вполне вероятно, что форма *минутая* входит в состав фразеологизма в *одну минутую*, являющегося диалектным вариантом фразеологизма в *одну минуту*.

В тексте встречаются и другие устойчивые словосочетания местной локализации. Например: «*Ге-гей! Что горло-то дерешь, Игнат! – слышался голос советчика. – Постой на час*» [37]. Современными диалектными фразеологическими словарями единица *постой на час* не зафиксирована, однако южнорусским, в частности донским, говорам она известна. Глагол здесь может варьироваться (*выйти на час* и т.д.). Этот фразеологизм употребляется в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон». Семантика «на короткое время» у предложно-падежной формы *на час* зафиксирована В.И. Далем (Даль 4: 1290).

В языке рассказа «Метель» можно отметить некоторое количество грамматических диалектизмов. Вот самые яркие из них.

«... *это вовсе наши кочевья, которые позадь станицы*» [38]. *Позадь* – слово, употребляемое в диалектах как наречие и как предлог (второе значение реализовано в приведенном выше примере) (СРНГ 28: 308). Форма *позадь* представляет собой словообразовательную разновидность грамматических диалектизмов с нулевой суффиксацией (ср. литературное *позади*). В словарях литературного языка слово зафиксировано как устарелое и областное (МАС 3: 237).

«*Первое дело, как побежишь за саньми...*» [35]. Форма творительного падежа множественного числа *саньми* включает в свой морфемный состав «застывшую» в отдельных диалектах флексию *-ми* древнего типа склонения на **i*. Эта морфологическая черта свойственна отдельным говорам Тульского региона.

В рассказе «Метель» достаточно много просторечных форм. Их присутствие – одна из основополагающих черт художественного стиля произведения. Задача Толстого состояла не только в том, чтобы писать о народе народным языком, но и в том, чтобы оставаться верным правде жизни, не приукрашивая при этом и речь повествователя. Толстой не стилизует язык рассказа, а, следуя этнографическому принципу, создает повествовательную ткань «живым языком». Просторечие встречается здесь как в репликах героев (ямщиков и самого путешественника), так и в языке авторского повествования.

Отметим отдельные просторечные черты в области фонетики.

«... [*воробей*] *весело чиликнув, вылетел из клумбы*» [24]; «... *ехать бы можно, кабы кульер али что, по своей воле*» [8]. *Чиликнуть, кульер* соотносятся с литературными *чирикнуть* и *курьер*. В этих формах происходит дистантная (межслоговая) диссимилиция регрессивного характера. В слове *кульер* расподобляются плавные дрожащие [p'] и [p]. В слове *чиликнуть* расподобляются смычные [p'] и [k], при этом смычный дрожащий [p'] в предшествующем слоге меняется на щелевой боковой [l'].

Аналогичный фонетический процесс диссимилиации (только уже не межслоговой, а внутрислоговой) находим в слове *пошта*. «*Пошта бежит*», – *сказал мой ямщик...*» [10]: аффриката [ч'] заменяется щелевым звуком [ш] под влиянием последующего взрывного [т]. Подобные явления свойственны как диалектам, так и просторечию, ср.: «диссимилиация более резко меняют фонетический облик языка и потому чаще встречаются в ненормированной речи (диалекты, просторечие, детская речь)»¹.

К фонетическим явлениям просторечия, отраженным в тексте рассказа «Метель», можно отнести вставку (эпентезу) гласного звука, упрощающую произношение группы согласных звуков литературной формы. Например, «... *косматая лошадь спотыкнулась раза два...*» [36]: в консонантную группу [ткн] вставляется гласный [ы]. МАС определяет вариант *спотыкнуться* в сравнении со *споткнуться* как разговорный (МАС 4: 230).

Явление утраты (дизрезы) гласного в просторечии отражает форма *перебуться*: «*Перебуться надо; а то вовсе ноги заморозил*», – *отвечал Игнашка*» [43]. Литературное сочетание гласных –*ео-* (*перебуться*) воспринимается народным языковым сознанием как зияние и в разговорных формах утрачивает второй гласный, подравниваясь под двузвучные открытые слоги этого слова: [п'ь-р'и'-бу-ць].

Язык рассказа изобилует многочисленными грамматическими формами просторечия, отражающими хорошее знание Толстым языка русских людей низших сословий. Перечислить все подобные формы невозможно, поэтому отметим наиболее показательные: формы повелительного наклонения с нулевым суффиксом: «... *старичок кричит: «Подь-ка посмотри!»*» [41]; редуцированные (усеченные) формы местоимений 3 лица в винительном падеже: «*А кто е разберет, где?»* [34]; редуцированные формы модальных слов глагольного происхождения с отпадением одного или нескольких конечных звуков: «*Может, и к калмыкам заехали*» [34]; «*Вот едем, можь, и выедем...*» [34]²; модальная глагольная форма *знамо/незнамо*: «*Есть-то есть, кочевье видать... да незнамо какое*» [38]; наращенная суффиксальная форма наречия *очень*: «... *кульеры очень звери...*» [14]; приставочные народно-поэтические производные от глаголов: «*Он бы и ноги-то посогрел*» [37].

Промежуточное положение между диалектами и просторечием занимают некоторые наречия и существительные, отмеченные в языке рассказа «Метель». Точнее, они принадлежат одновременно и территориальным разновидностям, и просторечию языка.

«... *метет дюже*». *Дюже* 'очень, сильно, весьма' имеет фонетические варианты *дуже* и *дюжо*, зафиксировано в ярославских, вологодских, новгородских, орловских, пермских, тульских, донских, терских и мн. др.

¹ Реформатский А.А. Введение в языковедение. М., 1967. С. 205.

² Заметим, что подобные формы фиксирует (СРНГ 18: 200), но ареал их распространения чрезвычайно велик, поэтому правильнее считать их просторечными грамматическими формами.

говорах (СРНГ 8: 301-302). Как видим, слово в равной мере свойственно родным для Толстого тульским говорам, говорам терского казачества и донским говорам, на фоне которых происходит действие рассказа. Это весьма распространенное диалектное слово, которое получило статус общеязыкового просторечия, зафиксировано с пометой «просторечное, областное» в (БАС 5: 492).

«*Курьерская тройка крупных лошадей с охотничьим колокольчиком шибко бежала впереди*» [12]. *Шибко* 'скоро, бойко, быстро' отмечено как просторечное производное от прилагательного *шибкий* 'скорый, быстрый' в (МАС 4: 714).

«... *народ здесь все ругатель*» [14]. *Ругатель* 'тот, кто постоянно ругается, любит ругаться' с пометой «разг.» отмечено в (МАС 3: 736). Форма является просторечной и в СРНГ не зафиксирована, однако следует обратить внимание на то, что отдельные южнорусские диалекты включают сходные образования, например *ругательник* (*ругательница*) 'тот, кто любит ругаться' (СРНГ 35: 230). Это слово встречается в воронежских говорах, но в основном его локализация северная и восточная – вятские, уральские, тобольские, иркутские говоры.

Текст толстовского рассказа отстоит от современной языковой ситуации более чем на 150 лет. Следовательно, определенная часть его лексики перешла в разряд агнонимов – редких (устаревших, малоупотребительных и т.п.) слов, малопонятных или совсем непонятных большинству носителей данного языка¹. Поскольку архаическая лексика несет в себе неповторимый колорит эпохи создания рассказа, укажем ряд агнонимов недиалектного характера, которые относятся в силу особенностей сюжета «Метели» к сфере обихода путешественников, быта постоянных дворов и трактиров той эпохи и в словарях подаются с пометой «устар.».

«*Я достаю погребец, потчую всех ромом...*» [40]: *погребец* 'дорожный ларец, сундучок для чайного, столового прибора и напитков' (МАС 3: 169).

«*Целовальник, должно быть, отставной казак, с полуштофом в руке, вышел из двери*» [46]: *целовальник* 'продавец вина в питейном заведении, трактире, кабаке' (МАС 4: 637), *полуштоф* 'бутылка, вмещающая половину штофа' (МАС 3: 276).

«*Ну, полуштофа!.. Косушку – уж так и быть*» [32]: *косушка* – полбутылки водки (МАС 2: 114).

Промежуточную зону между агнонимами и диалектизмами занимают слова, относящиеся к элементам конской упряжи и снаряжения в целом: все эти лексемы ныне устарели, в прошлом же часть из них имела территориальную локализацию.

«... *та же гнеденькая пристяжная ... с коротко подвязанным хвостом и вальком, изредка постукивающим о лубок саней*» [21].

¹ Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2008. С. 38.

Валёк – лексема, имеющая в словнике СРНГ 4 омонима, каждый из которых многозначен. Общее значение, актуализированное текстом рассказа, – «круглый длинный брусок из дерева или другого материала, имеющий различное применение». По отношению к конскому снаряжению в южных говорах данное слово обозначало «толстую палку, к которой прикрепляются постромки пристяжной лошади» (БАС 2: 319). Эту семантику слова *валёк* использует Толстой. В северо-восточных говорах *валёк* – ‘часть чуни (саней), служащий для соединения копыльев (брусков, вставленных в полозья и служащих опорой для кузова саней)’ Каргоп., Арх., Сев.-вост. край (СРНГ 4: 23).

Лубок – многозначное слово, ядро лексического значения которого – ‘внутренняя часть коры молодых листовых деревьев (преимущественно липы и березы) и часть такой коры’ (МАС 2: 203). Первая часть значения в СРНГ почти совпадает со смысловым ядром ‘пласт, кусок коры березы, берёста’ (Арх.). Слово имеет многочисленные варианты, в том числе с иным ударением, например, в карельских говорах *лубок* ‘сплошной кольцеобразный кусок берёсты’. В донских говорах *лубок* – ‘пасхальная игра, заключающаяся в катании яиц по лубяной дощечке с желобком’ (СРНГ 17: 172-173). Значение, которое реализуется в рассказе, не отмечено ни в СРНГ, ни в словарях литературного языка. Можно предположить, что *лубком* Толстой называет липовую доску сбоку саней, о которую и мог постукивать *валёк*. Видимо, такое значение бытовало в народе, от него отпочковался семантический вариант ‘липовая доска, на которой гравировались картинки для печатания’, а затем и само название картинок.

«*Игнашка ... поправлял шлею коренной...*» [35]: *шлея* ‘часть сбруи в виде ремня, идущего от хомута вокруг туловища лошади и поддерживаемого проходящими через спину поперечными ремнями’ (МАС 4: 723).

Лексическая палитра рассказа «Метель» достаточно наглядно показывает масштаб складывающегося реалистического метода Л.Н. Толстого. Эпический стиль, предполагавший синтез всех пластов современного писателю национального языка, характерен, таким образом, даже для произведений малых жанров. Здесь так же, как и в повестях 50-х гг., возникают «живые образы действительности, достигаемые не описанием, а именно сопряжением»¹ разных типов сознания, мышления, языка.

¹ Днепров В.Д. Изобразительная сила толстовской прозы // Днепров В.Д. Идеи времени и формы времени. Л., 1980. С. 194.

Диалектная лексика в севернорусской агиографии: некоторые аспекты проблемы

Агиографические памятники Русского Севера позднего средневековья, как считают исследователи, обладают специфической жанровой формой, которая свидетельствует о трансформации житийного канона и о преобразовании жития «в сюжетный рассказ»¹. О «народном», безыскусном языке севернорусских житий, которым агиограф без прикрас отражает окружающий мир, говорил И.С. Некрасов: «...писатель, который излагал древнерусское сказание языком народным, скорее всего, как зеркало, мог отразить действительность, потому что у него не было условных выражений, которыми бы он скрыл или затемнил свою мысль или приукрасил в силу своей начитанности»². Л.А. Дмитриев, анализируя жанровую форму севернорусских житий, отмечал, что им присуща «сюжетная повествовательность, отражение реальной жизни и конкретного быта»³. Жития такого рода становились «сказаниями и повестями местной литературы, активно читавшимися и переписывавшимися в среде местного населения»⁴.

Житие обязательно должно было включать рассказы о чудесах святого, «случавшихся как при его жизни, так и после смерти»⁵. Реалистичность и достоверность изложения в рассказах о чудесах святых отмечались еще в трудах XIX в. Ф.И. Буслаев писал: «В статьях о чудесах угодников иногда в замечательно ярких очерках выступает частная жизнь наших предков, с их привычками, душевными мыслями, с их бедами и страданиями»⁶. И. Яхонтов также считал, что «в чудесах отображается бытовая сторона народной жизни»⁷. Особое значение имеет раздел описаний чудес в агиографических произведениях Русского Севера, поскольку житийные чудеса, как подчеркивал Л.А. Дмитриев, «отличались близостью к реальной жизни, носили сюжетный характер»⁸.

¹ Дмитриев Л.А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII-XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. С. 6.

² Некрасов И. Зарождение национальной литературы в Северной Руси (о первичных редакциях жизнеописаний подвижников Северной Руси XV, XVI и XVII века). Одесса, 1870. Ч. 1. С. 4.

³ Дмитриев Л.А. Указ. соч. С. 7.

⁴ Там же. С. 270.

⁵ Там же. С. 6.

⁶ Буслаев Ф.И. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861. Стб. 736.

⁷ Яхонтов И. Жития св. севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881. С. 262.

⁸ Дмитриев Л.А. Указ. соч. С. 6.

Обыкновенно чудеса записывались от самих испытавших на себе чудо или же со слов очевидцев и свидетелей, поэтому «способом записывания чудес со слов рассказчика объясняется разнообразие их литературного изложения сравнительно с биографической частью жития»¹. В письменных свидетельствах о чудотворениях зачастую сохранялась форма записи от первого лица – форма документа, отражающая, насколько это было возможно, прямую речь говорящего, непосредственную передачу виденного и произошедших событий, местных топонимов и бытовых реалий, создавая тем самым правдоподобие происходящего. Таким образом в повествование о чудесах проникали не только местный северный колорит, бытовые зарисовки и детали, но и диалектные названия описываемых предметов и явлений.

В рамках данной статьи невозможно рассмотреть все диалектизмы, встречающиеся в севернорусских житиях, поэтому мы ограничились примерами наиболее типичных композиционно-тематических эпизодов, в описания которых, как правило, и включалась диалектная лексика.

Обратимся к тексту Жития Зосимы и Савватия Соловецких, широко известному на территории Русского Севера и бытующему в рукописно-книжной традиции в большом количестве списков². Диалектная лексика встречается в памятнике в эпизоде, посвященном выбору места для будущей обители³. В нем рассказывается о том, как монаху Зосиме, прибывшему вместе с Германом на Соловецкий остров, в чудесном видении явились луч света и парящая в воздухе церковь (так божественное провидение указало ему место основания Соловецкого монастыря). Однако дальнейшее повествование мало напоминает описание чудесных видений, поскольку явившиеся ангелы изгоняют с острова, предназначенного для монастыря, рыбака и его жену, побивая их «дубцы»: «...аггеломъ Божиимъ изгнавшихъ изъ мѣста сего рыболовца и жену едину, казнимъ дубци: "Изыдета, – рече, – скоро отсюда, да не смертью умрета! Се мѣсто острова наслѣдие иноческаго чина есть"»⁴. В описании изгна-

ния ангелами местных жителей во всех редакциях Жития Зосимы и Савватия Соловецких XVI-XVII вв. используется диалектное слово «дубец» в творительном падеже множественного числа склонения существительных с основой на -о: «казнимъ дупци» или «бивше (бияху) дубцы» в разных списках памятника¹. Слово «дубец» в значениях «прут, хворостина» или «розга» имело широкое распространение на территории Русского Севера: оно встречается в Каргопольском, Беломорском, Плесецком р-нах Архангельской области, Пудожском р-не Карелии, Череповецком р-не Вологодской области, Терском р-не Мурманской области (СРГК 2: 8), в Демянском и Холмском р-не Новгородской области (НОС 2: 107).

В другом агиографическом памятнике Русского Севера, Житии Леонида Устьнедумского, повествуется о чудесном основании монастыря в честь Богородицы на реке Лузе в Устюжском крае старцем Леонидом. Рассказ о деяниях Леонида насыщен конкретными реалистическими и психологическими деталями: святой старец, стремясь осушить болото для создания здесь обители, копает борозду из него до Черного озера, претерпевая лишения («Много трудился и бѣды примимъ от солнечнаго зноя и от паутовъ и комаровъ»)². Дьявол, желая прогнать Леонида, обращивается змеем и жалит старца в левую ногу, однако тот, уже собираясь покинуть это место («помышляше на бѣжание»), обращается за помощью к Богородице и получает ее благословение на продолжение работы: «И почи мало от труда, и боля ногою, уснувь. И слыша гласъ: "Старче! Не скорби и не думай на бѣжание от трудовъ и не помышляй ничтоже! Помогаетъ тебѣ Пресвятая Богородица на дѣло сие, но паки возвращайся, уповай на милость Божию, а от змия тебе не будетъ повреждения!"»³. В дальнейшем змеи не досаждали святому, что подтверждает ремарка в житийном тексте: «О дивное чудо! Змиинаго рода не бывало никогдаже, и донине нѣсть»⁴. В двух списках Жития Леонида Устьнедумского в описании драматического момента изгнания дьяволом святого с реки Лузы использован глагол «уязви» в значении «ужалил»⁵

¹ Яхонтов И. Указ. соч. С. 255.

² Минеева С.В. Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI-XVIII вв.): В 2 т. М., 2001. Т. 1: Исследование; Т. 2: Тексты.

³ «Выбор места для основания монастыря с помощью чудесных знамений» является одним из сюжетных топосов, встречающихся в агиографических памятниках, связанных с основанием монастыря или храма. См. об этом: Рыжова Е.А.: 1) Сюжетный мотив «выбор места для основания монастыря с помощью чудесных знамений» в севернорусской агиографии («глас-свет») // Книжные центры Древней Руси: Кирилло-Белозерский монастырь. СПб., 2008. С. 422-440; 2) Архитектоника русской агиографии: композиционный эпизод «выбор места основания монастыря или храма». Ч. 1. Мотив «плавание святого» в контексте устной традиции // ТОДРЛ. Т. 60. СПб. (в печати); 3) «Архитектоника русской агиографии: мотив «выбор места основания монастыря с помощью чудесных знамений» (огненный столп)» // Известия Уральского университета. Серия 2. Гуманитарные науки. №63. Вып. 1/2 (17/18).

⁴ Житие Зосимы Соловецкого. I Стилистическая редакция. Успенский список ВМЧ, XVI в. Цит. по: Минеева С.В. Указ. соч. Т. 2. С. 98. В Житие Зосимы и Савватия Со-

ловецких, помимо Жития Зосимы Соловецкого, входит также Житие Савватия Соловецкого и, как правило, «Слово о сътворении жития начальник соловецких Зосимы и Савватия», завершающее произведение.

¹ См.: Минеева С.В. Указ. соч. Т. 2. Первоначальная редакция, XVI в., с. 13; I Стилистическая редакция, XVI в., с. 93; I Дополненная редакция, XVI в., с. 154; II Дополненная редакция, XVII в., с. 205; III Дополненная редакция, XVII в., с. 239; I Сокращенная редакция, XVII в., с. 265; II Сокращенная редакция, XVI в., с. 285; I Краткая редакция, XVI в., с. 306; II Краткая редакция, XVI в., с. 325; III Краткая редакция, XVI в., с. 348-349; IV Краткая редакция, XVII в., с. 375-376.

² Житие Леонида Устьнедумского. РНБ, Q.I.836, 1699 г., л. 10 об.

³ Там же, л. 11.

⁴ Там же, л. 11 об.

⁵ В Словаре И.И. Срезневского слово «уязвити» многозначное: 1) нанести раны, изранить; 2) поранить; 3) ужалить; 4) уязвить (в образном выражении); 5) поразить; 6) изнурить; 7) возбудить; 8) утрашить (Срезневский III. 2: 1347-1348).

(«Копаящу ему, и внезапно прииде змий и уязви его в левую ногу» – список РНБ, Q.I.836, 1699 г., л. 10 об.-11; «Копаящу ему и внезапно прииде змий и уязви его в левую ногу» – список Великоустюжского филиала Государственного архива Вологодской области, Научная библиотека, № 3644, сер. XVIII в., с. 212¹). В списке Жития Леониды Устьнедумского 1-ой четверти XVIII в. БАН, собр. Археографической комиссии, № 228 читается «усъкну»: «И пришедъ змий, и усъкну его в лѣвую ногу» (л. 10). Слово «усекать» зафиксировано в «Словаре русских говоров Сибири» со значением «срезать, срубить на корню» (СРГС 5: 168). В «Словаре русских народных говоров Карелии и сопредельных областей» встречается слово «усечь», имеющее три значения: 1) нарубить, насечь; 2) поранить, порезать; 3) заметить, услышать (СРГК 6: 635). В известных списках Жития Леониды Устьнедумского лексические различия «уязвить» и «усекать» употребляются в значении «нанести раны, изранить», «ужалить».

В севернорусских житиях могут быть особо выделены чудеса, в которых повествуется о спасении людей, погибающих в море. Л.А. Дмитриев считает, что «...смысл же такого рода чудес – в желании поведать о буднях поморов, полных суровыми опасностями. <...> Как правило, рассказы эти насыщены сложными перипетиями, в них много диалектных форм, местных поморских терминов»². Приведем пример использования диалектизмов в чудесах о спасении в море. В Житии Зосимы и Савватия Соловецких в так называемых «Новосотворенных чудесах» соловецкого игумена Филиппа помещено чудо, рассказанное от лица монаха Протасия. Оно представляет собой описание ситуации, которая случилась с кораблями на промысле морского зверя в Белом море: их едва не раздавило льдами во время шторма. Спасло людей от неминуемой гибели заступничество святых Зосимы и Савватия Соловецких, к обители которых промысловики хотели пристать и там укрыться от непогоды: «въ томъ часѣ скоро начаша около насъ леды ставитися и высоко, аки рука-

¹ Текст памятника по указанному списку опубликован в статье: *Зенкова О.Б.* Устьнедумская Богородичная пустынь // Макарьевские чтения: Монастыри России (материалы российский науч. конф., посвященной памяти святителя Макария). Можайск, 2000. Вып. 7. С. 208-228.

² *Дмитриев Л.А.* Указ. соч. С. 267. На значение сохранившегося в житийной литературе описания Белого моря как на один из важнейших источников, передающих суровые условия быта поморцев XV-XVIII вв., обратил внимание М.И. Белов (*Белов М.И.* Севернорусские жития как источники по истории древнего поморского мореплавания // ТОДРЛ. М.: Л., 1958. Т. 14. С. 234). Анализу чудес, описывающих помощь святых терпящим бедствие на Белом море, посвящена статья Р. П. Дмитриевой. На материале ряда севернорусских агиографических памятников – Жития Зосимы и Савватия Соловецких, Жития Антония Сийского, Сказания о Иоанне и Логине Яренских, Повести о Варлааме Керетском – она выделяет определенные агиографические приемы передачи морских чудес (см.: *Дмитриева Р.П.* О чудесах святых, помогающих терпящим бедствие на Белом море (XV-XVII вв.) // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 645-656).

ми, полагахуся, къ намъ не претѣсняхуся. Мы же, вся есть судовъ вкупѣ, внутрь, аки въ оградѣ нѣкоемъ, твердѣ на водѣ стояху вси цѣлы...»¹. В названии данного чуда и в повествовании о событии встречается диалектизм «веснование»: «Чюдо преподобныхъ отецъ о стражущихъ человѣцѣхъ на морѣ на *весновании*»; «плавахомъ нѣкогда въ мори на *весновании*»². «Веснованье» определяется как «весенняя коллективная охота на морского зверя», а «весновать» – «промышлять на весенней охоте, осуществлять весенний промысел зверя» (АОС 3: 157).

Значительное количество описаний чудес в севернорусских житиях связано с исцелением от болезней и разрешением драматических бытовых ситуаций благодаря помощи святых. Описания чудес в житиях Русского Севера зачастую приближены к рассказу о бытовой ситуации. Бытовой контекст проникает в эти рассказы вместе с языковыми особенностями той или иной северной местности.

В чуде 21 в Житии вологодского святого Иродиона Илозерского приводится типичный эпизод из жизни вологодского христианина: совершенное богомолье в обители особо почитаемого в данной местности святого. Побывав вместе со своей женой на богомолье в монастыре Иродиона Илозерского, заступника и покровителя Белозерского края, воевода города Белозерска Иоанн Артемьев Мартюхин на обратном пути увидел «на древѣ, нарицаемѣм рябина, ягоды» и, как пишется в Житии, «позоба от нихъ»³. От этого у воеводы разболелась голова, да так сильно, что ему пришлось возвращаться в монастырь святого и совершать молебен Иродиону чудотворцу, который даровал страждущему исцеление. Употребленный в Житии Иродиона Илозерского диалектизм «позобать» означает «поестъ» (ЯОС 8: 44).

В Сказании о создании Агапитовой пустыни в Вологодских пределах описание чудесного спасения от потопления также окружено бытовым контекстом. В чуде 31 рассказывается о том, как игумен Иона решил переплыть реку Сухону («хваяся, поплыл за реку за Сухону»), однако его понесло на «плѣсо»⁴. Он спасся, помолившись Николаю Чудотворцу. Использованный в повествовании о чуде диалектизм «плѣсо» многозначен, но в данном случае имеется в виду «глубокое место в реке, озере» (НОС 7: 149).

Иногда средневековые агиографы, используя в описании чудес диалектную лексику, считают необходимым дать ей пояснения в тексте своих сочинений.

Показательно в этой связи чудо в Житии Леониды Устьнедумского, в котором повествуется о случае на охоте. 4 сентября 1658 г. на некоего

¹ «Новосотворенные чудеса» игумена Филиппа. 1-й вариант. РГАДА, ф. 181, собр. МГАМИД. № 507/988, XVI в. Цит. по: *Минеева С.В.* Указ. соч. Т. 2. С. 427.

² Там же.

³ Житие Иродиона Илозерского. ГИМ, собр. Музейское, № 1510, XVIII в., л. 319.

⁴ РГБ, собр. Гранкова, ф. 711, № 94, XVIII в. «Чудо 31», л. 13.

Тимофея Яброва из Лузской Пермцы, устанавливавшего в лесу силки для птиц, внезапно напала медведица: «Хождаше онъ из дому своего по дебремъ, строяше ловитвы на птицъ, еже именуется путикъ. Нѣкогда идущу ему по тѣмъ ловитвамъ, внезапно нападе на него медвѣдица со щенята и нача его ясти: з головы кожу содраша, и око лѣвое избоде, и груди, и руки, и ноги изгрызоша»¹. Борьба с медведицей могла оказаться неравной, и только молитвенное обращение за помощью к иконе Богородицы Устьнедумской спасло Тимофея от неминуемой гибели: «И видѣ онъ, Тимофей, въ конечной себе погибели, нача Господу Богу молитися. И прииде ему в умъ, лежа под медвѣдицею, чудотворна икона Пречистыя Богородицы Устьнедумския пустыни. И воспомянувъ с великимъ воплемъ, излиха глаголя: "Пресвятая Богородица! Помилуй, избави мя от лютыхъ звѣрей снѣдения! Охъ, погibe!" И егда сия изглагола, той же звѣрь, аки бодом кимъ, воскрича и скоро от него отскочи и со щенята и побѣгше по дебремъ, како мога, аки гоними»². Диалектизм «путик», зафиксированный в раннем списке Жития Леонида Устьнедумского XVI в., самим агиографом объясняется в тексте как «ловитва на птицъ». Подобные значения приведены и в словарях XIX-XX вв. В словаре В.И. Даля слово «путик» означает «силки, осилье, слопцы, капканы, ловушки на зверков и птицу» и имеет помету «сев., вост., сиб.» (Даль 3: 543). Слово «путик» в значении «ловушка для птиц и мелкого зверя» отражено в «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей» (СРГК 5: 359).

Еще один пример объяснения автором употребленного им диалектизма встретился в чуде 1727 г. в Житии Варлаама Важского 3-ей Северной редакции. В нем святой исцеляет больного Прокопия Лазарева не своей молитвой или каким-либо чудодействием, а тем, что сажает его за стол и дает ему съесть хлеба с маслом: «Азь же ядохъ в сладость зѣло, и возбнухъ от сна, и помышляхъ в себѣ, кто той есть святой старецъ, понеже от святыхъ рукъ его дарованное ми в сладость ядохъ, яко николиже такова ядения в житии своемъ ядох. И очютився, слышахъ в себѣ свобождение от недуга»³. Автор стремится к реалистичному изображению событий, связанных с явлением святого, приводя местное название хлеба с маслом, которым исцелил святой страждущего: «...даде ми хлѣбець малый мягкий, помазанный масломъ (по приморскому

обыкновеню называемая наливаха), и повелѣ ми ясти»¹. «Наливахой» на Русском Севере называли ватрушку с начинкой (наливайка) (СРГК 3: 346), в том числе и из жидкого картофеля (НОС 5: 152); выпечное изделие (налитуха, налитушечка, наливуха, наливашечка, наливаха, наливайка) (СРГК 3: 348).

Особый интерес вызывает чудо от 14 февраля 1696 г. в Житии Артемия Веркольского 3-й редакции. Рассказ об этом чуде, как отмечал Л.А. Дмитриев, характеризуется «живой непосредственностью, жизненной убедительностью»². В основе чуда лежит сообщение кеврольца Никифора Веретенникова о том, как его маленький сын катался на санках и был внезапно засыпан снежным сугробом: «и начаша прямо на ту гору попадати. И вельми круто учинишася от снѣга переваль великий. И внезапно той снѣгъ зинуся и под гору окатися, и сего дѣтища тѣмъ снѣгомъ засыпало»³. Реалистично описание дальнейших событий. Растерявшись, друзья мальчика бросились к взрослым за помощью: «И не бысть ни гласа и ни послушания, и товарищи ево сверстницы бывше в великом страсе, и побѣгли в домъ ко отцу его, и повѣдаше ему со слезами»⁴. Прибжав к снежной горе, отец вместе с помощниками ищет сына и разгребает снег шестами: «начаша искати и видѣти ту велику громаду снѣгу окатившуся, начаша разгребати»; «И начаша по снѣгу ходити и шестами искати»⁵. Обнаружив с помощью шестов сына в снегу, он понимает, что тот мертв, однако после обещания воздать почести святому Артемию Веркольскому сын вдруг оживает: «той часъ дѣтище нача дрожати и по дрожании возрѣ»⁶. Автор, описывая это происшествие, вслед за говорящим фиксирует диалектное слово «гледень», поясняя его: «и сверстники своими дѣтские игры дѣюще, и не сказався, поидоша кататися з горы, рекомыя гледеня»⁷. В современных словарях слово «гледень» не обнаружено, встречается наречие «глѣдко» в значении «скользко» (СРГК 3: 33). В данном случае, скорее всего, имеется в виду «ледяная (скользкая) горка для катания детей», сделанная из снега.

Подводя некоторые итоги вышесказанному, отметим, что агиографические памятники Русского Севера, бытовавшие в рукописно-книжной традиции в большом количестве списков, редакций и вариантов вплоть

¹ Житие Леонида Устьнедумского. РНБ, Q.I.836, л. 27 об.-28.

² Там же.

³ Житие Варлаама Важского. 3-я Северная редакция. БАН, Архангельское собр., Д. № 403, XIX в. «Чудо преподобнаго о страждущемъ человецѣ изумленною болѣзнию», л. 102 об.-103 об. Более подробно о редакциях Жития Варлаама Важского см.: Рыжова Е.А. Житие Варлаама Важского (Пинежского) в рукописно-книжной традиции XVI-XIX вв. // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 615-647.

¹ Житие Варлаама Важского. БАН, Архангельское собр., Д. № 403, л. 103. О реалистичности в описании чудесных видений святых см.: Рыжова Е.А. Жанр видений в севернорусской агиографии // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 160-194.

² Дмитриев Л.А. Указ. соч. С. 258.

³ Житие Артемия Веркольского. 3-я редакция. РНБ, ОСПК, Q.I.907, XVIII в., нач., л. 61 об. Об особенностях редакций Жития Артемия Веркольского см.: Дмитриев Л.А. Указ. соч. С. 249-261.

⁴ Житие Артемия Веркольского. РНБ, ОСПК, Q.I.907, л. 61 об.

⁵ Там же, л. 61 об.-62.

⁶ Там же, л. 62 об.

⁷ Там же, л. 61 об.

до XX в., являются ценным и одним из самых ранних (принимая во внимание списки житий XVI-XIX вв.) источников по истории духовной культуры Северного края, в том числе и в аспекте изучения русской диалектологии.

Г.С. Савельева, С.С. Мусанова
(Сыктывкар)

Песенная терминология Летки Прилузского района Республики Коми

Начиная с середины прошлого столетия исследователи коми фольклора в своей экспедиционной практике особое внимание уделяли фиксации жанровой терминологии. В первую очередь об этом свидетельствуют материалы полевых отчетов 1960-1980-х гг., хранящихся в Научном архиве Коми научного центра УрО РАН. Несмотря на то, что каждая локальная традиция выдает специфичную и разветвленную систему народной терминологии, эта тема, с научной точки зрения, остается на сегодняшний день практически неразработанной. Незначительная часть зафиксированных терминов опубликована и прокомментирована в предисловии к сборнику «Коми народные песни»¹, особо можно выделить статью В.В. Филипповой, посвященную проблеме жанровой классификации коми фольклора на уровне исполнительской терминологии².

В нашем исследовании представлен терминологический пласт песенной культуры одной из микролокальных коми традиций. Летский куст деревень входит в состав Прилузского р-на Республики Коми, расположен на р. Летке – правом притоке р. Вятки и относится к территории коми-русского пограничья.

В основу данного исследования легли материалы, собранные Ю.Г. Рочевым в ходе экспедиции 1976 г., проведенной совместно со студентческой фольклорной практикой Сыктывкарского государственного университета в с. Летка. Нужно отметить, что им делался специальный акцент на фиксации исполнительских обозначений, в результате чего было зафиксировано около 60 терминов, дающих широкий контекст представлений, связанных как с лирической песней, так и с представлениями о песне как таковой³. Имеется ряд терминов, в которых маркиру-

¹ Коми народные песни / Сост. А.К. Микушев, П.И. Чисталев. Сыктывкар, 1994. Т. 2: Ижма и Печора. С. 7, 13, 17.; Коми народные песни / Сост. А.К. Микушев, П.И. Чисталев, Ю.Г. Рочев. Сыктывкар, 1995. Т. 3: Выль и Удора. С. 14.

² Филиппова В.В. К вопросу о народной терминологии в традиционной культуре (на примере жанровой классификации коми фольклора) // Пермистика: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Сборник статей. Сыктывкар, 1999. С. 180-185.

³ НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 209 «а».

ется жанровый признак: *люлькӧдчыны* – петь колыбельную песню, *бӧрдны* (варианты: *бӧрдӧдны*, *йӧлӧдны*) – причитать, *кулӧм молитва сьылны* – петь (исполнять) молитвы, которые приурочены в качестве обязательного элемента к похоронно-поминальной обрядности и т.д. Предложенная Ю.Г. Рочевым классификация включает следующие группы: 1) термины, связанные с пением; 2) по степени участия певцов в хоре; 3) по жанрам либо по функциям песен; 4) по манере исполнительства; 5) по качеству исполнения¹.

Кроме материалов Ю.Г. Рочева нами также привлекаются сведения из записей фольклорно-этнографических экспедиций сотрудников Института языка, литературы и истории Коми НЦ и Сыктывкарского госуниверситета в с. Прокостьевку Прилузского р-на в 1990-2006 гг. и материалы 1980-х гг. краеведа П.Г. Сухогозова.

В рассматриваемой традиции отношение к пению органично вписано в круг традиционных обрядово-ритуальных установок. Так, петь просто так («*прӧста сӧдзи сьылны*»), без особой причины (свадьба, праздник, крупная вечеринка) считалось занятием предосудительным. В материалах экспедиции 1976 г. зафиксированы показательные реплики, произносимые в контексте опроса по песенному репертуару: «*Висьталӧмыс сӧя вед грек лӧб*» (Наговоришь, это ведь грех будет), «*Грекас тай вӧйм*» (увязли, букв.: утонули в грехах – в контексте разговора о песнях), «*Грекас вӧйм, ёна рачкӧдчим да*» (В грех впали, много натрещали-наговорили). Здесь же приводится диалог между исполнителями, произносимый в связи с уговорами спеть песню. Несмотря на шуточный характер данного разговора, способность петь песни здесь вводится в круг мифологических представлений:

– Ог нин, гашкӧ сэсся, ог кут вермыны да (Не буду, наверно, больше, не могу уже).

– Абу вед сьӧд син, ог уркнитӧ! (Не черноглазая ведь, не испорчу).

– А абы жӧ и ӧдйӧн еджыд! (А ведь и не совсем светлая)².

Сложность фиксации песенного материала в экспедиционной работе, связанную с отсутствием «положенного» повода, особо отмечает Ю.Г. Рочев. Этот факт подтверждается и полевой практикой последних лет. Ритуальная определенность песен наиболее ярко отражается в специфике возрастных норм поведения. В качестве одного из примеров можно привести тот факт, что в 2006 г. в ходе работы с ансамблем с. Прокостьевки собирателям не удалось записать ни одной игровой песни, хотя данный корпус песен исполняется здесь на рождественских игрищах, до сих пор ежегодно собираемых в святочный период. Женщины старшего возраста наравне с молодежью принимают активное участие в проведении этих праздничных собраний, именно они исполняют песни и являются своего рода ведущими всего действия. Как отмечает П.Г. Сухо-

¹ Там же. Л. 8-9.

² НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 209 «а». Л. 8.

гузов, привлекаемые женщины должны были уметь хорошо петь и знать игры, «все охотно шли на игры, хотя, согласно обычаю, сначала отнекивались, ссылаясь на немощь и неумение петь»¹. При этом традиционно считается, что, достигнув определенного возраста, женщины перестают петь песни и начинают молиться Богу, считая пение и вообще всякие увеселения делом греховным: «Старукаяс Богу молятся, а ми сылаам» (Старухи Богу молятся, а мы поем).

Весь репертуар летской песенной лирики включает в себя исключительно русскоязычные тексты, но осмысление текстов, их функциональные и формальные характеристики отражаются главным образом в терминологии на коми языке.

Исполнители хорошо осознают, что свои песни они поют на русском языке, именно их считают своими, старинными и местными по происхождению: «Миян вед старинной, а тиян томджык» (У нас-то ведь песни все старинные, а у вас² помоложе)³. В комментариях к данному примеру отмечается, что «томджык» относится к коми народным песням литературного происхождения, которые поются на коми языке. На особенности генезиса текстов указывают такие обозначения, как *нэмся* 'вековечный', *старинной сыланкыл* (старинная песня), *важ ног шуавны кыльяссё* (произносить слова песни как раньше, по старинке, т.е. так, как когда-то пелись русские песни, коверкая на коми лад русские слова – Ю.Г.)⁴.

По формальным признакам традиционные лирические песни получили название *кузь сыланкывъяс* (песняяс) (длинные песни), что связано с объемом и растянутостью во времени большинства песен. Также может использоваться обозначение «*дёлгэй сыланкыл*» – синонимичен «кузь»; как отмечают сами исполнители, являются коми и русским вариантами⁵. Отметим, что среди особенностей структурной организации таких текстов значительное место занимают цепевидные структуры, максимально широкий спектр синонимичных рядов, рифмованные перечисления⁶. Из композиционных элементов выделяются зачин и конец песни: завод – зачин, начало песни; *ним* – начало песни, первая строка, она же, как правило, является названием песни. Устойчивыми являются два варианта завершения песни. В первом случае произносится формульная фраза «сэсса ог нин куж» (больше не умею), независимо от того – до конца спета песня или нет⁷. Данная финальная реплика соотносится со

¹ ФА СыктГУ, Прилузское собрание. Материалы П.Г. Сухогозова. 13001-13005.

² Т.е. на Сысоле, Вычегде.

³ НА Коми НЦ, Ф.5. Оп.2. Д.209 «а». Л. 4.

⁴ Там же. Л. 150.

⁵ НА Коми НЦ, Ф.5. Оп.2. Д.209 «а». Л.8. Л. 151.

⁶ Савельева Г.С. Песенный фольклор с. Прокопьевка Прилузского р-на: механизмы консервации иноэтнической традиции // Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера: «Рябининские чтения-2007». Петрозаводск, 2007. С. 384.

⁷ НА Коми НЦ, Ф.5. Оп.2. Д.209 «а». Л. 151.

специфической для традиционной лирики сюжетной открытостью. Кроме того, устойчивым завершением песни является строка из частушки: «Песня вся»: «Дак эсё, пожалуй, каждой песня бõрын и сылывлысны. Кузь сыланкылсё сыласны, понасяс, бара «Песня вся»»¹ (Да это, пожалуй, после каждой песни пели. Песню спюют, закончится, опять «Песня вся»»). Достаточно часто исполнялась частушка полностью, особенно это касается записей П.Г. Сухогозова:

Песня вся, песня вся,
Песня кончилась.
Мы допели до конца,
Нам по румочке винца,
Полстаканчика пивца,
По стакану мало да по бутылке надо².

Качественная характеристика, связанная с содержательным наполнением текстов и музыкальной стилистикой, отражена в термине *уставной сыланкыл* – песни с развитой мелодикой, с подголосочными партиями, серьезные по содержанию: «Коді уставнойджык, веськõ сийõ же сылны-а» (Какая «поуставней», ту бы и спеть). По тематике отдельно выделяются сюжеты молодецкой лирики – *военной сыланкыл* (военные песни).

Функциональный признак лежит в основе обозначения *йõктан сыланкывъяс* (плясовые песни). Особенностью лирических песен летского куста деревень является то, что под любую из этих песен можно было плясать: «Кыдз мотив, сидзи и йõктан» (Какой мотив, так и пляшешь). Многие из песен имеют удлинённые мелодические окончания, которые сопровождаются ритмичными притопами. По сведениям некоторых исполнителей, поющие постарше притопывали, сидя за столом, таким образом, создавая своеобразный аккомпанемент, а молодые могли пританцовывать, двигаясь по кругу³. В последних экспедиционных записях лирические песни так и определяются исполнителями *кузь йõктан сыланкыв* (длинные плясовые песни)⁴. Особенности мелодической структуры, связанные с плясовым сопровождением или его отсутствием, имеют свои обозначения: *чожа сыланкыл* – частые песни; *под пляску*: «Тайõ сыланкылсё под пляску сылõны, не кузя нюжõдõмõн» (Эту песню под пляску поют, не долго растягивая)⁵; *нюжõдõмõн* – растянуто. Напев одной и той же песни мог отличаться по темпу и характеру исполнения. Например, комментируя исполненную песню «Сизенький голубчик», участники прокопьевского ансамбля замечают: «Но, эса чожа сылõны. Ми как бõрдам сылаам, сийõ как, ми как ньõжõна сылаам. Сийõ чожа

¹ ФФ ИЯЛИ. В1542.

² ФА СыктГУ. Материалы П.Г. Сухогозова; ФФ ИЯЛИ. В1543.

³ ФФ ИЯЛИ. В1503.

⁴ Там же. В1542.

⁵ НА Коми НЦ, Ф.5. Оп.2. Д.209 «а». Л. 149.

сьылёны, йоктёны» (Но, эту чаще (быстрее) поют. Мы как плачем поем, медленно поем. Ее чаще поют, пляшут)¹.

Ю.Г. Рочевым проводится параллель между манерой исполнения песен в с. Ношуль Прилузского р-на и в с. Летке. Отличительные признаки обозначаются следующим образом: в Ношуле принято *нюжкёмён сьылны* – петь, растягивая окончание стиха, а в Летке – *яркёя сьылны* (*яркёя помавны*) – ярко заканчивать стих, выделяя окончания песни характерным усилением звука, усечением².

Обращает на себя внимание целый ряд выражений, связанных с акциональным уровнем исполнения песен: *гурбаён ветлыны* – ходить гурьбой, толпой (в особенности при исполнении частушек); *параасьны* – ходить парами; *пуксьёмён сьылны* – петь сидя: «Кузь сьыланкылсё пуксьёмён сьылёны» (долгие песни поют сидя); *петны кругб* – выйти в круг: «Оз кужны и петны кругад» (Не умеют и в круг выйти, т.е. не знают песен, не знают местных танцев)³.

С точки зрения приуроченности, долгие песни могли называться *посидёночными* – исполнялись во время будничных вечеринок (на «посидёнках») и, а также во время и после работы. Тем самым они противопоставлялись хороводно-игровым песням, которые исполнялись исключительно на рождественских игрищах (*рöштвося песня*).

Имеющаяся в нашем распоряжении терминология отражает в основном коллективное исполнение песен. Как отмечает Ю.Г. Рочев, с одной стороны, хороводные песни по своей функции не могут исполняться вне коллективного сборища молодежи, с другой стороны, и протяжные, сложные по своему характеру, было не вытнать одному исполнителю: «Мед вёчны глас, колб куйм морт» (*вёчны глас*)⁴; Чтобы песня получилась в голос, нужно, по крайней мере, три человека⁵.

Зафиксировано три термина, обозначающих одиночное пение: *мазьгыны-сьылны* – когда кто-то хорошо поет в одиночку; *низгыны-сьылны* – петь долго, без усталости и с любовью, но в одиночку (особенно, что-то делая, напевать под нос); *ызгыны-сьылны* – то же, что и предыдущее, только громче, относится к мужчине (по предположению Рочева, в значении термина, возможно, имеется отрицательный подтекст)⁷. Ю.Г. Рочев приводит в пример слова одной из исполнительниц – Д.В. Мусановой. Вспоминая свое детство и родителей, больших любителей песни, она говорит: «Бать вёли кём кыб да ызгб-сьылб, а мам вурсыны пуксяс да тёлкб низгб-сьылб» (Отец, бывало, сядет лапти плести и давай напевать себе, а мать тоже сядет за шитье да только мурлычет

себе под нос)¹. Термины *низгыны-сьылны* и *ызгыны-сьылны* связаны с противопоставлением женского и мужского пения по высоте и силе звука: *низгыны* – букв. 'хныкать, пищать (о детях)', *ызгыны* – букв. 'громко, шумно разговаривать, шуметь (о массе воды), брюзжать, гудеть'².

Наибольшее количество терминов отражает качественные характеристики исполнительства. В отчете Ю.Г. Рочева говорится об исчезновении в с. Летке традиционной лирической песни и подтверждается это репликами исполнителей, главная мысль которых заключается в том, что современная молодежь этих песен уже не знает и петь не умеет: «Онi том йбзыд оз кужны, баксёны только» (Теперь молодежь не умеет петь, только мычат), *баксыны* букв. 'мычать', здесь в смысле «плохо петь, не понимая тонкостей пения, законов и закономерностей традиционного исполнительства, имея также не очень хороший голос»; «Тшөктан нин бёрсяныд сьылны, а сьылан да шуас: «Мамб, нем юрам эз коль»» (Попросишь после себя спеть, споешь, а она говорит: «Мама, ничего в голове не осталось» (т.е. ничего не запомнила)³.

Хороших исполнителей называют *прамбй сьылысь*: «Прамбй сьылысьыд некод нин абы» (Настоящих певцов никого уже не осталось); *берсяма* (*звэсяма*) *сьылысь* (т.е. толковый, умелый, искусный певец). По замечанию Ю.Г. Рочева, эти обозначения связываются в первую очередь с теми, кто хорошо знает и исполняет именно старинные песни⁴.

Положительные оценки качества пения имеют различные оттенки и отражают возможные вариации в исполнении – голосовые, темпа, слаженности и т.д.: *яра сьылны* (вариант *ярадзыка*), *збоя* (*зббидзыка*) – с подъемом, живо, бодро; *дзельгыны* – звонко распевать; *йблгыны* букв. раздаваться (эху, о звуке), громко кричать, петь⁵ – петь красиво, залихватно; *брункыштны* – спеть легко, свободно, дружно, как в один голос; *зымкнитны* – спеть дружно, без задержек и без усталости до конца. В качестве противовеса используются отрицательные характеристики: *тыдзитадзи* (*сьылны*) – петь так себе, кое-как, иногда и путаясь, не «классический»⁶; *дзугны* – путать, мешать пению: «Кужтёмьс вед дзугб тёлкб» (Неумеющий (петь) ведь только перепутает, помешает)⁷.

Также зафиксированы обозначения, характеризующие качество голоса: *киссьём гёлс* (букв. – развалившийся голос) о старческом голосе, с

¹ Там же. Л. 6.

² ССКЗД. С. 241, 443.

³ НА Коми НЦ. Ф.5. Оп.2. Д.209 «а». Л. 7.

⁴ Там же. Л. 150.

⁵ ССКЗД. С. 142, 453.

⁶ Можно сравнить с вымскими терминами – *туті-паті сьыпанкыы* или *тотлы во-тлы сьыны* – пренебрежительное название группы песен (русско-коми песенные контаминации, шуточные, эротического характера) – НА Коми НЦ. Ф.1. Оп.11. Д.233а. Материалы Вычегодско-Вымской фольклорной экспедиции 1964 г. А.К. Микушев, Ю.Г. Рочев, Г.А. Муравьева. Л. 70-71.

⁷ НА Коми НЦ. Ф.5. Оп.2. Д.209 «а». Л. 151.

¹ ФФ ИЯЛИ. В1542-18.

² НА Коми НЦ. Ф.5. Оп.2. Д.209 «а». Л. 152.

³ Там же. Л. 150-152.

⁴ ФФ ИЯЛИ. В1503.

⁵ Букв. *создать* голос.

⁶ НА Коми НЦ. Ф.5. Оп.2. Д.209 «а». Л. 4.

⁷ Там же. Л. 150, 148.

хрипением, кашлем, обычно говорят о тех, у кого некогда был хороший, чистый голос, но из-за старости уже изменился; *омӧль гӧлӧс* – плохой голос; *лӧк гӧлӧс* – сильный, хороший голос: «Лӧк гӧлӧсыд вӧлли» (Голос когда-то был хороший, сильный); *ён гӧлӧс* – сильный голос: «Гӧлӧс вылас ён на» (На голос еще сильна); обозначения, связанные с ироничной самооценкой: *агсасьны* букв. 'боронить' – подпевать, поддерживать запевал в хоре; *герскыны* букв. 'скрипеть, скрежетать': «Но-ко, восътыл, кылза, кыдзи герска» (Ну-ка, открой /включи/, послушаю, как я скриплю)¹.

Отмечены также термины, которые отражают внутреннюю организацию голосов в хоре: *водзын мунны*, *водзын сьылны* – идти /петь впереди – запевать, вести песню; *олтсалны* букв. 'помогать'; *сьӧкталны* букв. 'подковыривать, проплетать для крепости берестой'² – поддерживать запевалу, подхватывать, завершать песенный стих.

Наряду с песенной терминологией Ю.Г. Рочеву удалось записать устойчивые выражения, связанные с исполнением песен: «Сьылны вед абы кер зорьялны» (Петь не бревна толкать); «Сьылны вед абы лӧсны» (Петь не тесать); «Не кытчи ни ийти, ни ехать» (Никуда не идти, не ехать, т.е. не до песен уж при старости)³.

Таким образом, устная народная культура дает целый корпус высказываний о формальных, содержательных и функциональных признаках жанра, для определения жанровой принадлежности располагает разработанной системой терминологии. Развитость народной терминологии в совокупности с хорошей сохранностью песенного репертуара отражает состояние данного фольклорного уровня в целом, что создает все предпосылки для адекватной и объективной характеристики этой микролокальной традиции.

Е.В. Сальникова
(Сыктывкар)

К проблеме изучения библеизмов в немецком языке

По определению «Словаря лингвистических терминов», библеизм – это «библейское слово или выражение, вошедшее в общий язык», т.е. библеизмами называют устойчивые выражения, являющиеся исходно текстowymi реминисценциями из Библии. Однако, как кажется, целесообразно было бы расширить это определение, соотнося его не только с областью литературы, но и с другими видами искусств, прежде всего с музыкой и живописью. В данном случае речь могла бы идти о сюжетных константах библейского происхождения.

Существовать в культурном пространстве невозможно не только без понимания слов и словосочетаний, но также и без знания героев и сюжетов, имеющих библейскую этимологию, более того, без ощущения живой связи с их источником. Библейские тексты, в основе которых, по определению Л.П. Клименко, лежит «эстетический принцип двоякого реализма – исторического и духовно-символического»¹, носят панхронический и общечеловеческий характер, проявляющийся и в отдельных устойчивых выражениях, и в контекстовых аллюзиях, и в сюжетных линиях. Многослойность библеизмов, их смысловая глубина нередко требуют обращения к помощи толковников. Без первичных знаний об их возникновении, значении (или значениях), духовной традиции употребления библеизмов невозможна четкая ориентация в многограннике мировой культуры. Для носителя современного русского языка библеизмы чаще всего известны по произведениям искусства и праздникам, хотя смысл сюжета остается неясным. В речи современного человека библеизмы часто используются бессознательно (*умывать руки*; *ни холодно, ни жарко*), в то время как их внутренняя форма, имеющая, как правило, сакральный смысл, их лексический фон, кумулятивная и директивная функции бывают не узнаны и не вызывают той степени внимания, которую можно назвать пристальностью сознания. Этим обусловлена актуальность обращения к теме библеизмов.

В то время как о библеизмах в русском и английском языках написано немалое количество работ (это статьи, словари и монографии таких авторов, как В.Г. Гак, В. Вихлянцева, Н.П. Матвеева, В.Г. Мельников, Л.М. Грановская, Т. Ключкина, А.Н. Литвиненко, И.С. Хостай и мн. др.), число исследований библеизмов в немецком языке ограничено: это монография Jouko Parad «Biblische Verbphraseme und ihr Verhältnis zum Urtext und zur Lutherbibel», исследования Csaba Földes, James C. Cornette, Gisela Brandt; из русскоязычных авторов должно упомянуть работы Н.Л. Копосовой. Однако, как авторитетно утверждает в книге «Крылатые слова» Георг Бахманн, «ни одно литературное произведение не оказало на немецкий язык такого сильного влияния, как Священное Писание», отчего именно библейские фразеологизмы и их модификация в современном немецком языке кажутся нам интереснейшим предметом исследования. Приведем несколько примеров подобной модификации (Umbedingen), иначе говоря заимствований из библейского текста, но в измененной форме или с несколько иным значением. Выражения *von Pontius zu Pilatus laufen* (досл. *бегать от Понтия к Пилату*, т.е. обивать пороги учреждений, ходить от одного чиновника к другому), *Judas Kuss* (*поцелуй Иуды*), *der verlorene Sohn* (*блудный сын*), *barmherziger Samariter* (*добрый самаритянин*), *sein Kreuz tragen* (*нести свой крест*) являются цитатами или сконструированными на базе библейского образа выраже-

¹ Там же. Л. 148-151.

² ССКЗД. С. 355.

³ НА Коми НЦ. Ф 5. Оп.2. Д.209 «а». Л. 36.

¹ Клименко Л.П. Словарь переносных, образных и символических употреблений слов в Псалтири. Нижний Новгород, 2004. С. 13.

ниями, а также отдельными лексемами, происхождение которых не вызывает сомнений. Встречается в современном немецком языке и исторически трансформированные библеизмы, например *Perlen vor die Säue werfen* (метать бисер (досл. жемчуг) перед свиньями). Юко Парад соотносит слово жемчуг в речи Христа с чем-то священным, сакральным. В современном же языке это соотношение утеряно, слово жемчуг означает ныне просто нечто ценное: «*Willst du nicht etwas vorspielen?*» – «*Ich werde doch keine Perlen vor die Säue werfen. Die Müllers sind ja völlig un-musikalisch*»¹.

Многие выражения так прочно вошли в фразеологический состав, что уже не осознаются как заимствованные или утратили стилистическую окраску. Бесспорно, что эти языковые процессы весьма подвижны. Но кроме того, что «удельный вес» библеизмов меняется с течением времени, он связан со спецификой конфессиональной жизни данной христианской общины. Например, как пишет Н.П. Жуковская, общеизвестным фактом является то, что англоязычные народы, исповедующие в основном протестантизм и в связи с этим с XVI в. самостоятельно читающие, изучающие и интерпретирующие Библию на родном языке, чаще употребляют в речи цитаты и выражения библейского происхождения, чем, например, французы-католики, черпавшие библейские выражения преимущественно из проповедей, житийной литературы, молитвословов. Особенностью русских библеизмов, связанной с преимущественным использованием в Церкви церковнославянского языка, является нередкое их употребление именно в церковно-славянской форме (*разверзлись хляби небесные, ничтоже сумняшеся* и т.п.)².

Несомненно, процесс формирования интересующих нас единиц в разных языках находился под воздействием как собственно лингвистических, так и экстралингвистических факторов. К последним можно отнести, например, время и условия появления библейских переводов в Германии. Впервые Библия переводилась на немецкий язык в VIII-IX вв., точнее говоря, переводились некоторые её части (отдельные псалмы и Евангелия). Более интенсивная работа над переводом Библии началась только с XIV в. Поначалу эти переводы не были широко распространены, и положение изменилось только с изобретением книгопечатания (ок. 1440 г.)

Мартин Лютер переводил Библию в 1522-1534 гг. и потом еще 12 лет редактировал немецкий текст. В то время как первые переводчики Библии на родные языки переводили с «Вульгаты», Лютер реализовал в переводе протестантскую идею возвращения к первоисточнику веры: его «Ветхий завет» переведен непосредственно с древнееврейского. «Но-

вый завет» Лютера, переведенный также с языка оригинала, и только до 1558 г. был издан 72 раза. Библейский перевод Лютера сыграл выдающуюся роль в создании общенемецкого литературного языка, авторитетного для всех немецких земель и наречий. Почти в то же время появляется Библия короля Иакова (1611 г.), явившаяся плодом труда шести комитетов, два из которых работали в Оксфорде, два – в Кембридже и два – в Лондоне. Несколько ранее Библия переводится на чешский язык и получает название «Чешская Кралицка Библия» (1570 г.). Появление этих переводов было обусловлено резкими сдвигами в христианской догматике, характерными для протестантского богословия. Библия теряет свое назначение литургического текста, оставаясь источником личного религиозного опыта, и начинается эпоха активного формирования библеизмов. Этот процесс продолжается и по сей день, поскольку в XX в. появилось огромное количество новых переводов Библии, выполненных как отдельными людьми, так и группами ученых. Создать окончательный перевод невозможно. Об этом пишут многие исследователи переводов Библии, в том числе лорд Дональд Когган (архиепископ Кентерберийский с 1974 по 1980 гг.): «Слова со временем изнашиваются, и им на смену приходят другие. Например, слово *charity* в XVII в. было самым сильным словом со значением «любовь». Теперь это слово может употребляться, когда речь идет о попрошайке на улице...»¹.

В современном немецком переводе Библии (*Gute Nachricht* 1982/1997) также встречаются выражения, адаптированные к сегодняшним языковым нормам, что может повести к новым трансформациям библеизмов. Так, Н.Л. Копосова отмечает активное включение библейских онимов в процесс именования предметов материальной культуры в современном мире, напр. *die Jesuslatschen* «простые сандалии».

Исследуя библеизмы в немецком языке, необходимо осознавать, что исходный текст Библии и лютеровский перевод не всегда совпадают. Так, например, выражение *etw. in sich hineinfressen* («подавить в себе что-л., «проглотить» что-л.), встречающееся в позднем переводе Лютера? не совпадает с оригиналом: «*Ich bin verstummet und still und schweige der freuden, und mus mein leid jnn mich fressen*» (1531 г.), т.е. «...я должен подавить в себе мою скорбь». Более ранний перевод ближе к тексту Библии: «*Ich bin verstummet und still worden und schweyge des guten, und theyn leyd schmerzet mich*» – «Онемех и смирихся и умолчах от благ, и болезнь моя обновися» (псалом 38, 3). Кстати, далеко не все современные словари немецкого языка дают ссылку на то, что данное выражение восходит к Библии Лютера.

¹ Friedrich Wolf. *Moderne deutsche Idiomatik. Alphabetisches Wörterbuch mit Definitionen und Beispielen*. 2, neubearbeitete Auflage. München. S. 357.

² Жуковская Н.П. Библеизмы французского языка. Заимствования, фразеологизмы, цитаты, персонажи, аллюзии. М., 2006. С. 6.

¹ Лорд Дональд Когган. Перевод Библии со времен ранней церкви до наших дней. Перевод Библии. Лингвистические, историко-культурные и богословские аспекты. М., 1986. С. 40.

По мнению Földes, не все библеизмы имеют непосредственное отношение к библейским текстам. Примером тому может послужить шуточное выражение *Moses und die Propheten haben*.

Таким образом, библейские фразеологизмы представляют собой важный и интересный пласт немецкой исторической фразеологии, который нуждается в дальнейшем тщательном изучении. При этом важно подойти к исследованию содержания и языковых форм библеизмов с пониманием того, что они являются не только литературным, но историческим и религиозным фактом.

О.Р. Семенова
(Челябинск)

Лексика свадебного обряда в русских говорах Южного Урала

Свадебный обряд представляет собой совокупность действий, связанных с соединением брачующихся и объединением их семей, и воплощает в себе представления о мире, семейных традициях, верованиях.

Обряды занимают особое место в народной культуре, так как они архаичны, глубоко традиционны и в то же время существуют в контексте нашей эпохи. Устойчивость свадебной традиции поддерживается представлением о семье и браке как необходимых условиях благополучия человека и его успешной реализации в обществе.

Разнообразные факты об обрядовых традициях содержатся в трудах А.Н. Афанасьева, М. Забылина, Н.И. Костомарова, И.П. Сахарова, Л.Н. Майкова, П.В. Шейна и др. Описанию структуры свадебного обряда посвящены работы А.В. Гуры, В.П. Федоровой и др. Существует большое количество исследований, где делается анализ региональных свадебных обрядов (свадебный обряд Прикамья рассмотрен в статьях Т. Макашиной, свадебные традиции Тамбовского края изучены в работах Н.П. Гаген-Торн и Л.Ю. Евтихивой и др.)¹. Однако в настоящее время свадебная терминология не может считаться вполне изученной, так как отсутствует исчерпывающая по своей полноте картина распределения в пределах восточнославянского ареала лексики свадебного обряда.

¹ Гура А.В. Традиционная севернорусская свадьба // Играем свадьбу. М., 1987. С. 24-49; Федорова В.П. Свадьба на Ирюме. Челябинск, 1991; Макашина Т. Свадебный обряд Северного Прикамья // Играем свадьбу. М., 1987. С. 7-12; Евтихива Л.Ю. Структура и терминология свадебного обряда (на материале Тамбовских говоров): Дис...канд. филол. наук. Саратов, 1991; Прокопец О., Гилярова Л.М. Современная рязанская свадьба // Играем свадьбу. М., 1987. С. 151-167; Балашов Д.М., Марченко Ю.И., Калмыкова Н.И. Русская свадьба // Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтиуге (Тарногский район Вологодской области). М., 1985 и др.

Русские говоры Южного Урала относятся к говорам территории позднего заселения, специфической особенностью которых является их формирование на базе ранее сложившихся диалектных типов. В этом отношении интересно проследить степень сохранности лексики свадебного обряда исконных говоров в исследуемом регионе.

На территории Челябинской области сталкивались культурные явления, свойственные населению разных территорий России, происходило переплетение традиций, возникало взаимовлияние обычаев.

Материалы диалектологических экспедиций показали, что свадебный обряд на Южном Урале сформировался в основном под влиянием севернорусской культуры. Носители традиционной культуры вспоминают круговой сценарий свадебного действия: выкуп невесты, поездка в церковь, венчание, хождение по родне.

В предсвадебный период происходит сватовство невесты. *Сватовство* – самый употребительный термин для называния процесса предложения брака в русских говорах Южного Урала. На севере области встречается лексема *сватанье*, характерная для вологодских говоров (*Опосля сватанья я его невестой стала считаться, а так в ухажерках ходила*. Нязепетровский р-н). В говорах Чебаркульского р-на зафиксированы следующие однокоренные названия: *просватанье, высватанье, засватанье*.

Сватовство при обоюдном согласии сторон на брак завершается застольем, которое в большинстве южноуральских говоров называется *сговором*, т.к. за столом оговариваются сроки и условия свадьбы, размер приданого и т.д. Брак как выгодную для обеих сторон сделку принято отмечать совместным распитием спиртного, поэтому второе место по частотности занимают слова с корнем *пилпой-*: *запой / запойка* (15% – Чебаркульский, Кизильский, Брединский и др. р-ны), *пропой / пропойка* (45% – Чебаркульский, Уйский, Троицкий, Чесменский и др. р-ны). В.И. Даль дает следующее этнографическое пояснение: «*Запой невесты; запоины, запойка, заручины*: пирушка между своими, запивают просватанную невесту. Запове бывает местами два и даже три; на первом дают согласие и решают кладку и приданое, на втором – заручины, род обручения, бьют по рукам, третий запой – девичник» (Даль 1: 614). Лексема *зарученье* отмечена в п. Краснинском Верхнеуральского р-на, п. Атамановском Брединского р-на. По данным СРНГ, так же называют праздник с угощением в честь обручения, сговора в новгородских, архангельских, костромских, томских говорах (СРНГ 11: 11).

Термин *рукобитие* сохраняется только в пассивном словарном запасе носителей традиции в северных районах области и в Верхнеуральском р-не.

В казачьих говорах Южного Урала при *кладке* «договариваются о подарках для жениха и невесты». Данный термин имеет очень широкий ареал распространения: симбирские, пензенские, донские, воронежские,

тамбовские, саратовские, тульские, рязанские, московские, владимирские, ярославские, калужские и др. (СРНГ 13: 256).

В прошлом свадебный обряд в русских говорах Южного Урала имел достаточно разветвленную структуру. Однако в настоящее время трудно разграничить этапы и ритуалы свадьбы. Сватовство сливается с ритуалами выбора сватов и смотринами невесты. В говоре с/х Петропавловского Верхнеуральского р-на употребляется термин *глядяны*, встречающийся в олонечких и костромских говорах (СРНГ 6: 230-231).

В период подготовки к свадьбе совершается осмотр хозяйства жениха. На севере области ходят *мерить занавески*, в с. Степное Верхнеуральского р-на – *на обмер*, в с. Кундравы Чебаркульского р-на – *смотреть стайки, смотреть базовки*, в с. Маскайка Чебаркульского р-на – *ворота мерить*. В п. Атамановский Брединского р-на осмотр хозяйства жениха называется *поглядением*.

Перед свадьбой организуются *девичники*. Наиболее употребителен для традиционного говора термин *законна вечёрка* (Все подружки уж приглашаются на законну вечерку. Жених свою вечерку, если хочет, собирает, а невеста уж обязательно должна сделать законну вечерку). *Мальчишник* во всех деревнях Верхнеуральского р-на рассматривается как прощание жениха с холостой жизнью. В Чебаркульском р-не используется термин *парнишник*.

Носители традиции рассказывают о *катании девы-красоты / девьей красоты / девичей красы* (представлено в 60% исследованных населенных пунктов области). *Дева-красота* как символ девичества широко известен в русских говорах исконной территории. На севере Челябинской области и в Чебаркульском р-не *дева-красота* – это чаще украшение, лента в косе девушки, а на юге области – украшенное деревце, ветка дерева.

События свадебного дня могут развиваться в говорах Южного Урала по нескольким сценариям, но повсеместно сохраняется *выкуп* невесты. В Чебаркульском р-не встречается вариант – *откуп*. В с. Шемаха Нязепетровского района идут *невесту куплять*.

Для обозначения свадебного пира в говорах Южного Урала используются такие номинации, как *свадьба / свальба* (70%), *свадебный пир* (5%), *пировка* (8%), *гулянка* (10%), *застолье* (3%), *отстолование* (3%).

По бытованию в русских говорах Челябинской области наименований процесса одаривания молодых во время свадебного пира четко противопоставляется северо-западная часть области, где локализуется устойчивое сочетание *положить на пирог* (в пограничном Чебаркульском р-не отмечены варианты *откупать пирог* (5%), *разыграть рыбный пирог* (17%)), и юго-западная часть области с сохранением и в говоре устойчивого сочетания *класть на сыр*.

Для говоров юго-западной части области характерно наличие термина *гарны / горной* для обозначения свадебного стола у жениха, а гостей на свадьбе называют *гарными гостями*. Слово *гарный* заимствовано из

украинского языка. СРНГ приводит несколько значений этого слова, одно из которых связано со свадебным обрядом: 'свадебный, имеющий отношение к свадебному пиршеству' (СРНГ 6: 146-147). Данное значение зафиксировано в нижегородских, пензенских, саратовских говорах. *Гарные гости* как 'наиболее почетные лица, участвующие в свадебном поезде' и *гарный стол* в значении 'пир у молодых после венчанья' встречаются в тех же говорах (СРНГ 6: 146-147). В речи носителей говора п. Атамановский Брединского р-на термин *горной* может выступать как синоним к слову *мальчишник*.

Все важнейшие ритуалы на Южном Урале совершаются в доме невесты: сватовство, девичник, выкуп, *расплетание косы* (в п. Красинском Верхнеуральского р-на *закручивать шишку*), второй день свадьбы, обязательным атрибутом которого являются блины.

В преобладающем большинстве говоров на второй день свадьбы ходят к *теще на блины*. *Блины* в значении 'стол у родителей молодой на другой день свадьбы' встречается в смоленских, вологодских, астраханских говорах (СРНГ 3: 25). Наименование *блинный день* имеет большой ареал распространения на Среднем Урале.

В чебаркульских говорах отмечено самое большое разнообразие номинаций посещения родителей невесты молодыми: *отпотчевание* (19%), *опохмелки* (12%), *запировывание* (12%), *подпировки* (11%), *отпировки* (7%), *отпирки* (7%), *отгул* (7%), *отводы* (7%), *отводины* (15%), *на пельмени* (5%), *на ячницу* (3%), *праздник* (3%), *позов* (2%). В говоре с. Форштадт Верхнеуральского р-на в данном значении употребляется лексема *перезва*, характерная для курских говоров (СРНГ 26: 109).

Для характеристики последнего дня свадьбы носители южноуральских говоров используют следующие слова и словосочетания: *выметание* (северные р-ны области, 70% чебаркульских говоров), *расхоже* (с. Кумляк Уйского р-на, п. Тарутино Чесменского р-на), *разгон / разгонный день* (Верхнеуральский р-н, Брединский р-н), *концы хоронить* (14% чебаркульских говоров), *тушить / затушить / потушить свадьбу* (Октябрьский и Кизильский р-ны). Отголоском былого хождения по родне можно считать такие устойчивые выражения, как *поганые лепешки* (Уйский р-н), *поганые куски* (Чесменский р-н), *собрать корки* (5% чебаркульских говоров), *горелы корки* (с. Кумляк Уйского р-на).

Основанием для номинации свадебного действия в говорах может служить:

- обозначение участников обрядового действия (*девичник, мальчишник*);
- действие, характеризующее данный этап обряда (*разгон*);
- блюдо, являющееся символом обрядового действия (*блинный день*).

Основные диалектные различия между говорами заключаются в том, что, во-первых, одна и та же реалья может быть обозначена в говорах разными лексемами (например, просватанная невеста в говорах

с. Форштадт и с/х Петропавловском Верхнеуральского р-на именуется *просватанка*, а в говоре п. Краснинска – *зарученная*, в с. Большакова Чебаркульского р-на – *сиденка*; первая лексема употребляется в вологодском, свердловском говорах, а вторая – в смоленском, калужском, костромском, липецком, тамбовском говорах (СРНГ 11: 11), во-вторых, возможны случаи, когда в одном говоре бытует диалектное слово, а в другом говоре функционирует общеупотребительное, и наоборот (*венчание* (100%) / *обручение* (4%); *бесприданница* (100%), а в п. Краснинском Верхнеуральского р-на зафиксировано в этом значении слово *безданница*, которое распространено также в саратовских говорах (СРНГ 2: 186).

Можно отметить фонематические различия между исследуемыми говорами (*кресна* – *хресна*); акцентологические (*приданое* – *приданое*); словообразовательные (*сваха* – *свашка* – *сваговщица*).

Собранный материал (179 лексем) позволил выделить три основные тематические группы: лексика, связанная со структурой свадебного обряда (83% составляет диалектная лексика); лексика, обозначающая участников обряда (в качестве главных распорядителей на свадьбе в некоторых районах и в настоящее время выступают *дружки*); лексика, сопутствующая свадебному обряду (предметно-бытовая; называющая обереги и пр.). Две последние группы немногочисленны. В их состав входят обрядовые термины (*дружка* / *дружко*, *примак* (мужчина, принятый в доме жены) и др.), межобрядовые (*рядихи* / *снарядовиши* / *ряженые* и др.) и нетерминологические наименования (*калинка*, *становина*, *зерно* и др.).

Отличительной особенностью лексики, связанной со структурой свадебного обряда, является ее семантическая прозрачность. Это в основном глагольные словосочетания (глагол + сущ. в вин. п. с предлогом и без: *положить на пирог*, *откупать пирог*, *закручивать шишку* и под.) и отглагольные существительные (например, в чебаркульских говорах *простины* 'обряд прощения родителями молодых за самовольный побег невесты из дома' и др.)

В целом лексика и фразеология свадебного обряда в русских говорах Южного Урала имеет праславянские корни и представляет собой общерусский лексический пласт, заимствования составляют только 3% (например, термин *хаир* для наименования ритуала ряжения в верхнеуральских говорах).

Ареальные различия в номинациях одних и тех же элементов в большей степени связаны с особенностями заселения районов Челябинской области. Выявление ареала распространения анализируемых лексем в исконных говорах по данным Словаря русских народных говоров, Словаря В.И. Даля показало, что 70% диалектных слов встречается на территории говоров северного наречия, что еще раз подтверждает севернорусскую основу большинства говоров Южного Урала.

О диахроническом подходе в этнопсихолингвистических исследованиях

Термин «этнопсихолингвистика» зародился в рамках Московской психолингвистической школы и был предложен А.А. Леонтьевым в 1977 г. Им же был обрисован основной круг теоретических и прикладных проблем, которые должны были решаться исследователями в этой области¹. С начала 90-х гг. в Московской психолингвистической школе формируется «новая методологическая база для этнопсихолингвистических исследований: центральной проблемой становится исследование национально-культурной специфики языкового сознания»². Этот методологический поворот связан с введением понятий языкового сознания и межкультурного общения как онтологии анализа языкового сознания. Основы изучения этнокультурной обусловленности языкового сознания были заложены Н.В. Уфимцевой в 1996 г.³ Отметим объяснительный характер этих исследований, стремление не только зафиксировать содержание образов сознания, стоящих за словами конкретного языка, но и интерпретировать это содержание, объяснить его этнокультурную специфику и устойчивость, выявить пути и способы овладения языком и культурой в онтогенезе и научении.

Особым направлением исследования динамики языкового сознания русских в трудах Н.В. Уфимцевой является своеобразное обращение к «доистории», то, что она сама называет «археологией языкового сознания»⁴. Ядро менталитета любого этноса сформировалось на ранних стадиях этногенеза и сохраняется на протяжении всей жизни этноса. Н.В. Уфимцева предприняла попытку сравнить «системность и содержание образа мира русских, выявленного по материалам Русского ассоциативного словаря с результатами реконструкции языкового сознания человека, жившего в X-XI вв.»⁵. Для сравнения привлекались материалы

¹ Леонтьев А.А. Национальные особенности коммуникации как междисциплинарная проблема. Объем, задачи и методы психолингвистики // Национально-культурная специфика языкового поведения. М., 1977. С. 5-14.

² Уфимцева Н.В. Языковое сознание: этнопсихолингвистическая парадигма исследования // Методология современной психолингвистики: Сборник статей. М., 2003. С. 165.

³ Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сборник статей. М., 1996. С. 139-162.

⁴ Уфимцева Н.В. Археология языкового сознания: первые результаты // Язык. Сознание. Культура: Сборник статей / Под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. М., 2005. С. 205-216.

⁵ Там же. С. 206.

монографии Т.И. Вендиной «Средневековый человек в зеркале старославянского языка»¹.

В результате проведенного анализа Н.В. Уфимцева пришла к выводу, что «молчаливое наследие Средневековья действительно живет в образе мира современных русских, в том числе и в структуре, в укладе их бессознательной духовности. <...> В языковом сознании современных русских отражаются многие особенности нашего этнического характера, основы которого были заложены Православием, и материалы Русского ассоциативного словаря могут с успехом использоваться не только для изучения собственно языковых структур, но, наряду с результатами социально- и этнопсихологических исследований, служить достоверным материалом для исследований культурных стереотипов современных русских»².

Насколько правомерно использовать для «реконструкций» подобного рода исследования по истории языка, выполненные современными учеными на материале древних источников, и насколько достоверны результаты таких «реконструкций»?

Ответ представляется нам положительным. Использование древних текстов и исследований, выполненных на этом материале, вполне возможно и правомерно для выявления культурных архетипов (архетипов языкового сознания). В качестве источников могут выступать сами тексты, созданные в разное время жизни этноса, исторические и этимологические словари, научные работы, рассматривающие проблемы исторической грамматики, словообразования, лексикологии, семантики и др., поскольку они обрабатывают, описывают, упорядочивают этот материал. Ассоциативных словарей древнего периода не существует, и исследователь языкового сознания, если он обращается к историческим корням этноса, его культуре и языку, вынужден иметь дело с тем, что есть, что сохранилось, что осталось. Ученый может ставить перед собой разные научные задачи, использовать разные методы. Но в любом случае он имеет дело с языком, «с пространством смыслов, в котором живет человек»³. «Древнее слово в этом случае предстает перед лингвистом таким же, как старый черепок в разрытом кургане, но это след не материальной, а духовной культуры народа, создавшего такое слово»⁴.

В языкознании традиция рассматривать язык в связи с историей народа, развитием его культуры и мышления ведет свое начало от В. фон Гумбольдта. В отечественной науке о языке этот подход представлен прежде всего трудами А.А. Потебни, Ф.И. Буслаева, Б.А. Ларина и др. Отечественным языкознанием к настоящему времени накоплен обшир-

ный материал, который позволяет реконструировать по таким остаткам древние представления о мире и систему ценностей человека, которые отразились в языке. «Дописьменная история культуры запечатлена не в археологических памятниках (не в "костях"), а в самом значении слов, представляющих собой развитие индоевропейского культурного наследия. Исконный словарный состав – вот первое оригинальное достояние русской культуры»¹.

После принятия христианства русский язык на длительное время стал «двуипостасным»², вобравшим в себя две языковые стихии и, соответственно, выступающим в виде двух стихий – народной русской речи, с одной стороны, и церковнославянского (старославянского, языка древних переводов) языка – с другой. В.В. Колесов говорит о столкновении двух культур: языческой (славянской) и христианской (византийской)³.

В настоящее время в нашем распоряжении имеются две монографии, посвященные реконструкции образа мира человека славянского (русского) средневековья: Т.И. Вендиной «Средневековый человек в зеркале старославянского языка» и В.В. Колесов «Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека». В центре обоих исследований стоит средневековый человек: «средний человек русского средневековья»⁴, т.е. древний русич, и окружающий его мир, и «средневековый человек в зеркале старославянского языка» (Т.И. Вендина), т.е. православный славянин раннего средневековья. В книге Т.И. Вендиной целью является портрет, описание средневекового человека, его «переживающее я-сознание». В книге В.В. Колесова – коренные элементы представлений Древней Руси о мире и человеке в их развитии.

Авторы подходят к исследованию с разных позиций и пользуются методами, в основе которых лежит поиск внутренней формы слова. Т.И. Вендина называет избранный ею подход к изучению производного слова субстратным. Он предполагает, с одной стороны, выявление его внутренней формы, а с другой – выяснение того духовного начала, тех этнокультурных императивов, которые привели к актуализации данной формы, т.е., в конечном итоге, познание «бессознательной духовности народа, системы ценностей его культуры, ибо связь языка, а точнее его зависимость от сознания и культуры и создает тот культурный субстрат, в котором он живет и развивается»⁵. Свой подход В.В. Колесов определяет через цепочку «образ – понятие – слово». «Признак всегда образ, история каждого древнего слова и есть сгущение образов – исходных представлений в законченное понятие о предмете»⁶. Каждое древнее

¹ Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002.

² Уфимцева Н.В. Архетипы языкового сознания русских на пороге XXI века //

XI Конгресс МАПРЯЛ. Пленарные доклады //

<http://www.mapryal.org/congressXI/Materials/plenary/Ufimceva.pdf>

³ Вендина Т.И. Указ. соч. С. 17.

⁴ Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000. С. 13.

¹ Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 2001. С. 6.

² Там же.

³ Колесов В.В. Указ. соч. С. 15.

⁴ Там же.

⁵ Вендина Т.И. Указ. соч. С. 10-11.

⁶ Колесов В.В. Указ. соч. С. 11.

слово по исходному своему смыслу является мотивированным, и в своей реконструкции всегда можно сказать, что именно лежит в основе данного исходного представления.

В качестве материала для исследования В.В. Колесов берет широкий круг древнерусских письменных памятников в пределах допетровской Руси. Среди них летописи, тексты церковной литературы разных жанров, деловые памятники, памятники светской повествовательной литературы. Автор придает большое значение роли текста. Именно в текстах, по его мнению, «как мушка в янтаре», навсегда сохранились именно те «значения» слова, которые были в то время, когда они создавались. Художественность средневекового мышления проявляется в преимущественном внимании к вещественности материальных признаков, избегавших чрезмерной отвлеченности, свойственной нашему времени. Потому смысл древнерусского слова всегда раскрывался конкретно, именно в этом тексте¹.

Материалом для исследования Т.И. Вендиной послужили дериваты со значением лица, извлеченные из «Старославянского словаря», который дает исчерпывающее описание 18 древнейших памятников старославянской письменности. Опережая упреки в тематической ограниченности памятников, на основе которых выполняется реконструкция, Т.И. Вендина отмечает, что «законы смыслообразования (в том числе и номинации) не зависят от памятника письменности»². В то же время она признает, что старославянский язык, как язык сакральный, репрезентирующий совершенно определенный тип культуры, накладывал определенные смысловые ограничения на организацию ментально-культурного пространства. Именно поэтому реконструируемый ею портрет – это портрет средневекового человека, «который мы видим в зеркале старославянского языка»³.

В результате в этом «зеркале» отразился «тип довольно суровой культуры с высокой степенью самоограничения человека, репрессии не только его естественных потребностей, но и личных жизненных целей в пользу глобальной культурной ценности – Бога»⁴. Средневековый человек выглядит как социальный интроверт, имеющий замкнутый круг общения, тесно связанный в своей жизни с небольшой группой людей (семья, род, племя). Подлинной реальностью для него был мир божественных сущностей, постижение которых являлось смыслом его бытия. Свою главную жизненную опору он видел в Боге, «который для него не только нравственно-этический идеал, но и защитник и хранитель, помощник и

¹ Там же. С. 12.

² Вендина Т.И. Указ. соч. С. 17.

³ Там же. С. 18.

⁴ Вендина Т.И. Указ. соч. С. 312-313.

заступник, наставник и спаситель, попечитель и судья, утешитель и целитель его скорбящей души»¹.

Насколько достоверны и объективны такие реконструкции? С тех времен, когда языкознание обратилось к реконструкции, в рамках сравнительно-исторического метода, реконструкция мыслилась как гипотеза. Следовательно, степень достоверности и объективности реконструкции не может превышать степени достоверности и объективности гипотезы.

В связи с обсуждаемой проблемой вспоминаются рассуждения Е.Ф. Тарасова не по этому, но близкому вопросу, которые касаются книг Ю.С. Степанова «Константы: Словарь русской культуры» и В.В. Колесова «Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека». Представленные в словаре концепты объективно существуют в качестве ментефактов, формируясь в сознании при чтении словаря, а затем сохраняясь в долговременной памяти интерпретатора его текста, но уже не с опорой на тела языковых знаков словаря, а с опорой на образы сознания различной психической модальности, которые создавались при его чтении. Текст словаря – это знаковая форма существования ментефактов. Однако концепты как ментефакты не «живут» в словаре. «Строго говоря, в Словаре содержатся не овнешнители самих концептов, а овнешнители рефлексии автора Словаря над этими концептами, ментефакты как объект анализа существуют всегда только в чьей-либо рефлексии, ибо в момент производства ментефакты недоступны для анализа, они анализируются только post hoc»². Е.Ф. Тарасов подчеркивает, что оба автора (Ю.С. Степанов и В.В. Колесов) формируют новое знание как содержание читаемых ими текстов. Это формируемое ими новое знание «не есть действительные ментефакты прежних носителей русской культуры, а только являются гипотетическими ментефактами, которые однако для всех читателей указанных книг отныне будут, подчеркнем этот факт, неотделимы от этой рефлексии»³.

С опорой на принцип дополнительности, который при исследовании языкового сознания является необходимым, подобные гипотетические ментефакты выступают в качестве еще одного «прибора» со своей «мерностью». Результаты исследования с помощью этого «прибора» выступают как дополнительные по отношению к данным, полученным с помощью других «приборов».

¹ Там же. С. 314-315.

² Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира: Сборник статей. М., 2000. С. 30.

³ Там же. С. 31.

История и культура этноса в слове и тексте (на материале пермской этнонимии)

Важной составной частью национального менталитета является этничность – совокупность отличительных черт и особенностей той или иной культуры. История и культура народа не только отражены в самих названиях народов (этнонимах), но и проявляются в особенностях их функционирования – появлении у них коннотации, образовании на их базе устойчивых сочетаний и т.д. Рассмотрим это на примере этнонимии Пермского края.

Этнонимикон определенной территории в такой же степени является отражением этнической истории народов, населяющих определенную местность, как антропонимикон или топонимикон.

Какая именно этноисторическая информация заложена в названиях народов?

Во-первых, информация об ареале расселения того или иного этноса. Ее содержат обычно этнические имена, являющиеся научными терминами. Так, уже в самом этнониме *коми-язьвинцы* обозначен ареал формирования данной этнической группы: «Предки коми-язьвинцев в X-XV вв. занимали обширную территорию междуречья Камы, Вишеры, Колвы. Как установили археологи, по реке Язьве они имели селище у д. Егорова и могильник у д. Суянкова»¹.

Во-вторых, информация о прежнем месте жительства. *Чердаками* называют представителей этнической группы русских в Куединском, Чернушинском, Октябрьском р-нах. Группа сформировалась в первой половине XIX в. из переселенцев Чердынского уезда Пермской губернии. *Зюздинцы* – название этнической группы коми-пермяков в верховьях р. Камы. «По мнению жителей, название этнической группы происходит от названия притока р. Камы – Сюзьва, где прежде жили предки Зюздинских коми-пермяков»².

В-третьих, информация о связях данного этноса с другими народами. Так, самоназвание коми-язьвинцев – *пермяки*. Оно говорит о том, что данная этническая группа родственна коми-пермякам и коми-зырянам.

В-четвертых, информация об особенностях культуры и традиций данного этноса. Жителей д. Коми-Березовки, предки которых на рубеже XIX-XX вв. переселились из коми-зырянского села Усть-Нем (бассейн Вычегды), «соседнее русское население называло *лопарями некреще-*

ными за то, что подобного населения, к тому же и не посещавшего храмы, не было»¹.

О том, что родиной многих народов уже давно является Пермский край, можно судить даже по названиям этнических групп, сформировавшихся здесь: *пермские (бардымские) башкиры, пермские поляки* и т.д. Так, «пермские (бардымские) башкиры – северная группа башкирского народа, населяющая территорию Бардымского р-на»².

А. Гжибовский, один из авторов книги «Пермские поляки», считает, что представителей польского народа, живущих в Пермском крае, «можно называть по-разному: кого-то – пермскими поляками, кого-то – польскими пермяками, в зависимости от того, кто сколько прожил на Пермской земле»³.

Но источником этноисторической информации являются не только сами этнические имена, но и многочисленные образования от них. Пермские фамилии *Вогулкин, Башкирцов, Вотяков, Татаринев, Югринов* и многие другие произошли от прозвищ, имеющих в основе этноним. Соответственно, такой антропоним несет информацию либо об этнической принадлежности носителей фамилии, либо о национальности предков, либо просто о внешнем сходстве какого-либо носителя фамилии с типичными представителями определенного этноса.

Этнотопонимия Прикамья также является зеркалом этноисторических процессов. Этнические имена лежат в основе названий пермских гидронимов (р. Вогулка), ойконимов (д. Мордовка), оронимов (камень Еран), микротопонимов (Вогульские чурки) и т.д. Этнотопонимы, появляясь обычно в зонах смешанных в этническом составе поселений, отражают, с одной стороны, контакты разных этносов, с другой – разграничивают «зоны их влияния», ср.: д. Русская Еманзельга – д. Татарская Еманзельга, д. Русская Шишмара – д. Татарская Шишмара, д. Русский Таз – д. Татарский Таз.

Наиболее значительными, по наблюдениям историков, во второй половине XVI в. «были переселения коми-зырян вместе с русскими в Верхнее и Среднее Прикамье в родственную этническую среду коми-пермяков и в русские поселения. Эти переселения шли по путям, проложенным их предками»⁴. Отсюда названия деревень Зыряново, Зырянка, этнонимное прозвище Зырян, давшее впоследствии пермскую фамилию Зырянов.

В 1578 г. в Чердынском уезде была д. Вотцкая, название которой связано с этнонимом удмуртов. Как отмечают историки, «удмурты чаще

¹ Чагин Г.Н. Коми-язьвинские пермяки – древнейший народ Северного Урала. Красновишерск, 2002. С. 3.

² Чагин Г.Н. Зюздинские коми-пермяки; Народы Прикамья; Русские; Сылвенские марийцы; Оханские коми-пермяки // Материалы по Пермской области к Уральской исторической энциклопедии. Пермь, 1994. Вып. 1. С. 31.

¹ Чагин Г.Н. Присловья Чердынской земли // Проблемные вопросы историко-культурного наследия Урала. Соликамск, 1996. С. 95-100.

² Чагин Г.Н. Зюздинские коми-пермяки. С. 41.

³ Пермские поляки. Пермь, 2001.

⁴ Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVIII века. Иркутск, 1990. С. 133.

всего селятся в местах обитания коми-пермяков, в более или менее родственной этнической среде»¹.

Информацию о материальной культуре народа содержат словосочетания, имеющие в своем составе этнические маркеры. Русская баня, русский танец, русский сарафан, татарский платок, татарские носки, татарские галоши – своеобразие традиционной культуры того или иного народа находит отражение в данных сочетаниях терминологического характера. Они употребительны в живой речи, их используют пермские писатели в художественных описаниях, связанных с историческим прошлым края: «Они были узкие, с широкими полозьями – почти **вогульские нарты**»; «*Шакула с натугой резал книги по переплету большим вогульским ножом*»².

Информацию о духовной культуре народа несут выражения, содержащие этическую оценку поведения представителей «чужого» этноса. Особенно яркой репрезентацией этого служат фразы, содержащие наречия **по-русски, по-татарски, по-цыгански**, устойчивые сравнения **как цыгане, как вогулы** и т.д.: *Ты что, даже шапку не снимаешь? По-татарски что ли?; Издят где-ко. Как цыгане, с места на место* (д. Акчим). Особенности поведения представителей других этносов через систему ассоциативных смыслов отражаются в языковой картине мира.

Особенно интересен в плане образования различных ассоциативных смыслов и легенд древний пермский народ **чудь**. Этим термином называют обычно финно-угорское население, с которым русские пришли в соприкосновение в связи с продвижением на восток.

Происхождение слова «чудь» связывают с германским словом *тьюдоо*, обозначающим 'свой народ, свои люди'. Славяне же переделали это в *чудь* и придали значение 'чужой народ, чужие люди', какими для них являлись древние германцы. Восточные славяне впоследствии распространили термин *чудь* на северные народы³. По мнению Л.П. Лашука, легенды о чуди «распространялись из северодвинского бассейна на восток по мере продвижения русских на Вычегоду, в Приуралье и Припечерье»⁴.

От корня *чуд* было образовано прилагательное *чудской* (*чудской народ, чудские люди*), которое в чокающих русских говорах стало звучать *чучкой*, отсюда слова *чучка, чучкан, чучканы* в пермских говорах в значении 'темные необразованные люди'.

Места предполагаемого самозахоронения чуди стали называться *чудскими городищами*. У иньвенских коми-пермяков они были необитаемы и непосещаемы.

¹ Там же. С. 134.

² Иванов А. Золото бунта. М., 2005. С. 386-388.

³ Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947. С. 25.

⁴ Лашук Л.П. Чудь историческая и чудь легендарная // Вопросы истории. 1969. № 10. С. 215.

В легендах иньвенских пермяков чудское происхождение имеет богатырь Илья Муромец: *Чучкие люди знали очень много. Бог их наказал за их знания. Он всех их превратил в камень. Чучкие люди хотели повернуть землю. Они вбили в землю семисаженный кол из железа. Велели Илье Муромцу первому лечь на землю и вертеть кол. Как только Илья Муромец лег на землю, так и заснул. Бог не хотел этого допустить, так как Илья Муромец тоже был из чучких людей* (Записал В. П. Налимов в с. Архангельское)¹.

Таким образом, пермский этнонимикон, включающий названия многочисленных этносов, проживающих на территории Прикамья, является ярким отражением этнической истории края. Этноисторической информацией обладают как сами названия этносов, в которых заложена информация об ареалах расселения народов, прежнем месте жительства, связях с другими народами, особенностях поведения представителей этноса, так и многочисленные образования от них.

Все это находит отражение в художественных текстах пермских писателей, повествующих о традициях и культуре народов, населяющих край. Так, роман Евдокии Туровой «Слезы лиственницы» рассказывает о жизни крестьян-староверов Оханского уезда Пермской губернии. Поэтому в языке персонажей этого романа оппозиция «свой» – «чужой» проявляется особенно отчетливо, ведь старообрядцы очень дистанцировались от окружающих. Звучит это противопоставление и в словах автора. Являясь потомком крестьян-староверов, Е. Турова с уважением и пониманием относится к позиции старообрядцев и вместе с тем умеет представить в романе другие взгляды, картину мира не только русского населения деревни, но и вогулов, вотяков и т.д.

Рассмотрим, каким образом вербализуется названная оппозиция в языковой картине мира русских героев романа. Одной из особенностей функционирования этнонимов является генерализация этнонимического значения. Так, лексема *немец* в употреблении персонажей романа означает не представителя определенной национальности, а чужого вообще: *– Выхлебат, сколь ни поставь. Обык он уже, Дуро-то. А не поставишь – ничё будто и не понимает, глядит. Чё ему – немец. – Не немец. Хранцуз. – Да всё одно – немец*².

В картине мира героев романа разных национальностей отмечены следующие черты этнических образов соседей:

1. Особенности вероисповедания: *Тятя и сказывал про Вотячку го-ру. Не проста гора-то была – молельна гора у вотяков.*
2. Отличительные черты антропонимикона: *А тетя Руми? Имя какое-то нерусское, я и не знаю таких в деревне.*

¹ Цит. по: Чагин Г.Н. Этности и культуры на стыке Европы и Азии. Пермь, 2002. С. 103.

² Здесь и далее цит. по: Турова Е. Кержаки. Проза. Пермь, 2007.

3. Особенности характера и поведения: Как у русского чё выпросить, русский знают, а чуть чё – сразу по-русски плохо! Шибко оне хитрые, вот чё.

4. Внешние отличия: Она скоро затосковала среди русских. Какие они некрасивые: лица белые, глаза круглые!; Вотяки народ некрупный, светлоглазый, с жидкими светлыми волосами.

5. Языковые особенности: Русские же умеют разговаривать только словами, они знают очень много слов. Как можно знать столько слов? Трудно разговаривать с русскими.

6. Отличия в обрядах и традиционной культуре: Она собралась в далекую страну Ымме. Пусть русские глубоко закапывают в холодную землю своих умерших. Она не хочет туда.

Вместе с тем писатель отмечает толерантность жителей, их понимание того, что каждый народ вправе иметь свою культуру и традиции: В пермских деревнях тайком вырезали из дерева старых идолов, ходили к старинным чудским ямам. «Оне так живут, а мы едак, кому ведь чё», – вот основное жизненное правило, произносившееся тут по-русски, по-пермьски, по-вотяцки.

Особенно подробно описывается в романе одна из этноконфессиональных групп русских – старообрядцы. По наблюдениям историков, «по числу старообрядцев Пермская губерния в XIX веке занимала одно из первых мест в России»¹.

Когда один из героев романа, иностранец Пьер Дюро, в первый раз заехал к староверам, он подумал было, что попал в другую страну. Чем отличаются старообрядцы? Во-первых, своей хозяйственностью: Староверческая была деревня-то, богатая, ленивых да нищих не бывало. Рубили много, жили как-то по совести. Поэтому и продукты у них были всегда лучше, чем у других: Все до единого в Оханске знали, что покупать на ярмарке мед или муку лучше у этих самых раскольников. Мед уж точно будет без крахмала, а мука – без песка. Вместе с тем они признавали не все продукты, которые ели русские: Старики-староверы картошку не садили: мол, она нам ни к чему. Картофель называли кобелиными яйцами, бесовским хлебом или похотной сладью. Во-вторых, самоуважением: Дюро и сам заметил: спина у этих староверов прямая, как будто доска сзади приколочена. В присутствии такой зайдет, шалку сымет, а чтоб в пояс – никогда. Это самоуважение во многом продиктовано опять же их хозяйственной независимостью: Пермского кержака упертого, его ведь не нагнешь. Он от земли этой суровой умеет взять и пропитание, и одежду. В-третьих, обособленностью жизни: Староверы так-то к себе никого чужого не пускали, а для всяких проверяющих была построена отдельная, мирская изба; Воды из колодца чужому не дадут, а то, мол, колодец опоганится. Староверы, одно слово. В-четвертых, набожностью: И чего хо-

рошего к староверам идти: у их только и знай – молиться да робить. Но набожность эта не сводилась к чтению религиозной литературы: Не по силам человеческому уму постигать Господни слова, так староверы думали. Убеждены были, что, если Библию до конца прочитаешь, умом непременно тронешься. В-пятых, особенностями внешнего вида: Да и как-то не мог он там без бороды, со «скобленой рожей» объявиться. Это ж для старовера – все равно, что без штанов.

Старообрядцы могли отличить «своего» даже по взгляду: Глаз у ей какой-то ненашенский, думалось иной раз. У старовера глаз круглый, твердый, глядит – не сморгнет. А у Татьяны глаза длинные, аж с лица будто загибаются.

Одним из старообрядческих согласий, представленных в Оханском р-не, были так называемые **бегуны**. Иной раз встанет деревня, живет зиму-другую, а потом в ночь снимется и убередет – бегуны, они и есть; Бегуны не признавали ни священства, ни брака, уходили-убегали в глухие леса, в поиски Беловодья, в глухое «нетовство».

Автор романа, являясь потомком старообрядцев, высказывает устами героев и свои взгляды на старообрядчество: Чистоплотность, трезвость, семейственность и целесообразность всей жизни – отжившая традиция?! Где это она, интересно, в России бытовала и уже отжила? До кержацких-то традиций никто еще в России и не дожил.

Интересны для читателей романа моменты, связанные с пермской чудью – народом, который ученые считают предками современного финно-угорского населения Прикамья: Говорят, что водился тут раньше по лесам такой мелкий народец, рослому мужику по колено, – чуды, чудь белоглазая. Чуды для русских – нечто вроде духов, которые могут быть злыми, если с ними не ладишь, и добрыми, если подружишься: Филипп Логинович отправляет Григория с семьей на дальнюю пасеку, к чудам. Чуды стерегли пасеку от медведей и бродячего народа» «то ни начнешь на пасеке делать али топором рубить, обязательно несколько чудей придут – удивляться. Чудь, одно слово; Чудам очень любопытны были большие люди. Большая частенько обижали их, поэтому чудь научилась прятаться и начала разбираться в добре и зле <...> А если к ней без злобы и насмешки, то нет лучше друга, чем чудь.

Таким образом, роман Е. Туровой ярко репрезентирует оппозицию «своей» – «чужой», существующую в картине мира народов, населяющих Пермский край. Данная оппозиция является жизненно важной для такой этноконфессиональной группы русских, как кержаки. По некоторым признакам они близки казакам – этносоциальной группе русских, которых Е.В. Брысина называет социальными интровертами, которым характерна «обращенность внутрь своей малой первичной группы»¹. Старообрядцы также являются социальными интровертами, что позволяет им

¹ Черных А.В. Народы Пермского края. История и этнография. Пермь, 2007. С. 12.

¹ Брысина Е.В. Этнокультурная идиоматика донского казачества. Волгоград, 2003. С. 179.

выжить в тяжелых условиях и сохранить отличительные особенности своей культуры, уклада жизни и религиозных традиций.

Таким образом, исторические романы пермских писателей разрабатывают проблемы национальной ментальности. Специфика художественного пространства этих произведений обусловлена контаминацией различных «культурных пространств». В основе каждого культурного пространства лежит национально специфичная картина мира, одним из языковых средств репрезентации которой являются этнонимы. Названия народов, функционирующие в данных текстах, не только средство объективации, но и яркое средство художественной выразительности.

Е.В. Старостина
(Саратов)

Структура и содержание ассоциативного поля «ГОРОД»: динамический аспект

Исследование материалов ассоциативных словарей дает огромные возможности для изучения языкового сознания тех или иных групп испытуемых. Исследуя и сопоставляя различные ассоциативные массивы, мы можем получить данные о том, как влияют на содержание и структуру ассоциативного поля такие факторы, как возраст испытуемых, время проведения эксперимента. Многие исследователи отмечают, что такая зависимость существует, данные факторы оказывают сильнейшее влияние на характер ассоциативного реагирования (см. работы В.Е. Гольдина, Е.И. Горощко, И.Г. Овчинниковой).

Сопоставление ассоциативных материалов может вестись разными способами. Существует ряд количественных и качественных показателей, которые исследователь может использовать при сравнении¹. К качественным методам сравнения ассоциативных полей следует отнести сопоставление структуры поля, т.е. его «семантического гештальта» (в терминологии Ю.Н. Караулова) или «фрейма» (в терминологии В.Е. Гольдина).

Хотелось бы отметить, что структура ассоциативного поля «город» подробно описывается в работах В.Е. Гольдина, А.П. Сдобновой и А.М. Новиковой. В работе В.Е. Гольдина и А.П. Сдобновой сопоставляются представления городских и сельских школьников о городе и деревне. Материалом исследования послужил Ассоциативный словарь школьников г. Саратова и Саратовской области (АСШС). Испытуемыми в АСШС являлись школьники г. Саратова и Саратовской области с 1 по 11 классы, эксперименты проводились с 1998 г. по настоящее время.

¹ Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. Русская ассоциативная лексикография: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. Саратов, 2008. С. 43.

Как показало исследование В.Е. Гольдина и А.П. Сдобновой, ассоциативные поля «деревня» и «город» по ответам школьников могут быть представлены фреймовой системой шести слотов:

- 1) типичные деревенские/городские реалии;
- 2) деревенские/городские жители;
- 3) эмоции и оценки;
- 4) парадигма обозначений населенных пунктов;
- 5) отсылки к прецедентным текстам;
- 6) конкретные населенные пункты¹.

Фрейм «город» по ассоциациям городских школьников (138 реакций) выглядит следующим образом:

- 1) типичные городские реалии: **дома, дом², улицы, дороги, жильё, красивые постройки, свет, достопримечательность, заводы, машины, выхлопные газы, метрополитен, многоэтажный, пробки;**
- 2) жители города – **люди, много людей, многолюдный, народ, скопление людей, родные, богачи;**
- 3) эмоции и оценки: **большой, красивый, суэта, большое, огромный, великий, грязь, логово, далеко, загрязнение, задыхаться, плохо, место, место жительства, место обитания, мой родной, родное место, наш;**
- 4) парадигма обозначений населенных пунктов и административных единиц: **деревня, село, страна, государство, населенный пункт, область, станица, штат;**
- 5) прецедентные тексты – нет;
- 6) конкретные населенные пункты: *Энгельс, Саратов, Москва, герой-Москва, Анапа, Киев, Париж, Питер, Санкт-Петербург, Сочи, Шадринск;*
- 7) время: *вечер³.*

Фрейм «город» по ассоциациям сельских школьников (141 реакция):

- 1) типичные городские реалии: **машины, дом, журнал, кафе, кофемолка, красивые здания, магазин, переулок, покупки, учеба, пригород;**
- 2) жители города: **люди;**
- 3) эмоции и оценки: **большой, красивый, мой, большая деревня, близко, далеко отсюда, загрязненный, мутный воздух, класс, любимый, маленький, прекрасен, родина, родной, суэта, шумно, шумный, яма, заблудиться;**
- 4) парадигма обозначений населенных пунктов и административных единиц: **село, деревня, города, город, столица, поселок, населенный пункт, район, страна;**
- 5) прецедентные тексты: *которого нет, Сорочинск;*

¹ Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. Деревня и город в ассоциациях сельских школьников // Слово и предложение: Сб. науч. статей. Саратов, 2008 (в печати).

² Полу жирным шрифтом выделены наиболее частотные ответы соответствующих групп испытуемых.

³ Факультативный (необязательный) слот.

б) конкретные населенные пункты: **Саратов, Москва, Энгельс, Балаково, Архангельск, город Саратов, Дербент, Йошкар-Ола, Маркс, Милан**¹.

В работе А.М. Новиковой описывается структура ассоциативной статьи «город» по материалам Ассоциативного тезауруса русского языка (АТРЯ)² с использованием теории «семантического гештальта» Ю.Н. Караулова. Испытуемыми в АТРЯ являлись студенты высших учебных заведений в возрасте 17-25 лет, эксперименты проводились в к. 80-х – нач. 90-х гг.

Семантический гештальт «город» по материалам АТРЯ выглядит следующим образом:

I. Большой, молодой, красивый (148 реакций): *большой 55, герой 24, огромный 4, крупный 2, миллионный, областной, столичный, великий, грандиозный; вперед идущий, автомобильный, индустриальный, каменный, высотный, цивилизация; маленький 2, небольшой 2; молодой, будущего 4, новый 2, молод, строится, строят, строятся; древний 4, старый 3, славный; красивый 10, сад 2, великолепный, прекрасен, белый, зеленый, золотой, радости 8, сказок.*

II. Москва и деревня (144 реакции): *Москва 17, Челябинск 14, Саратов 8, Горький 6, Пермь 5, Ленинград 4, Курск 3, Владимир, Калинин, Лондон 2, Альдопардо, Батуми, Бухара, Градов, Златоуст, Иерусалим, Клиффорд, Назрань, Новгород, Нью-Йорк, Рига, Талин, Торжок; деревня 36, село 20, населенный пункт 4, поселок, пригород 2, город, селение, столица.*

III. Жизнь и люди (106 реакций): *родной 22, мой 8, детства 7, юности, жизни, любимый, наш; стоит, жил, жить, существовать; дом 6, квартира, люди 5, родина 3, детство, домой; незнакомый 2, чужой; тихий 2, тих, затих, деревянный, чистый, светлый 4, светло, солнечный, вольный, счастья, удачи, надежды 8; спит 9, спал 2, ночной 2, ночь, не спит, вечерний, вечером, просыпающийся.*

IV. Серый и грязный (61 реакция): *серый 2, шум 6, шумный, грязный 5, грязь 4, помощик, пыль, пыльный, в пыли, пыль от машин, дым 4, в дыму, дымный, трубы, газ, душный; в тумане 2, мираж, странный 2, неважный, агломерат, конгломерат, скопление пороков, бардак, суматоха, муравейник, спрут, лес; дураков, скучно, пустой, безлюдный, безмянный, надоел, не нравится, урбанизация; трущобы, голод, мор, обреченный, разрушить, смерти, умер.*

V. Дома и машины (45 реакций): *дома 15, здания, много домов, многоэтажные здания, строения, стена; башня, изба, коробка; банк, завод, замок; огни 2, в огнях, много огней; улица 2, улица с фонарями,*

площадь, проспект, народ, толпа; машина 5, автобус, метро, трамвай.

VI. Город в текстах культуры (30 реакций): *принял 6, Зеро 5, любимый 5, солнца 3, сад 2, большая деревня Москва, на Неве, над Невой Санкт-Петербург, невест Иванов, будет, врунов, лунов, мастеров; огород.*

VII. Город в географическом пространстве (16 реакций): *страна 2, провинция 2, район; далекий, далеко, на карте; самолет; в Крыму, на Волге, на море; река 2, берег*¹.

Несмотря на несколько иной принцип выделения групп реакций, можно заметить, что «фрейм» и «семантический гештальт», представляющие структуру ассоциативного поля «город», имеют несомненное сходство. Непосредственно соотносятся следующие слоты фрейма и семантического гештальта «город»:

Фрейм «город» по материалам АСШС		Семантический гештальт «город» по материалам АТРЯ
1) типичные городские реалии	↔	5) дома и машины
2) городские жители	↔	3) жизнь и люди
3) эмоции и оценки	↔	1) большой, молодой, красивый 3) жизнь и люди 4) серый и грязный
4) парадигма обозначений населенных пунктов	↔	2) Москва и деревня 7) город в географическом пространстве
5) отсылки к прецедентным текстам	↔	6) город в текстах культуры
6) конкретные населенные пункты	↔	2) Москва и деревня

Материалом настоящего исследования является электронная база ассоциативных реакций, в которой собраны результаты свободных ассоциативных экспериментов, проведенных нами с носителями русского языка, жителями г. Саратова и Саратовской области в возрасте 16-59 лет с различным уровнем образования. Эксперименты проводились в 2005-2007 гг. Объем базы на сегодня составляет 33 250 реакций на 100 стимулов, полученных от 665 испытуемых (на стимул «город» было получено 367 реакций).

Фрейм «город» по материалам ассоциативных экспериментов, проведенных нами с носителями русского языка, выглядит следующим образом:

1. Конкретные населенные пункты (93 реакции): *Саратов 40, Москва 16, Петровск 6, Ершов 5, Камышин 4, Красноармейск 3, Благовещенск 2, Вольск 2, Копне, Африка, Балаково, Белинский, Мурманск, Новомос-*

¹ Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. Деревня и город...

² Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Ассоциативный тезаурус русского языка: Русский ассоциативный словарь (АТРЯ). Кн. 1-6. М., 1994-1999.

¹ Новикова А.М. «Семантический гештальт» в структуре ассоциативного поля. М., 1998. С. 24-27.

ковск, Новохоперск, Пугачев, Рио-де-Жанейро, Ртищево, Севастополь, Энгельс, Вегас, Йошкар-Ола, Лондон.

2. Эмоции и оценки – положительные либо нейтральные (59 реакций): *большой 18, движение 4, красивый 4, родной 4, родина 4, место жительства 4, цивилизация 3, жизнь 3, мой 3, светлый, чисто, близкое, большое, интерес, любимый, место, местоположение, ночной, промышленный, где живут люди, где проживаю;*

– отрицательные (34 реакции): *суета 10, шум 9, суматоха 3, смог 2, шумный 2, выбросы, грязь, душно, выхлопные газы, пыль, пыль-дым, старый, большая деревня.*

3. Типичные городские реалии (70 реакций): *дома 15, машины 4, дом 3, автобус 2, высотки 2, троллейбус 2, учеба 2, цивилизация 3, жильё 2, архитектура, небоскреб, новинки, огни, площадь, девятиэтажка, дома высокие, дома высотные, дома много, дома многоэтажные, поездка, проживание, проспект, театр, улица, улицы, урбанизация, центр, школа, ворота, выбросы, высокие дома, высотные дома, высотный дом, выхлопные газы, достопримечательности, достопримечательность, завод, заводы, здание, здания, много домов, много домов и населения, многоэтажка, многоэтажки.*

4. Парадигма населенных пунктов (54 реакции): *село 15, деревня 9, населенный пункт 8, мегаполис 6, поселок 6, страна 3, область 2, столица 2, пункт, район, районный поселок.*

5. Городские жители (29 реакций): *люди 11, много людей 7, народ 2, население 3, численность более 1 млн, большое количество людей 2, большое скопление людей, много народа, множество людей.*

6. Прецедентные тексты (8 реакций): *на Неве, на Волге, сад, Танцы минус, город мертвецов, Зеро, мечты, любимый.*

Как показывает анализ полученных фреймов, между реакциями испытуемых трех групп наблюдается большое сходство как в выделении слотов фрейма (семантического гештальта), так и в их конкретном наполнении. Однако сопоставление позволяет выявить те различия, которые обусловлены возрастом испытуемых и временем проведения эксперимента.

Между реакциями детей и взрослых наблюдается больше сходств, чем различий. Структура самого фрейма одинакова, различия наблюдаются на уровне заполнения слотов конкретными реакциями. Влияние возраста проявляется, в частности, в том, что в реакциях школьников встречается гораздо меньше прецедентных реакций, чем в реакциях взрослых, что вполне объяснимо. Взрослые чаще употребляют лексику книжного характера: *урбанизация, цивилизация, численность более 1 млн, мегаполис* и т.п. Дети в основном называют российские (и украинские) города: в их реакциях встретились названия только двух европейских столиц – *Париж* и *Милан*; взрослые чаще дают в качестве реакции экзотические названия – *Рио-де-Жанейро, Вегас, Лондон, Африка, Колне.*

Время проведения эксперимента оказывает более сильное влияние на структуру фрейма и его наполнение. Так, влияние времени проведения эксперимента можно увидеть в том, что изменился характер реагирования. В материалах АТРЯ слотом первого ранга являлся слот «большой, молодой, красивый», т.е. «эмоции и оценки положительного характера». В нашем материале на первое место по количеству реакций выходит слот «конкретные населенные пункты». Таким образом, если около 20 лет назад испытуемые предпочитали характеризовать город (причем в основном положительно), то сейчас в качестве основной стратегии реагирования выбирается реакция-название. Оценка отходит на второй или третий план.

Увеличивается также значимость других слотов: слот «типичные городские реалии (дома и машины)» с пятого места поднимается на третье. Слоты «парадигма населенных пунктов» и «городские жители» также представлены гораздо большим количеством разнообразных реакций. Наблюдается общая тенденция к увеличению числа парадигматических и тематических реакций и к уменьшению числа синтагматических реакций.

Возможно, это связано с формой проведения эксперимента. Материал для АТРЯ собирался в ходе письменно-письменных экспериментов (испытуемые должны были записывать реакции рядом со стимулом), мы же проводили эксперименты устно-письменным путем (испытуемые должны были записать реакцию на услышанный стимул). Как отмечает В.Е. Гольдин, то, что испытуемый видел стимул, могло препятствовать генерализации содержания стимула в сознании испытуемого¹. В том же случае, когда испытуемый слышит стимул, его грамматические свойства и сочетательные возможности оказывают меньшее влияние на выбор реакции.

Уходят реакции, которые можно назвать «следами советской эпохи»: *эрой, будущего, вперед идущий, индустриальный* и т.п. Несколько меняется характер прецедентных реакций: достаточно устойчивыми остаются такие штампы, как *город Зеро, город на Неве, город-сад, любимый город*, однако если в материалах АТРЯ в качестве прецедентных выступают литературные тексты, то в наших материалах появляются названия современных фильмов (*город мертвецов*) и музыкальных групп (*Танцы Минус*).

Итак, проведенное исследование еще раз подтвердило то, что на изменение ассоциативных реакций может влиять как возраст испытуемых, так и время, эпоха, в которую они живут. При этом фактор времени или эпохи оказывает более сильное влияние на структуру ассоциативного поля, чем фактор возраста. Характерно, что сопоставление ассоциативных полей, проведенное нами с помощью количественных методов (подсчета степени наложения реакций), дало те же результаты².

¹ Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. Русская ассоциативная лексикография. С. 54.

² Старостина Е.В. Исследование динамики ассоциативного мышления носителей русского языка // Языковое сознание: парадигмы исследования. Сб. ст. / Под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. М.; Калуга, 2007. С. 119-124.

Имена собственные в «Житии Филиппа Ирапского»

Рукописи, хранящиеся в музеях Вологодской области, дают богатый материал для краеведения. Одним из интересных памятников является «Житие Филиппа Ирапского» (ЖФИ), дата создания которого определяется к XVI – нач. XVII вв. В статье использован текст из агиографического сборника, хранящегося в фондах Череповецкого музейного объединения. Сборник датируется XVIII в.¹ «Житие Филиппа Ирапского» было в свое время издано В. Ключевским, но в анализируемом списке указано полное имя автора – Герман.

Преподобный Филипп, в миру Феофил, – вологодский святой. Родился он в 1482 г. в Вологодских пределах, рано остался сиротой. В 12-летнем возрасте поселился вблизи обители Корнелия Комельского и жил подаянием, был принят святым Корнелием в монастырь, через три года пострижен в монашество с наречением ему имени Филипп, по ходатайству братии был удостоен священнического чина. В 1512 г. преподобный Филипп удалился в Белозерские земли и поселился во владениях князя Андрея Шелешпанского. Здесь на ручье Ирап он поставил часовню во имя Пресвятой Троицы и соорудил себе келью. В дальнейшем на месте часовни была поставлена церковь во имя Святой Живоначальной Троицы. После кончины святого на месте его подвигов возник Красноборский монастырь. В 2000 г. мощи святого были перенесены в посвященную ему часовню в г. Череповец.

ЖФИ последовательно описывает жизнь святого от рождения и до преставления. По классификации С.В. Минеевой², оно может быть отнесено к житиям «последователей» и, в частности, к типу «подвижничества». Герои этих житий учили не словом, а примером собственной жизни. В ЖФИ мы находим и характерный для этих житий мотив ухода, бегства от мира.

В целом каноническая композиция жития сохранена: присутствуют три обязательные части. В инициальной части, предназначенной для установления контакта с адресатом, находим характерные для нее формулы: автопрезентация излагающего житие святого, мотив написания жития. Затем идет повествование об аскетической жизни преподобного Филиппа. Присутствуют здесь такие трафаретные ситуации, как удаление в пустынь, подвиги святого, основание монастыря, благочес-

тивная смерть. В третьей части, заключительной, повествуется о посмертных чудесах святого, они представлены в виде цепочки из девяти новелл. Вместе с тем можно отметить и некоторое своеобразие ЖФИ: поучения и молитвы играют в нем большую роль, нежели события. К тому же в тексте отсутствует ряд стандартных формул, а именно формула, в которой автор просит прощения за свое неумение писать, и формула рождения героя от благочестивых родителей. О родителях говорится лишь то, что они «быша хрстіане соупій».

В «Житии Филиппа Ирапского» отмечается довольно много местных географических названий, а также имена исторических лиц. В частности, выделяется несколько групп топонимов. Во-первых, это названия стран, территориальных единиц, населенных пунктов: бѣла езерьскаго угазда, града бѣла езера, андожескон волости (веси), испредѣлъ вологотскихъ, пѣстыню красноборьской, надпорожскаго станѣ, Шникольскаго села, селца великаго, града вологды, доселница гѣлыни. Вторую группу составляют названия физико-географических объектов – озер, рек, элементов рельефа: бѣла езера, рѣки андоги, к маломѣ ирапѣ, накоубеньскомѣ езерѣ, Шсвири, гора сѣин. В отдельную, третью, группу можно выделить агиотопонимы – названия церквей, монастырей: цркви нкколы чудотворца, Шалександрова монастыра, Шмонастыра всемлѣтываго спѣса еже зовомо каменной. Большинство названий – местные топонимы. По этой причине, видимо, они употребляются с детерминативами, называющими тип объекта, – волость, село, селище, озеро. Но порой номенклатурные термины отсутствуют. Как правило, это наблюдается в тех случаях, когда объект широко известен, например Москва, Свирь: «прислала смоквы кнѣгинѣ ольга» (л.221). Местные топонимы дают возможность дать точную географическую привязку места действия. Вот, например, описание местонахождения мощей преподобного Филиппа: «бела езерьскаго оугазда надпорожскаго станѣ андожскѣ волости Шникольскаго села на низѣ по рекѣ андогѣ два поприща стоитъ црковь стѣла и живоначальнаѣ трѣцы в краснолѣ борѣ междѣ ма ирапы из давныхъ лѣтъ поставлена...» (л.216). Топонимы, встречающиеся в тексте ЖФИ, дают и некоторую культурно-историческую информацию. В частности, в нем упоминается название одного из так называемых островных монастырей – Спасо-Каменного на Кубенском озере: «во время нѣкое прииде инокъ зѣло искѣсенъ ... Шмонастыра вѣсемлѣтываго спѣса еже есть на кубеньскомѣ езерѣ зовомо каменной...» (л.228). Островные монастыри занимают в культурном ландшафте и духовно-религиозной жизни Русского Севера особое место: единение острова и монастыря образовало, по меткому выражению

¹Житие и подвиги преподобного отца нашего Филиппа // Сборник агиографический XVIII. Архив ЧерМО, 280/29. Л. 169-224.

² Минеева С.В. Истоки и традиции русского агиографического жанра // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2000. №1. С. 25.

одного из исследователей, «концентрированную сакральную ценность»¹. Спасо-Каменный монастырь был основан во 2-й половине XIII в. князем Глебом Васильковичем. Во время бури на Кубенском озере он дал обет воздвигнуть здесь обитель, если спасется от гибели. Его судно вынесло на берег небольшого каменного острова. Позднее на острове был основан монастырь, названный Спасо-Каменным. Этимология агиотопонима достаточно прозрачна.

В житии встречается древнее название г. Белозерска: с раздельным написанием двух частей и склонением обеих. Можно отметить и такую черту, как вариативность топонимов, что проявляется и в орфографии, и в постановке ударения. Наиболее ярко это представлено в названиях с корнем *андог-*: *андожескон*, *андожскѣа*, *андоньскѣа*, *андонскѣе* (волости). Девять из десяти образований от этого корня имеют ударение на втором слоге (*Андо́га*), и только один топоним, как и в современном употреблении, на первом слоге. К стати говоря, топоним Андога финно-прибалтийского происхождения, ударение в таких субстратных топонимах, как правило, находилось на первом слоге. Подобная вариативность свидетельствует о не устоявшейся к тому времени орфографической и акцентологической норме. Анализ падежных окончаний имен существительных показал, что в житийном тексте наблюдается процесс унификации древнерусских склонений. Проявилось это и в именах собственных. В частности, в приведенных нами примерах название волости в родительном падеже единственного числа имеет три разных окончания: *-ѣа*, *-ѣе*, *-оѣ*.

В группе антропонимов представлены: 1. имена, называющие библейских героев: *хрѣтосъ*, *влѣженнии павелъ*, *сѣтаго апостола фомы* и т.д.; 2. имена князей: *кнѣзѣ василѣа ивановича*, *кнѣзь ноаниѣ*, *кнѣзь андрей васильевичъ шелешпаньской*, *кнѣгинѣа шльга кривоборьскихѣхъ кнѣзей*, *кнѣзѣа семена лѣкнѣа цербатого* и т.д.; 3. имена церковных служителей: преподобный *филиппъ*, (монах) *герман*, (отец) *корнилѣи*, (иноку) *длавлѣанъ*, (монах) *иивѣ*, (священник) *прохоръ*, (пономарь) *ларѣонъ гаврилловъ*, (дьяк) *матдей прохоровъ*, (старец) *феодосей*, *феодосѣи*; 4. имена крестьян: *феофила*, *василей несторовъ*, *иваннъ*, *феодора*, *марѣа*, *екатерина*, *симеонъ*, *прозванѣемъ сѣдокъ*, *власъ алѣѣевъ*, *тимодей мартиновъ* снѣ. Следует отметить некоторое различие в именовании представителей разных сословий. В именовании князей находим употребление двух способов: по имени и отчеству; по имени, отчеству и фамилии. Рядом с антропонимом обычно употребляется приложение – князь, княгиня. Антропонимы, называющие крестьян и служителей церкви, включают

либо одно личное имя, либо имя и так называемое «полуотчество». Самыми ранними фамилиями, как известно, являются княжеские и боярские. Обычно они представляют родовые названия, произведенные от названий удельных княжеств. В тексте жития это князья Шелешпанские (Шелешпальские), Красноборские. Г.И. Виноградов пишет, что «родовая ветвь Белозерских князей берет начало от князей Ростово-Суздальских, потомков Всеволода III, и дает побочные ветви князей Судских, Андогских, Шелешпальских, Вадбальских, Кемских и других, фамилии которых произошли от географических названий волостей Белозерского края»¹. Действительно, в Белозерье известны такие названия местностей, как Вадбал, Шелешпань, Сугорье, Кема и др. Женщины, независимо от статуса, именуются без отчества: княгиня Ольга, Екатерина, Марья. Все имена, употребленные в тексте, являются календарными, что определяется жанром жития, его отнесенностью к книжно-литературному стилю. В то же время мы наблюдаем и влияние народно-разговорной речи, что проявляется в употреблении разговорных вариантов календарных имен, при этом от социального статуса человека данное явление не зависит: князь *ноаниѣ* и крестьянин *ииваннъ*, князь *семенъ* и крестьянин *симеонъ*, старец *феодосей*, *феодосни*. Встречается в тексте жития и прозвище, правда один раз: *симеонъ*, прозвищем *сѣдок*. Слово «прозвище» знаменует отнесенность антропонима к разговорно-бытовой речи.

«Житие Филиппа Ирапского», сохраняя основные черты житийного жанра, претерпевает и ряд изменений. Используя обороты *водни державы*, *вндѣнне нѣкое*, *кнѣкоемѣ* *моужѣ* и др., автор старался соответствовать традиции отвлеченности содержания текста от конкретных исторических событий («Прибавления «некий», «некая», «един» служат изъятию явления из окружающей бытовой обстановки, из конкретного исторического окружения»²). В ЖФИ этот принцип не столь явен, т.к. в большинстве случаев называются конкретные имена людей, приходивших к Филиппу, несколько раз упоминаются имена московских и белозерских князей. Использование имен реальных исторических лиц и местных топонимов привязывает действие к конкретной историко-географической среде. Имена собственные так же, как и язык жития в целом, отразили влияние народно-разговорной речи.

¹ Камкин А.В. Островные монастыри в культурном ландшафте Русского Севера // Русская культура на рубеже веков: Русское поселение как социокультурный феномен. Вологда, 2002. С. 7.

¹ Виноградов Г.И. История Череповецкого края. Белозерск, 1925. С. 11.
² Лихачев Д.С. Предвозрождение в русской литературе // История всемирной литературы: В 9 т. / АН СССР; ИМЛИ им.А.М.Горького. М., 1983. Т.3. С. 465.

Л.Б. Тулина
(Сыктывкар)

Значение и употребление цветочных прилагательных в русском и английском языках

Существует «мир цвета» – феномен чисто психический, поскольку, как известно, в природе существуют только световые волны, а цвет есть порождение нашего глаза и мозга. Например, теория цветов Гете содержит в себе психо-физиологический и физико-философский моменты¹. Все цвета как по своему происхождению, так и по психическому воздействию на человека Гете делит на две группы: положительные или отрицательные. Положительные цвета настраивают на чувства бодрые, оживленные, стремительные, а отрицательные – на чувства тревожные, краткие, созерцательные.

Доподлинно известно, что цвет может оказывать большое эстетическое воздействие на людей, особенно когда он не неподвижен, а изменяет во времени свой тон, оттенки и яркость.

Английское слово *hue* соответствует в русском языке значению «основной цвет, основной тон», иногда просто «цвет». Р.М. Фрумкина подчеркивает, что смысл русского слова «цвет» можно рассматривать как синоним английского термина *hue* 'основной тон'. Употребляемое в обычном языке слово *яркость* как бы совмещает в себе значение терминов *яркость* (техническая светлота, английское *brightness*) и *насыщенность (saturation)*².

Значение цвета в жизни человека велико и многообразно. Д. Хмельницкий еще в 1913 г. связал с цветом настроение человека: нежно-голубой – жалость; желто-серый – покорность; цвет кофе с молоком – сытость; темно-розовый – удовольствие; цвет табачного дыма – сон; шоколадный – тоска; светло-голубой – свидание³.

Известно, что каждый цвет имеет свою индивидуальную характеристику, он соизмерим с какими-то определенными символами и даже имеет свою психологию. Психологи и психиатры на основании предпочтения или любви людей к определенному цвету выявляют характер человека, склад его ума, психики и даже состояние здоровья.

Поэтому столь важно изучение и сопоставление цветообозначений в разных языках.

Как в русском языке, так и в английском все цветообозначения представляют собой систему. Центром системы является ядро. Оно состоит из небольшого числа семантических независимых прилагательных. Чле-

нам «ядра» подчинены все остальные цветообозначения, т.е. «периферия» системы.

Прилагательные «ядра» характеризуются следующими признаками:

1) лингвистическая несводимость прилагательного, т.е. невозможность определения его языкового значения через другие цветочные прилагательные;

2) первичность цветочного значения при наличии у прилагательного производных цветочных значений;

3) непроецируемость основы прилагательного в современном языке;

4) возможность образования от данного прилагательного различных производных и сложных слов, в каждом языке своих (*синий, синева, синеть; blue, bluish, sky-blue, blue bell*);

5) способность прилагательного преобразовывать формы степеней сравнения в некоторые другие лексико-грамматические формы, в каждом языке свои (*blue – bluer – the bluest*);

6) вхождение слова в состав фразеологизмов, в частности языковых сравнений по цвету (*as red as a lobster* 'красный как рак', *as white as a sheet* 'белый как простыня');

7) стилистическая нейтральность слова (*red and ruby, peony – красный и алый, пунцовый*);

8) свободная сочетаемость слова и его объектная необусловленность (*brown – auburn, коричневый – карий*)¹.

В английском языке используют еще один дополнительный признак – способность входить в качестве второго компонента в сложные цветочные прилагательные типа *peach-pink*.

В английском языке ядром лексико-семантической группы являются слова *red, green, blue, yellow, black, white, grey, brown*. Примыкающие к ядру – *pink, purple*.

В русском языке ядро составляют лексемы *белый, желтый, красный, синий, зеленый, желтый*. Примыкающие к ядру – *серый, голубой, розовый, лиловый, алый, коричневый, рыжий, бурый*.

Существенная особенность английского языка по сравнению с русским в том, что в группе простых производных прилагательных цветочное значение нередко является первичным, в то время как в русском языке первичным является относительное, а не цветочное значение (ср. *морковное пюре – морковный цвет, брусничное варенье – брусничный цвет*). В русском языке среди производных имеются прилагательные, образованные как от заимствованных, так и от исконнорусских существительных (напр., *фисташковый, шоколадный*). В английском языке подавляющее большинство этих прилагательных образовано от заимствованных существительных (напр., *lemon, lemon-coloured*).

¹ Гете И.В. К учению о цвете // Гете И.В. Избр. соч. по естествознанию. М., 1957. С. 261.

² Фрумкина Р.М. О методике изучения семантики цветообозначения // Семиотика и информатика. М., 1978. Вып. 10. С. 158.

³ Леонтьев К. Музыка и цвет. М., 1961. С. 12.

¹ Корсунская Т.Г., Фридман Х.Х., Черемисина М.И. О системе цветообозначений в русском, английском и немецком языках // Уч. зап. Горьковского гос. пединститута иностранных языков. Вып 25. Горький, 1963. С. 98.

Существуют разные точки зрения на выделение «основных» и «неосновных» цветов. Согласно Ньютону, основные цвета радуги – *red, orange, yellow, green, blue, violet* (6 цветов); 7 цветом радуги он называет *indigo (colour between blue and violet)*. Берлин и Кей основными цвето-наименованиями в английском языке считают *white, black, red, green, yellow, blue, brown, purple, pink, orange, grey*.

Охарактеризуем несколько основных цветов.

Красный – этот цвет всегда ассоциируется с огнем, силой, энергией, любовью. Он может быть даже цветом дьявола, черта, беса. В древнем Египте красный цвет являлся цветом бога солнца Ра. Это был и цвет Марса – бога войны.

Зеленый – это цвет весны и молодости, природы, овощей. У египтян полы были покрашены в зеленый цвет. Для древних греков это цвет Венеры, богини любви. Зеленый цвет – это излюбленный цвет ислама. Для христианской церкви – это символ вечной жизни.

Синий и голубой – цвет неба и моря. В греческой и римской мифологии он символизировал Юпитер, Меркурий. Этот цвет ассоциируется с правдой, верой, миром, вечностью.

Черный и серый – в западных цивилизациях черный цвет считался цветом смерти, траура, горя. Для ирландцев и китайцев черный цвет символизировал север, т.к. зимой северное небо было черным. Это цвет бога Сатурна, в то же время цвет дьявола, ведьм, черной магии.

Белый – это символ чистоты и связан с легендой о воскрешении Христа. Это цвет снега, непорочности, невинности. В императорском Риме и в Китае именно белый, а не черный цвет был связан со смертью и трауром. Белый цвет является ахроматическим, т.е. неокрашенным, так же как черный и серый. Все остальные цвета хроматические.

Считается, что число цветовых оттенков, различаемых глазом, приближается к семи тысячам. Количество соответствующих цветообозначений намного меньше. Приведем примеры наименований многочисленных оттенков вышеперечисленных цветов. Р.М. Фрумкина выделяет следующие оттенки **красного** цвета в русском языке – *свекольный, вишневый, бордовый, малиновый, клюквенный, брусничный, багровый, багряный, пурпурный, пунцовый, гранатовый, рубиновый, красный, кровавый, алый, кумачовый, томатный, рдяный, карминный, коралловый, розовый*. К промежуточным оттенкам красного она относит *огненный, рябиновый, морковный, кирпичный*¹.

В английском языке тоже существует большой синонимичный ряд с доминантой **красный**. А.П. Василевич выделяет следующие оттенки слова **красный** – *blush rose, Castilian red, cockscombs scarlet, Corinthian pink, corn red, Etruscan red, flamingo pink, flamingo red, foxy red, French red, French scarlet, Highland red, Indian purple, Indian red, mallow pink, mull-*

*berry red, opera pink, oxblood, paprika, Persian rose, poppy red, raspberry red, robin red, royal purple, sealing-wax pink, signal red, solferino purple, tea rose, tile red, Turkey red, Tuscan red, Venetian scarlet, wax red, red, pink, purple, scarlet, rose, blood red, cherry red, fiery (fire) red, wine, wine red, ruby red, carnation pink, old rose, oriental red, poppy red, satum red, brick red, cardinal red, tomato red, crimson, cherry, coral red, fox red, rosy, baby pink, fuchsia pink*¹.

Рассматривая основной блок **зеленого** цвета, Р.М. Фрумкина относит к нему *горчичный, табачный, фисташковый, оливковый, хаки, гороховый, болотный, бутылочный, салатный, малахитовый, изумрудный*. К промежуточному оттенку она относит *цвет морской волны*².

А.П. Василевич составил блок английского прилагательного **зеленый** – *green, ivy green, danube green, bottle green, parrot green, willow green, pea green, moss green, emerald green, khaki, meadow green, cossack green, hemp, sung green, avocado, Russian green, olive drab, cypress green, ever green, spring green, pastel green, cabbage green, malachite green, molly green, spruce green, lavender blue, aqua green, lettuce green, Eve green, killarney green, bouquet green, pistache green, apple green, spinach green, warbler green, water green*³.

К основному блоку русского прилагательного **синий** можно отнести *бирюзовый, аквамаринный, лазурный, небесный, голубой, васильковый, сапфировый, электрик, ультрамаринный, кобальтовый, индиго-вый*. Английских цветообозначений прилагательного **синий** гораздо больше – *turquoise blue, motmot blue, porcelain blue, flax, cornflower blue, flower blue, bonnie blue, eggshell blue, pastel blue, sky blue, Russian blue, Cambridge blue, light blue, electric blue, alamire blue, indigo, Oxford blue, new blue, cobalt blue, vitriol, lagoon, azure, Niagara azur, azurite blue, smoke blue, navy blue, sapphire blue, colonial blue, Persian blue, royal blue, vivid blue, spectrum blue, atlantis, Airforce blue*.

К блоку русских прилагательных **серый, черный** можно отнести *пепельный, стальной, свинцовый, мышинный, грифельный, антрацитовый, маренго*. Промежуточными являются слова *серебристый, сизый*. По численности не уступают и наименования данных оттенков в английском языке – *pitch black, jet, deep black, coal black, stone grey, willow grey, iron blue, steel blue, ebony, graphit, soot black, pearl grey, tar black, ash grey, misty morn, chipendale, marengo, mouse grey, tin grey, steel grey, French grey, grizzly, sparrow, dust grey, neutral grey, leaden grey, dove, pinfeather, twilight blue, etain blue, Queen blue, mist grey, charcoal*.

И, наконец, последний блок, который мы здесь представим, это основной блок русского прилагательного **белый** – *перламутровый, жем-*

¹ Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство (Аспекты психолингвистического анализа). М., 1984. С. 54.

¹ Василевич А.П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте. М., 1987. С. 24.

² Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство. С. 54.

³ Василевич А.П. Тетради новых терминов № 98. М., 1986.

чужный, белёсый, молочный, лилейный, белоснежный. Намного больше, чем в других блоках цветообозначений, является промежуточное звено данного цвета – серебристый, сливочный, цвета слоновой кости, телесный, кремовый, опаловый, полевоый, алебастровый, восковой, лунный, костяной, алюминиевый.

Не уступают по значимости цветообозначения английского прилагательного *white* – *snow white, lily white, milky, bone white, cloud white, flour white, foam white, sugar white, magnolia white, cream-coloured, paraffine white, marble white, alabaster, aluminium white, fair, flax, tallow white, wax, pearl white, opal, cream, chalky, moon white, Chinese white, dove dazzling white, fawny, silver, silvery, moonlight*.

Интересно рассмотреть не значение изолированного слова, а его смысл в контексте целостного высказывания. Обычно цветообозначения указывают на типичный объект, обладающий данным цветом. Приведем некоторые примеры с употреблением наименований основных или промежуточных цветов в английском и русском языках. «Я вспомнил, что белый снег белым почти не бывает, он бывает то пепельным, то розовым, то почти синим, смотря по тому, каким в этот час было небо» (В. Песков). «Щенки, если на них посмотреть пристально, сразу ложатся на спину, и пузики у них розоватые, цвета незрелой клюквы» (Ю. Казаков). «Голубые, под цвет майского неба, глаза (М. Алексеев). «Вода просвечивала зеленым бутылочным цветом» (К. Паустовский).

Where you will next be there's no knowing, Куда ты меня влечешь, куда?

Facing round about me everywhere, Волосы русы твои, глаза твои серы...

With your *nut-coloured* hair, Былко румяна или бледна без меры,

And *gray* eyes and *rose flush* coming and going Ты перед взглядом сердца стоишь всегда

(T. Hardy)

«...And with tall blooming weeds emitting offensive smells – weeds whose red and yellow and purple hues formed a *poly-crome* as dazzling as that of cultivated flowers» (T. Hardy). («...Здесь цвели высокие сорняки, распространяя резкий аромат, и эти красные, желтые и пурпурные цветы являли такую же яркую красочную гамму, как цветы садовые»).

Принято считать, что первые английские цветообозначения появились в 900 г. (*black, green, red, white, yellow*). Среди цветоименований, образованных от названий плодов, самыми первыми были *plum* 'сливовый', *apple* 'яблочный' и *cherry* 'вишневый' – XV в.; *olive* 'оливковый', *tomato* 'томатный', *almond* 'миндальный' – XVII в., а в XVIII-XIX в. появляются уже цветоименования от названий экзотических плодов – лимона, фисташек, баклажанов, персиков и др. Группа слов, являющихся

сложными формами, возникла в языке, находящемся на достаточно высоком уровне развития, – *Oxford blue* 'темно-васильковый', *Cambridge blue* 'небесно-голубой', *Airforce blue* 'грязно-синий', *petrol blue* 'керосинный', *paraffine white* 'цвета парафина' – 1940 г.

Анализируя цветовые прилагательные в русском языке, Н.Б. Бахилина приходит к выводу, что первые из них (*черный, белый, красный*) появились еще в XI в. Прилагательные *синий, желтый, зеленый* тоже встречаются в XI-XII в., но гораздо реже. Красный цвет называется как *червленый, багряный, чермный*; синий как *зекрый*; желтый как *плавый*; белый как *бронный, половый*; серый как *смурый*. В XV-XVII в. красный цвет обозначается как *рудый (рудой)*; синий – *лазоревый*; коричневый – *коричный*; красно-желтый – *жаркой, огненный, померанцевый*¹.

Большой интерес вызывает происхождение цветообозначений и их употребление в XVIII-XIX вв. Салонный жаргон к. XVIII и первой четв. XIX в. включал следующие цветоименования: *зелень цвета гусиного кала, желтый цвет сапожных отворотов*. Было время, когда нежно-серый цвет называли *цветом испуганной мыши*; зеленовато-серый – *цветом влюбленной жабы*. Встречались даже такие интересные выражения, как *цвет раздавленной блохи; цвет потупленных глаз; цвет упавшей в обморок лягушки; цвет паука, замышляющего преступление*. Вот некоторые примеры, извлеченные из журналов н. XIX в.: *цвет лондонского дыма, испанского табаку, рождающегося чижика, бронзовой брони, водяной зелени, адского пламени, норвежского мха, нильской воды, майского жука, голловы негра, медвежьего ушка*².

Помимо этимологии русских и английских цветовых прилагательных представляется интересным проанализировать цветовые прилагательные для обозначения размера, объема, возраста, температуры и т.д. А.Р. Катанская делает анализ таких обозначений:

1) **цвет-цвет** – группы, в которых первое определение дает общее представление о цвете предмета, а второе – уточняет это общее представление (*there were dark, red-bronze willow bushes – Lawrence*);

2) **цвет-размер** (*a tall, lean man of about 70, with large white moustaches – Galsworthy*);

3) **цвет-форма** (*her rather curly black hair was thin – Lawrence*);

4) **цвет-объем** (... *and her full red lips were smiling – Wilde*);

5) **цвет-возраст** (*the evidence of his old grey eyes – Galsworthy*);

6) **цвет-мягкость** (*a pair of soft brown eyes attracted him – Lake*);

7) **цвет-температура** (*his cold blue eyes travelled from one to another – Galsworthy*);

¹ Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. М., 1975. С. 11.

² Грановская Л.М. Заметки об усвоении иноязычных цветообозначений в XVIII–XIX в. // Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху. М., 1964. С. 374.

8) **цвет-влажность** (*he, absent-minded, smoothed back his wet hair – Hutten*);

9) **цвет-тяжесть** (*sardonic eyes on the heavy dark face of her admirer – Lawrence*);

10) **цвет-мягкость** (*soft whitish hands – Greenwood*)¹.

Таким образом, цвет в разных языках отражается по-разному, цвето-обозначения составляют в каждом языке сложившуюся систему, и системы разных языков обнаруживают показательные расхождения. Эти расхождения касаются как выделения цветов и оттенков, так и способов их обозначения.

В.В. Филиппова
(Сыктывкар)

Из опыта составления словаря народной терминологии традиционной культуры коми

Диалектная лексика, обозначающая пласты духовной культуры коми, отражает архаическое мировосприятие и мировоззрение, является той основой, без которой невозможно комплексное изучение особенностей народных традиций.

В данной публикации предлагается часть диалектного материала, послужившего основой для создания используемых фольклористами базовых научных терминов. Материал выбран из «Сравнительного словаря коми-зырянских диалектов»².

Лексика сгруппирована в разделы, представляющие отдельные обрядовые или жанрово-тематические комплексы; внутри большинства разделов термины упорядочены по алфавиту за исключением свадебной и календарной терминологии, а также терминов магической практики (свадебные термины даны в соответствии с ходом обряда, календарные – по годовому циклу; термины в разделе «Магическая практика» – смысловыми блоками).

Данный материал интересен в различных аспектах: представление языковой картины мира, культурогенез, межкультурные коммуникации, диффузия культур, прежде всего славянско-финно-угорских. Диалектная вариативность, представленная в словаре, также показательна, так как может свидетельствовать о единстве и различии локальных фольклорных традиций.

¹ Катанская А.Р. О порядке нескольких предпозитивных прилагательных определений в современном русском языке // Уч. зап. МГПИИЯ, 1959. Т. 23. С. 107.

² Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Сост. Т.И. Жилина, М.А. Сахарова, В.А. Сорвачева. Сыктывкар, 1961. 492 с.

Жанровая терминология	
загадка	но́данкыв, но́дасьом, но́дасьны скр. тёдо́тчанкыв, тёдо́тчыны уд.
пословица, поговорка	шусег вв. (Крч.) шусян кыы вв. (Пом.)
причитать	бо́рдо́дзчыны скр. бо́рдо́дсьыны печ. (Медв.) бо́рдо́дчыны сс. бо́рдо́тчыны пл. сс. уд. бо́рдо́ччыны вым. бо́рдэ́дчині вв. бо́рдэ́ччыны иж. во́йпалэ́мен, во́йпооны иж. горзё́ччыны вс. лы́дйё́дло́мён, лы́дйё́длыны лет. лы́дйё́дло́мён, лы́дйё́длыны вв. скр. сс. лы́дйё́дліні вв. лы́дйё́демён нв. лы́дйё́демен иж. лы́дйё́дьомён вым. уд. лы́дйё́дьыны вым. иж. уд. ольё́длыны вс. плаканьё́алны л. (Пор.) шуавны, шуало́мён уд.
сказка	казка уд. (Остр.) казки л. мо́йд вв. вс. вым. иж. нв. печ. скр. сс. мо́йданкыл вс. мо́йданкыы вв. (Бог.) вым. мо́йдкы́в скр. мо́йдкыл вс. печ. мо́йдкыы вв. (Бог.) вым. иж. сказка уд. сказки лл.
рассказывать сказки	мо́йдасьны скр. мо́йччыны нв. (Жеш.)
считалка	пудья́сян кыв скр.

Мифологические персонажи	
дух в образе женщины, живущей в несжатой полосе ржи	<i>пõлудь</i> вв. (Пом.)
дух, обитающий в бане	<i>пывсян айка</i> скр. нв. <i>пылсян айка</i> вв. (Крч.)
дух, обитающий в овине	<i>рыныш айка</i> скр. <i>рыніш айка</i> вв. (Крч.)
дух, обитающий в хлеву	<i>шы ань</i> иж.
дух, обитающий в воде	<i>ва куль</i> вв. (Крч.) печ. сс. <i>ва оліся</i> вв. (Мыелд.) <i>васа бес</i> нв. скр. <i>васа</i> вв. (Крч.) нв. скр. сс. <i>вауса</i> уд. (Ваш.) <i>ваууса</i> иж. <i>Васа бесыслы кõлысь вылõ мунõнõ</i> нв.
дух, обитающий в конюшне ¹	<i>дед</i> вв. (Крч.) скр. <i>дедко</i> иж. <i>жылеч</i> уд. <i>суседко</i> л. печ. сс. <i>сусетка</i> уд. (Гл.)
дух, сверхъестественное существо	<i>айка</i> вв. скр.
нечистая сила, злой дух, бес	<i>мути</i> вв. иж. печ. скр. сс. <i>мутибес</i> л. <i>мутивõй</i> печ. <i>мутивей</i> иж.
кикимора	<i>шышымер</i> печ. (Медв.)
леший	<i>вõр айка</i> вв. (Морд.)
святочный дух	<i>кутьтя</i> войса скр.
Календарная обрядность	
святки	<i>вежа дыр</i> вв. скр. сс. <i>вежа видзем</i> нв. <i>вежа видзан дыр</i> вым. <i>вежа пõра</i> иж. <i>ен лун дыр</i> уд. <i>сьветьтьõ</i> вс. пл. сс.

¹ В «Сравнительном словаре коми-зырянских диалектов», на материалы которого опирался автор этой публикации, дано такое «суженное» толкование лексем *дед*, *суседко* и т.п., хотя уже общеизвестно, что они обозначают и духа, обитающего в доме, – домового.

Рождественский сочельник	<i>рõштволань паньд</i> скр. <i>рõштволі панід</i> вв. <i>рõшео панõд</i> л. сс.
Рождество	<i>рõштво</i> вв. нв. скр. <i>Рõшео</i> л. сс.
рядиться, одеваться в маскарадный костюм	<i>маскаасьны, мазкаасьны</i> скр. сс. <i>машкуриччыны</i> иж.
ряженный	<i>маска</i> скр. сс. <i>мазка</i> вв. (Бог.) иж. скр. сс. <i>машкур</i> иж. <i>шыпикун</i> нв.
играть в святочные хороводные игры	<i>õленасьны</i> сс. (Меж., Чух.) <i>тшуясьны</i> сс. (Виз.)
оракул, гадательная книга	<i>алакур</i> иж.
мясопуст, мясопустная неделя	<i>яй выв недель</i> скр. <i>яй вып вежон</i> вв. (Крч.) <i>яй вежоолын</i> иж.
Вербная неделя	<i>берба дыр</i> скр. <i>верба дыр</i> иж. <i>вирбнэй дыр</i> уд.
Великий четверг	<i>ыджьд четъверк</i> скр.
Пасха	<i>ыджьд лун</i> иж. скр. сс. <i>ыджид лун</i> вв.
Рождество Богородицы, Богородицын день	<i>Рõжество</i> вв. (Крч.)
Родильно-крестильная обрядность	
бабничать, повивать, заниматься повиванием, принимать роды	<i>бабитчыны</i> скр. сс. вс. вым. иж. <i>бабитчині</i> вв. <i>гõгьясьны</i> уд.
о рождении дочери	<i>чомер туйис чужи</i> вв. (Морд.) <букв.: родился туес каши>
нарекать, наречь новорожденный	<i>нимтыны</i> сс.
повивальная бабка	<i>ожа кага</i> вв. (Крч.) <i>гõгинь</i> вв. печ. скр. уд. <i>гõгõнь</i> вс. л. (Об.) лет. сс. <i>гõгунь</i> нв. <i>гõг кõртись бабушка</i> л.

Свадебная обрядность	
завидная невеста, девушка, о ком идет добрая слава	славутка уд. (Гл.) славен ныи вв. (Бог.)
свадьба	свадьба вв. вс. вым. иж. лл. печ. скр. сс. уд. кӧлысь вым. иж. нв. печ. (Медв.) кӧлысь уд. (Гл.)
сват, сваха	корасьысь иж. лл. печ. скр. корасись нв. корась нв. вым. уд. (Гл.)
распорядитель на свадьбе	свадьба видзись нв.
участники свадебного пира со стороны жениха	пыкӧд-свадьба пыкӧд скр. свадьба пыкид вв.
дать, подарить жениху какую-нибудь вещь в знак верности	вера сетны уд. (Ваш.)
дать залог (жениху после сватовства)	залог вв. (Крч.) залог сетні
носовой платок, свадебный подарок жениху от невесты	ус гежъед вв. (Морд.)
свадебный подарок невесте	бурсийӧм печ. бурсиём вв. нв.
обмениваться, обменяться подарками (жениху и невесте в знак верности)	вештасьны уд. (Гл.)
девичник, вечер накануне свадьбы у невесты	каризна вс. лл. колип вв. (Крч.) печ. кольпалні вв. (Крч.) кольпалны печ. кольпалэм вв. (Дер. Крч.) чунькытшасьӧм скр. сс.
веселиться молодежи на девичнике, баловаться на соломе или сене	кольпасьны скр.
причитания невесты утром в день свадьбы	кызас вым.
кокошник со сборками, головной убор замужней женщины	сборник вв.
парчовый головной убор замужней женщины с двумя широкими лентами, надеваемый сразу после венца, поверх повязывается шелковый платок с бахромой	ӧшуфка иж.

Похоронно-поминальная обрядность	
покойный, которого поминают, дух предков	рӧдитель вв. иж. скр.
покойный (об умершем при воспоминаниях)	шонъянӧй печ. скр. шонъянэй вв. (Крч.) шонъей нв.
день поминовения усопших	рӧдитель лун скр.
помянуть (покойников)	казьтэдны иж.
помянуть умерших предков	рӧдительясӧс вошйӧдны скр.
помянуть усопших	казьтысьны нв. скр. казьтэччыны иж. кодрасьны лл. сс. уд. кодресьны вс.
поминки	казьтэччан лун иж.
поминки, обрядовый обед в память умершего	ӧбӧдня скр. ӧбӧдня сс. ӧбедня вв. (Бог.) каризна уд. (Важ.) кодрасьӧм уд. (Ваш.) поминанье нв. поминаччӧм уд. (Мез.) поминки иж. уд.
Магическая практика	
проклятие	ертчан кыв скр.
заговорить, нашептать	нимкыв видзны скр. уд. нимкыл видзны пэч. нимӧн видзны л.
навести на кого-либо порчу, болель, испортить посредством колдовства	керны печ. скр. сс. керні вв. (Крч.) терны скр. керны л.
кликать, предвещать, пророчить (беду)	урсасьны скр. сс. урсасьні вв. (Крч.)
предсказывать, пророчить, предрекать, вещать, загадывать, загадать вперед	вордны вым. тунавны скр. туналні вв. (Крч.), тунооні вв. (Бог.) туналны печ. сс. тунооны, тунооны-вордны иж.
проклятие	ерӧм скр. сс. ер кыл вв. (Крч.) ер кыы иж. прокленба вс.

проклятие сбылось	<i>ер кыв иніс</i> вв. (Дер.) <i>ер кыл имитіс</i> вв. (Крч.)
сглаз	<i>вомідз</i> вв. вым. иж. нв. печ. скр. сс. уд. <i>вомыдз</i> вс. <i>йозасьом</i> л. (Об.) <i>озев</i> лет. <i>уроки</i> л. (Пор.), <i>уроки</i> лет.
сглазить	<i>вомдзавны</i> нв. скр. уд. (Венд.) <i>вомдзалны</i> вс. печ. сс. <i>вомдзалні</i> вв. (Крч.) <i>вомдзооны</i> вым. иж. <i>вомдзооні</i> вв. (Бог.) <i>вондзавны</i> уд. (Гл.), <i>воньдзавны</i> уд. <i>уркнитны</i> лл. <i>урсалны</i> л. (Пор.) печ. <i>урсалні</i> вв. (Крч.)
заболеть от сглаза	<i>веж кыв уси</i> скр., <i>веж кыв уси</i> вв. (Бог.) <i>вомдзасьны</i> иж. печ. скр. сс. <i>вомдзасьні</i> вв. (Бог.) <i>вомдзасьсьыны</i> вым. уд. (Венд.) <i>вомдзасьсины</i> нв. <i>вомдзесьсьыны</i> вс. <i>вондзасьсьыны</i> уд. (Гл.) <i>йозасьны</i> л. <i>озевитчыны</i> лет. <i>уресиччыны</i> иж. (Обь) <i>уркнитчыны</i> л. (Пор.) <i>урсасьны</i> печ.
заболеть от сглаза, колдовства (о собаке)	<i>тогалні</i> В. Лытк. вв. (Крч.)
лечить больных в бане	<i>пывьсьодзчыны</i> скр. <i>пыльсьодчыны</i> сс. <i>пылседчині</i> вв. (Крч.) <i>пыльсьотчыны</i> лл.
отводить, отвести порчу, сглаз попеременным соединением левой руки и правой ноги, правой руки и левой ноги	<i>ки-кок мурталны</i> печ. <i>муртавны сорсьом мортос</i> уд.

отваживать, отвадить, отучать, отучить, отдалять и т.д. <разлучать влюбленных посредством колдовства>	<i>Кидтыны</i> печ. скр. <i>кидтіні</i> вв. <i>тигтыны</i> вым. <i>кидмодны</i> скр. сс.
мерить, смерить, измерить <отдельные части тела> как средство лечения	<i>муртавны</i> л. (Об.) нв. уд. <i>мурталны</i> вс. лл. <i>мурталні</i> вв. (Крч.) <i>муртооны</i> иж. вым. <i>муртосалны</i> лет. <i>морталны</i> вс.
править вывихнутое	<i>пблясьны</i> иж.
Игровая культура	
швырять палку с заостренным концом в игре	<i>твюйодзчыны</i> скр. <i>твювьедчині</i> вв. (Крч.) <i>твювгасьны</i> л. <i>твювкодасьны</i> , <i>твювкотчыны</i> уд. (Венд.) <i>твюйотчыны</i> уд. (Гл.)
жребий	<i>жеребей</i> иж.
бросить жребий в игре	<i>жеребей чотны</i>
быть <сидеть> на посиделках	<i>пукны</i> , <i>пукасьны</i>
вечеринка, посиделки	<i>беседа</i> вв. (Бог.) нв. уд.
вид игры с колесом	<i>синсем</i> вв. (Дер.)
дразнить	<i>дільодны</i> скр. <i>дїледні</i> вв. (Бог.) <i>дількодны</i> уд. (Венд.) <i>дэльодны</i> вс. <i>дэледны</i> нв. <i>тыльодны</i> л.
хороводные игры в святки	<i>горань</i> вв. (Крч.) вс.
играть в палочки-выручалочки	<i>галэ гуун ворсні</i> вв. (Бог.) <i>згалбон ворсны</i> скр. <i>палич гуёмьсы ворсны</i> нв. <i>синь дзебен ворсны</i> иж. (Обь) <i>тампаличон ворсны</i> уд.
играть в прятки	<i>кукон ворсны</i> , <i>куку-пару</i> , <i>купаруон ворсны</i> скр. <i>пару</i> вв. скр. <i>паруэн ворсні</i> вв. (Крч.) <i>пурунись ворсны</i> нв. (Айк.) <i>пурунь</i> нв. (Айк.) <i>туру</i> уд. (Буткан), <i>тюру</i> уд. <i>тюруон ворсны</i> уд. (Буткан)

детская игра	кекурнан-какурнан скр. кикурнан-карнан нв. (Айк.) курнан-карнан печ. сс. изки-карнан вв. (Крч.) кигурьян-когурьян иж. (Обь)
детская игра	сюседушка вв. (Дер.)
детская игра	пи-пи тойинэн ворсэм вв. (Крч.)
Ритуальная пища	
обрядовое кушанье (творог с толокном) по поводу завершения осенних полевых работ	кляпа нв. (Жеш.)
обрядовое кушанье из ячневой муки на масле по поводу завершения сенокоса	косаа рок уд.
обрядовое кушанье, приготовленное из крошечных сухарей на масле и очищенной вареной рыбы	люль уд.
обрядовое кушанье, приготовленное из толокна или ячменной муки на масле (приурочено к окончанию какой-либо большой работы – жатвы, сенокоса)	чомёр вым. нв. скр. сс. чомер вв.
обрядовое кушанье (ячменная каша из зерен нового урожая) по поводу завершения жатвы	чарлаа рок уд.

Принятые сокращения

Айк. – с. Айкино, Усть-Вымский р-н
Бог. – с. Богородск, Корткеросский р-н
Бут. – д. Буткан, Удорский р-н
Важ. – с. Важгорт, Удорский р-н
Ваш. – Усть-Вачергский с/с,
Удорский р-н
вв. – верхневыхегодский диалект
Венд. – д. Вендинга, Удорский р-н
Виз. – с. Визинга, Сысольский р-н
В. Лытк. – материалы Василия
Лыткина
вым. – вымский диалект
Гл. – с. Глотова, Удорский р-н

Медв. – л. Медвежская, Печорский р-н
Меж. – с. Межадор, Сысольский р-н
Мез. – говор на Мезени, Удорский р-н
Морд. – с. Мордино,
Корткеросский р-н
Мыелд. – с. Мыелдино, Усть-
Куломский р-н
нв. – нижневыхегодский диалект
Об. – с. Объячево, Прилузский р-н
Обь – р. Обь, говор зауральских коми-
ижемцев
Остр. – д. Острово, Удорский р-н
печ. – печорский диалект

Дер. – с. Деревянск, Усть-Куломский
р-н
Жеш. – п. Жешарт, Усть-Вымский р-н
иж. – ижемский
Керч. – с. Керчомья, Усть-Куломский
р-н
Койг. – с. Койгородок
лет. – летский диалект (с. Слудка
Прилузский р-н)
л. – лузский диалект
лл. – лузско-летский

повс. – повсеместно
Пом. – с. Помоздино, Усть-Куломский
р-н
Пор. – д. Поруб, Прилузский р-н
скр. – присыктывкарский диалект
сс. – среднесысольский диалект
уд. – удорский диалект
Ухт. – говор с. Усть-Ухта, Сосногор-
ский р-н
Чух. – д. Чухлом, Сысольский р-н

В.А. Черванева
(Воронеж)

Пищевой код русской волшебной сказки

Одним из общих положений современных исследований традиционных жанров русского фольклора является постулирование связи содержания фольклорной концептосферы с архаической моделью мира через мифоязыческую сторону традиционной народной культуры. Изучение особенностей квантификации пространства и времени, предпринятое на языковом материале русской волшебной сказки¹, свидетельствует об архаической генетической обусловленности количественного аспекта фольклорно-языковой картины мира, эксплицированной текстами данного жанра. Попытаемся показать это на примере лингвокультурологического анализа количественных характеристик объема пищи.

Продукты питания – самый распространенный объект измерения объема в сказке, и это не случайно. Как известно, процесс поглощения пищи отмечен особой значимостью в культурах архаического типа. Продукты питания, сам акт еды имели в мифологических представлениях сакральный характер². Процесс совместного поглощения пищи племенем в родовую эпоху был актом, объединяющим соплеменников друг с другом и с божеством (тотемом). «Мифологическая концепция еды, пищи осознает единство и замкнутость друг на друге еды и того, кто ее

¹ Черванева В.А. Пространство и время в фольклорно-языковой картине мира (на материале эпических жанров). Воронеж, 2004.

² См. об этом: Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 203-204; Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974. С. 243-259; Фрейденберг О.М.: 1. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997. С. 64-65; 2. Миф и литература древности. М., 1998. С. 38; 130; Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии: пер. с. англ. М., 1986. С. 463-466.

ест, пищи и питающегося...»¹. Это объясняет наличие многих табу и предписаний, так или иначе связанных с приемом пищи в традиционных культурах². Указанное обстоятельство объясняет высокую частотность номинаций пищи в волшебной сказке и актуальность операции количественной оценки для данного типа реалий.

Исследование показало, что количественное измерение в сказке релевантно для таких продуктов питания, как хлеб, мясо, напитки. В качестве средств объективации объема выступают номинации общепризнанных метрических единиц, названия емкостей, содержащих вещество, а также номинации предметов, в форму которых облекается вещество (см. табл.)³.

Продукты питания	Вербальные средства объективации объема в сказке			
	номинации метрических единиц объема	номинации емкостей, в которых содержится вещество	номинации предметов, размеры которых являются показателями объема составляющего их вещества	
1	2	3	4	
потребляемые за один прием	хлеб		мешок, воз, куль	вороха, каравай, коврига, просвирка, ломоть, крошечка
	мясо		бочка (сороковая, сороковка)	бык, вол, корова, теленок, лошадь, баран, кабан, голова (лошади, человека), нога (говяжья)
	напитки	четверть	река, озеро, бочка, ведро, чан, котел, корыто, ушат, корец, чаша, бутылка, косушка, бокал, рюмка, кумка, братынь	

¹ Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре: В 2 т. М., 1995. Т. I. С. 96.

² Фрэзер Дж. Дж. Указ. соч. С. 229-230, 498-504; Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1994. С. 193-195.

³ Материалом исследования послужили авторитетные собрания сказочного фольклора: Афанасьев А.Н. Народные русские сказки в 3 т. М., 1957 (далее в тексте: Аф.); Ончуков Н.Е. Северные сказки. СПб., 1998 (Онч.); Худяков И.А. Великорусские сказки. Великорусские загадки. СПб., 2001 (Худ.). В примерах номера сказок указываются по данным изданиям. Примеры приводятся с сохранением орфографических особенностей цитируемого текста.

1	2	3	4	5
заготовленные впрок		мера (ячменя, ржи, жита, маку, муки), четверик (зерна, маку), четверть (пшеницы)	закрома, амбары (хлеба), кули, мешки, ведра (рыбы, вина), бочки, чаны (вина, мяса), шуль (с кушаньями), туюсок (ягод)	скирды, копны (хлеба), гора (соли)

Измерение объема веществ с помощью метрических единиц является наименее частотным способом квантификации, и это соответствует общей сказочной тенденции – отсутствию точности и конкретности в оценке количества. Количественная семантика номинаций объема в целом может быть сведена к двум полюсам значений – «большое количество» и «малое количество», среди которых первый является доминирующим как по числу репрезентаций в сказочном материале, так и по важности выполняемых ими функций. Вербальные количественные характеристики объема пищи выполняют в сказочном нарративе не только роль квантитативной оценки, но и выражают культурологическую информацию.

В ходе анализа выяснилось, что оценочное значение и функции номинаций, репрезентирующих объем, различаются в зависимости от того, обозначают ли они объем однократного приема пищи или запасы продовольствия.

Содержание номинаций объема **продуктов при однократном приеме пищи** коррелирует с семиотической оппозицией «свой / чужой»: объем изображается и оценивается по-разному в зависимости от того, кто потребляет пищу – герой или представитель «иног» мира (антагонист или помощник)¹.

Количество пищи, поглощаемой представителями «иног» мира (класс «чужой»), всегда изображается гиперболически. Ср.:

а) антропоморфные персонажи из «иног» мира – антагонисты (Кощей, Сам с ногой) и помощники (Объедало, Оливало, Ерышко):

Открыл двери и увидел, что прикатился Сам с ногой, а борода с локоть и говорит: «Сади меня за стол». <...> ...ел, ел и всего быка съел... (Онч., №241).

¹ При классификации действующих лиц мы ориентируемся на схему персонажей В.Я. Проппа (Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки // Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. (Собрание трудов В.Я. Проппа). М., 1998. С. 5-111.), по которой в сказке действуют семь типов персонажей: герой, искомая царевна и ее отец, антагонист, даритель, помощник, отправитель, лжегерой.

Водяной царь наготовил много всякого кушанья – сотне человек не съест!» <...> Царевич подал ему <Кощею> целое ведро воды; он выпил и еще запросил: «Мне одним ведром не залить жажды; дай еще!» Царевич подал другое ведро; Кощей выпил и запросил третье, а как выпил третье ведро – взял свою прежнюю силу... (Аф., №159).

Подбежал один старик <Объедало>, начал хлеб поедать; разом в рот кидает не то что караваями, а целыми возами. Все приел и ну кричать: «Мало хлеба; давайте еще!» (Аф., №137).

Водяной царь наставил всякого питья сорок бочек и велит зятю, чтоб дочиста все было выпито. <...> Явился Опивало, зараз опростал все сорок бочек – еще опохмелиться просит (Аф., №219);

б) зооморфные представители «киного» мира – антагонисты (змеи, чудищо) и помощники, переправляющие героя в «иной» мир (птица, лев, змей):

И полетели; летели, летели, и проговорила Маговей-птица: «Иван-царевич, я больше не могу лететь, ись захотела». Вот он взял те-ленка, ей сунул в гортань, она и полетела вперед; раза два, три совал ей, кормил (Онч., №8).

Пришли, она и спрашивает этого змея: «Можешь ли ты победить вот этих двух духов – Вихрей?» – «Могу, говорит, только дайте мне время на месяц вволю говядины и пива, что мне угодно». Выпустили этого змея и дают ему каждый день по быку пищи и по котлу пива; стал змей поправляться (Худ., №108).

Выкатили ему вина три боцки сороковых. Лев-зверь боцку выпил, другу выпил, да и из третьей надкушал и стал пьян... (Онч., №48).

Гиперболизация объема пищи в данном случае объясняется традицией: по словам В. Я. Проппа, способность поглощать сверхъестественное количество пищи в древних представлениях связывалась с принадлежностью субъекта к «иному» миру¹.

Оценка объема однократного приема пищи героем (класс «свой») неоднозначна: в сказке борются две тенденции изображения способности данного персонажа к поглощению пищи. С одной стороны, герой следует в «иной» мир и должен обладать названной способностью, чтобы получить «пропуск» в тот мир. Это своеобразное свидетельство его причастности к сверхъестественному, а также показатель его физической силы.

Иван купеческий сын, получив открытый лист, пошел в самый богатый трактир, хлопнул три ведра вина, три ковриги хлеба да полбыка на закуску пошло (Аф., №271).

Василиса коса золотая велела принести ведро меду сладкого, и Героих выпил ведро за один раз, одним духом; попросил налить другое (Аф., №560).

Вечером всех помочан посадили за стол и стали подавать им по рюмке вина; дошла очередь и до Ивана крестьянского сына; он говорит: «Мне подавайте ни рюмкой, ни стаканом, а подавайте в братыне». Принесли ему полную братыню вина, и он выпил всю за одним духом. Тут он сидел, веселился, разговаривал и выпивал свою очередную – вместо рюмки братынь (Онч., №66).

Такие примеры в сказках немногочисленны. Гораздо сильнее здесь другая тенденция – противопоставление героя (пусть исключительного, но все же человека) представителям «киного» мира. Количество пищи, поглощаемой последними, изображается гиперболически в сопоставлении с объемом однократного приема пищи героем. Ср.:

<Трехголовый змей>: «...Ну-ка, – говорит, – отгони мне трех коров» – «Не жирно ли будет? – отвечает царевич. – Я сам в суточки ем по одной уточке, а ты трех коров захотел...» (Аф., №162).

...а там уже давно сведали, что Иван-Быкович будет, и целые три месяца хлеба пекли, вино курили, пиво варили. Увидал Иван-Быкович не-счетное число возов хлеба да столько же бочек вина и пива; удивляется и спрашивает: «Что б это значило?» – «Это все для тебя наготовлено». – «Фу, пропасть! Да мне столько в целый год не съест, не выпить». Тут вспомнил Иван-Быкович про своих товарищей и стал вызывать: «Эй вы, старички-молодцы! Кто из вас пить-есть разумеет?» Отзываются Объедало и Опивало: «Мы, батюшка! Наше дело ребячье» (Аф., №137).

Царь велел сказать дурню: «...съешь со своими товарищами за один раз двенадцать быков жареных да двенадцать кулей печеного хлеба.» <...> Дурень испугался и говорит: «Да я и одного хлеба за один раз не съем!» – «Не бойся, – отвечает Объедало, – мне еще мало будет!» <...> Царь велел сказать дурню, чтобы выпито было сорок бочек вина, каждая бочка в сорок ведер. <...> «Да я и одного ведра не в силах за раз выпить». – «Не бойся, – говорит Опивало, – я один за всех выпью; еще будет мало!» (Аф., №144).

Саура подал ему жареного быка и сороковую бочку пива; солдат испугался: «Что ты, Саура, сколько подал! Мне этого и в год не съест, не выпить» (Аф., №214).

В функции такого изображения объема пищи входит мотивация необходимости сопровождения героя помощником, а также негативная оценка антагониста.

Думается, что второй из представленных способов изображения объемов пищи имеет более поздний характер: он лежит в русле общей фольклорной тенденции отказа от гиперболизации как основного средства идеализации героя¹. Косвенным подтверждением этого можно считать тот факт, что в былинах – более позднем по происхождению жанре,

¹ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки // Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. С. 394-395.

¹ См. об этом: Гусев В.Е. Эстетика фольклора. Л., 1967. С. 286-287; Пропп В.Я. Русский героический эпос. М., 1958. С. 55.

чем волшебная сказка, – гиперболизированная способность поглощать пищу является исключительно атрибутом противника и получает только отрицательную оценку¹.

В волшебной сказке два способа изображения объема однократного приема пищи героем (как гиперболизированного и как негиперболизированного, естественного) уживаются, так как, по словам В.Я. Проппа, «в фольклоре с появлением нового старое не умирает»². Указанная особенность обусловлена общей закономерностью развития духовной культуры. Как отмечает Н.И. Толстой, элементы новой материальной культуры вытесняют элементы старой, тогда как в духовной сфере новые тенденции проникают в старую культуру, «уживаются с ней, вступают в различного рода соотношения <...>, тем самым усложняя прежнюю систему, видоизменяя ее в значительной или меньшей степени, но, как правило, не разрушая ее. Принципу сменяемости в материальной культуре противостоит принцип наслоения в культуре духовной...»³. Это специфическое свойство развития духовной культуры особенно ярко проявилось в сфере традиционной народной словесности: оно обусловило способность фольклора аккумулировать культурную информацию, относящуюся по своему идеологическому содержанию к разным эпохам, что создает своеобразную «многослойность» фольклорных произведений.

Историческое развитие представлений, по мнению В.Я. Проппа, происходит не путем эволюции, а через отрицание старого⁴. Это прослеживается и на изображении в сказке объема однократного приема пищи: герой с течением времени теряет многие волшебные черты, в том числе способность к поглощению большого количества еды, эту функцию берут на себя волшебные помощники. Данный процесс выражается в сказке через противопоставление обычных человеческих возможностей героя и сверхъестественных свойств представителей «иного» мира. Оценочный компонент в семантике номинаций объема детерминирован семиотическим фактором: принадлежностью персонажа – носителя признака к одному из членов оппозиции «свой / чужой».

Как было отмечено, в сказке оцениваются в количественном отношении не только продукты питания, предназначенные для однократного приема, но и *запасы продовольствия* – это хлеб (зерно), мак, мясо, рыба, овощи, ягоды, напитки. Анализ контекста показывает, что объем продуктов, заготовленных впрок, в любой ситуации оценивается как большой вне зависимости от конкретного количественного воплощения: так, и «бочка вина», и «туесок ягод» в данном случае являются номинациями большого объема. Функцией таких квантитативных характеристик

объема продуктов является гиперболизация, в рамках которой выделяются две разновидности:

а) гиперболизация материальных возможностей персонажа, связанных с обладанием большим объемом продуктов. Это явление лежит в русле общедольской тенденции идеализации действительности:

Посеял мужик рожь, и уродил ему Господь на диво: едва мог с поля собрать! Вот перевез он снопы домой, смолотил и насыпал зерном полнехонек амбар... (Аф., №224).

Был-жил Макарка – такой счастливый на рыбу, что за ночь по десяти ведер наплавивал (Аф., №120).

...поснимал <охотник> звериные шкуры, свез в город и продал недорого; на те деньги накопил в запас хлеба и насыпал три закрома большущие – на три года хватит! (Аф., №221).

Обвенчали Ивана-царевича с Ненаглядной Красотой и выставили всем улицам большие чаны с разными напитками; всякий приходи и пей, сколько душа запросит! (Аф., №157);

б) гиперболизация трудности задачи, в которую входит операция с большим объемом вещества, и, таким образом, идеализация образа персонажа, выполнившего эту задачу:

<Морской царь>: «...Вот тебе другая работа: есть у меня триста скирдов, в каждом скирду по триста копен – все пшеница белая; обмолюти мне к завтраму всю пшеницу чисто-начисто, до единого зернышка...» (Аф., №222).

Снова царь позвал Егеря и говорит ему: «Верный мой слуга Егеря, сослужи мне еще службу: разбросают слуги в поле четыре четверика маку, а ты в одну ночь все семечки собери, не соберешь – голова на плаху, а соберешь – награду получишь» (Онч., №151).

Старуха очень не любила своей младшей дочери. Она нарядила сестру ее в самое лучшее лопотье и пошла с ней в церковь к обедне, а младшей оставила две меры ржи и велела ей вышестать до прихода из церкви. <...> На другой раз мати нарядила старшую дочь свою в самое лучшее лопотье, пошла с ей к обедне, а младшей оставила три меры жита и говорит: «Покамест я молюсь Богу, ты вышестай жито» (Аф., №292).

<Баба-яга>: «Когда завтра я уеду, ты смотри – двор вычисти, избу вымети, обед состряпай, белье приготовь да пойдешь в заком, возьми четверть пшеницы и очисти ее от чернушки. Да чтоб все было сделано, а не то – съем тебя!» (Аф., №104).

Таковы основные тенденции изображения количественного признака продуктов питания в сказке. Отмеченная выше связь сказочного концепта пищи с архаическими представлениями о мире проявляется как в способах квантификации объема вещества, так и в результатах количественной оценки. Для волшебной сказки нехарактерны метрические единицы объема, что является следствием неактуальности для жанра точных количественных измерений – особенности, архаической в своем

¹ Пропп В.Я. Русский героический эпос. С. 56-57.

² Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. С. 366.

³ Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 46.

⁴ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. С. 119-123.

генезисе. На ранних этапах развития человеческого сознания наблюдалась связь категории количества с категорией качества¹, что обуславливало специфичность результатов количественной оценки в древнюю эпоху: целью квантификации было не получение точного знания о количестве, а качественная характеристика объекта. Эта особенность нашла выражение в языковой картине мира сказки: вербальные количественные характеристики выполняют здесь не только функцию квантитативной оценки, но и выражают культурологическую информацию, реализуя семиотические оппозиции.

Среди показателей объема пищи в сказке превалируют номинации с семантикой большой величины. «Большое количество» в сказке – оценочная категория, и это является одним из признаков «наивной» концептуализации мира. Оценка, выражаемая репрезентантами большого количества, обнаруживает семиотическую обусловленность. В изображении объема однократного приема пищи в сказке борются две тенденции: более ранняя тенденция идеализации персонажа, способного потреблять сверхъестественный объем еды, и более поздняя тенденция идеализации героя, обладающего обычными человеческими возможностями потребления пищи, и противопоставления его в этом плане представителям «иног» мира (помощнику и антагонисту). Во втором случае получает реализацию семиотическая оппозиция «свой / чужой».

Тенденция оценки запасов продовольствия как большой величины представляется следствием ориентации сказки как традиционного жанра фольклора на изображение идеализированного варианта действительности и, следовательно, на реализацию системы ценностей позитивной картины мира, в рамках которой, по утверждению Н.Д. Арутюновой, большие величины получают положительную интерпретацию². Думается, генетической основой фольклорной идеализации являются мифопоэтические представления об универсуме как воплощении гармонического начала³.

Итак, исследование квантитативной сферы концепта «объем пищи» подтверждает мысль об архаической генетической обусловленности содержания сказочной картины мира. Концептуальное содержание вербальных единиц, репрезентирующих объем продуктов питания, обнаруживает архаические черты пищевого кода русской волшебной сказки.

Отражение взаимодействия культур в структуре и семантике свадебного обряда (на материале лузской и прилузской традиций)

Значение дифференцированного, локально ориентированного подхода к исследованию особенностей традиции разных групп коми, так не похожих друг на друга, нельзя недооценивать. Это в полной мере касается и Прилузского р-на Республики Коми, который представляет собой уникальное образование со своеобразным синтезом двух этнически различных культур – коми и русской, сложившихся в результате тесного многовекового культурного общения¹. Прилузский р-н неоднороден в фольклорно-этнографическом отношении. Даже поверхностный взгляд на материал позволяет обнаружить как минимум четыре «микрорегиональные» традиции: обьячевско-читаевскую, чернышскую, летскую (населенные пункты от с.Летки до с.Прокопьевки) и лоемскую.

Фольклорно-этнографические материалы НА Коми НЦ УрО РАН и ФА СыктГУ позволяют обозначить лоемскую традицию в границах Занульи и Спаспоруба. Подобное «расширение» русской Лоймы за счет пограничных с ней коми (с.Занулье) и смешанных коми-русских (с.Спаспуроб) поселений объясняется, во-первых, историческими данными по заселению и освоению края. Так, через с.Спаспуроб «с XV-XVI вв. пролегла этническая граница между коми и русскими, переселившимися сюда с низовьев р.Лузы: одна часть селений была заселена русскими, другая – коми»². Из дошедших до нас письменных источников по истории заселения с.Занульи известно, что древнейшей местной фамилией была фамилия Мокеев; согласно местному преданию, «эту фамилию принесли в Занулье из Лоймы братья Матвей и Алексей»³.

Во-вторых, фольклорные тексты и обрядовые этнографические сведения позволяют «объединить» традиции обозначенных территорий Прилузского р-на Республики Коми с Лальском (современная территория Лузского р-на Кировской области)⁴.

¹ Подробнее об истории формирования этого культурного феномена см.: Шевченко Е.А. К проблеме формирования фольклорной традиции Прилузья (на примере свадебной лирики) // Русский Север и восточные финно-угры: проблемы пространственно-временного фольклорного диалога: Материалы I Межрегиональной конференции и VII Международной школы молодого фольклориста. Ижевск, 23-26 октября 2005 г. / Отв. ред. Т.Г. Владыкина. Ижевск, 2006. С. 182-185.

² Жеребцов И.Л. Где ты живешь: Населенные пункты Республики Коми: Историко-демографический справочник. Сыктывкар, 1994. С. 210.

³ Там же. С. 73-74.

⁴ Об историко-культурных связях лальской земли с Прилузьем подробнее см.: Шевченко Е.А. 1) Исторические и культурные корни фольклорной традиции Лузы (постановка проблем) // Исследования по истории книжной и традиционной народной куль-

¹ Топоров В.Н. О числовых моделях в архаичных текстах // Структура текста. М., 1980. С. 32.

² Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988. С. 207.

³ Фрейдберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. С. 220; Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2000. С. 37.

В качестве задач, решаемых в данной работе, можно сформулировать следующее: 1) представить единство лоемской, спаспорубской и занульской традиций; 2) показать генетическое родство фольклорных традиций бассейна р. Лузы – русской (лоемской и лальской) и коми (спаспорубской и занульской).

Сопоставим некоторые факты из свадебной обрядности коми и русских традиций бассейна р. Лузы. Материалом для анализа послужили полевые записи фольклорных архивов ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН и Сыктывкарского госуниверситета, а также монография Ф.И. Плесовского «Свадьба народа коми» (Сыктывкар, 1968).

Выразительным аргументом для подтверждения основного тезиса является обрядовая терминология фольклорных традиций Прилузья. Наименование дня кануна венчания в Прилузском р-не Республики Коми представлено четырьмя вариантами: *Каризна* – в с. Объячеве и с. Читаеве; *Блин сёян рыт* («Вечер с блинами») – в с. Черныше; *Рытва* – в с. Ловле, с. Ношуле; *Плаканье* – в с. Занулье, с. Спаспорубе и русском с. Лойме. Тем самым, близость лоемской, спаспорубской и занульской традиций очевидно выражает себя на уровне обрядовой терминологии. В русской фольклорной традиции Лузского р-на Кировской области также зафиксирован термин *плаканье*, однако здесь кировская, точнее лальская (по раннему административному центру уезда г. Лальску) и, условно говоря, коми (и русская лоемская, и коми спаспорубская и занульская) традиции обнаруживают некоторые расхождения. В Лойме, Спаспорубе и Занулье *плаканьем* (или *плаканьё*) называется обрядовый акт, совершённый накануне венчания в доме невесты: «на плаканье созывают всю родню невесты, всех соседей и всех девушек из ближайших деревень, в общем бывает человек 100. Всех их один раз чаем поят и два раза кормят. Невеста сидит с крестной и с бабами (девушки и парни в это время пляшут где-нибудь в другой избе), приплакивает каждого из гостей песней, а приплаканный даёт деньги, кто сколько может. Потом невеста дарит отца, мать, брата, сноху и т.д. и тоже с песнями. <...> В последнюю ночь перед плаканьем с невестой ночуют ее подружки»,¹ а также см.: *Невеста на плаканье поет, и бабы подтягают* (ФА СыктГУ 1315-7), *Это плаканишные причёты, на плаканьях это ревут, во время плаканья* (ФА СыктГУ 1317-24). В Лузском р-не Кировской области данный обрядовый акт носит название *смотри*, тогда как термином *плаканье* называют сам текст причитания: *А потом уж это не стали плаканья ревить* (ФА СыктГУ 2069-30); *Невеста сидит в перепечье <...>, тут и плаканья ревут* (ФА СыктГУ 2069-65). Кроме того, общим для Лоймы, Спаспорубы, Занулья, а также кировской Лузы является и наименование невестинной бани – *белая баня*.

туре Севера. Сыктывкар, 1997. С.200-208; 2) К проблеме формирования фольклорной традиции Прилузья (на примере свадебной лирики). С. 182-185.

¹ Плесовский Ф.И. Свадьба народа коми. Сыктывкар, 1968. С. 36-37.

В качестве следующего аргумента, доказывающего родство русских лальской, лоемской и соседствующих с ней коми традиций, укажем на то обстоятельство, что записи свадебных причитаний П.И. Чисталева из Поруба (1960 г.)¹ и А.К. Микушева из Занулья (1963 г.)² представляют собой русскоязычные тексты. Объяснить их появление в традиции простым заимствованием нельзя, и это убедительно продемонстрировала музыковед А.А. Шергина в исследовании напевов коми обрядовых причитаний: «Основное различие коми и русских обрядовых причитаний заключается в разности принципов координации напева и текста; <...> оттолкнувшись от одного исходного интонационного материала, коми и русские причитания развивались разными путями, предначертанными особенностями национальных языков. <...> В коми плачах и причитаниях не выработались определенные каноны ритма (как в русских – Е.Ш.); в них <...> царит импровизационность».³ Развивая эту мысль, можно предположить, что анализируемые тексты, генетически восходя к свадебным причитаниям, воспринимались носителями коми традиции как тексты иной жанровой природы, но со сходным предназначением – быть средством выражения определенной обрядовой ситуации. Даже те немногочисленные тексты причитаний, записанные от коми исполнителей Занулья и Поруба, представляют собой не импровизационные тексты, а тексты с устойчивым набором стереотипных формул, воспринятые коми традицией подобно тому, как были освоены в ней русские песни.

В «донорской» лузской (лальской) фольклорной традиции четкое различие исполнителями «плаканья» и «песни» снимает проблему определения жанровой принадлежности того или иного поэтического текста. О сложности вопроса жанровой отнесенности тех или иных текстов в фольклоре может свидетельствовать, например, проблема дифференциации филологами-фольклористами коллективной причеты и так называемой «элегической предвенечной песни» (термин И.М. Колесницкой). Суть проблемы заключается в том, что и причитание, и элегическая предвенечная песня имеют одинаковую форму исполнения (исполняется хором девушек), одинаковую обрядовую закрепленность (исполняются в довенечной части обряда, в период просватания), одинаковую функцию (призваны разжалобить, *расклевить* невесту) и даже одинаковое поэтическое содержание. Лишь музыкальная

¹ ФФ ИЯЛИ. 1960, Рул. 70-71. Зап. П.И.Чисталева. Прилузский район, Спаспорубский с/с, с.Поруб.

² НА Коми НЦ. Ф.1. Оп. 11. Ед.хр. 226. Сысольско-Лузский фольклор (Материалы фольклорной экспедиции 1963 г.). Зап. А.К. Микушева; Прилузский район, с.Занулье, Мокиева Анна Афанасьевна, 1914 г.р., Хотомова Вера Николаевна, 1886 г.р.

³ Шергина А.А. О влиянии русской культуры на развитие обрядовых причитаний коми // Идеино-эстетическое взаимодействие коми фольклора и литературы с культурой народов СССР: Труды Института языка, литературы и истории. Вып. 35. Сыктывкар, 1985. С. 83-84.

форма текста и рефлексия носителей традиции, выражающаяся в терминологическом разграничении, способствует дифференциации данных жанров и определению конкретного текста либо как причитания, либо как песни.

Фольклорные традиции Лоймы, Спаспоруба и Зануля, где отсутствует такая дифференциация поэтических текстов на терминологическом уровне, тем не менее позволяют выяснить функциональную специфику текстов, имеющих «родственников» в русской традиции бассейна р.Лузы в Кировской области. Приведенный ниже текстологический анализ наглядно подтверждает эту мысль.

Центральной темой причитаний, исполняемых на плаканье, является «прощание с девьей красотой». Отсутствие записей в коми деревнях Прилузья позволяет сопоставить лишь лоемские и лальские тексты, обнаруживающие высокую степень близости. Единственная запись А.К. Микушева из Зануля – причитание, обращенное к крестной невесты с просьбой взять в «белые рученьки» «частый ровенький гребешок», расчесать «русу косу, девичью красоту», заплести «ленту алую», завязать «три узла, три немецкие» (НА Коми НЦ. Ф.1.Оп.11, Ед.хр. 226). Полные текстовые совпадения обнаруживаются на русской Лузе с той лишь разницей, что императив адресован не к крестной, а к подружкам невесты.

Большая часть прилузских причитаний, обращенных к родителям невесты, начинается формулой «[С]лучилось ([с]лучился) во тереме». Такой зачин открывает и причитания при благословении, и послебанные причитания. Ср.:¹

Поруб:

*Случилось ли во тереме да,
Мой родимой батюшко,
Мой родимой батюшко,
Да [случилось ли] во высоко[м],
Да [случилось ли] во высоко[м]
Моя родимая матушка,
Моя родимая матушка»* (ФФ ИЯЛИ. Рул. 70, № 20);

Занулье:

*Лучилось ли во высоко,
Ручилась ли во тереме.
Ты родимой мой батюшко да,
Отдаёшь да меня, бросаешь.
Ок, ок, ой!... (НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.1.Оп.11, Ед.хр. 226)*

Лойма:

*Лучился ли во тереме
Мой родимой батюшко,
Да моя родимая маменька,
Мне-ка дайте благословеньца
Да на чужую сторонушку...
(ФА СыктГУ. 1319-57)*

*Мучился ли во тереме
Да мой родимый батюшко,
Моя родимая маменька,
Вынеси, родимый батюшко,
Мне стакан да зелена вина.
Да угорела головушка
После белые банюши,
После теплые (паруши).
(ФА СыктГУ. 1319-45)*

В лальской традиции причитание с зачином «Случилось во тереме» исполнялось после бани в доме на мосту (сенях): *Потом к невесте шли в дом. В дом, на мосту ревели еще* (ФА СыктГУ. 2046-16), *Летом ли, зимою, в коллidoraх <...> собираются, ревут* (ФА СыктГУ. 2024-37). И так же, как в Лойме и Спаспорубе, следующим композиционным элементом данного плаканья является сюжетная тема с инципитом «Угорела головушка»:

*Угорела головушка да со угару великова, / О, со угару великова.
Да призадохлося сердечико, / О, призадохлося сердечико
Да со точки, да со кручинушки, / Ох, со точки, да со кручинушки,
Да со великие печалюшки, / Ох, со великие печалюшки.
Да прищипало у молодёшеньки, / Ох, прищипало у молодёшеньки
Да мои резвыё ноженьки, / Ох, мои резвыё ноженьки,
Да прищипало белы рученьки, / Ох, прищипало мои белы рученьки
(ФА СыктГУ. 2024-38)*

*Да после тёплью паруши, / После тёплью паруши,
Да после чистые банюши, / После чистые банюши
Да зажало сердечико, / Зажало сердечико,
Да заболели резвы ноженьки, / Заболели резвы ноженьки.
(ФФ ИЯЛИ. Рул. 71, № 7)*

Испрошение благословения в причитании с зачином «Случилось во тереме» демонстрирует родство исследуемых традиций наличием достаточно редкой для других районов Русского Севера¹ темы значимости родительского благословения:

¹ Близкий вариант удалось обнаружить только в Чердыне:

*Ведь мне ваше благословеньце -
На чужой-то да дальней стороне
Оборонушка будет великая:
Изо дна же да моря вынесет,
Из темна же да лесу выведет
И от злых людей сохранил меня.* (Киреевский. С.41-42. № 108. Чердынь).

¹ Курсивом выделены дословные совпадения или лексико-семантические варианты анализируемых текстов

Лойма:

Случилось во тереме
[...].
Мне ведь ваше *благословеньице*
Оно нужно, да шибко надобно [...]
Как ведь ваше *благословеньице*
Из синя да моря вынесет,
Из темна да леса выведет.
Как ведь ваше *благословеньице*
Мне от дождичка – кровелька,
Да мне от ветра – притульицо,
Да от лихих людей – заслоньицо
Да от семьи да заговорьицо.
(ФА СыктГУ. 1316-13,20, 1319-57)

Лальск:

Да меня ваше *благословеньице*,
Да меня ваше *великое*
Да из синя да моря вынесёт,
Да из темна да леса выведёт
Мне ведь ваше *благословеньице* –
Великое заступницо,
От люта звиря оборонушка / спаса,
От лихих людей заслоньицо / засловьицо / заговорьицо,
От буйна ветра заградушка / притульице.
(ФА СыктГУ. 20104-44; 2029-115, 20127-5, 2029-115 и др.)

Только в лоемских записях теме значимости родительского благословении предшествует следующая формула-обращения к отцу:

Мой родимой ты батюшко,
Ты прими-ко моё сдарьицо,
Не с огнём да я к тебе иду,
Да я иду да молодёшенька,
Да со своим да малым сдарьицом,
Да со своим да рукодельицом.
Да мой родимой ты батюшко,
Да мне-ка дай да *благословеньица*,
Да на чужую-ту сторонушку...
(ФА СыктГУ. 1316-20).

Данный фрагмент текста причитания четко указывает на место этого причитания в обряде – исполнялось в обряде даренья, который предшествовал отправке молодых к венцу.

Более наглядной иллюстрацией единства традиций бассейна р. Лузы может служить сходство обрядового элемента невестинной бани (*белой бани*) и сопровождающих его поэтических текстов. Лоемский вариант обряда

Занулье:

Ты, родимой мой батюшко,
Мне-ко дай да *благословенничё*,
Благословенничо великое,
Мне твоё-то *благословенничо*
Мне *шибко* да *нужно-надобно*
Из темна да леса выведёт,
Из синя да моря выкачёт.
(НА Коми НЦ УрО РАН.
Ф.1.Оп.11,Ед.хр. 226)

белой бани кратко описан Ф.И. Плесовским: «В Лойме – после бани снова причитают «Спасибо ко спасибо, моя белая банюшка...». Около дома стелют скатерки, платки и т.п. друг на друга, невеста становится на колени и кланяется до земли (на платок), начинает класть поклоны: «Первый да поклон положу красному солнышку», второй – месяцу, третий – частым звездочкам, затем – родимому батюшке, матушке «за здравие великое», затем обращается с просьбой открыть двери: «Любимая сношенька, отвори двери» и т.д. Если долго не выходят встречать, причитает «Угорела де головушка», просит вынести вина, пива, водицы ключевой, жалуется: «В этом доме непалосся желанного» (исполняется все это невестой с распущенными волосами, независимо от того, какая на улице погода, хоть в лютой мороз)¹. Отмечу, что в этом описании Ф.И. Плесовский называет по первой строке тексты, которые исполнялись в данном обряде.

Записи банных причитаний прилузских традиций, которыми мы располагаем, содержат устойчивый набор сюжетных тем, почти дословно совпадающих с лальскими текстами, – это «благодарность бане» и «обращение невесты к бане с просьбой разрушиться».

Ср. «благодарность бане»:

Поруб:

Спасибо-поспасибо, моя *тёплая паруша*,
Моя *тёплая паруша*,
Да моя чистая банюша, / Моя чистая банюша.
«Я *топила-курилася*, / Я *топила-курилася*
Да без дыму *кудряво*, / Да без дыму *кудряво*,
Да без чаду *зелёново*, / Да без чаду *зелёново*,
Без [...] *ядрёново*, / Без [...] *ядрёново*».
(ФФ ИЯЛИ. Рул. 71, № 6)

Занулье:

Моя *теплая да паруша*,
Ты *топилась-курилася*,
Ты без чаду *зеленого* да
Без дыму *кудрового*.
Истопила мне-ка подруженька
Мне теплую-то парушку,
А пришли да меня не томи [...]
Спасибо-поспасибо,
Моя *теплая парушка* [...]
(НА Коми НЦ. Ф.1.Оп.11,
Ед.хр. 226)

Лойма:

Спасибо тебе, белая банюша,
Моя *тёплая паруша*,
Да помыла, попарила,
Во своем роду не первая,
На веку да не последняя,
При честной да дивьей красоте,
Да я при вольной-то волюшке,
На родимой сторонушке,
У родимова батюшки,
У родимые маменьки [...]
(ФА СыктГУ. 1319-44)

Лальск:

И спасибо тебе, поспасибо
Да (И) тебе, белая банюш(к)а, (2).
Да я помылась, попарилась
И на своем роду не впервые,
Да на веку я не в последниё.
И уж я только в последниё
Да при честной да девьей красоте,
И я при вольной-то волюшке
Да на родимой сторонушке,
И у родимого батюшки,
Да у родимые матушки.
(ФА СыктГУ. 2036-9а).

¹ Плесовский Ф.И. Свадьба народа коми. С. 54.

Ср. «обращение невесты к бане с просьбой разрушиться»:

Поруб:

После моево умываньца
Да *роскотися, тёпла паруша*, / Роскоти-
ся, тёпла паруша,
Да по старым-то местичкам, / Да по старым-то местичкам,
По старым да по кореньцам, / По старым да по кореньцам.
Да после моево умываньца, / Да после моево умываньца
На своём роду не первыё, / На своём роду не первыё,
Во девицах последнё.

(ФФ ИЯЛИ. Рул.71, № 6).

Лальск:

Да *раскатися*, бела банюша,
И по единому бревёшечку,
Да разойдётся брёвнышка,
На стары-прежны *пенёчики*
Да раскатися, сера *каменка*,
И разойдётся, камешочки,
Да на *заполья* широкиё,
На *стары-прежныё ямочки*
(ФА СыктГУ. 2045-16)

Еще одним примером «совпадения» являются причитания, главными темами которых были следующие: обращение к родителям с просьбой «не отдавать молодёшеньку»; сетование на то, что отец невесты «обзарился» на «широкую вотчину» жениха или на самого «крепкова дети-нушка». Большое место в тематике причитаний уделяется кореню жениха, его рода и всей чужой стороны. Невеста укоряет отца за то, что он «обзарился» «на деньги ленилые, на сусеки стоялые» (НА Коми НЦ. Ф.1. Оп.11, Ед.хр. 226). В противовес идеализированному изображению достатка, характерному для свадебных лирических жанров, в лальском причитании рисуется в гиперболическом виде бедность жениха:

У *чужова да у чуженина*
Да у ёво двор как *меклиница*,
У его изба да как *ведь стрильница*.
У их дров-то не водится,
Чурка-палка катается,
По подлавам зайчи бегают,
Да и в углах да *пташки летают*.
У их *оконницы пучинные*,
У их люди *кручинные*...

(ФА СыктГУ. 2045-19а)

Зануль:

Рёскатися, тёпла паруша,
По *сукому-то по бору*,
Да по своим-то *пенничкам*,
Да по своим да по *коренничам*.
Рёзвалися, моя камянка,
По чистому-то по *полю*,
По чистому-то по *полю да*
По своим-то *ямочкам*.

(НА Коми НЦ УрО РАН.
Ф.1.Оп.11, Ед.хр. 226)

Лойма:

Раскатись-ко, бела банюша,
Раскатись-ко, *белокаменка*,
По чистому *полюшку*,
По старым по *ямочкам*.
(ФА СыктГУ. 1316-5)

Близким лальскому в изображении бедности жениха является текст из Зануль:

У *чужого-то чуженина* [...] *Двор-от стрильница да*
Изба-то мякинница,
Изба-то мякинница да
Оконочки холожные (пучинные).
(НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.1. Оп. 11, Ед.хр. 226).

Отрицательными характеристиками в занульских причитаниях наделяется внешность жениха: он укоряется за маленький рост: «Чужек чуженин / На ногах высок кажется, / На ногах-то высок кажется да / Под ногами-то колодочки» (НА Коми НЦ. Ф.1.Оп.11,Ед.хр. 226)¹ и за неряшливость, неумытость: «У чужого-то чуженина / Сажи-то под носом» (НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.1.Оп.11,Ед.хр. 226).²

Итак, сопоставив лишь некоторые фрагменты свадебной обрядности русских (лальской и лоемской) и коми (спаспуробской и занульской) традиций, можно с определенной долей уверенности утверждать их генетическую близость. Это нашло отражение в структуре ритуала, тематических и функциональных схождениях поэтических текстов, в обрядовой терминологии. Безусловно, исследование характера и специфики взаимодействия русских и коми культурных традиций Русского Севера далеко не исчерпано, и наблюдения, представленные в данной работе, только один из шагов на пути к разрешению этого вопроса.

Т.В. Шмелева
(Великий Новгород)

Имена городских улиц как предмет лингвистического интереса

Имена новгородских улиц – это сюжет, объединяющий нас с Лидией Яковлевной Петровой: на конференции, посвященной памяти В.П. Строговой, проведенной во многом усилиями Лидии Яковлевны, мы обе рассуждали об этом³; мне пришлось сменить ее в Топонимической комис-

¹ В лальской традиции за маленький рост укоряется не жених, а невеста: «Курице до холки, свиные до лодыжки» (МГУ. Т.28. № 216)

² Неряшливость, неумытость в лальской традиции – характеристика сватьи (см.: Швеценко Е.А. Корильные песни сватье в Лужском районе Кировской области // Традиционная культура: Научный альманах. М., 2000. № 2. С. 90-97) и свадебного поезда жениха («немытые головы», «кулаки возгрёватыё», «волосы хохловатые», «бороды соплеватые» (ФА СыктГУ. 2073-17, 0121-18, 20125-15, 2069-61,62,63).

³ Петрова Л.Я. О функционировании возвращенных названий улиц Великого Новгорода // Топонимия и диалектная лексика Новгородской земли: Материалы Межд. науч. конф. «Историческая топонимика Великого Новгорода и Новгородской земли»

сии Великого Новгорода. Это дает право предложить в сборник, посвященный ее памяти, материал об именах улиц, позволяющий вспомнить Лидию Яковлевну и обсудить важную проблему в обозначенном аспекте.

Какой материал для обсуждения проблемы дает город, в котором Лидия Яковлевна трудилась свои последние годы? Ситуация в Великом Новгороде сложилась таким образом, что имена улиц вот уже более полутора десятилетий остаются в центре внимания горожан и городских средств массовой информации. Решением Новгородского городского Совета народных депутатов от 12.09.1991 г. были переименованы 40 улиц исторической части города. Этому предшествовала большая работа историков, направленная на выявление досоветских наименований по материалам летописей, планов города и других исторических документов. Старинные названия сегодня составляют предмет гордости новгородцев, поскольку оказываются «зримым» свидетельством древности города и уникальности его ономастикона, в то же время они нарушают привычки новгородцев, вносят в их языковой быт неясности и даже несуразности. Поэтому проблема переименованных улиц до сих пор относится к активно обсуждаемым в городе. Об этом говорит появление статей в прессе¹, публикация учебного пособия, посвященного этой проблеме². Может быть, наиболее показателен тот факт, что ее использовал в своей избирательной кампании один из кандидатов в городскую Думу, издав специальный буклет, который можно рассматривать и как словарь имен улиц³; значит, по мысли кандидата, проблема относится к тем, что могут вызвать эмоции горожан и расположить их к нему.

Что же составляет суть проблемы? Дело в том, что возвращенные имена улиц различны по грамматической природе и лексической семантике. Лидия Яковлевна в своем выступлении на уже упоминавшейся конференции разделила их на шесть групп «по происхождению»:

- 1) притяжательные прилагательные с суффиксами *-ов, -ин*: *Чудинцева улица, Лукина улица, Маницына*;
- 2) «йотовые» притяжательные прилагательные: *Людогоща улица и Розважа*;
- 3) существительные: *улица Рогатица, Газон*;
- 4) полные прилагательные: *Великая улица, Нутная, Козьмодемьянская*;
- 5) конструкция с родительным падежом: *улица Бояня*;
- 6) двойные названия: *ул. Мусы Джалиля-Духовская, ул. Мерецкова-Волосова, ул. Тимура Фрунзе-Оловянка*, «ставшие своеобразной уступ-

(13-15 ноября 2001). Великий Новгород, 2001. С. 29-32; *Шмелева Т.В.* Древние топонимы в современной городской среде // Там же. С. 32-35.

¹ *Хлебников С.* Дума доктора Моро // Новая новгородская газета. 2004. 1 сент.

² *Орлова Е.О.* Картина мира в названиях улиц Великого Новгорода. Великий Новгород, 2002. 76 с.

³ *Афанасьев А.В.* Равнение на поколение победителей. Великий Новгород, 2006.

кой горожанам, болезненно воспринявшим возвращение древних названий улицам, названным в честь героев Отечественной войны»¹.

Л.Я. Петрова показывает, что эти типы по-разному относятся к тому, что специалисты называют *топонимная формула имени*, – порядок следования топонима и сопутствующих терминов². По отношению к именам улиц выработалось три формулы:

- термин + существительное в родительном падеже (*улица Ленина*),
- прилагательное + термин (*Ленинский проспект*),
- термин + склоняемое существительное (*улица Волхонка*).

Совершенно очевидно, что ни одной из них не соответствует последний тип – двойных наименований. Однако и наименования с притяжательными прилагательными введены с отступлением от формулы: *ул. Чудинцева* вместо *Чудинцева улица*, что создает впечатление, что перед нами формула с родительным падежом, которая в советском городе явно преобладала над другими.

По мнению Л.Я. Петровой, за прошедшие со времени возвращения десять лет (1991–2001) имена улиц вошли в речь новгородцев. Она перечисляет те виды текстов, где без обращения к ним не обойтись: реестр остановок транспорта, по которому водители автобусов и троллейбусов должны объявлять остановки; реклама; материалы местной прессы; устные выступления руководства города и журналистов радио и телевидения. Наблюдения за перечисленными текстами позволили Л.Я. Петровой представить типологию ошибок в использовании имен улиц. Это несоблюдение формульности, несклонение имен улиц, неправильное произношение и ударение, наконец, использование упраздненных названий. Всё это затрудняет «вживание» возвращенных имен в топонимическую систему современного Новгорода, а между тем (здесь она цитирует Д.С. Лихачева), «возрождая историко-культурную преемственность в топонимии, мы возвращаем тем самым культурные ценности наших народов, протягиваем связующие нити от настоящего к прошлому и от прошлого через настоящее к будущему»³.

Такова картина возвращения имен новгородских улиц глазами Л.Я. Петровой. Хотелось бы обратить внимание на то, что интерес, который она проявила к обсуждаемым именам, как собственно лингвистический (это взгляд историка языка, видящего притяжательное прилагательное в названиях *Розважа, Бояня*), так и социолингвистический (оценка названий, соответствия их топонимным формулам, функционирования их в самых разных текстах городской словесности). Именно эти разные стороны лингвистического интереса к именам улиц и хотелось подчеркнуть, вынося мысль об этом в название работы. Особенно важно, что Л.Я.

¹ *Петрова Л.Я.* Указ. соч. С. 30-31.

² *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд. М., 1988. С. 136.

³ *Петрова Л.Я.* Указ. соч. С. 32.

Петрова не только анализировала имена улиц в разных аспектах – ономастическом, историческом, нормативном, но и заняла активную позицию в продвижении результатов своего анализа в решения по поводу наименования улиц.

Как член городской Топонимической комиссии, Л.Я. Петрова участвовала в подготовке изменений и уточнений в списке возвращенных имен (Протокол городской Топонимической комиссии от 3.12.98 и 22.01.99¹), однако не все предложения комиссии были приняты, о чём с сожалением и горечью говорила она на конференции. Более того, в окончательном списке названий улиц, утверждённом мэром², оказались двойные названия, против которых так возражали лингвисты, неформальные обозначения, неправильные ударения.

Почему в Великом Новгороде так происходит? В поисках ответа на этот вопрос новгородцы разделились в своем отношении к именам улиц на несколько групп, интересы которых учитываются во властных структурах. Первыми должны быть названы инициаторы переименования, это в первую очередь историки, подготовившие материалы для возвращения имен и видевшие в этом торжество исторической справедливости. Их оппоненты – сторонники взгляда на имена улиц как на «хранителей» исторической памяти о героическом прошлом, им отказ от советских имен представляется кощунственной акцией, провоцирующей забвение тех, кто отдал свою жизнь за нашу жизнь и свободу. Городские власти очевидно склонны к компромиссу, стремясь примирить тех и других.

Удивительно, что никому из них не интересен обыкновенный горожанин, для которого имена улиц – это часть «языкового быта города». Именно лингвист может и должен представлять интересы горожан в подобных дискуссиях. Это и делала в Топонимической комиссии Л.Я. Петрова, стараясь гармонизировать нормативность и удобство наименований. В этом можно видеть одну их традиций петербургской лингвистики, ведь обращение к языку города, предложение изучать «языковой быт города» исходило от Б.А. Ларина³. Помимо улиц Л.Я. Петрову интересовали и другие городские топонимы, она руководила дипломными работами о наименованиях магазинов, фамилиях новгородцев.

Возвращаясь к именам улиц, следует отметить, что от их изучения к внедрению лингвистических представлений в практику наименований и переименований, а также преодоления сопротивления переименованиям лежит непростая дорога социальных взаимодействий во властных структурах, публикаций, общения со студентами и журналистами. Только лингвисту понятно, что сменить имя улицы – еще не вся работа, не-

обходимо трудиться над привитием норм его использования, пытаться воздействовать на языковые привычки горожан.

Хотелось бы привести несколько фактов, убеждающих в том, что у этой деятельности Л.Я. Петровой в Великом Новгороде есть продолжение. Ее коллега по кафедре В.Л. Васильев опубликовал монографию, одна из глав которой посвящена древним названиям улиц Новгорода¹, часть из них возвращена в современный город и таким образом превратилась в актуальную. На страницах этой работы, ставшей основой докторской диссертации автора, приведены документированные данные, свидетельствующие о деантропонимном происхождении имен, в частности *Людогоща*, *Розважа*, *Добрыня*, *Бояня*. Это научная основа для работы над нормативным употреблением городских топонимов, в т.ч. в студенческой и школьной аудитории. В прессе публикуются статьи о правильном использовании названий улиц, представляющих собой притяжательные прилагательные, в первую очередь наиболее часто употребляемого названия *Чудинцева улица*². Выносятся проблемы, связанные с именами новгородских улиц, на конференции, например Новгородика-2006³.

Рассматривая новгородскую ситуацию с наименованием улиц, хотелось бы не только ввести в сборник информацию о городе, где жила и работала Л.Я. Петрова, но и показать, что лингвист везде найдет применение своим знаниям и социальной активности, т.к. имена улиц и весь городской ономастикон⁴ – предмет лингвистического интереса. Деятельность Лидии Яковлевны в этом отношении может быть для нас не только поводом вспомнить её с благодарностью, но и примером для подражания. Можно не сомневаться, что проблема переименований касается любого города, и новгородский опыт в этом смысле представляет определенный интерес, в том числе и лингвистический.

¹ Васильев В.Л. Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). Великий Новгород, 2005.

² Шмелева Т.В. Как обращаться с Чудинцевой улицей, или Чудеса с окончаниями, падежами и прилагательными // Новгородские ведомости. 2007. №4. 16 января. Рубрика «Извините, вы ошибаетесь!»; Одной Чудинцевой сыт не будешь, или Немного о грамматике притяжательности // Там же. № 71. 30 мая. 2007.

³ Шмелева Т.В. Ономастический ландшафт Великого Новгорода // Новгородика-2006: Материалы науч. конф. (20-22 сент. 2006 г.) Великий Новгород, 2007. Ч.1. С. 132-140.

⁴ Шмелева Т.В. Новгородский ономастикон // Слово и фразеологизм в русском литературном языке и народных говорах: Межвуз. сб. науч. тр. Памяти Николая Ивановича Лаврова. Великий Новгород, 2001. С. 187-193.

¹ Орлова Е.О. Указ. соч. С. 69-71.

² Там же. С. 72-73.

³ Ларин Б.А. К лингвистической характеристике города (1928) // Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. М., 1977. С. 189-199; Ларин Б.А. О лингвистическом изучении города (1926) // Там же. С. 175-189.

Сокращения

АОС	Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г. Гецовой. Вып. 1–12. М., 1980–2004.	РНБ	Российская национальная библиотека (г. Санкт-Петербург)
БАН	Библиотека Академии наук СССР (Библиотека Российской Академии наук) (г. Санкт-Петербург)	СВГ	Словарь вологодских говоров / Ред. Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина. Вып. 1–12. Вологда, 1983–2007.
БАС	Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948-1965.	СГРС	Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. Т. 1–3. Екатеринбург, 2001–2005.
БЛДР	Библиотека литературы Древней Руси	СРГК	Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб., 1994–2005.
БТС	Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.	СРГНП	Словарь русских говоров Низовой Печоры / Под ред. Л.И. Ивашко. Т. 1-2. СПб., 2003-2005.
ГИМ	Государственный исторический музей (г. Москва)	СРГС	Словарь русских говоров Сибири: В 5 тт. / Под ред. А.И. Федорова. Новосибирск, 1999-2006.
Даль	Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1981.	Срезневский	Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 тт. СПб., 1893-1912. Репринтн. изд. М., 1989.
ИРЛИ РАН	Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (г. Санкт-Петербург)	СРНГ	Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина. Вып. 1-23. М.; Л., 1965-1989; Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Сороколотова. Вып. 24-40. Л. (СПб.), 1990-2006.
КИАХМ	Каргопольский историко-архитектурный и художественный музей (г. Каргополь)	СРЯ	Словарь русского языка. В 4 т. М., 1985.
КСРГК	Картотека Словаря русских говоров Республики Коми, хранящаяся на кафедре русского и общего языкознания Сыктывкарского государственного университета.	ССКЗД	Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Сост. Т.И.Жилина, М.А. Сахарова, В.А. Сорвачева. Сыктывкар, 1961.
МАС	Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1984-1986.	ССРЛЯ	Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948-1965.
НА Коми НЦ	Научный архив Коми научного центра УрО РАН	СЧГ	Герасимов М.К. Словарь Череповецкого уездного говора. СПб., 1910.
НМ РК	Национальный музей Республики Коми (г. Сыктывкар)	ТОДРЛ	Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом): В 59 т. М.; Л. (СПб). 1932-2009.
НОС	Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1–13. Новгород, 1992–2000.	Ушаков	Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова: В 4 т. М., 1996.
Ожегов	Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1978.	Фасмер	Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. СПб., 1996.
Ожегов, Шведова	Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997.	ФА СыктГУ	Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета
ОСВГ	Областной словарь вятских говоров / Под ред. В. Г. Долгушева и З. В. Сметаниной. Вып. 1–4. Киров, 1996–2006.	ФСРЛЯ	Фразеологический словарь русского литературного языка / Сост. А.И. Федоров. Т. 1-2. М., 1997.
ПЛДР	Памятники литературы Древней Руси		
ПОС	Псковский областной словарь с историческими данными / Редкол. Б. А. Ларин и др. Вып. 1–17. СПб., 1967–2005.		
РГБ	Российская государственная библиотека (г. Москва)		

ФСРЯ	Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М., 1986.
ФФ ИЯЛИ	Фольклорный фонд Института языка и литературы Коми научного центра УрО РАН
Черных	Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 1994.
ЭССЯ	Этимологический словарь славянских языков: Пра-славянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 1-33. М., 1974-2007.
ЯОС	Ярославский областной словарь / Ред. Г. Г. Мельниченко и др. Вып. 1-10. Ярославль, 1981-1991.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список трудов Л.Я. Петровой

1. Отступления в написании редуцированных *ъ* и *ь* в русской рукописи XI в. // *Материалы XXVI науч. студ. конф.* Тарту: Изд-во Тартуского государственного университета. 1971. С. 97-100.
2. Краткая характеристика рукописи XI в. (ГПБ Q п. I. 16) // *Материалы научной конференции студентов филологического факультета ЛГУ. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1972. С. 52-54.*
3. Лексическое варьирование в древней рукописи (XIII Слов Григория Богослова, XI в.) // *Международный симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии: Тезисы докладов. М., 1984. С. 84-85.*
5. Редуцированные гласные в русской рукописи XI в. // *Вестник ЛГУ. 1985. № 9. С. 77-81.*
4. Лингвистическое исследование рукописи XI в. XIII Слов Григория Богослова (ГПБ, Q. п. I.16, XI в.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1985. 16 с.
6. Семантические и структурные особенности микропонимии Усть-Цилемского района Коми АССР (названия сенокосных угодий) // *Севернорусские говоры в иноязычном окружении. Сыктывкар, 1986. С. 156-162.*
7. Семантические различия лексических вариантов как средство определения древности первых славянских переводов // *Литературный язык Древней Руси. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. С. 109-115.*
8. К вопросу о лексическом варьировании в древнем литературном языке славян // *Ядерно-периферийные отношения в области лексики и фразеологии (на материале русского языка): Республ. межвуз. науч. конф. (20-23 мая 1991 г.): В 2 Ч. Ч. 1. Великий Новгород, 1991. С. 99-101.*
9. Из севернорусской лексики материальной культуры (*мостина, мостинка*) // *Слово и фразеологизм в русском литературном языке и народных говорах: Межвуз. сб. науч. тр. Великий Новгород, 2001. С. 128-134.*
10. К проблеме определения значения слов предметно-бытовой лексики в областных словарях (на примере названий корзин в псковских и новгородских говорах) // *Псковские говоры (Псковский областной словарь и актуальные проблемы региональной лексикографии). Псков, 2001. С. 168.*
11. О функционировании возвращенных названий улиц Великого Новгорода // *Топонимия и диалектная лексика Новгородской земли: Материалы межд. науч. конф. «Историческая топонимика Великого Новгорода и Новгородской земли» (13-15 ноября 2001 г.). Великий Новгород, 2001. С. 29-32.*

12. Из лексики названий корзин в новгородских говорах (*верейка, веренька*) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 1999. СПб.: ИРЛИ РАН, 2002. С. 166-171.

13. Названия корзин на территории бывших новгородских пятин // Духовная культура Севера: итоги и перспективы исследования: Мат-лы конф. (2-4 ноября 1998 г.). К 10-летию научной деятельности ПНИЛ ФАИ СыктГУ. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского университета, 2002.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акимова Эльвира Николаевна, канд. филол. н., доц., проф. кафедры русского языка Мордовского государственного университета, г. Саранск

Бакланова Ирина Ивановна, канд. филол. н., доц., зав. кафедрой русского языка Пермского государственного педагогического университета

Батулина Анна Валерьевна, канд. филол. н., и.о. доц. Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого

Берневега Светлана Ивановна канд. филол. н., доц. кафедры русского и общего языкознания Сыктывкарского государственного университета

Бунчук Татьяна Николаевна, канд. филол. н., доц. кафедры русского и общего языкознания Сыктывкарского государственного университета

Вишнякова Александра Валерьевна, студентка Гуманитарного института Череповецкого государственного университета

Власов Андрей Николаевич, д-р филол. н., в.н.с. отдела народно-поэтического творчества ИРЛИ РАН (Пушкинского Дома), г. Санкт-Петербург

Волкова Татьяна Федоровна, канд. филол. н., доц. кафедры русской и зарубежной литературы Сыктывкарского государственного университета

Вуттке Николай Анатольевич, канд. филол. н., зав. кафедрой иностранных языков естественно-научных специальностей Сыктывкарского государственного университета

Глебо Галина Ивановна, канд. филол. н., доц. кафедры русского и общего языкознания Сыктывкарского государственного университета

Зеленин Александр Васильевич, д-р филол. н., лектор кафедры русского языка и культуры Тамперского университета (Финляндия)

Зубова Жанна Арнольдовна, канд. филол. н., доц. кафедры русского языка Орловского государственного университета

Ильина Юлия Николаевна, канд. филол. н., ст. преп. кафедры русского и общего языкознания Сыктывкарского государственного университета

Канева Татьяна Степановна, канд. филол. н., рук. Центра фольклорных исследований Сыктывкарского государственного университета

Кобелева Ирина Арнольдовна, канд. филол. н., доц. кафедры русского и общего языкознания Сыктывкарского государственного университета

Коровина Надежда Степановна, канд. филол. н., с.н.с. отдела фольклора ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН

Костючук Лариса Яковлевна, д-р филол. н., проф. кафедры русского языка Псковского государственного университета им. С.М. Кирова

Кошарная Светлана Алексеевна, д-р филол. н., доц., проф. кафедры русского языка и методики преподавания Белгородского государственного университета

Милютина Тамара Александровна, канд. филол. н., адъюнкт Института восточнославянской филологии Опольского университета (Польша)

Михайлова Любовь Петровна, канд. филол. н., доц. кафедры русского языка Карельского государственного педагогического университета г. Петрозаводск

Мусанова Светлана Александровна, студентка филологического факультета Сыктывкарского государственного университета

Остапова Елена Васильевна, канд. филол. н., доц. кафедры коми и финно-угорской филологии Сыктывкарского государственного университета

Панюков Анатолий Васильевич, канд. филол. н., н. с. отдела фольклора ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН

Пименова Марина Васильевна, д-р филол. н., доц., проф., зав. кафедрой русского языка Владимирского государственного гуманитарного университета

Плехова Светлана Евгеньевна, выпускница филологического факультета Сыктывкарского государственного университета

Попова Анна Ростиславовна, канд. филол. н., доц. кафедры русского языка Орловского государственного университета

Прокуратова Екатерина Владимировна, канд. филол. н., директор Научной библиотеки Сыктывкарского государственного университета

Пюльзю Елена Арвидовна, асс. кафедры русского языка Карельского государственного педагогического университета, г. Петрозаводск

Романов Дмитрий Анатольевич, д-р филол. н., проф., зав. кафедрой русского языка и общего языкознания Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого

Русинова Ирина Ивановна, канд. филол. н., доц. кафедры общего и славянского языкознания Пермского государственного университета

Рыжова Елена Александровна, канд. филол. н., доц., зав. секцией журналистики кафедры русской и зарубежной литературы Сыктывкарского государственного университета

Савельева Галина Сергеевна, канд. филол. н., н.с. отдела фольклора ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН

Сальникова Елена Валентиновна, канд. филол. н., доцент кафедры иностранных языков экономических и юридических специальностей Сыктывкарского государственного университета

Семенова Ольга Ростиславовна, канд. филол. н., доц. кафедры русского языка и методики преподавания русского языка Челябинского государственного педагогического университета

Сергиева Наталья Станиславовна, канд. филол. н., доц., зав. кафедрой русского и общего языкознания Сыктывкарского государственного университета

Сироткина Татьяна Александровна, канд. филол. н., с. н. с. Пермского государственного педагогического университета

Старостина Евгения Владимировна, канд. филол. н., доц. Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

Тихомирова Наталия Павловна, канд. филол. н., доц. кафедры русского языка и общего языкознания Череповецкого государственного университета

Тулина Лариса Борисовна, ст. преп. кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Сыктывкарского государственного университета

Филиппова Валентина Викторовна, канд. филол. н., доц. кафедры коми и финно-угорской филологии Сыктывкарского государственного университета

Черванева Виктория Алексеевна, канд. филол. н., доц. кафедры общего языкознания и методики преподавания русского языка Воронежского государственного педагогического университета

Шевченко Елена Александровна, канд. филол. н., доц. кафедры русской и зарубежной литературы Сыктывкарского государственного университета

Шмелева Татьяна Викторовна, д-р филол. н., проф. кафедры журналистики Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого

СЛОВО И ТЕКСТ: ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ЭТНОС

**Сборник научных трудов
памяти Лидии Яковлевны Петровой**

Редактор С.Б. Свигзова

Корректор О.В. Габова

Верстка и компьютерный макет Н.Е. Чарковой

Обложка Т.А. Безбатицновой

Подписано в печать 23.06.2009. Печать ризографическая.

Гарнитура Arial. Бумага офсетная. Формат 60x84/16.

Усл.-печ.л. 15,8.

Заказ № 184. Тираж 150 экз.

ИПО СыктГУ.

167023. Сыктывкар, ул. Морозова, 25.

